

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА. ВЫП. XXVIII

СТРАНЫ и НАРОДЫ ВОСТОКА

ВЫПУСК

XXVIII

*Памяти
Юрия Васильевича Маретина
посвящается*

ACADEMY OF SCIENCES OF RUSSIA
RUSSIAN GEOGRAPHICAL SOCIETY
ORIENTAL COMMISSION

COUNTRIES AND PEOPLES OF THE EAST

General editor
M. N. BOGOLYUBOV
Academician of the Academy of Sciences of Russia

Vol. XXVIII
GEOGRAPHY. ETHNOGRAPHY. HISTORY. CULTURE.

Edited by B. A. Valskaya and Yu. V. Maretin

ST. PETERSBURG CENTRE FOR ORIENTAL STUDIES
1994

**АКАДЕМИЯ НАУК РОССИИ
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ**

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

**Под общей редакцией
академика Российской Академии наук
М. Н. БОГОЛЮБОВА**

**Вып. XXVIII
ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРА**

ЦЕНТР «ПЕТЕРБУРТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

1994

Редакционная коллегия:

Б. А. Вальская, Д. А. Ильин, А. Н. Ланьков, Ю. В. Маретин

Ответственные редакторы:

Б. А. Вальская и Ю. В. Маретин

Страны и народы Востока. Вып. XXVIII. География. Этнография. История. Культура. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994. — 328 с.

В сборнике продолжается традиционное направление этого издания, начатого еще в 1959 г. В нем преобладает жанр научной биографии путешественников-ученых: востоковедов, географов и этнографов. Публикуются ранее неизвестные материалы о жизни и деятельности Д. А. Ольдеротте, Е. П. Ковалевского, Н. Н. Миклухо-Маклая и др., а также публикуются статьи, освещающие малоисследованные вопросы истории востоковедения.

ISSN 0131-8934

© Центр «Петербургское Востоковедение», 1994
© Русское географическое общество, 1994

П. М. Мовчанюк

ПАМЯТИ ЮРИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА МАРЕТИНА

Если рассказать о том, чем занимался Юрий Васильевич Маретин, то перед нами предстанет удивительно многогранная личность: ученый, педагог, собиратель книжной коллекции, организатор науки. Он известен как популярный лектор и руководитель отдела Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого; Юрий Васильевич занимал важные должности в ленинградском обществе библиофилов, в Восточной комиссии Географического общества СССР. На его плечах лежала ответственность по руководству крупным отделом литературы стран Азии и Африки Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, большая составительская и редакторская работа, общение с авторами, выступления на многочисленных международных и отечественных конференциях и симпозиумах, в обществах и на семинарах, ученых и научных советах, в кружках и лекториях, и бесчисленные встречи с учеными, научными работниками, библиофилами, блокадниками и ветеранами, художниками, писателями и журналистами, студентами и аспирантами и просто знакомыми и друзьями. Для всех у Юрия Васильевича находилось время и доброе слово. Он был удивительно петербургско-ленинградский человек, патриот своего города и России.

Также многогранен Юрий Васильевич был и в науке: этнография, антропология, экономика, политология, культура, религиоведение, исторнография, книговедение, филология, библиография и др. — все присутствует в его творчестве, и это неудивительно, ибо Юрий Васильевич был прежде всего востоковед, а востоковедение, как известно, комплексная наука, предполагающая на базе хорошей языковой подготовки изучение смежных дисциплин. Не погрешу против истины, если скажу, что Юрий Васильевич был прежде всего индонезиеведом, ибо в большинстве случаев именно на фактическом материале этой страны были сделаны первые научные шаги и открытия, позволившие позже перейти к более широким региональным и типологическим

Ю. В. Мартин

обобщениям, снискавшим Юрию Васильевичу широкую известность в Советском Союзе и за рубежом.

Научное наследие Юрия Васильевича, так же как и его биография, вполне заслуживает углубленного изучения, ибо таковым был его вклад в науку. Я же в своей статье, не претендующей на всестороннее освещение его научной деятельности и трудов, остановлюсь лишь на характеристике Юрия Васильевича как ученого-востоковеда (он сам себя считал прежде всего, в первую очередь этнографом) и на его вкладе в отечественное индонезиеведение.

У А. И. Солженицына в повествовании в отмеренных сроках "Красное колесо", Узел I, "Август Четырнадцатого" есть такие строки: "Главный узелок нашей жизни, все будущее ядро ее и смысл, у людей целеустремленных завязывается в самые ранние годы, часто бес-

сознательно, но всегда определенно и верно. А затем — не только наша воля, но как будто и обстоятельства сами собой стекаются так, что подштытывают и развивают это ядро" (Звезда. 1990. № 9. С. 5). Прочитав эти преисполненные глубокого смысла слова великого писателя и гуманиста, я задал себе вопрос об этом "узелке" у Юрия Васильевича. Полагаю, что картина ленинградской художницы Л. Фроловой-Багреевой "Ленинградские библиофилы" (групповой портрет), написанная в 1981 г., дает в какой-то степени ответ на этот вопрос. На портрете изображены известные ленинградские библиофилы и среди них Юрий Васильевич. Перед склоненным над столом Юрием Васильевичем лежат две книги. Одна из них под названием "Блокада день за днем", а на обложке другой угадывается портрет индонезийца, вполне возможно, что даже первого президента Индонезии Сукарно, в характерном индонезийском головном уборе — пичи. Да, именно блокадные годы, выпавшие на детство и отрочество, сформировали "главный узелок его жизни": свободолюбие, свобода личности, независимость, обостренное чувство справедливости, сострадание к обездоленным и угнетенным, гуманизм. И через всю свою жизнь, будь то в науке или на службе, в общении с выше- или нижестоящими, Юрий Васильевич прошел как человек независимый, отстаивающий свои убеждения и взгляды, как человек с обостренным чувством собственного достоинства. Эти черты характера, не особо почитаемые и ныне, были жизнеполагающими для Юрия Васильевича. Не принимая их во внимание, трудно понять его научную и жизненную позицию.

Ю. В. Маретин родился 3 марта 1931 г. в Кронштадте, куда тяжелое лихолетье повальной коллективизации и массового раскулачивания забросило родителей. Подворье и хозяйство деда в Осьминском районе Ленинградской области было разорено. Сам он сослан в Сибирь, а по истечении срока ссылки местом проживания были определены Соловки. Старший сын, отец Юрия Васильевича, стал отходником, младший — рабочим на Колпинском металлургическом заводе. Во второй половине 30-х гг. родители Юрия Васильевича окончательно переезжают в Ленинград, и в 1939 г. он поступает в 321 школу, бывшую 1-ю гимназию.

Десятилетним пареньком встретил Юрий Васильевич Великую Отечественную. Чувство несправедливости и обиды перед надвинувшейся бедой сменилось готовностью и желанием к самопожертвованию во имя защиты города. Отец ушел добровольцем на фронт, а мать рыла окопы. Юрий Васильевич, как и многие другие ленинградские подростки — его сверстники, добивается того, чтобы его приняли в бригаду плотников, и занят он был в основном починкой крыш ленинградских домов. Начались героические будни блокады, которые Юрий Васильевич переживал с обостренным чувством формирующегося ха-

рактера. Как ни покажется странным, но именно блокадные годы обострили у него интерес к чтению, к книге. Уже тогда он стал собирать издававшиеся в Ленинграде книжки, которые стали основой его коллекции блокадной литературы. Страсть к чтению, как это часто бывает, побудила желание к тому, чтобы попробовать писать самому. Так появились его "Записочки о блокаде", своего рода рассказы рано повзрослевшего паренька об увиденном, услышанном и пережитом в блокадном городе. Тяжкие военные и трудные послевоенные годы подорвали здоровье юноши, развилась дистрофия сердца. Болезнь продолжалась почти целый год. Товарищи помогли перейти в десятый класс. А в 1950 г. Юрий окончил школу.

Развернувшееся после второй мировой войны в странах Азии национально-освободительное движение завершилось обретением независимости Индонезии (1945 г.), Вьетнама (1945 г.), Индии (1947 г.) и, наконец, образованием в 1949 г. КНР. Вполне закономерным представляется поступление Юрия Васильевича Маретина в 1950 г. на Восточный факультет Ленинградского государственного университета (отделение истории Китая кафедры истории стран Дальнего Востока). В то время на Восточном факультете трудилась целая плеяда всемирно известных востоковедов: И. О. Орбели, В. В. Струве, В. М. Алексеев, И. Ю. Крачковский, А. П. Баранников, Н. И. Конрад, Д. А. Ольдеропге, И. П. Петрушевский, М. Н. Боголюбов, Г. В. Ефимов и другие. Культурная и интеллектуальная атмосфера, царившая в стенах здания на Университетской набережной, 11, способствовала научным штудиям, располагала к творческим поискам. Здесь Юрий Васильевич впервые так глубоко и разносторонне соприкоснулся с Востоком, его иррациональностью и таинственностью, с теми учеными-педагогами, которые своими лекциями снимали этот покров таинственности. Учение, прилежное и самозабвенное, дополнялось общением с великими светочами востоковедных знаний, хранителями и продолжателями образованности, интеллигентности, научного бескорыстия и подвижничества во имя науки. Юрий Васильевич сполна воспринял от своих учителей востоковедные традиции, свято чтившиеся на факультете: трудолюбие, многочасовые бдения над книгой, самопожертвование во имя знаний, любовь к источнику и книге, самостоятельность в суждениях и отстаивание своей позиции, симпатии к народам и странам Востока и глубокое стремление к их познанию. Окончив факультет в 1955 г., Юрий Васильевич никогда не порывал с ним связи.

В 1955 г. Ю. В. Маретин был принят в аспирантуру Института этнографии АН СССР (ленинградское отделение), где предметом его изучения стала Индонезия. Этот выбор был далеко не случаен. Уже в начале 50-х годов процесс национально-социального освобождения в странах Юго-Восточной Азии стал особо привлекать внимание поли-

тических кругов и научной общественности в СССР. Возросшее на международной арене политическое и экономическое значение бывших колоний — Индонезии, Бирмы, Вьетнама, Филиппин — повлекло за собой установление дипломатических отношений с некоторыми из них, привело к открытию ряда новых специализаций в Московском и Ленинградском университетах, созданию в рамках Института востоковедения АН СССР сектора, а потом и отдела Юго-Восточной Азии. Благородные устремления первооткрывателя, первопроходца, а им Юрий Маретин, по сути дела, был всегда, в лице Индонезии нашли благодатную почву. Успешному становлению молодого исследователя индонезиеведом способствовали В. Г. Трисман, Л. Э. Каруновская и другие представители старшего поколения. Счастливым случаем стало знакомство с С. А. Болдыревой. Прочные семейные узы плодотворно влияли на творческий рост молодых ученых¹.

Юрий Васильевич сразу же устанавливает тесные научные связи со своими коллегами-индонезистами из Москвы, и в первую очередь с академиком А. А. Губером, начинателем изучения Юго-Восточной Азии в СССР. Творческие контакты с течением времени переросли в дружеские отношения. И, как неоднократно отмечал Ю. В. Маретин, обаяние этого удивительно доступного, доброжелательного, отзывчивого человека, его глубокая и всесторонняя эрудиция, научное бескорыстие, оказали на него благотворное большое влияние и как на ученого-востоковеда, и как на личность. А. А. Губер был первым официальным оппонентом на защите кандидатской диссертации Юрия Васильевича. В дальнейшем их научное сотрудничество продолжалось в процессе работы над редактированием фундаментального труда "Народы Юго-Восточной Азии", вышедшего в свет в 1966 г. Бывая в Ленинграде, А. А. Губер всегда становился желанным гостем Юрия Васильевича² и всячески поощрял его научные штудии. Их добрые отношения продолжались до самой кончины А. А. Губера в 1971 г. И я думаю, что справедливы слова известного востоковеда Ю. Н. Гаврилова, сказанные им в октябре 1990 г. на защите докторской диссертации Л. Л. Тайваном в Институте стран Азии и Африки МГУ о том, что "Юрий Васильевич Маретин был выдающимся учеником А. А. Губера".

Наряду с московскими учеными А. Б. Беленьким, Н. А. Симонией, О. П. Забозлаевой, Е. П. Заказниковой, Л. М. Деминим, Ю. А. Шоломовым и др. Юрий Васильевич стоял у истоков становления советского индонезиеведения, а создание ленинградской школы прямо свя-

---

¹ Ныне С. А. Маретина, доктор исторических наук, — известный в стране нидолог.

² В апреле 1966 г. я был очевидцем их душевного разговора. Тогда Александр Андреевич спрашивал о здоровье детей, а Юрий Васильевич показал ему памятную медаль в честь рождения сына Егора.

зано с его творческой деятельностью и именем. В конце 50-х—начале 60-х гг. он устанавливает творческие контакты с зарубежными востоковедными центрами, в первую очередь с голландскими. Творческая и личная дружба Юрия Васильевича с одним из крупнейших индонезистов — голландцем В. Ф. Вертхеймом продолжалась до самой кончины Ю. В. Маретина. Он поддерживал научные связи с индонезийскими учеными Аве, эмигрировавшим после 1965 г. в Польшу, Кунчаранингатом и Харшей Бахтияром. Необходимо упомянуть об общении Ю. В. Маретина с индонезийским профессором Усманом Эффенди, который в 1956—1960 гг. преподавал на Восточном факультете. Юрий Васильевич поддерживал многочисленные контакты с учеными-индонезистами из США, Австралии, Франции, Польши. В выпущенной в 1965 г. в США фундаментальной монографии "Введение в индонезийскую историографию" Ю. В. Маретин характеризуется как перспективный ученый в Ленинграде, пишущий об Индонезии [33, с. 296].

Активному и плодотворному изучению Индонезии в Советском Союзе в первой половине 60-х гг. способствовали быстро улучшавшиеся многосторонние связи между двумя странами. Росли взаимные контакты по линии АН СССР, крупных вузов. В Советском Союзе, в т. ч. и в Ленинграде, обучалась большая группа индонезийских студентов, аспирантов. В библиотеки поступала литература и периодика. В Индонезии с большим вниманием и интересом следили за работой советских индонезистов, печатали о них материалы на страницах индонезийской печати. Трагические события 1965 г., когда к власти пришли силы "нового порядка", прервали контакты, и только сейчас появилась надежда на их улучшение.

Научное наследие Ю. В. Маретина, как уже отмечалось, многогранно. Им написано свыше 150 работ по различным проблемам индонезийской этнографии, истории, экономики, историографии, искусству, культуре, религиям, политике, а также труды по общим проблемам теории общины, этноса, этнографии, региональной общности и т. п. [см.: 19, с. 334; 6, с. 210—211]. Многие труды Ю. В. Маретина отличаются фундаментальностью, высокой степенью научности и провиденциальным характером [1, с. 113; 5, с. 67, 97—98]. Оставилось лишь на некоторых направлениях научной деятельности ученого.

Свой путь в науке Юрий Васильевич начал с изучения общины одной из крупных народностей Суматры минангкабау. Первая его статья — "Отмирание пережитков материнского рода в семейно-брачных отношениях минангкабау" [8, с. 75—93], сразу же привлекла внимание исследователей. В 1961 г. она была опубликована в престижном научном голландском журнале "Бэйдраген". В качестве кандидатской диссертации в 1961 г. была защищена публикация "Об-

пина минангкабау и ее разложение" [9, с. 168—195]. Вполне логичным для такого типа ученого как Ю. В. Маретин было стремление перейти от частного к общему — изучению всей общины в Индонезии. В 1964 г. на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук Юрий Васильевич сделал научный доклад "Община и ее типы в Индонезии" [12, с. 326—351]. Предложенная им типология индонезийской общины выдержала испытание временем и стала существенным вкладом ученого в мировое индонезиеведение³.

Труды Юрия Васильевича по общине, во-первых, обратили внимание западных ученых на важность изучения различных аспектов этого социума в других частях Индонезии (монографии Кунчаранинграта, Бахтияра об общинах Бали, Явы, Ириан Джай [31; 35; 36], книги К. Гирца и Дж. Лансинга по балийской десе в 70-е—80-е годы [32; 34]), а во-вторых, показали всю сложность, неоднозначность, противоречивость этого многопланового организма и взаимосвязь, взаимообусловленность его отдельных частей. На протяжении всей творческой деятельности Юрий Васильевич неоднократно возвращался к различным аспектам общины. Так, в 1973 г. в соавторстве с С. А. Маретиной он опубликовал статью "Община у русских старожилов реки Баргузин, Восточная Сибирь (Полевые материалы к истории общины)" [23, с. 183—223]. В 1977 г. проблема общины рассматривалась в статье "Работы Н. И. Зибера по Индонезии и значение их для этнологии" [27, с. 149—162].

Подлинной энциклопедией народов Юго-Восточной Азии стала публикация в 1966 г. тома "Народы Юго-Восточной Азии" из серии этнографических очерков "Народы мира". Эту серию издавал Институт этнографии АН СССР. Том вышел под редакцией А. А. Губера, Ю. В. Маретина, Д. Д. Тумаркина и Н. Н. Чебоксарова. По существу, основная составительская и редакторская работа легла на плечи Юрия Васильевича. Он же был главным автором разделов по Индонезии.

Им написаны: 1. Общие сведения; 2. Исторический очерк; 3. Народы Суматры; 4. Народы Явы, Бали и Мадур; 5. Банджары, малайцы; 6. Культурная жизнь Индонезии. В соавторстве написаны разделы о языке и литературе и составлена научная библиография по

---

³ Необходимо отметить, что эта перспективная тема — проблема общины — была в центре научного внимания советских ученых в конце 50-х—начале 60-х гг. Появился целый ряд публикаций по общине Востока. И в этом направлении советские ученые занимали передовые рубежи в мировой науке. Однако потом интерес советских исследователей стал ослабевать, в то время как западные специалисты стали наращивать интерес к традиционным структурам. Дело в том, что община — сосредоточие и хранительница традиционных хозяйственных и культурных стереотипов, к некоторым из которых наша обществоведческая теория в то время относилась негативно, т. к. в науке преобладали установки на прямолинейность исторического процесса.

Индонезии — наиболее полная в то время [10, с. 411—413; 494—557]. На заседаниях редколлегии Юрием Васильевичем была предложена научно обоснованная концептуальная структура тома, что вывело работу за рамки чисто этнографического исследования и придало ей подлинно энциклопедический характер. Это совершенно уникальное по содержанию и форме издание, не имеющее аналогов за рубежом, и по достоинству, по-моему, в силу отношения к Юго-Восточной Азии как к периферии, не оцененное научной общественностью у нас до сих пор.

Такая широкая и глубокая панорама этнополитической картины в Индонезии логически подвинула Юрия Васильевича к новому уровню осмысления и обобщения этнической ситуации в колониальной и современной Индонезии, а также в развивающихся странах со сходной этнонациональной структурой. Ю. В. Маретин полагал, что для всей истории Индонезии, начиная с периода первых крупных политических образований и до настоящего времени, были характерны две тенденции: центробежная — к "сохранению, а иногда и углублению этнической раздробленности страны" и центростремительная — к сближению различных народов на базе общих элементов культуры, на основе общности целей в борьбе за государственную самостоятельность [15, с. 145—167]. Среди основных факторов национального процесса автор выделил роль индонезийского языка в качестве общенационального, на базе которого впоследствии развивалась и современная индонезийская культура [13, с. 182—218].

В цикле своих работ по этнонациональным проблемам Ю. В. Маретин показал, что многочисленные народы современной Индонезии находятся на разных стадиях экономического развития и представляют всю этническую шкалу — от самых низших до самых сложных, национальных форм, они вовлечены в динамический процесс этносоциального развития; далее в стране идет параллельный процесс, с одной стороны — естественной этнической консолидации отдельных этносов страны в народы, нации и некие сложные переходные общности, не имеющие пока адекватного терминологического определения; с другой — отчасти естественного, отчасти искусственного формирования общепонезийского единства. (Эта вторая тенденция имела ряд объективных оснований исторического, этноцентрического, отчасти экономического характера и поощрялась также всеми средствами со стороны правительства [15, с. 23—54; 16; 17, с. 145—231]).

Важное место в научном наследии Ю. В. Маретина занимало изучение этнонациональных процессов в регионе Юго-Восточной Азии. Он — один из авторов коллективной монографии "Юго-Восточная Азия: проблемы региональной общности", где им написана глава IV [17, с. 145—231]. Юрий Васильевич полагал, что Юго-Восточная Азия

представляет собой региональную целостность с присущими ей общими и специфическими чертами, в том числе и в сфере этнонациональных отношений. Он считал, что многообразие народов и культур в регионе говорит в пользу единства Юго-Восточной Азии, и обосновал свой вывод наличием общих черт в этнической истории многих народов региона, начиная с ранних этапов этногенеза и вплоть до наших дней; сходством экономических, отчасти политических и культурных условий их существования в прошлом; что самое расхождение этих народов в историческом, социально-экономическом и культурном плане происходило под влиянием сходных причин, протекало во многом по общим для данного региона законам и привело в ряде случаев к аналогичным результатам.

Особенное проявилось в предложенной ученым классификации региона на два этнокультурных субрегиона (материковый и островной), внутри каждого из которых он выделил провинции и субпровинции [17, с. 147]. Общее Юрий Васильевич видел в тесной сопряженности географического и этнокультурного факторов. Он полагал существенным для характеристики этносов деление народов Юго-Восточной Азии по географическим зонам как применительно к вертикальной зональности (население равнин, речных долин и морских побережий, средневысоких плато, высоких горных склонов), так и по степени изолированности и удаленности от морских и сухопутных торговых путей. В такой градации он видел в то же время целый комплекс этнокультурных особенностей народов, населяющих соответствующие зоны и территории [17, с. 147].

Для понимания современных этнонациональных процессов представляется важной констатация Ю. В. Маретиным того положения, что Юго-Восточная Азия по расово-антропологическому, этно-лингвистическому, социально-экономическому и культурному шпорализму занимает едва ли не первое место среди регионов земного шара, несмотря на наличие черт безусловной региональной общности и по этим признакам [17, с. 149]. Применительно к Юго-Восточной Азии ученый, пожалуй, впервые в советской этнографии так недвусмысленно подчеркнул роль антропологического фактора в этническом развитии народов региона.

Углубляя свои представления об полиэтничности региона, он видел ее проявления в том числе и во множественности языков, которые являются важнейшим этническим показателем. Основываясь на этом критерии, Юрий Васильевич типологизировал три основные группы стран. Во-первых, страны, где имеется крупный ведущий этнос, сосуществующий с рядом малых (Кампучия, Вьетнам, Таиланд, Лаос, Бруней). Язык ведущего этноса, по определению ученого, становится государственным, общенациональным, т. е. языком-макропосредником.

Во-вторых, страны не просто полиэтнические, но и многонациональные, в которых имеются развитые или формирующиеся нации со своими литературными языками и высокой культурой (Малайзия, Бирма, Филиппины). Для этих стран, подчеркивал Юрий Васильевич, остро стоит задача не столько выбора, сколько внедрения языка-макропосредника, которым может быть язык одной, господствующей нации. В-третьих, такие страны, как Индонезия, Сингапур, где языком-макропосредником становится не язык основной нации, а язык малого этноса, ибо именно этот язык в силу исторических причин оказывается средством межэтнического общения.

Научно привлекательным и плодотворным выглядит понимание Ю. В. Маретиным этноса. По его мнению, этнос — это специфическая социокультурная группа генетически и психологически близких между собой людей, образующая динамическую систему. "Этнос наглядно выражается антитезой "мы — они", т. е. это группа людей, которая знает свою особенность, отличие от другой группы по комплексу свойств" [17, с. 158]⁴. Юрий Васильевич рассматривал этнос как системное явление, предполагающее диалектическую взаимосвязь его основных свойств. Он же подчеркивал неодинаковую значимость отдельных свойств в разные периоды эволюции этноса. "Например, такой важный параметр, как общность территории, в начальной стадии формирования этноса имеющий этногенетический характер, в дальнейшем служит постоянным и очень важным сплачивающим фактором, но уже не этногенетического, а экономического и социокультурного плана; более того, этот фактор может не существовать, а этнос сохраняется еще длительное время" [17, с. 159]. И наконец, важное замечание ученого о том, что этнос представляет собой не просто динамическую, но и историческую систему. Все этносы имеют периоды становления (этногенез), развития и перехода в новое состояние — либо на новую ступень этнического развития, либо в новое качество (вследствие ассимиляции).

Ю. В. Маретин дал исчерпывающую стадийную типологию регионального этнического развития. В качестве ранней стадии он назвал соплеменность⁵, полагая, что племя — не этнос, а одна из форм социального развития [17, с. 160]. Вместе с тем он отметил и определенную условность этого термина применительно к этнической пестроте региона.

---

⁴ К числу главных свойств Ю. В. Маретин относит общность происхождения, языка, психологии, культуры, территории.

⁵ По его определению, соплеменность — это общность людей, основанная, как правило, на действительно общем происхождении. Социально они едины, их культура в целом тоже едина.

Следующей ступенькой в этнической иерархии он выделил "народности", которые в Юго-Восточной Азии складываются на основе различных племен, в том числе и довольно далеких друг от друга, в результате роста производительных сил, численного разрастания племен, социального расслоения внутри их. Юрий Васильевич считал нужным уточнить, что, как в случае с племенной стадией, под понятием "народность" в Юго-Восточной Азии подразумевают этногенетически связанные, но в социокультурном плане весьма различные образования. Нацию он рассматривал как этнос на определенном уровне развития, начиная с кануна капитализма, как историко-политическую, социокультурную и, как правило, экономическую общность людей, высший этап развития этноса с включением и этногенетически неродственных элементов. Вместе с тем ученый отмечал и другое понимание нации, широко практикующееся за пределами СССР, — как государственно-политическую общность.

Анализируя характер этнического и национального развития в Юго-Восточной Азии на современном этапе, Юрий Васильевич обращал внимание исследователей на диалектическую взаимосвязь этнического плюрализма и подвижности стадийно-этнических границ, динамичность этносов. А отсюда и его предупреждение о необходимости изучения этносов не как статистических единиц с четко очерченными границами, а как динамических сущностей, находящихся в состоянии поступательного движения (при переходе на новую этническую ступень), или в состоянии растворения (в случае ассимиляции), или в состоянии преобразования в новую этническую общность (при интеграции).

Ю. В. Маретин проводил четкое различие между этническим развитием на донациональной и на национальной стадиях развития этноса. В первом случае, указывал он, эволюционируют этнические свойства, причем факторы неэтнического свойства (воздействие государства, наличие официальной идеологии, охватывающей все этносы данной страны, роль социально-экономических связей и др.) играют несоизмеримо меньшую роль, чем на национальной стадии. Во втором случае, делал вывод ученый, на этнически разнородной основе могут сформироваться единые нации, и в то же время этнически однородные общности могут в разных историко-политических условиях дать начало разным нациям.

На материале Юго-Восточной Азии Ю. В. Маретин углубил понимание таких категорий, как "этническое развитие" и "национальное развитие". Прежде всего он предостерегал против отождествления этих понятий. "Первое, — подчеркивал ученый, — связано с эволюцией собственно этноса и его атрибутов. Второе отражает не только развитие этноса на высшем для настоящего времени этапе, но каса-

ется также государственно-политической, социально-экономической и культурной стороны существования не одного, но многих составляющих данное государство этносов, вовлеченных в той или иной степени в русло общего национально-государственного развития. Для многоэтнического государства эти понятия совпадают, для полиэтнического — не совпадают, отражая двойственное содержание процесса" [17, с. 167].

Для полиэтнического государства, считал Юрий Васильевич, наиболее адекватно отражает процесс термин "этнонациональное развитие". Велик вклад ученого в научную разработку понятия полиэтнической общности или полиэтнических наций для сложных общностей полиэтнического и наднационального характера, состоящих из самых разнообразных этнокомпонентов — от соплеменностей до уже сформировавшихся наций (бирманская, малайзийская, индонезийская, филиппинская). Юрий Васильевич полагал, что термин "полиэтническая нация" шире и точнее, чем, например, термин "многонациональная общность" (стран), и применим ко всем странам, состоящим не только из наций, но из многих этносов. Он видел в определении "полиэтническая нация" перспективный характер — основной тип развития общности в полиэтнических государствах. Заключая рассмотрение проблем этнонационального развития в странах Юго-Восточной Азии Ю. В. Маретиным, необходимо отметить комплексный, междисциплинарный подход ученого к изучению межэтнических отношений.

Выводы и обобщения Юрия Васильевича по этнонациональным процессам в Индонезии и других странах с однотипной этнонациональной структурой актуальны и ныне и заставляют по-новому взглянуть на национальные процессы в Советском Союзе, когда перестройка обнажила всю теоретическую несостоятельность псевдонаучной общности под названием "советский народ". Она затупевывала подлинные национальные процессы. Юрий Васильевич был несогласен с этим понятием и отмечал его ненаучность. Рост национального и этнического самосознания, требования отдельных народов в СССР национальной и культурной самостоятельности ни в коем случае нельзя отождествлять с сепаратизмом или регионализмом. И, по-видимому, просто призывы политических деятелей нашей страны к консолидации, без четкого разграничения консолидации этнической, национальной, политической, культурной, а самое главное, экономической так и останутся призывами.

Юрий Васильевич был великим тружеником, увлеченным ученым. Всякий раз, приходя в 60-х—70-х гг. в его тесный кабинет в Институте этнографии АН СССР, заставал его неизменно за письменным столом, заваленным высокими штабелями книг, рукописей, атласов, с нарукавниками на руках пиджака, погруженного в свои мысли и

проблемы. Он производил впечатление сверхзанятого человека, но доброжелательного, чуткого и любезного, хотя у него отнимали самое драгоценное — время, которого ему катастрофически не хватало. Сразу же начинались хлопоты с приготовлением чая и угощением. Всегда думалось, что в такой обстановке легко творить, где, казалось, не только стены исторической Кунсткамеры, но и сам воздух и дух способствуют творчеству. И, по-видимому, это было так, поскольку работоспособность, интенсивность научного поиска были на пределе возможности. Посудите, в списке трудов Юрия Васильевича за 1971—1975 гг. — свыше 50 работ как в советских, так и зарубежных изданиях; 13 статей находилось в печати. Кроме означенных выше направлений научной деятельности, по которым он продолжал успешно работать и публиковаться, в центре его научных устремлений и новые проблемы, связанные с культурологией, религиоведением, историографией. Остановимся подробнее на понимании Юрием Васильевичем религиозных процессов в Индонезии.

Движение за национальную независимость и даже современная оппозиционная борьба часто ведутся под религиозными лозунгами: в ходе политической борьбы ставятся религиозные лозунги. Иными словами, политическое бытие растворено в известном смысле в религиозном, в религии. Исторически сложившаяся многослойность религиозной картины особенно богата в Индонезии, где она характерна живыми реликтами всех религиозных эпох. Если страна восприняла сверх автохтонного религиозного субстрата последовательно буддизм, индуизм, ислам, то это отнюдь не означает, что предшествовавшие религии вытеснены. Это не так. Наряду с откровенным (явным) присутствием названных религий доминирует синкретизм, в котором смешались все или основные эпохи религиозной истории, являя собой амальгаму в общем-то несовместимых религиозно-философских систем. Найти доминирующие политические структуры и представления в такой ситуации нелегко.

Необходимость выделять политические представления из пока не расчлененного монолита традиционного общества требовала вдумчивой работы с религиоведческой и теологической литературой соответствующих религий. Из отечественных востоковедов, изучавших о. Бали (остров классического индуизма), Ю. В. Маретин был первым, кто показал генетическую связь Бали и Явы с Индией. К таким выводам его привели исследования местного балийского индуизма. Ему принадлежит взвешенная и научно фундированная концепция непростого, синкретически многослойного религиозного комплекса: "Индуизм, впитавший в себя многие элементы религии ведического периода и некоторые культы дравидийской Индии, насыщенные анимизмом (в т. ч. элементами культа предков, верой в духов, широко распростра-

ненными жертвоприношениями, в т. ч. животных), был близок этими своими сторонами религии индонезийцев — анимизму. Поэтому-то с такой легкостью шел процесс включения индуистских богов и героев в анимистический пантеон балийцев (а также яванцев и других народов Индонезии и Юго-Восточной Азии) [11, с. 145].

Идеи Ю. В. Маретина, выдвинутые в 60-х гг., вполне подтвердились в 70—80-х гг. И сделали это американские ученые. Один из авторитетнейших американских исследователей, проводивший в полевых исследованиях на Бали 15 лет, Дж. Лансинг отмечал то, что ранее обобщил Юрий Васильевич: "Находясь на удалении от великих центров индийской культуры, крохотный и исторически незначительный Бали дает нам образец индуизации, лучше понимаемый, чем такие образцы в Камбодже, Яве, Пагане или любые другие крупнейшие индуистские цивилизации" [34, с. 111]. Надо себе представить, какова была сила научной абстракции, научной интуиции и фундаментальность востоковедного образования Юрия Васильевича Маретина, чтобы, никогда не бывав на Бали, сделать такие обобщения, на которые американскому коллеге понадобилось 15 лет полевых изысканий и которые и сейчас имеют непреходящую научную ценность.

В конце 1960-х гг. Юрий Васильевич обратился к повой для него проблеме — вопросу формирования единого внутреннего рынка в Индонезии. В 1971 г. он опубликовал большую статью (по существу, монографическое исследование — 3,5 п. л.) на эту тему [14, с. 47—91] в сборнике "«Третий мир»: стратегия развития и управления экономикой"⁶. Как и многие работы ученого, эта статья носила пионерский и новаторский характер. Ей, как и другим публикациям автора, был присущ провиденциальный характер. Как в Советском Союзе, так и за рубежом, в том числе и в самой Индонезии, эта проблема не привлекала внимания ни ученых, ни практиков. Сама постановка вопроса в то время была научно смелой и рискованной. Обладая повышенным чутьем ученого, Юрий Васильевич на примере Индонезии увидел проблему во всей ее универсальности и остроте.

Новизна заключалась в подходах. Он, пожалуй, был первым, кто стал анализировать формирующийся рынок как комплекс взаимосвязанных систем и факторов. Абсолютно новаторским было включение в этот комплекс этнонационального фактора. Ю. В. Маретин успешно преодолел существовавшие в то время трудности методологического и общетеоретического характера, связанные с тем, что в отечественной экономической и социально-политической литературе проблема внутреннего рынка в несоциалистических странах рассматривалась только

---

⁶ Авторский коллектив во главе с проф. ЛГУ С. И. Тюльпановым, видным ученым, равно как и проблематика тома заслуживают особого разговора.

с точки зрения становления или функционирования капиталистических отношений, что, как подчеркивал ученый, вносило негативный момент в исследование [14, с. 49]. И в этом для исследователя крылся определенный риск.

Важна мысль Ю. В. Маретина о том, что вначале формируются локальные рынки, которые постепенно вливаются в общегосударственный, что означает превращение внутреннего рынка в национальный [14, с. 49]. Вместе с тем узость внутреннего рынка или его отсутствие, указывал он, говорят о крайней экономической отсталости страны... и выдвигают иные задачи стратегии развития как экономического, так и политического характера [14, с. 50]. В многонациональных странах эта проблема осложняется еще и необходимостью налаживания отношений между народами страны.

Юрий Васильевич уже в то время размышлял над фундаментальными проблемами, которые ныне у нас в стране являются предметом острой дискуссии политиков и экономистов. Он полагал, что постановка вопроса "либо рынок, либо планирование" научно не корректна и практически не состоятельна. Даже для такой страны, как Индонезия, где в целом были сильны ростки капитализма и включенность в систему мирового капиталистического хозяйства (напомним, что речь идет об Индонезии второй половины 1960-х гг.), ученый недвусмысленно выступал за сочетание регулируемого рынка и планирования [14, с. 50].

Ю. В. Маретин с научной тщательностью вскрыл всю анатомию индонезийской экономики: ее многоукладность, своеобразие размещения производительных сил, отсутствие достаточных средств межостровного и внутриостровного сообщения, дезорганизующее влияние на политическую стабильность в стране экономического хаоса, инфляции, роста цен, внешнего долга и др.

Статья, как уже указывалось, писалась в конце 1960-х гг., когда правительство Сухарто стабилизировало свою экономику, т. е. делало то, что пытаемся осуществить ныне мы. Анализируя индонезийский опыт 1966—1969 гг., Ю. В. Маретин указывал на необходимость контроля над сверхбюджетными ассигнованиями; на несомненность политики стабилизации цен с политической субсидией для искусственного поддержания цен на определенном уровне или с повышением заработной платы для уравнивания ее с растущими ценами; на необходимость равномерного снабжения населения продовольствием и товарами первой необходимости во избежание резкого подъема цен. Весьма важны рассуждения ученого о взаимозависимости укрепления внутренних экономических связей и гармонизации национальных отношений.

В побуждающей к новым творческим размышлениям указанной статье я бы выделил весьма актуальные для нашей действительности

мысли Юрия Васильевича о необходимости формирования единого рынка, о создании сети локальных рынков и трансформации их в единый национальный рынок. У нас ставится задача перехода к рынку, подразумевая его наличие в масштабе всей страны и наделение его соответствующими структурами и институтами, как-то: различные субъекты собственности, всякого рода биржи и т. п. Но вся проблема заключается в том, что, сошлюсь на слова нобелевского лауреата, известного американского экономиста В. Леонтьева, "в России настоящей рыночной экономики, в общем-то, не было и до революции. Зачатки какие-то были, но, скажем, сельское хозяйство до 1917 г. так и не стало предпринимательством в полном значении этого слова" [20]. Вместо рынка, думается, была создана единая централизованная система производства и распределения, действовавшая по жесткому плану. Поэтому провозглашение экономического суверенитета республиками и регионами, на наш взгляд, отражает объективную тенденцию формирования именно локальных рынков с гармонизацией спроса и предложения. В связи с этим проблема интеграции по типу Европейского Экономического Сообщества для нашей страны — задача более высокого порядка и отдаленной перспективы. Таким образом, мысли Ю. В. Маретина о рынке, хотя и высказаны были применительно к другой стране, современны и поучительны, лишний раз свидетельствуют об универсальности и объективности экономических законов.

В добрых традициях отечественного востоковедения Юрий Васильевич сочетал свою научную работу с педагогической деятельностью на Восточном факультете Ленинградского государственного университета. Он читал здесь курсы по истории Индонезии, спецкурсы по актуальным проблемам общины, этнонациональной ситуации, вел спецсеминары, руководил дипломными сочинениями, участвовал в защите курсовых и дипломных сочинений. Он был требовательным, но удивительно доброжелательным преподавателем. А самое главное, он был, без преувеличения, талантливым педагогом. Его лекции отличались содержательностью, эмоциональностью. Они захватывали воображение и будили мысль, пробуждали интерес к предмету. Он был искусным рассказчиком и в совершенстве владел словом. В яванско-балийской традиции слово наделено сакральным магическим смыслом (ланго), вызывающим своего рода гипнотическое воздействие. Думаю, что Ю. В. Маретин владел этим даром в совершенстве. Иначе чем можно объяснить желание, потребность слушать его бесконечно и с интересом.

Совмещение преподавательской работы с научной, глубокое постижение учебного процесса и доскональное знание научных достижений сделали Юрия Васильевича первоклассным автором разделов по истории Индонезии в учебниках по новой и новейшей истории стран за-

рубежной Азии и Африки, выпущенных в ЛГУ в разные годы [7, с. 102—112, 404—417]. Этими учебниками и по сей день пользуются студенты университетов и педагогических вузов.

Многогранной, кипучей и результативной была многолетняя деятельность Ю. В. Маретина в престижном научном обществе — Географическом обществе СССР, точнее в его Восточной комиссии, основанной в 1845 г. В марте 1965 г. Юрий Васильевич был принят в члены общества, а уже в мае того же года был избран в бюро Восточной комиссии, которую после смерти академика В. В. Струве возглавил известный африканист и этнограф член-корреспондент АН СССР Д. А. Ольдеропте. Своими выступлениями и сообщениями, докладами и участием в обсуждении монографий, печатных изданий комиссии Ю. В. Маретин популяризировал достижения советской востоковедной науки, от имени и по поручению общества участвовал в различных мероприятиях по расширению и углублению научных и культурных связей общества с афроазиатскими странами.

Особенно творчески активной и продуктивной была работа Юрия Васильевича в 60—70-х гг. На протяжении этих лет редко какое заседание комиссии обходилось без его деятельного участия. Так, в 1970 г. на заседании 15 мая он сделал доклад о внутреннем рынке в многонациональных развивающихся странах [3, с. 14]. 10 ноября участвовал в обсуждении итогов двух международных конгрессов: V конгресса по экономической истории (август 1970 г., г. Ленинград) и XIII конгресса исторических наук (август 1970 г., г. Москва); в декабре того же года выступал с докладом на I Всесоюзной конференции индологов в Москве [3, с. 15].

В марте 1972 г. на совместном заседании Отделения этнографии и Восточной комиссии он прочел доклад "Опыт объяснения некоторых индонезийских обрядов в аспекте этнографии и семиотики". В апреле того же года он принял участие в обсуждении проспекта серии монографий "Страны и народы", намеченной к выпуску в издательстве "Мысль" [3, с. 17].

Месяц спустя, 10 мая, Юрий Васильевич высказал свои дельные замечания о рукописи аннотированного рекомендательного библиографического указателя "Индия" (автор И. В. Сахаров).

Для Ю. В. Маретина были характерны широта взглядов, стремление раздвинуть рамки традиционных взглядов и подходов к востоковедной проблематике на заседаниях Восточной комиссии. Он нередко и сам выступал на объединенных с комиссией заседаниях других отделений ГО СССР, городских научных учреждений. Отличались научной новизной и междисциплинарным подходом его доклады и сообщения: 15 мая 1970 г. на совместном заседании комиссии и ленинградских африканистов по проблемам рынка в афроазиатских

странах [3, с. 14]; на научной конференции в Москве "География и развивающиеся страны (проблемы использования природных и трудовых ресурсов)", созданной центральной организацией географического общества, Восточной комиссией и московским филиалом ГО СССР (29/I—3/II. 1971 г.) [3, с. 15].

Деятельностью в бюро Восточной комиссии Юрий Васильевич стремился к расширению контактов ее членов с зарубежными и ленинградскими учеными, всеми силами содействовал поддержанию авторитета Восточной комиссии, с издаваемым ею сборником "Страны и народы Востока" как крупного научного востоковедного центра Ленинграда с общепризнанными благородными гуманистическими и высокими научными традициями. На заседаниях комиссии выступали видные индийские ученые: Фулрани Сенгупта (1971 г.), Рой Берман (1970 г.), Ранганатха (1970 г.), А. Р. Десаи (1971 г.) [3, с. 13, 14]. В 1980 г. было заслушано выступление основателя австралийского общества Н. Н. Миклухо-Маклая Роба Маклая [4, с. 271]. По личному приглашению Ю. В. Маретина с докладами на заседаниях Восточной комиссии выступали И. Ю. Перская, Л. М. Демин, Б. Б. Парникель, Л. Б. Алаев (все — Москва) [3, с. 7, 15, 18; 4, с. 269]. И начинающие, и маститые ученые почитали за честь выступать в Географическом обществе, настолько был высок научный рейтинг этого учреждения. И толика труда в этом — Ю. В. Маретина.

Всякий, кто мало-мальски знаком с редакторской работой, знает, насколько это трудоемкое, хлопотливое, в общем-то неблагодарное дело, которым могут заниматься на общественных началах только истинные подвижники. В составлении и редактировании издаваемого Восточной комиссией сборника "Страны и народы Востока" Юрий Васильевич принимал самое деятельное участие. Он самостоятельно составил и отредактировал три сборника [22; 24; 26]; совместно с Б. А. Вальской сделал четыре выпуска [21; 30; 27; 28]; с И. В. Сахаровым отредактировал сборник [23], а объединенными усилиями Ю. В. Маретина, Б. А. Вальской, В. А. Ромодина и И. В. Сахарова был подготовлен сборник, посвященный памяти одного из основателей Восточной комиссии Географического общества СССР А. В. Королева [25].

Вряд ли погрешу против истины, если скажу, что сборники, отредактированные Ю. Маретиным, в известной степени являются историческими источниками, дающими внимательному читателю дополнительную информацию о круге научных интересов, общения и знакомств Юрия Васильевича с авторами, о понимании и предвидении им тенденций развития науки, о его личности как ученого и мыслителя. Прежде всего, в духе гуманистических традиций ГО СССР, Юрий Васильевич поощрял изыскания и публикацию неизданных трудов,

дневников, записок, мемуаров и т. п. известных и совсем неизвестных отечественных путешественников, географов, ученых: Н. Н. Миклухо-Маклая, Г. И. Невельского, В. В. Голубева, Ф. Ф. Кулькова, Е. Р. Шнейдера и др. Особо заслужена быть отмеченной книга, посвященная выдающемуся русскому советскому ученому В. К. Арсеньеву, вклад которого в отечественную науку и историю поистине огромен. Примечательна вводная статья Юрия Васильевича "Основные проблемы изучения жизни и трудов В. К. Арсеньева", написанная с человеческой теплотой и восхищением перед талантом ученого и его бескорыстным служением науке.

Как составитель и редактор, Юрий Васильевич содействовал публикации материалов и статей по истории, этнографии, фольклору, религии и культуре советского Дальнего Востока, привлекая к сотрудничеству известных специалистов: И. С. Вдовина [22, с. 41—51], Е. А. Крейновича [22, с. 56—93; 26, с. 186—201], Б. П. Полевого [22, с. 114—149; 26, с. 93—97, 106—120], Ч. М. Таксами [22, с. 150—158], Г. А. Меновщикова [22, с. 52—56] и др.

С присущей ему провидческой интуицией Ю. В. Маретин видел в азиатско-тихоокеанском регионе неисчерпаемый источник непреходящих человеческих ценностей, роль и значение которых неуклонно возрастали как составная часть общемировой цивилизации. Он приложил много сил к тому, чтобы авторами статей являлись действительно высокие профессионалы, видные востоковеды: Д. А. Ольдерогге ("Древние связи культур народов Африки, Индии и Индонезии") [26, с. 172—185], С. Е. Яхонтов ("К этногенезу народов мао и яо") [26, с. 220—229], А. С. Мартынов ("Традиционный китайский подход к внешнему миру") [26, с. 230—243], Р. Ф. Итс ("Северные юэ и их роль в этногенезе малайополинезийцев") [22, с. 207—214] и др.

Проблематика публиковавшихся в сборниках статей отличалась широтой и новизной исследуемых вопросов. От других подобных востоковедных изданий эту серию выгодно отличало то, что многие авторы широко пользовались комплексным и междисциплинарным подходами в изучении тех или иных явлений, событий, процессов. Впервые в советском востоковедении при активном содействии Ю. В. Маретина на страницах сборников "Страны и народы Востока" стали широко и систематически публиковать статьи о национальных меньшинствах в афроазиатских странах: А. М. Решетов о китайцах в Океании [22, с. 296—307], А. Д. Дридзо об индийцах в Тринидаде [25, с. 67—90], П. М. Мовчанюк о китайцах в Индонезии [26, с. 181—212], О. Г. Барышникова и И. Ф. Жулев о китайской общине на Филиппинах [26, с. 213—229].

Все сказанное — а это лишь малая толика того, что можно рассказать о Ю. В. Маретине, — свидетельствует о незаурядности ума,

таланте ученого и педагога. И все же Юрий Васильевич был человеком глубоко трагической судьбы. В конце 1970-х гг., находясь в расцвете творческих сил, когда он стал видным теоретиком по этнонациональным проблемам в Советском Союзе и за рубежом, когда он, по сути дела, определял лицо ленинградской школы индонезиеведения и прославлял ее деяния за рубежом, по стечению роковых обстоятельств он вынужден был покинуть родной ему Институт этнографии АН СССР. Узкогрупповые амбиции одних, нежелание что-либо принять других и невмешательство третьих затормозили научное творчество Юрия Васильевича, нанесли непоправимый удар по ленинградской школе индонезиеведов, ослабили позиции советской индонезистики в целом.

В последние месяцы жизни он вновь приступил к активной и интенсивной научной деятельности. За два месяца до смерти он делится своими планами, настаивал, несмотря на тяжкую болезнь, на оппонировании кандидатской диссертации вьетнамского аспиранта; с большим интересом и участием он обсуждал план создания в Ленинграде малайского центра, рекомендовал привлечь к его работе крупного голландского ученого Вертхейма. Он намеревался опубликовать обобщающий труд по этническим процессам в странах "третьего мира" и думал о защите докторской диссертации на совете Восточного факультета ЛГУ. Ему не было еще 60 лет. Творческие потенции Юрия Васильевича могли вновь расцвести, однако этому не суждено было сбыться. 4 августа 1990 г. его не стало.

Мы потеряли яркое дарование, незаурядную личность, талантливого ученого, внесшего большой вклад в советское востоковедение и этнографию, основателя и видного представителя ленинградской школы индонезиеведов. Нетленным памятником будут ему его многочисленные труды, переиздание которых было бы столь желательно, сколь и необходимо.

Литература

1. Бельский А. Б. Советская историография идеологии национально-освободительного движения в колониальной Индонезии // Советская историография Юго-Восточной Азии. М., 1977.
2. Вальская Б. А. Летопись Восточной комиссии Географического общества СССР за 10 лет (1955—1965) // Страны и народы Востока. Вып. 8. М., 1965.
3. Вальская Б. А., Сахаров И. В. Восточная комиссия Географического общества СССР в 1966—1972 гг. // Страны и народы Востока. Вып. 15. М., 1973.
4. Вальская Б. А. Летопись Восточной комиссии Географического общества СССР за 1973—1986 гг. // Страны и народы Востока. Вып. 25. М., 1977.
5. Гуревич Э. М. Советская историография новой и новейшей истории Индонезии // Советская историография Юго-Восточной Азии. М., 1977.
6. Демин Л. М. Памяти Юрия Васильевича Маретина // Народы Азии и Африки. № 6. 1990.

7. Маретин Ю. В. Индонезия // Новая история зарубежной Азии и Африки. Л., 1959.
8. Маретин Ю. В. Отмирание пережитков материнского рода в семейно-брачных отношениях минангкабау // Труды Ин-та этнографии АН СССР. Новая сер. Т. 23.
9. Маретин Ю. В. Община минангкабау и ее разложение // Труды Ин-та этнографии АН СССР. Новая сер. Т. 23. Восточно-азиатский этнографический сборник. 2. М., 1961.
10. Маретин Ю. В. Народы Индонезии // Народы Юго-Восточной Азии. М., 1966.
11. Маретин Ю. В. По поводу индийских влияний в балийской культуре // Страны и народы Востока. Вып. 5. М., 1967.
12. Маретин Ю. В. Основные типы общины в Индонезии // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. М., 1968.
13. Маретин Ю. В. Особенности Бахаса Индонесиа как государственного языка Республики Индонезии // Вопросы социальной лингвистики. М., 1969.
14. Маретин Ю. В. Значение внутреннего рынка для Индонезии и трудности его формирования // "Третий мир": стратегия развития и управления экономикой. М., 1971.
15. Маретин Ю. В. Основные тенденции национального и этнического развития современной Индонезии // Колониализм и национально-освободительное движение в странах Юго-Восточной Азии. М., 1972.
16. Маретин Ю. В. Особенности этнонационального развития в полиэтнических освободившихся странах // IX Международный конгресс антропологической и этнографической науки. Чикаго, 1973.
17. Маретин Ю. В. Этнонациональные процессы в регионе // Юго-Восточная Азия: проблемы региональной общности. М., 1977.
18. Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока. М., 1991.
19. Милибанд С. Д. Библиографический словарь советских востоковедов. М., 1975.
20. Правда. 1990. 2 дек.
21. Страны и народы Востока. Вып. 6. М., 1968.
22. Страны и народы Востока. Вып. 13. М., 1972.
23. Страны и народы Востока. Вып. 15. М., 1973.
24. Страны и народы Востока. Вып. 17. М., 1975.
25. Страны и народы Востока. Вып. 18. М., 1976.
26. Страны и народы Востока. Вып. 20. М., 1979.
27. Страны и народы Востока. Вып. 24. М., 1982.
28. Страны и народы Востока. Вып. 25. М., 1987.
29. Bijdragen. Deel 117. s-Gravenhage.
30. The Countries and Peoples of the East: Selected Articles. М., 1974.
31. Bachtiar H. The Religion of Java. A Commentary // Readings on Islam in Southeast Asia. Singapore, 1985.
32. Geertz H., Geertz C. Kinship in Bali. Chicago-L., 1975.
33. An Introduction to Indonesian Historiography. Ed. Soedjatmoko. Cornell University Press. N. Y., 1965.
34. Lansing J. S. The Three Worlds of Bali. N. Y., 1983.
35. Koentjaraningrat, Bachtiar H. Penduduk Irian Barat. Jakarta, 1963.
36. Kuntjaraningrat. Masyarakat desa di Indonesia masa inu. Jakarta, 1964.

А. Г. Сазыкин

ОПИСАНИЕ ПУТЕШЕСТВИЙ В ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

Существование в рамках монгольской письменной словесности описаний путешествий калмыцких и бурятских лам к святым местам Тибета и Непала отнюдь не новость для востоковедов. Первые публикации таких описаний были подготовлены уже в конце XIX в. [8, 568—573; 12, 29—41; 21]. В дальнейшем было осуществлено еще несколько изданий путевых дневников и записей воспоминаний паломников [4, 134—185; 17; 19, 117—125; 23, 125—144; 26, 205—241]. Появились также исследования и обзоры калмыцких [1, 115—125; 2, 33—53; 9, 252—275] и бурятских [5, 336—340; 6, 147—159] письменных источников по указанной теме.

Таким образом, к настоящему времени уже немало сделано для изучения жанра хождений к святым местам, составляющего одну из интереснейших страниц письменного наследия монгольских народов. Однако же и поныне в востоковедной литературе не появилось полных, систематических сведений о всех рукописных образцах описаний путешествий, сохранившихся в различных собраниях монгольских рукописей и ксилографов.

Следует, впрочем, отметить, что, судя по известным нам каталогам и публикациям, рукописи таких описаний чрезвычайно редко встречаются в монгольских рукописных коллекциях. Исключение составляет лишь монгольский фонд рукописного отдела С.-Петербургского отделения Института востоковедения РАН, где в настоящее время имеется целая серия текстов о дальних странствиях лам-паломников, записанных на старомонгольской графике.

К сожалению, далеко не все рукописи с описаниями хождений к святыням Тибета сохранились до наших дней. И в первую очередь это относится к путевым дневникам калмыцких лам. Пока ни в одном собрании рукописей не удалось обнаружить ни одного описания путешествия на заяпандитовском "ясном письме". Хотя такие рукописи

некогда существовали и, более того, именно они были использованы для первых публикаций, положивших начало изучению жанра хождения в письменном наследии монгольских народов.

Первым в поле зрения востоковедов попал дневник калмыцкого хамбо-ламы Бааза Мэнкэджуева, совершившего путешествие в Тибет в 1891—1894 гг. Уже через год после его возвращения на русском языке появился пересказ, который "по дневнику Монкочжеева составил студент Пекинской миссии Колесов" [8, 568—573]. В 1897 г. А. М. Позднеев издал полный калмыцкий текст и перевод этого дневника [21].

Существует мнение, что А. М. Позднеев в 1896 г. приобрел рукопись Б. Мэнкэджуева [1, 118; 9, 255], однако ни в собраниях ЛО ИВ, ни в монгольском фонде библиотеки Восточного факультета ЛГУ, где хранятся позднеевские коллекции монгольских и ойратских (калмыцких) рукописей и ксилографов, такую рукопись обнаружить не удалось.

Не сохранились и дневники, которые вел Б. Мэнкэджуев во время другого своего путешествия, состоявшегося несколько лет спустя после хождения в Тибет. На этот раз, правда, путешествие не было таким далеким и долгим, как в предыдущем случае. Побывал лама в Джунгарии и Восточном Туркестане.

В 1903 г. А. Д. Руднев, посетив Б. Мэнкэджуева, перевел это описание на русский язык [15, 13], предполагая в дальнейшем его опубликовать [9, 259]. По свидетельству Б. Я. Владимирцова, к изданию были уже подготовлены ойратский текст и перевод [3, XIV]. Но эта публикация не состоялась и дальнейшая судьба рукописи А. Д. Руднева неизвестна.

Утрачен ныне и дневник калмыцкого ламы-паломника Пурдаш Джунгруева, содержащий сведения о его хождении в Тибет в 1902—1903 гг. А. Д. Рудневым был подготовлен к печати калмыцкий текст этого описания [3, XIV; 16, XV], но и он, увы, не был издан, и обнаружить этот текст до сих пор не удалось. Был, однако, выполнен А. Д. Рудневым также русский перевод описания путешествия П. Джунгруева, черновик которого, к счастью, сохранился в Архиве востоковедов ЛО ИВ [10]. В настоящее время этот перевод полностью опубликован [23].

Перечислив описания путешествий калмыцких лам, существовавшие некогда на запяндитовском "ясном письме", о которых нам стало известно благодаря трудам отечественных монголоведов, находим возможным только этим и ограничиться, поскольку достаточно полные сведения о жанре хождений в калмыцкой литературе опубликованы в трудах наших калмыцких коллег [1, 115—125; 9, 252—275].

Записи же бурятских путешественников заслуживают более обстоятельного рассмотрения, так как до сих пор нет даже удовлетворитель-

ного обзора письменных источников, относящихся к жанру хождений в бурятской литературе.

Первым обратил внимание на описания путешествий бурятских паломников к святыням Тибета А. М. Позднеев, опубликовавший в 1900 г. в своей "Хрестоматии" текст записок бурятского хамбо-ламы Дамба-Доржи Заяева, совершившего свое путешествие в 1734—1741 гг. [12, 34—37].

Необходимо отметить, что в отличие от калмыцких лам, ведших подробные путевые дневники, Д.-Д. Заяев составил свое описание лишь в 1768 г., т. е. много лет спустя после возвращения из Тибета. Появлением своим эти записи обязаны исключительно случаю, ибо исполнены они были "по требованию Императрицы Екатерины II" [21, 3] во время пребывания Д.-Д. Заяева в Петербурге.

К сожалению, рукопись, которой пользовался А. Д. Позднеев при подготовке своего издания, до нас не дошла. Но в рукописном отделе ЛО ИВ имеются два списка (D 215, G 34), содержащих тот же самый вариант текста [14, №№ 99; 18, №№ 1631]. На основе публикации А. М. Позднеева¹ и указанных двух рукописей нами подготовлен перевод этого описания хождения Д.-Д. Заяева [19, 117—125].

Существует и другой вариант описания путешествия в Тибет Д.-Д. Заяева. Этот вариант был составлен в 1775 г. в виде докладной записки на имя генерала-прокурор Сената А. А. Захарьевского. Рукописи второго варианта имеются в монгольском фонде ЛО ИВ [18, №№ 1632, 2342], в собрании монгольских рукописей ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина [20, 93, №№ 10] и в коллекции О. М. Ковалевского, хранящейся в Вильнюсском университете [25, №№ 69].

Недавно стал известен и третий вариант записок Д.-Д. Заяева, обнаруженный нами среди новых поступлений монгольского фонда ЛО ИВ. В этой довольно поздней рукописи, написанной в конце прошлого или в начале нашего столетия, озаглавленной: "Jaуay-a mkanbδ-yin gegem-ū domoy namtar otōiba" ("Жизнеописание гэгэна Зая-хамбо") (Q 3948)², рассказ о хождении в Тибет занимает листы 46—12а.

В начале рукописи (л. 16—46) сообщается о годах пребывания Д.-Д. Заяева в Да-Хурэ (Урге), где он с одиннадцатилетнего возраста постигал святое учение Будды. Завершают рукопись сведения по истории буддизма у бурят в первой половине XVIII в. Записи биографического и исторического характера встречаются и в других упомяну-

---

¹ В рукописном отделе ЛО ИВ находится также автограф А. М. Позднеева, содержащий материалы, вошедшие в его "Хрестоматию", и в том числе, разумеется, интересующий нас текст записок Д.-Д. Заяева [18, №№ 422].

² 20 листов, размер листа: 22,5×9 см, размер рамки текста: 18×7, 15 строк на странице, русская бумага с рельефным штемпелем: "Фабрики наследников Сумкина №№ 5", черные чернила, перо.

тых нами рукописях [12, 29—33, 37—41; 14, №№ 99]. Однако большинство списков включает только описание путешествия Д.-Д. Заяева в Тибет [18, №№ 1631, 1632; 20, 93, №№ 10; 25, №№ 69].

Особый интерес представляет рукопись G 172 из собрания ЛО ИВ [18, №№ 2342], в которой помимо рассказа о посещении Тибета помещено также описание поездки Д.-Д. Заяева в Петербург и Москву. Трудно, впрочем, вторую часть рукописи в полном смысле слова именовать описанием, поскольку в ней указаны только названия городов и сел, расстояние между ними да время отъезда и прибытия из одного пункта в другой. И даже посещение таких городов, как Петербург и Москва, почти не оставило следа в записях Д.-Д. Заяева — единственно лишь сообщается, что он побывал там.

Краткий отчет об этой поездке позднее был включен в летопись Ширавнинбо Хобитуева, составленную в 1887 г. [14, №№ 71]. Там же помещены сведения о поездках в европейскую часть России других бурятских делегаций, первой среди которых названа делегация представителей одиннадцати хоринских родов во главе с Баданом Туракиным, побывавшая в Москве в 1702—1703 гг. [14, №№ 71]. Достаточно подробно описана там поездка в Петербург делегации во главе с самим Ш. Хобитуевым. Сообщается также о посещении Петербурга делегацией хоринских и агинских тайшей и заседателей в 1880 г.

В монгольском фонде ЛО ИВ хранится рукопись сочинения Вандана Юмсунова [14, №№ 70], содержащая обстоятельный рассказ о поездке в 1876 г. из Бурятии в Петербург для участия в третьем Международном съезде ориенталистов Цэдэба Бадмаева и Цэрэндоржи Аюшиева. Другой рукописный экземпляр этого же сочинения имеется в фондах Бурятского института общественных наук СО РАН, на основе которого подготовлено издание текста в переложении на современный бурятский язык [4, 152—165].

К числу описаний путешествий следует, на наш взгляд, отнести стихи бурятского ламы Намдула, основным содержанием которых стали впечатления автора о пребывании в Москве и Петербурге. Орывки этих стихов, первоначально написанных на тибетском языке, переведенных затем самим автором на монгольский язык и записанных Агваном Доржиевым, были изданы Ц. Дамдинсурэном под заглавием: "Стихи под названием «Влетаю в небеса»" [24, 541—548].

В рукописном отделе ЛО ИВ имеется красиво исполненная рукопись сочинения Намдула [18, №№ 193] под пространным заглавием, из которого видно, что поездка эта состоялась по случаю возведения на престол Николая II и что самое яркое впечатление у автора оставило посещение столичного зоопарка: "Песнь новой радости, вкратце рассказывающая о славе России и о том, как оказывая почтение к двум великим столицам, где волею небес утверждались престолы всех

[русских] царей, присутствовал на великорадостном представлении Государю, в то время как ниспосланный небесами, могущественный Государь Император Николай II, вступив на несокрушимо прочный престол, выказывал новые деяния совершенной мудрости, [а также] о том, как смотрел в зоологическом саду бенгальского [тигра], африканского льва и многое другое, там находящееся".

Кроме описаний путешествий бурят в Петербург и Москву, дошла до нас и небольшая запись о поездке в Архангельскую губернию. Это сообщение неизвестного нам автора обнаружено в бурятских рукописных сборниках из собрания ЛО ИВ [18, №№ 560, 2175]: "В Архангельской губернии, [находящейся] к северу от русского города Москвы, в 20-й день летнего месяца мая солнце не заходит. Из Москвы до Архангельска доехал за двое суток по железной дороге. Оттуда, [заплатив] 13 тугриков 50 мунго, [добрался] до Белого моря. В этих местах начиная с 20-го мая и весь июнь-июль день [длится] 22 часа, ночь — 2 часа. Чтобы посмотреть на это, сюда летом обычно приезжают ученые из разных стран".

Имеется в бурятских рукописях и ряд других упоминаний о поездках представителей бурятского нойонства и чиновничества в Петербург, "где они подолгу проживали, действуя в различных инстанциях" [14, 244], но, как видим, описаний таких поездок появилось совсем немного, и, в сущности, перечисленными выше записями пока и ограничиваются известные нам письменные источники о путешествиях бурят в европейскую часть России, и поэтому мы вновь обратимся к описаниям хождений бурят к святым местам Тибета, Непала и Индии.

Первым по времени появления среди известных нам историй о хождениях к святым местам Тибета, составленных в прошлом столетии, стало описание путешествия некоего галуна Доржи, предпринятого им в 1874 г. для сопровождения из Лхасы в Ургу восьмого Джебцун Дамба-хутухты, главы буддистов северной Монголии [18, №№ 1634]. Транслитерация текста и перевод этого описания, известного пока лишь по единственной рукописи Q 2430, имеющей заглавие: "Описание того, как из Лхасы в Да-Хурэ прибыл святой Джебцун Дамба-гэгэн", подготовлены нами к публикации [17, 202—214].

Упомянув ургинских Джебцун Дамба-хутухт, следует назвать еще два письменных источника, которые с немалыми оговорками все же можно отнести к жанру описаний путешествий. Один из них содержит хорошо уже известное описание путешествия четвертого хубилгана Джебцун Дамба-хутухты в монастырь Эрлэни-Дзу. Данное описание, представляющее собой изложенные "в форме дневника" [12, VIII] записи о поездке главы монгольской церкви из Урги в старейший монгольский монастырь, составляет, по словам А. М. Позднеева, "драгоценный памятник монгольской литературы, потому что до настоя-

шего времени положительно является единственным в Европе представителем этого рода произведений монгольской письменности" [13, 27].

Ознакомившись с упомянутым описанием, мы не сумели, однако, избавиться от сомнения — действительно ли можно назвать путешествием поездку в монастырь Эрдэни-Дзу, отстоящий от Урги всего лишь в два дня пути. К тому же содержание рукописи "почти на половину составляет сказание о монастыре Эрдэни-Цзу" [13, 27]. Остальная часть посвящена перечислению светских и духовных феодалов, встречавших хутухту на пути следования, и описанию подарков во множестве ими подносимых [13, 27—30].

А. М. Позднеев сначала опубликовал монгольский текст описания поездки Джебцун Дамба-хутухты [12, 22—29], а затем и его перевод [13, 27—30] по рукописи, имевшейся в его библиотеке [13, 27, примеч. 14]. Эта рукопись в "82 странички" [13, 27], озаглавленная: "Повествование о путешествии в Эрдэни-Дзу богдо Джебцундамба-хутухты", в рукописных собраниях Петербурга пока не обнаружена. Однако в хранящейся в монгольском фонде ЛО ИВ коллекции собранных А. М. Позднеевым рукописей и ксилографов под номером 397 находится другая рукопись того же сочинения [18, №№ 1633].

На лицевой стороне первого листа данной рукописи, имеющей ныне шифр В 202, помещено заглавие, отличное от того, что приведено в публикации А. М. Позднеева: "Краткое [повествование] о посещении Джебцундамба гэгэном-хутухтой, солнцем религии, освещающим все сущее, прославленного Дзу на пути шествования в Западный Дзу в восьмой год [правления] Сайшпьялту иругэлту, в год воды-свиньи". Таким образом, интересующее нас описание содержит сведения лишь о незначительной части маршрута путешествия Джебцун Дамба-хутухты в Тибет, предпринятого им, судя по указанной дате, летом 1803, а не 1804 года, как об этом пишет А. М. Позднеев [13, 17, 27].

Второй письменный источник посвящен описанию путешествия ургинского Джебцун Дамба-хутухты в Пекин в 1839 г. [18, №№ 2343]. Рукопись эта интересна прежде всего тем, что речь в ней идет о поездке пятого хутухты, который, по утверждению А. М. Позднеева, никогда якобы не бывал в Пекине [13, 17, 19]. Как и в предыдущем случае, здесь находим главным образом описание многочисленных встреч хутухты на пути следования и в самом Пекине, а также подробное перечисление подарков, полученных им в этой поездке.

В 1882 г. на поклонение тибетским святыням отправился лама буянтумэтского дацана Лубсан Миджид-Доржи. Путешествие оказалось долгим, и в родные кочевья сей бурятский лама возвратился только в 1887 г. По возвращении, Лубсан Миджид-Доржи составил описание

своего хождения, которое, по нашему убеждению, является лучшим среди всех известных в настоящее время записей бурятских паломников. В монгольском фонде ЛО ИВ имеются три рукописи этого описания.

В одной из рукописей (D 204) первый лист утрачен [18, №№ 1637]. Остальные две (F 92, D 75) имеют одинаковое пространное заглавие: "Я, Лубсан Миджид-Доржи, подданный русского Батур-Цаган-Хана и Нап-сон-хохак-Дам-чой-Раб-чжай-линского скита, Харнутского поколения 2-го Табунангутского рода из восьми западных хошунов Северных бурят, составил [это] краткое описание о том, как совершал я поклонения и круговращения в местностях: Халхаской Монголии, Южных хошунов, Китая, Амдо, Хамба-Дэргий, Тибетской провинции Уй — местопребывания Далай-ламы, в местностях Цзанской провинции — монастыре Баньчэнэрдэни, Н'гари, Гандиша, Бутана, Сиккима, Лооба, Непала, Чжаронкашора и проч." [11, 1; 18, №№ 1635, 1636].

К настоящему времени опубликованы транслитерация текста и перевод [26, 205—241], а также переложение на современный бурятский алфавит описания путешествия Лубсан Миджид-Доржи [4, 166—185].

Также тремя рукописями представлено в монгольском фонде ЛО ИВ описание путешествия в Тибет и Непал бурятского ламы Лубсан-Лудуб Андагаева. В данном описании не сообщается ни о времени отправления в путешествие, ни о его продолжительности. Можно лишь заключить, что завершилось оно до 1894 г., когда для Жамьян-Дагбы Гармаева были сделаны записи воспоминаний ламы о своем хождении к святым местам. Экземпляр такой записи (D 71), озаглавленный: "Описание Тибета, Индии, Непала и прочих западных стран, а также перечень их святынь", был доставлен в Азиатский музей Ц. Жамцарано [22, 059, №№ 19; 18, №№ 1638]³. В конце рукописи на л. 8а рукой Б. Барадийна сделана пометка: "Этот текст — вариант текста Жигмидоновской рукописи №№ 58".

Под "Жигмидоновской рукописью" в данном случае подразумевается бурятский рукописный сборник, хранящийся в монгольском фонде ЛО ИВ под шифром D 199, в котором на л. 57а—64б помещен без заглавия текст описания путешествия упомянутого ламы [18, №№ 2173].

Третья рукопись с записью рассказа Л.-Л. Андагаева о своем хождении в Тибет поступила в собрание монгольских рукописей ЛО ИВ в составе коллекции "Q" и имеет заглавие: "Повествование о том, как совершал поклонения, посетив высокородных святых, а также храмы и монастыри Монголии, Тибета, Непала вплоть до границ Индии" [18, №№ 1640].

---

³ Другой экземпляр этой же записи хранится в архиве Ц. Жамцарано в рукописном отделе БИОН [7, 47, 48].

Эта рукопись (Q 760) интересна прежде всего тем, что все иноязычные имена и топонимы в ней переданы при помощи транслитерации, а не фонетической транскрипции (в значительной мере бурятизированной), как в рукописях D 71, D 199⁴. Кроме того, в рукописи Q 760 находим немало дополнений и пояснений, отсутствующих в описаниях буддийских монастырей и святынь других рукописей с воспоминаниями Л.-Л. Андагаева. Встречаются, впрочем, в рукописи Q 760 иногда и пропуски текста.

В целом же можно отметить, что записки о путешествии Л.-Л. Андагаева представляют собой в сущности путеводитель по монастырям и святым местам Тибета и Непала и примечательны они главным образом тем, "что рассказчик, как истый пилигрим, чистосердечно рассказывает предания и поверья о святых статуях бурханов в Лхасе и о местах, озаменованных какими-либо событиями" [22, 059].

Хранится в монгольском фонде ЛО ИВ рукопись еще одного описания путешествия (D 80), озаглавленная: "Заметки об увиденном бурятским ламой Гончок-Джап Зангяином, ходившим на поклонение в Тибет, Непал и Индию" [18, №№ 1639; 22, 069]. Путешествие это состоялось в 1897—1904 годах. Сразу же по возвращении Г.-Д. Зангяина его рассказ об увиденном был записан Б. Б. Барадийном. Эта запись ныне и находится в собрании ЛО ИВ. Других рукописей с рассказом о путешествии упомянутого ламы до сих пор не обнаружено.

Рассказ Г.-Д. Зангяина о своем странствии довольно краток. Как и в записях воспоминаний Л.-Л. Андагаева, в рукописи D 80 перечислены крупнейшие буддийские святыни и монастыри (названия их написаны преимущественно по-тибетски), указано направление и время пути до каждого из них.

Об одной из причин, побудившей рассказчика ограничиться лишь перечислением основных достопримечательностей, увиденных в дальних землях, сообщает Б. Б. Барадийн, который пишет, что, "обладая удивительной памятью, он многое еще мог рассказать, но пожелал ограничиться тем, что написано, отчасти потому, что по его взгляду нельзя общераспространенно говорить о многих святынях Тибета и Непала" [22, 070].

Хождение в Тибет, описание которого представлено в рукописи D 80, было, видимо, не первым в жизни Г.-Д. Зангяина, о чем можно догадаться по имеющемуся в тексте рукописи замечанию: "Так как прежде посетив этот [Нартанский. — А. С.] монастырь, молился [там], то теперь туда не пошел".

---

⁴ Например: Q 760: *Čogs-gkôr-rgyal* — D 71: *Šoyingqor-jal*; Q 760: *Čobjang-čôs-gling* — D 71: *Šoyijang-šoyiling*.

О существовании описания предыдущего хождения Г.-Д. Зангияна к святыням Тибета нам ничего не известно. Надо думать, что такового попросту не существует, ведь и имеющаяся в ЛО ИВ запись появилась исключительно благодаря инициативе и трудам Б. Б. Барадийна.

Таким образом, жанр описаний путешествий в письменной литературе монгольских народов представлен сравнительно небольшим числом источников, как правило довольно позднего происхождения. Преимущественное развитие указанный жанр получил в калмыцкой и бурятской литературах. Основная доля описаний содержит сведения о хождениях лам к святым местам Тибета, а также в Непал и Индию. Есть также отдельные записи о поездках бурят в европейскую часть России.

Рассмотренные нами письменные источники весьма различны по своему характеру и содержанию — от кратких путеводителей и маршрутных схем до подлинных описаний с подробными и достоверными сведениями об условиях жизни, хозяйстве, быте народов Центральной Азии. В совокупности они составляют особый жанр оригинальной письменной словесности на монгольском языке, достойный занять добавочное место в многообразии литературного наследия монгольских народов.

Литература

1. *Бадмаев А.* Калмыцкая дореволюционная литература. Элиста, 1984.
2. *Бадмаев А. В.* О жанре хождений (описание путешествий) калмыцкой литературы // Ученые записки Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 11. Элиста, 1973.
3. *Владимирцов Б. Я.* Предисловие // Б. Лауфер. Очерк монгольской литературы. Л., 1927.
4. *Дугар-Нимаев Ц.-А.* Бураад уран зохиолой түүхын баримтанууд [Источники по истории бурятской литературы]. Улан-Удэ, 1986.
5. *Дугар-Нимаев Ц.-А.* Бурятская литература в ряду других монголоязычных литератур в XVIII—XIX вв. // Литературные связи Монголии. М., 1981.
6. *Дугар-Нимаев Ц.-А.* О жанре хождений в бурятской литературе XIX в. // Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 1. Сер. литературы, фольклора и истории. Элиста, 1974.
7. *Дугар-Нимаев Ц.-А.* Рукописные материалы по истории бурятской литературы в архиве Ц. Жамцарано в РО БИОН // Цыбиковские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Улан-Удэ, 1989.
8. Заметка о путешествии Дурбэтского Хамболамы Мончокжеева от Напчу до Сачжацуа в 1892 г. / По дневнику Мончокжеева составил студент Пекинской миссии Колесов // Известия ИРГО. Т. 31. Вып. 5. СПб., 1895.
9. История калмыцкой литературы. Т. 1. Дооктябрьский период. Элиста, 1981.
10. Маршрут (описание) путешествия в Тибет номчи-порджи-бакши Пурдаш Джунгораева. (Перевод с калмыцкого) / Перевод действ. члена А. Д. Руднева. (1904, июль). Сарепта // Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР, фонд А. Д. Руднева, р. 1, оп. 3, №№ 22.
11. Описание путешествия Лубсан Маджид-Дорджи // Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР, фонд 44, оп. 1, ед. хран. 112.

12. Позднеев А. М. Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания. СПб., 1900.
13. Позднеев А. М. Ургинские хутухты, исторический очерк их прошлого и современного быта. СПб., 1879.
14. Пучковский Л. С. Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. Т. 1. История, право. М.; Л., 1957.
15. Руднев А. Д. Заметки о технике буддийской иконографии у современных зурачинов (художников) Урги, Забайкалья и Астраханской губернии. СПб., 1905.
16. Руднев А. Д. Материалы по говорам Восточной Монголии. СПб., 1911.
17. Сазыкин А. Г. В Лхасу за гэгэном // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XIII. Л., 1990.
18. Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Т. 1. М., 1988.
19. Сазыкин А. Г. Описание Тибета, составленное в XVIII в. бурятским паломником Дамба-Доржи Заяевым // Страны и народы Востока. Т. 26. М., 1989.
20. Санкритъяна Е. Н. Краткий систематический каталог монгольских рукописей и ксилографов Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Восточный сборник. Вып. 3. М., 1972.
21. Сказание о хождении в тибетскую страну мало-дэрбэтского Базабакши: Калмыцкий текст, с переводом и примечаниями, составленными А. Позднеевым. СПб., 1897.
22. Список материалам Ц. Жамцаранова и Б. Барадийна. 1903—1904 // Известия императорской Академии наук. 1905. Март. Т. 22. Вып. 3.
23. Хождение в Тибет калмыцкого бакши Пурдаш Джунгуева. Ч. 1. Путь в Тибет / Пер. А. Д. Руднева. Редакция пер., предисл. и примеч. А. Г. Сазыкина // Филологические исследования старописменных памятников. Элиста, 1987; Ч. 2. У святынь Тибета // Проблемы монгольской филологии. Элиста, 1988.
24. *Damdinsurung Če. Mongyol uran Jokiyal-un degeji jayun bilig orosibai* // *Corpus Scriptorum Mongolorum*. Т. 14. Ulayanbayatur, 1959.
25. *Rintchen Y. Manuscripts mongols de la collection du Professeur J. Kowalewski à Vilnius* // *Central Asiatic Journal*. Т. 19. Wiesbaden, 1975.
26. *Sazykin A. G., Yondon D. Travel-Report of a Buriat Pilgrim Lubsan Midžid-Dordži* // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. Т. 39. Budapest, 1985.

А. П. Терентьев-Катанский

**ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ ТАНГУТОВ
ПО ДАННЫМ ТАНГУТСКОЙ ЛЕКСИКИ
(Словарь "Море письмен")**

Материалом, легшим в основу данного сообщения, послужили названия явлений живой природы (в данном случае животных), содержащиеся в большом тангутском толковом словаре "Море письмен" и его продолжении "Море письмен, смешанные категории", опубликованных отдельным двухтомным изданием в 1969 г. (Москва). Разумеется, словарный запас, содержащийся в этих книгах, далеко не исчерпывает собой все богатство тангутской лексики, но все же его достаточно, чтобы составить общее представление о естественно-научных взглядах тангутов, а также об окружающей их природе.

При анализе тангутских иероглифов, обозначающих интересные нас понятия, представляется целесообразным пользоваться двумя ключами. Это, во-первых, своеобразный способ анализа состава знаков, данный в самих словарях. Но вряд ли его можно назвать структурным анализом в полном смысле этого слова. Чаще всего благодаря этому способу можно успешно выделить фонетическую часть одинаково звучащих иероглифов, иногда детерминативы, значительно реже части, несущие семантическую нагрузку. Обычно анализ проводится по принципу определения составных частей иероглифа, сходных с таковыми элементами других знаков:

1. Знак Х: левая часть знака *а*, правая часть знака *б*.
2. Знак У: правая (левая) часть знака *а*, большая часть знака *б*.
3. Знак Z: правая (левая) часть знака *а*, целиком знак *б*.
4. Знак состоит из частей знаков *а*, *б*, *в*, *г* и т. д.

Естественно, что случаи 2 и 3 относятся главным образом к омонимам, причем большая часть знака или знак целиком в составе другого знака указывает на звучание. Семантическую нагрузку чаще всего несут элементы отдельных знаков в случае 4. Что же касается случая 1, то здесь мы можем иметь и фонетическое, и смысловое сходство, и ряд ассоциаций, понятных, по-видимому, только составителям словаря.

Иногда такие ассоциации бывают, на наш взгляд, бессмысленными и даже курьезными. Например, иероглиф № 258, обозначающий название особенно красивого, рассматривается в словаре как сочетание элементов знаков "птица" и "стригущий лишай". В ряде случаев имеет место своеобразное смысловое "замыкание", когда два знака с одинаковым значением объясняются с помощью друг друга. Например, иероглиф № 547 — "ночь, мрак" — поясняется иероглифом № 548, с тем же значением и звучанием, а тот, в свою очередь, поясняется первым знаком.

Исходя из сказанного выше, мы видим, что данный способ нельзя назвать структурным анализом. Это скорее система, призванная истолковывать значение знаков для самих тангутов, исходя из знакомых им понятий, или способ запоминания по звуковой и смысловой ассоциации, своего рода мнемонический прием. Однако именно звуковой и смысловой принцип делают данную систему полезной при настоящем структурном анализе, позволяя выделить группу, аналогичную китайской "синшэнь" — омонимы — в массе иероглифов, сходных по смыслу.

Второй ключ к пониманию значения тангутских иероглифов — собственно структурный анализ. Толкование иероглифов, исходящее из семантической нагрузки отдельных частей знака, проводилось в старых китайских словарях, в частности "Шо вэнь", где дается картина постепенного развития знака из рисунка в современный иероглиф. Той же системы придерживались многие европейские специалисты, например Леон Вигер и ныне покойный профессор Всеволод Сергеевич Колоколов. Хотя их метод встречал бурные возражения даже по отношению к китайской иероглифике, а к тангутскому письму считался абсолютно неприменимым как к системе, созданной искусственно, в данном случае к нему следует прислушаться.

Еще первые исследователи тангутского языка — Ло Фу-Чан, Анна Бернхарди, Эрвин фон Цах — обратили внимание на наличие в близких по значению тангутских знаках сходных элементов, без сомнения несущих смысловую нагрузку. Позднее известный советский тангтовед Е. И. Кычанов в ряде своих работ неоднократно возвращался к этой теме. В настоящее время им составлен список 244 смысловых элементов, названных в его пока еще не напечатанной работе о тангутской письменности (рукопись, с. 85—95) "детерминативами". По-видимому, выделенные им элементы в зависимости от места их в иероглифе играют роль не только детерминатива, но и просто значащей частицы.

Все сказанное выше заставляет нас в работе над иероглифическим материалом обратить основное внимание на структурный анализ знаков по принципу "Шо вэнь", используя для этого список элементов,

данных в работе Е. И. Кычанова. При этом не следует пренебрегать и анализом знаков, данным в "Море письмен".

Темой данного сообщения являются естественно-научные взгляды тангутов и их позитивные естественно-научные знания, выявленные в процессе разбора лексического материала, заключенного в слове "Море письмен". Поскольку для небольшой статьи количество информации чрезмерно велико, представляется целесообразным ограничиться рассмотрением познаний тангутов в области зоологии, отбросив пока ботанику и минералогию. Им, как и другим отраслям научных знаний тангутов, автор предполагает посвятить в дальнейшем серию статей.

Точно так же из списка названий животных, упомянутых в данной статье, полностью исключены названия домашних пород, подробно перечисленных автором в другой работе, затрагивающей вопросы животноводства у тангутов и пока не изданной. Здесь же пойдет речь исключительно о дикой природе.

Тангуты определяли землю как "место обитания всех живых существ" [1]. Этим они как бы делили обитателей вселенной на настоящих, реальных живых существ, обитающих на земле, и духов, обитателей трансцендентного мира, местом пребывания которых были по преимуществу небесные или подземные области.

В тангутской лексике четко выделены понятия одушевленных [2] и неодушевленных [3] предметов. Структурный анализ обоих иероглифов не способствует уточнению их значения. В книге Н. А. Невского "Тангутская филология" (М., 1960), в томе I, на странице 194 дан биньом, дословно переводимый как "имеющие душу", т. е. живые существа [4]. Здесь, правда, слабо, проскальзывает мысль о некоей силе ("душе"), делающей предмет живым.

К понятию "имеющих душу", безусловно, относятся животные и человек. Вопрос об одушевленности растений остается неясным. Конечно, народу, исповедующему буддизм, должна была быть близка идея всеобщей одушевленности. Но, с другой стороны, в научной классификации мог господствовать принцип народного деления природы, отличный от религиозного.

Не менее четко, чем между одушевленными и неодушевленными предметами, проведено деление на диких и домашних животных. Даже в тех случаях, когда в слове знак переводится как "животное вообще", этот принцип дает себя знать. В иероглифах №№ 72, 3457 [5, 6] наличествует частица значения "дикое животное" (№ 53 по таблице Е. И. Кычанова). В знаке № 72 за этим элементом следует элемент, обозначающий отрицание (№ 8 по таблице Е. И. Кычанова). Таким образом, здесь уже как будто видно разделение на диких и недиких животных. Третий знак в слове "Море письмен", обозна-

чающий "животное" без уточнения, дикое оно или домашнее [7], имеет в своем составе элементы "нечистоты" и "земля" (№ 17 и 54 по таблице Е. И. Кычанова). Здесь — скорее идея приниженности животных по отношению к высшим существам (людям, духам).

Зафиксированы и иероглифы, определенно обозначающие категорию домашних животных: № 2454, поясняемый словами "из двух видов животных — диких и домашних — домашние животные" [8], и № 3631 [9], обозначающий домашнее животное в расцвете сил. В последнем знаке мы видим элемент "баран" (№ 105 по таблице Е. И. Кычанова).

Такое внимание к животным вполне естественно со стороны тангутов, ведущей отраслью хозяйства которых было скотоводство. Но в данной статье, как было сказано выше, речь пойдет только о диких животных.

Последние также делились четко на хищных и травоядных (подразумеваются млекопитающие). Отдельно были выделены птицы, рыбы, гады и насекомые.

В соответствии с анализом, данным в тексте "Море писем", один знак, переведенный как "дикое животное", можно конкретизировать как обозначение хищных животных [10]. Он состоит из частей знаков "леопард" и "название дикого животного".

Знак № 2352, поясняемый словами "название разного рода диких животных" [11], определенно обозначает травоядных, так как, согласно словарю "Море писем", в его состав входят части знаков "олень" и "баран".

Рыбы и птицы выделены в отдельные группы. Пресмыкающиеся и земноводные, а также насекомые и низшие животные составляют два различных раздела. Особенно четко выражен второй отдел (определенный детерминатив). Некоторые знаки, как мы увидим ниже, объединяют эти два раздела в одну группу, может быть аналогичную разделу гадов в средневековой европейской науке и нечистых животных в религиях древнего мира.

Переходя к описанию конкретных пород животных, перечисленных в словаре "Море писем", следует оговориться, что довольно значительная часть их не поддается идентификации. Из пояснения к знаку мы знаем, что речь идет о диком животном, но что это было за животное, сказать бывает трудно. Структурный анализ знака, могущий уточнить смысл иероглифа с уже известным значением, в приведенном случае таит опасность бесплодного фантазирования.

Все же число названий известных животных достаточно велико. Следуя общепринятой схеме (см., например, "Жизнь животных" А. Э. Брэма), представляется целесообразным начать их рассмотрение с млекопитающих.

Выше уже говорилось о четком делении тангутами всех диких животных на травоядных и хищников. Ввиду того, что первые составляют базу существования для последних, кажется более удобным начать с травоядных.

Степи, занимавшие значительную часть территории тангутского государства, в свое время, по-видимому, не были такими засушливыми, как в наши дни. Даже в районе Хара-хото, расположенном ныне в совершенно безводной области, экспедиция Козлова обнаружила не только следы разрушенных ирригационных каналов, но и русла высохших рек. Речные долины, травянистые степи, леса, склоны гор давали прибежища многочисленным копытным.

Словарь "Море письмен" сохранил термины, определяющие характерные признаки копытных. В словаре зафиксированы знаки, обозначающие рога [12, 13]. В одном из них [13] в качестве составной части есть элемент "баран" (№ 105 по таблице Е. И. Кычанова). Дважды встречается знак, переводимый словами "пятнистый, как олененок" [14, 16], и один раз — знак, обозначающий пятна на шкуре лошади и осла [15]. Встречается и обозначение детеныша копытного животного, ягненка [17], также с элементом "баран" (№ 105 по таблице)

Помимо домашних животных — вола, осла, быка, коровы, мула, яка, коз — немалую пользу приносили тангутам дикие травоядные как объект охоты. Среди них на первом месте были, конечно, олени, обозначенные в "Море письмен" двумя различными знаками [18, 19]. В первых из них фигурирует элемент "сильный" (№ 161 по таблице; № 1 по дополнению к таблице Е. И. Кычанова), во втором — "бык" (№ 102 по таблице). По-видимому, еще чаще встречались тангутским охотникам различные антилопы — дзерены ([20, 21]; иначе переводилось "желтый дикий баран"), сайги [22] — горные козлы ([23, 24]; второй знак также переводится "антилопа"). Очень интересен структурный анализ знака № 1071 [23], толкуемого в "Море письмен" как сочетание частей знаков "черный козел" и "дикий". По таблице Е. И. Кычанова мы имеем здесь элемент отрицания (№ 8), элементы "баран" (№ 105) и "дикий" (№ 53). Получается как бы дикое существо, отличное от барана.

Естественно, что обилие травоядных обуславливало и наличие охотившихся на них хищников.

Характерные признаки последних широко отражены в словаре "Море письмен". Там встречается не менее четырех знаков, обозначающих клыки [25—28]. Некоторые из них, например знак № 2714, имеют много общих элементов, вероятно смысловых. Зафиксировано также выражение, обозначающее голос хищника "рев, рык" [29].

В "Море письмен" отмечены такие обычные для Центральной Азии животные, как шакал [30], лиса [31], волк [32], медведь [33]. Общих элементов знаки, обозначающие этих животных, не содержат.

Несколько необычными для царства тангутов кажутся такие крупные хищники, как тигр [34, 35, 36], пантера (также может быть переведено "леопард", "барс"); [37], лев [38]. Во всех трех иероглифах, обозначающих тигра, встречается элемент "хватать" (№ 168 по таблице Кычанова).

Из мелких животных в словаре упоминаются заяц [39—41], мышь (или крыса) [42] и неизвестный грызун [43]. В двух иероглифах, обозначающих зайца [39, 40], присутствует элемент "маленький" (№ 166 по Кычанову). Иероглифы "мышь" и знак, обозначающий неизвестного грызуна, объединяет общий элемент "мышь" (№ 157 по Кычанову). Возможно, что данный термин — название тушканчика, изображение которого сохранилось в одной из тангутских рукописей (инв. № 4789).

Летучая мышь [44], по-видимому, мыслилась как злое животное, так как в иероглиф, обозначающий ее, входил элемент "зло" (№ 66 по Кычанову). В этом отношении представления тангутов ближе к Западу, нежели к китайскому региону, где летучая мышь была одним из символов счастья. То же можно сказать о драконе, о котором пойдет речь ниже.

Обезьяны, даже если учесть несоответствие древнего климата области царства тангутов современному засушливому климату Центральной Азии, вряд ли могли быть представителями местной фауны. Тем не менее в "Море письмен" встречается целых четыре знака, обозначающих это животное [45—48]. В три знака [45—47] входит элемент "воля, усилие" (№ 166 по Кычанову). Это определенно не фонетический элемент, так как все три знака звучат различно. Очевидно, здесь имеет место элемент символики, непонятной нам. В одном из знаков [47] присутствует также элемент "палец" (№ 62 по Кычанову). Это может указывать на свойство самого животного — обладание подвижными пальцами.

Один из знаков [48], собственно, не имеет прямого значения "обезьяна". Дословно он поясняется, как "(животное), пару рук и пару ног имеющее". Если учесть, что большинством народов обезьяны воспринимались как "четверорукие", то такая характеристика заставляет задуматься. Речь, несомненно, идет не о человеке, так как в знак входит элемент "дикое животное" (№ 53 по Кычанову).

Длительное стояние на задних ногах характерно для человекообразных обезьян. Возможно, к тангутам проникали сведения о гиббоне, до сего дня обитающем в южном Китае. Как курьез можно высказать предположение о том, что данный знак обозначает неизвестного крупного антропода, якобы обитающего в Центральной Азии

("человек-медведь" монголов, "женьсю" и "синсин" китайцев, "снежный человек" современных фантастов).

Тангуты могли видеть обезьян в Китае и получать их, как редких животных, путем торговли. Этим, вероятно, и объясняется наличие столь большого количества терминов, указывающее на хорошее знакомство с данным животным.

Так же обстоит дело со слоном и носорогом. Тангуты вряд ли могли наблюдать этих существ непосредственно в естественных условиях. Но широкое распространение буддизма, в котором слон является обычным символом, и торговые контакты с соседними странами, откуда могли доставляться слоны хотя бы как редкие животные для императорского двора (например, из Китая или из Индии через Китай), могли содействовать созданию достаточно четкого представления о слоне в сознании тангутов. В "Море писем" зафиксированы отдельный знак "слон" [49] и термин, обозначающий и слона и носорога [50]. Последний обозначает также быка и характеризуется словами: "Похожий на коров, но по сравнению с коровами сильнее и крупнее". Такое определение может указывать также на буйвола или яка. Но примечательно, что и в китайском языке название носорога — "синю" — включает в себя слово "корова". Знак, о котором идет речь, поясняется также словами "большой, великий, громадный, огромный" и "чистый, свежий". Последнее определение как будто указывает на то, что данное животное было символом чистоты, святости, а стало быть, речь могла идти именно о слоне.

В сборнике тангутских пословиц и поговорок, переведенных Е. И. Кычановым, есть фраза о "больших слонах", наполнивших реки и болотистые низины¹. Это указывает на большую точность представлений тангутов о слонах, собирающихся стадами.

В первом знаке, обозначающем слона [48], присутствует элемент "лошадь" (№ 20 по Кычанову). Здесь мы имеем момент зоологической классификации, относящей слона к копытным. Носорог, помимо упоминавшегося выше знака, обозначен еще одним иероглифом [51], могущим быть просто разнописью предыдущего. Присутствующий в нем элемент "камень" (№ 4 по Кычанову) может указывать на крепость кожи данного животного. В данном случае это, по-видимому, не классификационный, а просто описательный момент.

Хотя носорог, как кажется, является для тангутов таким же экзотическим животным, как обезьяна и слон, представление о нем могло опираться на более реальную основу. По данным современной палеонтологии, волосатый сибирский носорог, существовавший несомненно

---

¹ Вновь собранные драгоценные парные изречения / Изд. текста и перевод Е. И. Кычанова. М., 1974. С. 90, пословица № 3.

уже на памяти человека, мог дожить в форме реликта до довольно поздних эпох и иметь гораздо более значительный ареал распространения, чем Северная Азия. В Китае носорог был хорошо известен, а в южном Китае сохранился до наших дней.

Птицы в интересующем нас источнике представлены большим количеством названий. Это неудивительно, если принять во внимание широкое распространение пернатых во всех климатических зонах земного шара. Даже если принять за достоверный факт, что климат территории, на которой было расположено государство тангутов, почти не изменился до наших дней, то и в этом случае можно было бы ожидать встречи со значительным количеством степных птиц. Но, как мы уже убедились на примере с млекопитающими, климат царства тангутов в XI—XII вв., без сомнения, был не таким, как теперь.

В "Море писем" зафиксированы такие общие термины, как "крылатые птицы" [52] и "птицы; пернатые, крылья имеющие" [53]. Интересно наличие в них общей графемы, которую Е. И. Кычанов не помещает в таблице, но однако он указывает в рукописи, что значение ее определил Нисидо Тапуо. У него она означает "солнце, день". Но графическая близость ее элементу "птица" (№ 80 у Кычанова) и тот факт, что она встречается не только в подавляющем большинстве названий птиц, но даже в названии некоторых летающих насекомых, подсказывают иное значение — "крылья".

Источник выделяет такие существенные признаки птиц, как перья [54, 55], крылья ([56, 57]; в обоих значениях присутствует элемент "птица"), зоб [58]. Отмечены такие понятия, как "яйцо" [59], "вылупившийся из яйца" ([60]; наличие элемента "крылья" заставляет предположить, что здесь имеет место классификационное значение, аналогичное понятию "птица"). Зафиксировано два знака со значением "гнездо" [61, 62], оба с элементом "трава" (№ 34 у Кычанова).

К несчастью, многие названия птиц (не меньше семнадцати) не поддаются расшифровке. Такие определения, как "название большой птицы", "название птицы с пестрым оперением", "название птицы с красным клювом" и просто "название птицы", ничего не говорят современному читателю. Пускаться в догадки, исходя только из структурного анализа знаков, при недостаточной изученности семантической нагрузки графем тангутского письма, было бы бесплодным занятием. Поэтому в данной статье приходится ограничиться перечислением иероглифов, значение которых нам абсолютно ясно.

Наличие в "Море писем" трех иероглифов со значением "орел" [63—65] и двух со значением "ястреб" [66, 67] как будто указывает на степь или горы — типичное место обитания этих хищных птиц. Но многократное упоминание совы, филина и сыча [68—72] определенно дает указание на лес. Интересно, что в состав знаков "сова" [68] и

"сыч" [71] входит элемент, ранее толковавшийся как "дракон", но определяемый Е. И. Кычановым как "злой дух, демон" (№ 72 у Кычанова). Одно из названий совы [70] поясняется в "Море письмен" словом "старый". Таким образом, и здесь мы имеем дело с осознанием образа совы как носителя зла, что опять-таки близко к западной символике.

Лесной птицей является и кукушка, обозначенная в источниках двумя иероглифами [73, 74].

На большее, нежели в наши дни, богатство страны водой указывают многочисленные названия водяных птиц. Среди четырех терминов, обозначающих журавля [75—78], к одному в "Море письмен" дано пояснение, указывающее на образ жизни этой птицы: "Среди птиц название тех, кто зимой собирается в стаи" [78]. Пояснение к другому знаку говорит о внешнем облике журавлей, водившихся на территории государства тангутов: "Среди птиц название той, которая с черной головой" [76]. Как мы увидим ниже, в разделе об изображении животных в тангутском искусстве, речь идет о дальневосточном журавле, или стерхе.

Из собственно водоплавающих птиц в источнике упоминаются гуси [79—81] и утки [82, 83]. Из гусей особо выделен дикий гусь [79], что указывает на наличие гусей домашних. Один из знаков, обозначающих утку, переводится как "мандаринская утка" [82]. Возможно, что эта порода была завезена из Китая. Анализ другого знака со значением "утка" чрезвычайно наглядно рисует образ водяной птицы — знак состоит из элементов "птица" (№ 80 у Кычанова) и "вода" (№ 47 у Кычанова).

В "Море письмен" зафиксировано еще одно название водяной птицы [84]. К сожалению, отождествить данный знак с какой-либо известной породой не удалось.

Из других птиц в "Море письмен" упоминаются: ласточка [85], воробей [86], ворона (или галка?) [87], сорока [88, 89], голубь [90].

Особо следует отметить феникса [91—93] и павлина [94, 95].

Феникс, образ которого почти несомненно попал к тангутам из Китая, считался и у тангутов царем птиц (пояснения ко всем трем знакам, обозначающим феникса). Любопытно, что в одном из знаков "феникс" [91] дважды повторяется упоминавшийся выше элемент "крылья". Невольно приходит на память древнейшее начертание китайского иероглифа с тем же значением, в графике которого угадывается изображение огромного крыла.

Один из знаков, изображающих павлина [95], переводится также как "курица, петух". По-видимому, павлин был домашней птицей, которая была завезена из соседних стран для императорских парков (так же, как и слон, — см. выше).

Количество знаков, обозначающих пресмыкающихся, в "Море письмен" немногочисленно. Три одиночных иероглифа, переводимые как "змея", графически настолько далеки друг от друга, что структурный анализ не дает никакой классификационной идеи [96—98]. Бином с тем же значением является комбинацией второго и третьего одиночного знака [99]. Особо выделена ядовитая змея (другое значение "гадюка", но речь может идти и о гюрзе) [100].

В двух иероглифах, обозначающих черепаху [101, 102], присутствует элемент "насекомое, гад" (№ 57 по Кычанову). Хотя существует обширная группа разновидностей степных и пустынных черепах, тангутам, по-видимому, были известны и водные черепахи. Знак, обозначающий источник [103], поясняется словами: "Множество черепах".

Дракон, судя по анализу знаков, играл в символике тангутов двойственную роль. С одной стороны, графема "демон", упоминавшаяся выше, представляла собой стилизованное изображение дракона и первоначально переводилась словом "дракон". С другой стороны, один из знаков, обозначающих дракона [104], в "Море письмен" поясняется как состоящий из частей знаков "мудрый" и "змея". Таким образом, дракон выступает то как злое, то как доброе начало. Остальные знаки, переводимые словом "дракон" [105, 106], вероятно, обозначают разновидности дракона, которые имели место и в китайском фольклоре.

Большая часть знаков, обозначающих различные породы рыб, не идентифицируется. В них встречается элемент, не зафиксированный в таблице Е. И. Кычанова, и обозначающий, по-видимому, понятие "рыба" (возможно, изобразительная графема) [107]. Однако знак, обозначающий общее понятие "рыба", этого элемента не содержит [108]. В его состав входят детерминативы "вода" и "камень".

Следует отметить большое количество названий насекомых, содержащееся в "Море письмен". Правда, и среди них девятнадцать названий не идентифицируются, зато породы насекомых, обозначенные оставшимися знаками, достаточно многочисленны и разнообразны.

Основной знак, обозначающий насекомых вообще [109], встречается как в качестве отдельного иероглифа, так и в качестве детерминатива (№ 57 у Кычанова). Судя по его сходству с упомянутым выше элементом "крылья", это — чисто изобразительный знак, наличие которых в тангутской иероглифике отмечал в своих работах Е. И. Кычанов.

Три знака, зафиксированные в "Море письмен", обозначают как насекомых, так и червей и пресмыкающихся [110—112]. Смысл одного из них — "название всех гадов и насекомых" [112]. Ту же картину можно наблюдать в трудах средневековых европейских естествоиспытателей, также иногда не различавших этих разновидностей животных. Знак для обозначения собственно насекомых явно принад-

лежит к категории изобразительных иероглифов [113]. Он же может выступать в качестве детерминатива (№ 97 у Кычанова). Интересна его характеристика в "Море писъмен": "Насекомое, гад; небольшое по размеру, есть как с крыльями, так и без крыльев".

Один из знаков, обозначающих насекомых и гадов, обозначает также личинок и червей [111]. Особый иероглиф обозначает жужжание, гудение насекомых [114].

Естественно, что для полускотоводческого народа, каким были тангуты, важное значение имели насекомые, паразитирующие на скоте. В "Море писъмен" отмечено два названия для овода (или слепня) [115, 116]. Характеристика одного из знаков показывает, что тангуты чрезвычайно точно представляли механизм вредного воздействия слепня: "...название насекомого с личинкой внутри, которое кусает скот" [115].

Два знака, обозначающие муху, фактически представляют собой сочетание одних и тех же элементов — "насекомое" и "птица", — но в различном порядке [117, 118].

Знак, состоящий из элементов "насекомое" и "крылья", переводится словом "пчела" [119]. В "Море писъмен" он поясняется словами: "...находится между насекомыми с крыльями и жалом".

Из четырех иероглифов, обозначающих бабочку [120—123], только один имеет элемент "насекомое" [123]. Один из этих знаков можно отнести к определенной разновидности бабочек: "...название бабочки, похожей на сову" (по-видимому, какая-то ночная бабочка или один из бражников) [122].

Знак "светлячок" известен в двух формах [124, 125]. Один из них [124], по-видимому, идеограмма.

Знак "вошь" [126] не имеет детерминатива "насекомое". В иероглифе, поясняемом как "гнида, яйца вшей" [127], есть упоминавшийся выше элемент "зло, злой дух".

Иероглиф "муравей" [128] анализируется в "Море писъмен" как сочетание элементов знаков "насекомое" и "спешить". Хотя, как было сказано выше, анализ иероглифов в "Море писъмен" вряд ли можно считать настоящим структурным анализом, в данном случае мы имеем четкий зрительный образ муравья, каким он сложился в представлении тангутов, — образ, свойственный представлению многих народов об этом насекомом.

Хотя климат территории, которую занимали древние тангуты, в свое время был менее засушливым, чем сейчас, степной ландшафт занимал в ней значительное место. В какой-то мере это носило отражение в упоминании двух насекомых, живущих в песке [129, 130]. К несчастью, текст, поясняющий оба знака, во многих местах неясен.

Знаки, обозначающие паука [131] и паутину [132], снабжены детерминативом "насекомое". Следует вспомнить, что и в европейской науке сравнительно поздно начали отделять паукообразных от насекомых.

Из червей в "Море письмен" отмечены "черви, заводящиеся в ранах" [133, 134], и странное существо, описываемое как червь, появляющийся на спине коня или на ногах человека, когда всадник едет по густой росистой траве. О том, насколько было распространено это существо, говорит обилие определяющих его терминов (два отдельных знака и два бинома) [135—138]. Если "черви, заводящиеся в ранах", могли быть простыми личинками мух (впрочем, не исключена и среднеазиатская рипшта), то описание второго животного заставляет задуматься. Невольно приходят на память те разновидности сухопутных тропических пиявок, которые, сидя на траве или листьях, подкарауливают жертву и присасываются к ней, проникая даже под одежду. Хотя тропический климат вообще не был свойственен территории государства тангутов, есть вероятность, что в данном случае мы имеем дело с неизвестным животным, родственным тропическим пиявкам.

Моллюски представлены в "Море письмен" лишь одним иероглифом, переводимым как "улитка, слизняк" [139].

Обилие названий животных в "Море письмен" позволяет предположить, что зоологические познания тангутов могли найти отражение в памятниках изобразительного искусства. Действительно, подобных изображений среди материалов, собранных в Хара-хото, много.

Чрезвычайно интересен подбор животных, на которых сидят спутники Вайшраваны, на иконе, числящейся в книге С. Ф. Ольденбурга "Материалы по буддийской иконографии Хара-хото" (СПб., 1914) под № 68. Из диких животных там наличествуют волк, белый лев, явно позаимствованный из китайской иконографии, голубой олень, тигр (очень реалистично данный; почти несомненно — взят с натуры).

По рисункам, изображающим тигров и львов, можно почти безошибочно сделать вывод, какое из этих двух животных тангуты наблюдали в природе. В гравюре, иллюстрирующей рукопись (инв. № 205), в горах, за спиной сидящего Будды, даны изображения различных диких животных. В их числе — лев, данный в китайском стиле, и тигр, образ которого лишен каких-либо элементов стилизации.

На той же гравюре не очень ясно показаны обезьяноподобные существа, выглядывающие из-за скалы. Это — единственное изображение обезьян в тангутском искусстве, обнаруженное до сих пор.

В рукописях инв. № 1471, 1707, 3862, 4058 на полях даны наброски птиц. В двух случаях (инв. № 1707, инв. № 4058) это несомненно гуси. Остальные птицы похожи на журавлей. На иконе № 31 в

книге Ольденбурга около трона Будды помещен типичный дальневосточный журавль (стерх), данный в реалистической манере, с легким уклоном в китайский стиль. На гравюре, иллюстрирующей ксилограф (инв. № 2300), по краям трона Будды помещены фигуры птиц, в которых можно признать мандаринских уток. Изображений павлина в дошедших до нас памятниках тангутского искусства не найдено. Но в других районах Центральной Азии оно встречается².

Дракон почти не встречается в памятниках тангутского искусства. В тех случаях, когда он изображается, он выступает носителем злого начала. Примером может служить гравюра, иллюстрирующая многие главы Маһарајпарамита-sutra, где дракона, вылезающего из колодца, умиряет докшит³. Дракон на иконе № 68 (по Ольденбургу) — не дракон, а существо, подобное китайскому пилиню. Икона № 69, где Ольденбург помещает "большого золотого дракона китайского типа", утеряна.

Подводя итоги, можно сделать два основных вывода:

1. Тангуты не только живо интересовались окружающей их природой (как видно из значительного количества приведенных в статье названий пород животных), но делали попытку классифицировать известных им живых существ. Само иероглифическое письмо включает в себе принцип классификации явлений, что, безусловно, связано с определенной натурфилософской концепцией. Эта концепция предстает перед нами в общих терминах, обозначающих определенные группы животных, в ключевых знаках соответствующих групп иероглифов и, наконец, в общем делении явлений на мертвую природу и "имеющих душу" и в представлении о земле как месте обитания всех живых существ, в противоположность миру существ бестелесных, и тем самым не имеющих статуса жителей земли.

2. Если мы проанализируем характер фауны территории, занимаемой тангутами, перед нами предстанет не та мертвая пустыня, которая в наши дни поглотила большую ее часть, но страна, в которой степные участки, относительно засушливые, чередовались с участками, орошенными водами многочисленных рек, тугайными зарослями, отдельными участками леса. Весьма вероятно, что речные русла, найденные в пустынях Центральной Азии в значительном количестве, во времена тангутов могли еще функционировать. Таким образом, былое богатство тангутского государства животными может служить еще одним аргументом в пользу широко распространенной теории великого усыхания Центральной Азии в исторические времена.

---

² A. Stein. Serindia. Oxford, 1921. V. 1. P. 103.

³ Докшит — дух-хранитель в северном буддизме.

Список тангутских иероглифов

(Знаки даны в том порядке, в котором они упоминаются в тексте. Цифры после тангутского знака обозначают его номер в "Море письмен").

1. 𐰇 № 1796	25. 𐰇 № 846
2. 𐰇 № 3701	26. 𐰇 № 881
3. 𐰇 № 3679	27. 𐰇 (Пояснения к № 881)
4. 𐰇 (Невский. Тангутская филология. М., 1960. Т. I. С. 194)	28. 𐰇 № 2714
5. 𐰇 № 72	29. 𐰇 № 3771
6. 𐰇 № 3475	30. 𐰇 № 3074
7. 𐰇 № 3316	31. 𐰇 № 2752
8. 𐰇 № 2454	32. 𐰇 № 1183
9. 𐰇 № 3631	33. 𐰇 № 4138
10. 𐰇 № 2025	34. 𐰇 № 2616
11. 𐰇 № 2352	35. 𐰇 № 3295
12. 𐰇 № 960	36. 𐰇 № 4873
13. 𐰇 № 3651	37. 𐰇 № 5003
14. 𐰇 № 7	38. 𐰇 № 3544
15. 𐰇 № 3482	39. 𐰇 № 5141
16. 𐰇 № 4171	40. 𐰇 № 4306
17. 𐰇 № 4577	41. 𐰇 № 2285
18. 𐰇 № 2809	42. 𐰇 № 306
19. 𐰇 № 4996	43. 𐰇 № 635
20. 𐰇 № 1161	44. 𐰇 № 4839
21. 𐰇 № 3716	45. 𐰇 № 492
22. 𐰇 № 235	46. 𐰇 № 3775
23. 𐰇 № 1071	47. 𐰇 № 751
24. 𐰇 № 2817	48. 𐰇 № 535

49. 𪔐𪔐𪔐 № 3182
50. 𪔐 № 66
51. 𪔐 № 4771
52. 𪔐 № 4175
53. 𪔐 № 2746
54. 𪔐 № 4798
55. 𪔐 № 4343
56. 𪔐 № 4530
57. 𪔐 № 3755
58. 𪔐 № 922
59. 𪔐 № 3552
60. 𪔐 № 4262
61. 𪔐 № 4826
62. 𪔐 № 5028
63. 𪔐 № 3538
64. 𪔐 № 2476
65. 𪔐 № 4920
66. 𪔐 № 2443
67. 𪔐 № 2442
68. 𪔐 № 4176
69. 𪔐 № 3922
70. 𪔐 № 34
71. 𪔐 № 3543
72. 𪔐 № 3848
73. 𪔐 № 4237
74. 𪔐 № 4055
75. 𪔐 № 4939

76. 𪔐 № 2509
77. 𪔐 № 2996
78. 𪔐 № 2297
79. 𪔐 № 2637
80. 𪔐 № 3671
81. 𪔐 № 810
82. 𪔐 № 3747
83. 𪔐 № 3591
84. 𪔐 № 1070
85. 𪔐 № 542
86. 𪔐 № 4294
87. 𪔐 № 4471
88. 𪔐 № 3597
89. 𪔐 № 1841
90. 𪔐 № 4026
91. 𪔐 № 178
92. 𪔐 (Пояснения к № 178).
93. 𪔐 № 1244
94. 𪔐 № 3298
95. 𪔐 № 2512
96. 𪔐 № 1005
97. 𪔐 № 4321
98. 𪔐 № 3242
99. 𪔐 (Пояснения к № 1005)
100. 𪔐 № 3828
101. 𪔐 № 904

102. 𠂔多 № 2015
 103. 𠂔 № 2683
 104. 𠂔 № 1737
 105. 𠂔 № 266
 106. 𠂔 № 4480
 107. 𠂔 №
 108. 𠂔 № 3136
 109. 𠂔 № 5106
 110. 𠂔 / 𠂔 / № 3749
 111. 𠂔 № 888
 112. 𠂔 № 1780
 113. 𠂔 № 1657
 114. 𠂔 № 486
 115. 𠂔 № 399
 116. 𠂔 № 2283
 117. 𠂔 № 3435
 118. 𠂔 № 3730
 119. 𠂔 № 2529
 120. 𠂔 № 3173

121. 𠂔 № 3987
 122. 𠂔 № 708
 123. 𠂔 № 2545
 124. 𠂔 № 3992
 125. 𠂔 № 2265
 126. 𠂔 № 4214
 127. 𠂔 № 1808
 128. 𠂔 № 2510
 129. 𠂔 № 901
 130. 𠂔 № 537
 131. 𠂔 № 1829
 132. 𠂔 № 4915
 133. 𠂔 № 1214
 134. 𠂔 № 1125
 135. 𠂔 № 1108
 136. 𠂔 № 64
 137. 𠂔 𠂔 (Пояснения к № 64)
 138. 𠂔 𠂔 -"
 139. 𠂔 № 3772

В. П. Грицкевич

ВКЛАД ВЫХОДЦЕВ ИЗ БЕЛОРУССИИ И ЛИТВЫ В НАУЧНОЕ ИЗУЧЕНИЕ АЗИИ В XVI—НАЧАЛЕ XX ВЕКА

При неравномерном культурном развитии разных стран научные знания и научное изучение этих стран развивалось неодинаково в каждой из них.

В науку задачу входило изучение малоисследованного вопроса о том, какой вклад выходцы из Белоруссии и Литвы внесли в научное изучение стран Азии. Речь шла о примерах исследовательской деятельности этих лиц в упомянутых странах, поскольку в ряде публикаций [29, 41—42] их деятельность трактуется как не имеющая отношения к культуре этих земель. Обычно вклад выходцев из Белоруссии и Литвы в научное изучение стран Азии изучался на уровне отдельных биографий или, реже, отдельных территорий, на которых работали выходцы из Белоруссии и Литвы. Уровень обобщения применительно к месту происхождения этих лиц, как правило, выпадал из поля зрения исследователей.

При определении происхождения выходцев из Белоруссии и Литвы нам приходилось учитывать условия незавершенности процесса национально-духовной дифференциации и культурной консолидации белорусского и литовского этносов до середины XIX века. Учитывался и тот факт, что в Белоруссии и Литве после вхождения их на правах федерации в состав Речи Посполитой (1569—1795) и позже среди образованных слоев населения было распространено белорусско-польское и литовско-русское двуязычие. Это объясняет полилингвизм местной письменности и образования и неоднозначность национально-культурной принадлежности местного дворянства, духовенства и части горожан, из среды которых в подавляющем большинстве происходили выходцы из Белоруссии и Литвы, которые внесли вклад в научное изучение других земель. Явление это характерно для территорий, граничных с более сильными в политическом и более развитыми в экономическом отношениях государствами.

Выходцев из Белоруссии и Литвы нельзя отделять от той среды, в которой они росли и воспитывались. Их тяготение к родным местам проявлялось, в частности, в том, что работы этих исследователей публиковались в Белоруссии и Литве или в изданиях, получавших распространение на их территории. Научное наследие выходцев из Белоруссии и Литвы следует рассматривать как принадлежащее культуре нескольких этносов: и того, из среды которого они происходили, и того, на языке которого они получали образование и издавали свои работы, и, разумеется, того, на территории проживания которого протекала их исследовательская деятельность.

В данной статье предпринята попытка суммировать итоги наших многолетних исследований научных результатов путешествий выходцев из Белоруссии и Литвы по Азии. Им посвящен ряд наших книжных [4; 14—15, 38] и журнальных [5—13] публикаций, часть которых перечислена в библиографии.

Ограниченность места позволила включить в пристатейную библиографию лишь те исследования, которые носят обобщающий характер, опираются на новые источники или освещают деятельность персонажей статьи с нетрадиционной стороны.

Отдельные выходцы из Белоруссии и Литвы составляли описания других земель начиная с раннефеодального периода. В таких описаниях первоначально были только элементы научных сведений. В результате развития международных связей со времени формирования в Белоруссии и Литве ренессансной культуры с XVI века их жители все чаще посещали другие страны.

В гуманистических традициях была написана книга несвижского князя Миколая Крыштофа Радзивилла по прозвищу "Сиротка" (1549—1616) "Путешествие в Иерусалим" о его поездке в Сирию, Палестину и Египет. С 1601 по 1962 гг. книга была издана девятнадцать раз на латинском, польском, немецком и русском языках. Критический подход М. К. Радзивилла выгодно отличает его от авторов других современных ему сочинений о Ближнем Востоке. Князь описывал хлопкосеяние на Кипре, выведение домашней птицы в примитивных инкубаторах: поливное земледелие, особенности снабжения водой, торговлю продуктами питания в Египте. Автор уделял внимание представителям фауны Ближнего Востока, обычаям народов Восточного Средиземноморья [4, с. 13—33; 38; 39].

С конца XVI века многие уроженцы Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского, подавляющую часть которого составляли белорусы и литовцы, приняли участие в освоении русскими Сибири. "Ратные люди Литва" (под этим названием в России понимали и белорусов, и литовцев), по сведениям "Строгановской летописи", приняли участие в походе Ермака за Урал. Оставшийся безымянным "пан

литовский полоняник" участвовал в первом известном переходе через южную часть Ямала к Обской губе [19]. Служившие в Сибири выходцы из Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского знали "Мангазейский морской ход" из Карского моря в Обскую губу вокруг оконечности Ямала. Один из них сообщал в 1632 г. тюменскому воеводе, "что де Обским устьем пройти в Белое море, и Белым морем в Литву и в Немцы можно" [2].

Из среды сосланных на службу в осваиваемую Сибирь выходцев из Белоруссии и Литвы вышли видные администраторы и участники походов в малонисследованные земли. Тюменский десятник "из литвинов" Иван Петрович Текутьев совместно с атаманом Василием Тюменцом и "толмачом" (переводчиком) Григорием Михайловичем Литвином в 1616 г. первыми из числа европейцев составили отчет о своей дипломатической поездке в Хакасию, Туву и северную Монголию. В отчете содержатся сведения о хозяйстве и социальных отношениях местных жителей, об особенностях природы Центральной Азии [14, с. 32—42, 26]. В 1619 г. "литвин" Ян Куча, а в 1646—1647 гг. его земляк Богдан Аршинский возглавляли дипломатические миссии к джунгарским правителям в верховья реки Или (ныне на территории Китая) [21].

Нами выдвинуто предположение, что Я. Куча следовал туда примерно вдоль теперешней железнодорожной линии от Семипалатинска через Актогай, мимо озера Алаколь, через Джунгарские ворота, минуя озеро Эбинур к реке Боротала с выходом в долину Или [14, с. 27—31].

Оршанский шляхтич Адам Каменский находился в 1661 г. в русском плену в Тобольске, в 1661—1662 гг. в Енисейске, затем в 1668 г. в Якутске. После возвращения он составил записки о пребывании в Сибири, где описал быт коми-зырян, вогулов (манси), тобольских татар, остяков (хантов), тунгусов (эвенков), якутов. В записках приведены новые сведения о возможности проплыть морем к устью Амура от устья Лены [41, с. 116—141]. По мнению Б. Н. Полевого, эти сведения были получены от Семена Дежнева и Михаила Стадухина, которые незадолго до этого обогнули по воде Чукотский полуостров [27—29].

Представляют интерес воспоминания о пребывании в Якутске региментария (заместителя командующего) Белорусской дивизии в войске Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского Людвика Сеницкого, взятого в плен в 1707 г. в Быхове. В ссылке в Якутске он пробыл до 1722 г., а в 1754 г. издал в Вильно книгу со сведениями о Сибири. В ней приводится описание жизни и быта якутов, религиозные их верования [14, с. 52—54; 41, с. 141—150].

Одновременно с А. Каменским на службу в Якутск был направлен шляхтич Федор Козыревский, взятый в плен под Смоленском. Его

внук Иван Петрович Козыревский (1690—1734) в 1711—1713 гг. обследовал Камчатку и два Курильских острова — Шумшу и Парамушир, составил первый чертеж Камчатки и Курильских островов [14, с. 55—62; 29].

Заслуживает внимания исследовательская деятельность выходцев из Белоруссии и Литвы на окраинах царской России в условиях политической ссылки. В 1795—1796 гг. в Нижнекамчатске отбывал ссылку активный участник национально-освободительного восстания в Речи Посполитой под руководством Т. Костюшко уроженец Пинского повета бригадир Юзеф Копоть (1762—1827). В своих воспоминаниях, изданных не менее десяти раз, Ю. Копоть описывал жизнь якутов, коряков, чукчей, ительменов, а также вулканическую деятельность и полярное сияние на Камчатке [14, с. 76—85; 41, с. 158—180].

Преподаватель доминиканской коллегии в Забелах (ныне дер. Волышцы Верхнедвинского района Витебской области) Фаустин Тетерский (1760—1832) был сослан за организацию общества, готовившего восстание против самодержавия, в Забайкалье, где жил в 1797—1801 гг. Ф. Тетерский оставил описание местных горных рудников, описал жизнь эвенков [20; 41, с. 181—187].

Востоковед Осип Иванович Сенковский (1800—1858) родился на пограничье между Литвой и Белоруссией в Антоголонах (ныне Пагало-нес Молетского района Литвы), в родовом имении своей матери, происходившей из белорусского рода Буйко. Обучался в Минском иезуитском коллегииуме и Виленском университете. В 1819 г. он выехал в Стамбул, для совершенствования в восточных языках, посетил Ливан, Египет, Нубию. О. Сенковский оставил описание нынешнего Судана, ряда стран Ближнего Востока, Греческого Архипелага, подарил Краковскому университету вывезенный им египетский папирус. Позже он преподавал восточные языки в Петербургском университете, занимался публицистической деятельностью [18; 36; 38, с. 17—38].

Вклад в изучение Азии внесли другие выпускники Виленского университета уроженцы Белоруссии Томаш Зан (1796—1855), Адам Сузин (1795—1880), Осип Ковалевский (1800—1878), Адольф Янушкевич (1803—1857), братья Александр Ходзько (1804—1891) и Иосиф Ходзько (1800—1881). Они были репрессированы властями за организацию и участие в деятельности общества филоматов (любителей наук). Идеология филоматов развивалась в духе дворянской революционности. Некоторые филоматы выступали за отмену крепостного права, свержение самодержавия, придавали большое значение просвещению народа.

В ссылке в Оренбурге Т. Зан под впечатлением встречи с А. Гумбольдтом изучал геологическое строение Поволжья, Приуралья, северного Казахстана, а также их природные ресурсы. Он проявил интерес к быту башкир, татар и казахов, сделал одну из первых записей

народной поэзии татар, собрал этнографические коллекции. В 1831 г. Т. Зан основал при военном училище в Оренбурге первый местный музей и сдал туда ряд собранных им предметов музейного значения. В 1838 г. его перевели в Петербург, где он без успеха готовил к изданию составленные им "Сочинения о минеральном и растительном богатстве Южного Урала". В 1841 г. Т. Зану было разрешено вернуться в родные места. Здесь он производил геологические изыскания в бассейне Нёмана [14, с. 92—131; 22].

А. Сузин отбывал ссылку в Орске и Оренбурге. Отсюда он совершил в 1834 г. поездку в казахскую степь и оставил интересное описание быта ее жителей [14, с. 132—145].

О. Ковалевский в 1824 г. был направлен в Казанский университет для изучения восточных языков. Отсюда его командировали для обучения монгольскому языку в Иркутск. О. Ковалевский совершил поездку в Ургу (ныне Улан-Батор) и Пекин. Он привез в Казань многочисленные китайские, монгольские, тибетские и маньчжурские рукописи, основал в местном университете первую в Европе кафедру монгольского языка, подготовил первого бурятского ученого Д. Банзарова, монголоведов — В. Васильева, А. Бобровникова и других. Несколько лет ученый возглавлял университет [32].

А. Янушкевич примкнул к национально-освободительному восстанию 1830—1831 гг. против паризма, был взят в плен и сослан в Западную Сибирь. С 1842 г. он служил в Омске в учреждениях, ведавших управлением казахами. В 1846 г. он участвовал в экспедиции генерала Н. Ф. Вишневого в восточный и юго-восточный Казахстан. Впечатления исследователя об экспедиции изложены в его "Дневниках и письмах из путешествия по казахским степям" — важном этнографическом источнике по истории Казахстана. "Дневники" выдержали два польских, одно русское и одно казахское издания [30].

А. Ходзько после окончания университета учился в Петербурге в учебном отделении живых языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. В 1830—1841 гг. он находился на русской дипломатической службе в Иране, путешествовал по стране, собирал восточные рукописи, одним из первых изучал тальшпский, гиланский и мазандеранский языки, один из диалектов курдского языка. В Париже и Лондоне он впервые издал многочисленные записи произведений народного творчества жителей Ирана, азербайджанцев, туркмен, в том числе произведения классика туркменской поэзии Махтумкули, издал географическое описание провинции Гилян [11—13].

К кругу филоматов ...был близок Ян Виткевич (1808—1839), уроженец имения Папьяуше Шавельского уезда Виленской губернии (ныне Келмесский район Литвы). За организацию тайного общества он был сдан в солдаты на Оренбургскую пограничную линию. Здесь Я. Витке-

вич изучил несколько восточных языков, совершил рискованное путешествие в Бухару (1834—1835). "Записка" Виткевича об этой поездке содержит ценный этнографический материал и данные физической географии Казахстана, Каракалпакии и Узбекистана. В 1837—1838 гг. Я. Виткевич совершил путешествие в Иран и Афганистан. Описание его поездки по Хорасану и Афганистану является ценным источником по физической географии этих территорий [40].

И. Ходзько, равно как и другой уроженец Белоруссии, выходец из Копыся Михаил Павлович Вронченко (1802—1858), внес свой вклад в создание на научной основе военно-топографических карт России. Геодезическая работа И. Ходзько и М. Вронченко началась с триангуляции в Литве и Белоруссии. В 1831 г. И. Ходзько производил астрономические работы на Балканах, в 1833 г. составлял тригонометрическую сеть на побережье Босфора, производил съемки в Болгарии, Валахии и Молдавии. В 1836 г. руководил инструментальной съемкой Могилева и его окрестностей.

В 1840 г. И. Ходзько был направлен в Тифлис. Под его руководством и при его участии была проведена триангуляция Закавказья и Северного Кавказа. Она послужила основой для широкого развертывания топографических съемок. В 1850 г. исследователь уточнил высоту Большого Арарата, поднявшись на его вершину. Он составил первую точную карту распределения северокавказских минеральных вод. Со времени основания Русского Географического общества И. Ходзько был его членом, активно участвовал в работе Кавказского отделения общества, был награжден Константиновской золотой медалью общества. Ученый разрабатывал проект Транскавказской железной дороги [38, с. 39—52].

М. Вронченко учился в Москве в училище колонновожатых. С 1823 г. проводил геодезические работы в Литве и Белоруссии, затем совершенствовал знания в Дерптском университете. В 1833 г. он определял географическое положение ряда пунктов Малой Азии, собирал сведения о населении, экономике, климате, природных богатствах этой малоисследованной европейцами страны. Результатом работы было двухтомное "Обозрение Малой Азии в нынешнем ее состоянии" (1838—1840) — ценный источник для изучения Турции середины XIX века.

М. Вронченко был в числе членов-учредителей Русского Географического общества и членом совета общества [10, 33].

Прогрессивные традиции филоматов унаследовала Ева Фелинская (1793—1853), уроженка с. Узнога (ныне Клепкий район Минской обл.). Она была в составе руководства демократической организации "Содружество польского народа", которая охватила своей деятельностью Правобережную Украину, Белоруссию и Литву. За это

Е. Фелинскую сослали в Березов (Тобольская губерния), где она пробыла с 1839 по 1841 г. В своем "Дневнике" ("Воспоминания из путешествия в Сибирь и пребывания в Березове"), который четырежды издавался на польском языке, выдержал три английских и одно датское издания, Е. Фелинская описала быт русских и хантыйских жителей Приобья, массовое выступление ненцев и хантов под руководством Ваули Пиеттомина, свидетельницей которого она была. Это единственное описание движения коренных народов Сибири, составленное ссыльным революционером в XIX веке, и описание, наиболее раннее по времени его опубликования [14, с. 185—203; 20, с. 155—163]

За участие в противоправительственном движении Бронислав Залеский (1820—1880), уроженец Вызны Случского уезда Минской губернии, высылался под надзор полиции сперва в Чернигов, а затем в Оренбургский корпус, где служил рядовым. Б. Залеский был направлен в экспедицию по изучению Аральского моря под командование А. И. Бутакова в качестве художника "в помощь рядовому [Т. Г.] Шевченко для отделки гидрографических видов". Оба ссыльных участвовали и в составе научной экспедиции под руководством геолога А. И. Антипова, которая изучала возможности эксплуатации каменноугольных месторождений на полуострове Мангышлак (лето 1851 г.). В 1853 г. Б. Залеский участвовал в походе царских войск на кокандскую крепость Ак-Мечеть (ныне г. Кызыл-Орда). Позже его послали служить на Северный Урал. После отставки (1856) Б. Залеский жил в родных местах, а в 1860 г. переехал во Францию. Здесь он издал статьи о жизни башкир и казахов и альбом с видами Казахстана и подробным описанием помещенных гравюр [8].

Уроженцы Белоруссии и Литвы, сосланные в азиатские владения России за участие в освободительном движении, как правило, в вынужденных местах поселения занимались полезной для общества работой, изучали природные богатства, географические особенности этих территорий, этнические и языковые особенности местного населения.

Для общероссийской географической науки периода капитализма, когда Белоруссия и Литва входили в состав Российской империи, характерно повышение интереса к природе и жизни населения тех частей страны, и в первую очередь Сибири, Дальнего Востока, Арктики, которые были изучены недостаточно. Этот интерес диктовался запросами развивавшейся экономики и культуры страны. К изучению природных ресурсов Арктической и Азиатской частей страны привлекались не только находившиеся на государственной службе лица, но и ссыльные участники освободительного движения.

Среди исследователей Сибири, Дальнего Востока и Арктики в этот период — выходцев из Белоруссии и Литвы следует назвать Бенедикта Дыбовского (1833—1930), Ивана Черского (1845—1892), Николая

Витковского (1843—1892), Михаила Янковского (1843—после 1905), Эдуарда Пекарского (1858—1934) и других.

Уроженец Минского уезда Б. Дыбовский после окончания минской гимназии учился в Дерптском и Бреслауском университетах, совершенствовал естественно-научные знания в Берлине, с 1882 г. был адъюнкт-профессором кафедры зоологии и сравнительной анатомии Главной школы в Варшаве. За участие в подпольной работе во время освободительного восстания против царизма в 1863—1864 гг. Б. Дыбовский был приговорен к казни, замененной ссылкой на каторгу в Сибирь. В 1866 г. ученому разрешили поселиться в Дарасуне вблизи Читы, где он организовал бальнеологический курорт, существующий и поныне. С 1868 г. Б. Дыбовский изучал животный мир озера Байкал в селении Култук. Вопреки утверждениям скептиков он доказал, что озеро богато видами низших животных, изучил рельеф дна озера, дал характеристику его температурного режима, химического состава воды и льда. В 1869 г. он принял участие в экспедиции И. Г. Соколова по Амуру. Ученый исследовал климат и фауну озера Хубсугул на севере Монголии, в 1873—1874 гг. — фауну Приамурья и Уссурийского края, в 1879—1883 гг. — природный мир Камчатки и Командорских островов. В 1883—1906 гг. Б. Дыбовский возглавлял кафедру зоологии в Львовском университете, а в 1928 г. был избран иностранным членом-корреспондентом Академии наук СССР [3; 44].

Михаил Иванович Янковский был сослан в Сибирь за участие в восстании 1863 г. в местечке Горках Могилевской губернии. Вместе с Б. Дыбовским он исследовал Уссурийский край, обосновался там и создал ферму на берегу Амурского залива. Он разводил пятнистых оленей, завел плантации женьшеня, занимался селекцией дальневосточной лошади, проводил археологические раскопки, изучал местную флору и фауну [35].

Уроженец Витебского уезда Николай Иванович Витковский был сослан в Сибирь за участие в восстании 1863 г. в родных местах. Он работал в Иркутском музее консерватором, изучал флору и полезные ископаемые Восточной Сибири, занимался археологическими изысканиями. За исследования палеолита Сибири был удостоен золотой медали Русского Географического общества [24].

Иван Дементьевич Черский за участие в том же восстании был сослан в Омск, служил здесь рядовым. После увольнения из армии был привлечен руководством Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества к работе в Иркутском музее. С 1885 по 1891 гг. работал в Географическом обществе и Академии наук в Петербурге.

И. Черский впервые обнаружил и правильно истолковал памятник каменного века в Сибири (на берегу Ангары в Иркутске), изучал

геологическое строение восточной части Восточного Саяна и Канско-Черемховской депрессии, строение береговой полосы Байкала. В столице он составил физико-географическое описание северо-западного побережья Байкала и Восточного Саяна. Его работы были отмечены серебряной и золотой медалями Географического общества.

В 1891 г. И. Черский отправился в экспедицию для изучения вопросов зоогеографии постплиоцена. Он предложил первую тектоническую карту Восточной Сибири, впервые обнаружил между Индигиркой и Колымой три альпийские цепи северо-западного направления. Им была составлена сводка материалов о четвертичных млекопитающих и о климате постплиоцена Сибири [17].

Народоволец Эдуард Карлович Пекарский родился в Петровичах (ныне Смолевичский район Минской области). За участие в организации студенческих волнений в Харьковском ветеринарном институте в 1881 г. был сослан в Якутию. В трудных бытовых условиях он принялся за составление толкового словаря якутского языка. С 1905 г. он работал в Петербурге. Ученого избрали почетным членом Академии наук СССР.

Исследователь издал "Словарь якутского языка" с параллелями из родственных языков и объяснением устаревших слов и явлений быта, а также три тома "Образцов народной литературы якутов" на якутском языке. За эти труды ученый был награжден золотыми медалями Академии наук и Географического общества. Словарь Э. Пекарского был переиздан в нашей стране в 1958 г., а его первую часть перевели на турецкий язык и издали в Стамбуле в 1945 г. [15 а].

Константин Адамович Воллосович (1869—1919) родился в Слупском уезде Минской губернии, окончил факультет естественных наук Варшавского университета, в 1892 г. переехал в Петербург и работал в Академии наук и Лесном институте. За участие в революционной деятельности он был арестован, находился в заключении, отбывал ссылку в Архангельской губернии (1896—1899). Под руководством В. П. Амалицкого он изучал геологическое строение берегов Северной Двины, животный мир Белого моря.

По поручению руководителя первой русской полярной экспедиции Э. В. Толля К. Воллосович организовал продовольственные базы вдоль возможного пути экспедиции, а затем выполнял программные работы по палеонтологии и геологии. После окончания работы экспедиции он обрабатывал коллекции, собранные в ходе ее, составил геологическую карту Новосибирских островов. В 1908 г. он возглавил экспедицию Академии наук на реку Санга-Юрях (Якутия) для раскопок останков мамонта, в следующем году изучал геологическое строение острова Большой Ляховский и Хараулахских гор на севере Якутии, руководил съемкой береговой линии Северного Ледовитого океана между устьями

Яны и Индигирки. По поручению К. Воллосовича в 1910 г. на Большом Ляховском острове был выкопан труп мамонта. Труп мамонта был доставлен в Лахту (под Петербургом), где ученый препарировал останки трупа и отправил их в палеонтологическую галерею в Париж. Работы К. Воллосовича положили начало регулярному геологическому исследованию полярного севера Якутии и выявлению его природных богатств [14, с. 270—282].

В первой русской полярной экспедиции Э. В. Толля принимал участие зоолог Алексей Андреевич Бялыницкий-Бируля (1864—1937). Он родился в Оршанском уезде (ныне Витебская обл.). После окончания естественного отделения Петербургского университета (1893) и до конца жизни работал в Зоологическом музее Академии наук в Петербурге. Исследования ученого были посвящены кишечнополостным, червям, ракообразным Енисейской и Обской губ, губкам Байкала, птицам полярного побережья Ледовитого океана, систематике скорпионов и фаланг Кавказа, изучению малярийного комара. В 1923 г. он был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук [14, с. 266—269].

Гидрограф Андрей Ипполитович Вилькицкий (1858—1913) был выходцем из Минской губернии. Он окончил Морскую академию в Петербурге, занимался исследовательской работой в Главном гидрографическом управлении в Петербурге, изучал ускорение земной силы тяжести на Балтийском море, за что был награжден золотой медалью Литке Русского Географического общества. В 1887 г. ученый проводил гравитационные наблюдения на Новой Земле, в 1894—1896 гг. во главе гидрографической экспедиции в Карском море сделал промеры в устье Енисея, описал Обскую губу и низовья Оби. В результате экспедиции была составлена новая карта побережья Карского моря, устьев Енисея и Оби. С 1907 г. А. Вилькицкий возглавлял Главное гидрографическое управление. По его инициативе началось издание морских карт и лоций, было построено несколько гидрографических судов, организована Гидрографическая экспедиция для исследования Северного морского пути с востока на запад во главе с Н. С. Сергеевым. Для экспедиции были построены ледоколы "Таймыр" и "Вайгач" [23]. После смерти Н. Сергеева в 1913 г. экспедицию возглавил сын А. Вилькицкого Борис Андреевич Вилькицкий (1885—1961). В августе 1913 г. участники экспедиции открыли архипелаг Земля Николая II (с 1926 г. Северная Земля) [16].

В изучение Якутии и Дальнего Востока внес свой вклад Фома Матвеевич Августинович (1809—1891), сын крестьянина Виленской губернии. Он окончил Виленскую медико-хирургическую академию, работал на Украине, в России. В 1871—1872 гг. и 1880 г. изучал условия быта поселенцев на Сахалине. В 1874—1876 гг. занимался противо-

эпидемической работой в Якутии. Он посетил Вилюйский и Колымский округа. Врач привез из экспедиций в Ботанический сад и институт Академии наук в Петербурге сорок тысяч экземпляров растений Якутии и Сахалина. Эти коллекции составили основу для изучения флоры северо-востока Азии.

Ф. Августинович проводил наблюдения над бытом чукчей, юкагиров, якутов, чуванцев, эвенков за два десятилетия до начала регулярных исследований быта этих народов северо-востока Азии [14, с. 216—219].

Уроженец Минской губернии Иосиф Антонович Гопшкевич (1814—1875) окончил Минскую духовную семинарию, а затем Петербургскую духовную академию. Позже он работал в Пекине в составе Русской духовной миссии (1840—1850), проводил там астрономические и метеорологические наблюдения, изучил китайский язык, позже был переводчиком и секретарем Русской миссии в Японии, составил первый японско-русский словарь (1857), удостоенный Демидовской премии. Он был первым русским консулом в Хакодате (Япония) (1858—1865), пересылал собрания насекомых и растений в Петербургские Ботанический и Зоологический музеи. После ухода со службы И. Гопшкевич жил в имении Мали (ныне Островецкого района Гродненской обл.). Посмертно, в 1899 г., была издана его книга "О корнях японского языка" [31].

Бронислав Людвигович Громбчевский (1855—1926) родился в имении Ковнатов (ныне Каунатавас Тельшяйского района Литвы), поступил на военную службу, добился назначения в Среднюю Азию, где провел более двух десятков лет. Он совершил несколько путешествий. За ценные сведения о географии Тяньшаня и Капшарии, которые Б. Громбчевский посетил в 1885 г., Русское Географическое общество удостоило его серебряной медали. По поручению общества путешественник посетил ханство Хунза в Каракоруме (1888), изучил его географию, записал слова языка местных жителей — буришского. За отчет об экспедиции Б. Громбчевский был награжден золотой медалью общества. В ходе следующей экспедиции путешественник посетил Раскем, Каракорум и Западный Тибет (1889—1890), открыл несколько хребтов и озер, уточнил карту Каракорума и Тибета, произвел свыше десяти тысяч верст маршрутных съемок [6; 7; 43].

К путешествиям по Азии уроженцев Белоруссии и Литвы примыкают экспедиции по экваториальной Африке их земляка Р. Флегеля.

Уроженец Вильно Роберт Флегель (1855—1886) учился и работал в Риге, переехал в Гамбург, в двадцатилетнем возрасте поехал работать в факторию в Лагос (ныне Нигерия). Он провел там три года на Гвинейском берегу, в 1870 г. исследовал горы Камеруна, реку Бенуэ. Он посетил султанаты Нуре и Сокото (1880), чтобы получить у местных

султанов рекомендательные письма для повторного плавания по Бенуэ. В 1882 г. он достиг главного города страны Адамауа Йолы, открыл истоки Бенуэ. В 1885 г. Р. Флегель отправился в очередное путешествие, достиг Йолы, вернулся к побережью и скончался в Брассе [37, с. 1—6].

Научная деятельность выходцев из Белоруссии и Литвы в слаборазвитых странах Азии и на азиатских окраинах Российской империи проявлялась в различных формах. Выходцы из Белоруссии и Литвы занимались изучением фауны и флоры, геологического строения определенных территорий. Преобладала же смешанная программа исследований, которая включала в себя геологическую, зоологическую, ботаническую, археологическую, антропологическую, этнографическую, лингвистическую деятельность.

Подобные исследования совершались чаще всего в свободное от основных служебных занятий время по личной инициативе ученых. Заслуживает внимания деятельность исследователей на окраинах царской России в нелегких условиях политической ссылки. Часто работа этих лиц развертывалась при недостатке материальных средств, в условиях зависимости от личных качеств местных администраторов. Выходцы из Белоруссии и Литвы распространяли среди местного населения основы современных научных знаний и культурные навыки.

Деятельность выходцев из Белоруссии и Литвы в слаборазвитых странах и на окраинах России не могла устранить вековые религиозные и этнические предрассудки и предубеждения их населения и полностью приобщить его к передовой европейской культуре. Эта деятельность для жителей далеких стран все же приносила объективную пользу, особенно тогда, когда вышеупомянутые ученые активно выступали за равноправие угнетаемых этнических меньшинств. Своей деятельностью выходцы из Белоруссии и Литвы объективно противодействовали реакционным и колонизаторским тенденциям феодальных и капиталистических режимов в слаборазвитых странах и на окраинах Российской империи.

Сведения о природе и населении отдаленных земель, нередко впервые приводимые в работах упомянутых исследователей, обогащали науку новыми сведениями, готовили почву для ее дальнейшего развития и не утратили значения до сего времени [5; 9].

Исследовательская деятельность выходцев из Белоруссии и Литвы в слаборазвитых странах способствовала формированию научных представлений об этих землях. Нередко выходцы из Белоруссии и Литвы помогали готовить специалистов отдельных дисциплин из числа местных жителей, способствовали пробуждению среди местной интеллигенции интереса к природе и прошлому своих стран. Эта деятельность выходцев из Белоруссии и Литвы помогала постепенной

интернационализации духовной жизни в далеких странах, приобщала культурные слои их населения к богатствам передовой европейской культуры.

Литература

1. Большаков Н. Н., Вайнберг Б. В., Никитин П. Н. Иосиф Иванович Ходзько, ученый геодезист. М., 1960.
2. Бахрушин С. В. Андрей Федорович Палицын // Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 175—197.
3. Винкевич Г. А. Выдающийся географ и путешественник. Минск, 1965.
4. Грицкевич В. П. Путешествия наших земляков. Минск, 1968.
5. Грицкевич В. П. Вклад уроженцев Литвы и Белоруссии в развитие географических знаний // Материалы 9-й Межреспубликанской конференции по истории естествознания и техники в Прибалтике. Вильнюс, 1972. С. 54—56.
6. Грицкевич В. П. К изучению биографий К. И. Богдановича и Б. Л. Громбчевского (по материалам советских архивов) // История русско-польских контактов в области геологии и географии. Л., 1972. С. 24—26.
7. Грицкевич В. П. С Алая на Каракорум // Лит. Киргизстан. 1972. № 4. С. 79—82.
8. Грицкевич В. П. Друг Кобзаря по неволе // Урал. 1977. № 3. С. 162—165.
9. Грицкевич В. П. Исследовательская деятельность выходцев из Прибалтики и Белоруссии в странах Азии, Африки и Америки как фактор формирования научных представлений об этих странах в XIX в. // Вопросы истории науки и техники Прибалтики (Тезисы докладов 11-й Прибалтийской конференции по истории науки и техники). Тарту, 1977. С. 187—191.
10. Грицкевич В. П. Неопубликованные записки о Турции уроженца Белоруссии М. П. Вронченко (1834—1835 гг.) // Весці Акадэміі навук БССР. (Серія грамадскіх навук). 1979. № 5. С. 122—127.
11. Грицкевич В. П. Вклад воспитанника Вильнюсского университета Ал. Ходзько в развитие востоковедения // Научные труды высших учебных заведений Литовской ССР: История. Т. 20. Вып. 1. Вильнюс, 1980. С. 85—97.
12. Грицкевич В. П. Популяризатор туркменской поэзии Александр Ходзько // Известия Академии наук Туркменской ССР. (Серия общественных наук). 1980. № 2. С. 60—69.
13. Грицкевич В. П. Один из первых исследователей азербайджанского эпоса // Известия Академии наук Азербайджанской ССР. (Серия литературы, языка и истории). 1982. № 1. С. 19—25.
14. Грицкевич В. П. От Немава к берегам Тихого океана. Минск, 1986.
15. Грицкевіч В. П. Нашы славытыя землякі. Мінск, 1984. С. 64.
- 15а. Грицкевіч В. Эдуард Пякарскі: Біяграфічны нарыс. Мінск, 1989.
16. Езенов Н. Н., Купецкий В. Н. Русский полярный исследователь — Б. А. Вилькицкий // Летопись Севера. М., 1964. Т. 4. С. 223—228.
17. Черский И. Д. Неопубликованные статьи, письма и дневники. Статьи о И. Д. Черском и А. И. Черском. Иркутск, 1956. С. 370.
18. Каверин В. А. Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, журналиста, редактора "Библиотеки для чтения". 3-е изд. М., 1966. С. 239.
19. Копанев А. И. Пингешский летописец. XVII в. // Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 57—92.
20. Мальдзіс А. (Л). Таямніцы старажытных сховішчаў. Мінск, 1974. С. 155—163.
21. Марков С. Золотые зерна истории // Вечные следы. М., 1973. С. 66—68.
22. Модестов Н. (Н.) Магистр Фома Карлович Зан в Оренбурге // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1917. Вып. 35. С. 5—55.

23. *Мордовин К. (П.)* Памяти Андрея Ипполитовича Вилькицкого. ♣ 26 февраля 1913 г. (Воспоминания и впечатления) // Записки по гидрографии, издаваемые Главным гидрографическим управлением. СПб., 1913. Вып. 36. С. VII—XXXIX.
24. *Овчинников М. Н. И. Витковский* // Сибирский архив. 1911. № 1. С. 1—11.
25. *Оконешников Е. И. Э. К. Пекарский как лексикограф*. Новосибирск, 1982. С. 143.
26. *Покровский Ф. И.* Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г. (мнимое путешествие атаманов Ивана Петрова и Буриаша Яльчева в 1567 г.) // Отдельный оттиск из кн.: Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. 1913. СПб., 1914. Т. 18. Кн. 4. С. 11—26.
27. *Полевой Б. П.* Забытый источник сведений по этнографии Сибири XVII в. О сочинении Адама Каменского-Длужика // Сов. этнография. 1965. № 5. С. 122—129.
28. *Полевой Б. П.* Еще раз о Каменском-Длужике // Сов. этнография. 1975. № 4. С. 116—119.
29. *Полевой Б. П.* Польские сочинения XVII в. о Сибири и роль поляков в истории ранних русских географических открытий в Северной и Восточной Азии // Русско-польские связи в области наук о Земле. М., 1975. С. 15—16.
30. *Стеклова Ф. И.* Адольф Янушкевич и его книга // Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Алма-Ата, 1966. С. I—XXXVIII.
31. *Файнберг Э. Я. И. А. Гошкевич — первый русский консул в Японии (1858—1865 гг.)* // Историко-филологические исследования: Сб. ст. к 75-летию академика Н. И. Конрада. М., 1967. С. 505—509.
32. *Шамов Г. Ф.* Профессор О. М. Ковалевский. Очерк жизни и научной деятельности. Казань, 1983. С. 113.
33. *Шостын Н. А.* Михаил Павлович Вронченко, военный геодезист и топограф. М., 1956.
34. *Э. К. Пекарский:* (К 100-летию со дня рождения). Якутск, 1958. С. 54.
35. *Янковский В. Ю.* Нэнуви — четырехглазый. Ярославль, 1979. С. 239.
36. *Amdrzejewski T.* O początków polskiego kolekcjonerstwa egiptologicznego // Szkice z dziejów polskiej orientalistyki. Warszawa, 1966. S. 55—57.
37. (*Flegel K.*) Einleitung // Flegel E. Vom Niger-Benue. Briefe aus Afrika. Herausgegeben von K. Flegel. Leipzig, 1890. S. 1—6.
38. *Grickevičius V.* Dešimt kelių iš Vilniaus. Vilnius, 1972. P. 223.
39. *Hartleb M.* Mikołaja Krzysztofa Radziwiłła pielgrzymka do Ziemi Świętej // Prace historyczne. W 30-lecie działalności profesorskiej St. Zakrzewskiego. Lwów, 1934. S. 5—40.
40. *Jewsiewicki W.* Batyr. O Janie Witkiewicz. 1808—1839. Warszawa, 1983.
41. *Kuczyński A.* Syberyjskie szlaki. Wrocław, 1972.
42. *Kuczyński A.* Polacy w dziele cywilizacyjnym na Syberii w początkach kolonizacji rosyjskiej // Przegląd historyczny. 1982. T. 73. Z. 1—2. S. 47—68.
43. *Olszewicz M.* Generał Bronisław Grabczewski, polski badacz Azji Śródkowej (1855—1926). Poznań, 1927. S. 45.
44. *Trepka A.* Benedykt Dybowski. Katowice, 1979. S. 496.

В. Г. Васильев, А. И. Жиров, Е. В. Максимов

ТЮМЕНСКИЕ ДНЕВНИКИ Л. П. ШУБАЕВА

Леонид Павлович Шубаев (1912—1991) оставил заметный след в советской физической географии. Венцом его практической деятельности явилось издание учебника "Общее землеведение" для студентов географических факультетов педагогических институтов и университетов [1].

Вся практическая деятельность Л. П. Шубаева была тесно связана с преподаванием географии. Окончив в 1936 году географический факультет ЛГПИ им. А. И. Герцена, он сразу был направлен в Тюменский педагогический институт ассистентом кафедры географии. И это не случайно, ведь его учителями были известные географы, работавшие в то время на географическом факультете: Борис Николаевич Геродков, Сергей Сергеевич Кузнецов, Алексей Александрович Каденский и другие. Географическая подготовка Леонида Павловича была весьма солидной — судя по тому, что он, по существу, самостоятельно провел геоморфологические исследования в 1937 году в бассейне безвестной тогда еще реки Надым в Западной Сибири.

Вскоре в Тюменском педагогическом институте он возглавил кафедру физической географии, не имея еще ученой степени. А в годы Великой Отечественной войны Л. П. Шубаев работал старшим преподавателем топографии на окружных курсах младших лейтенантов. Леонид Павлович и сам принимал участие в боевых действиях в далеком 1939 году, был пулеметчиком на р. Халхин-Гол во время советско-японского конфликта.

По окончании войны Л. П. Шубаев перешел работать на кафедру физической географии ЛГПИ имени А. И. Герцена, где в 1947 году защитил кандидатскую диссертацию по геоморфологии района р. Надым. Все последующие годы Леонид Павлович шлифовал свое педагогическое мастерство, читая лекции и ведя практические занятия и полевые практики со студентами географического факультета. Имея за плечами солидный опыт исследователя, Л. П. Шубаев был прекрасным научным руководителем. В числе его учеников — будущие доценты кафедры физической географии и геологии ЛГПИ имени А. И. Гер-

цена А. Н. Шершнева, Г. В. Мошкова, В. Г. Васильев, А. Я. Степанов, Л. Ф. Сидоров и многие другие.

По существу, с момента окончания института у Л. П. Шубаева появилась идея создания фундаментального пособия-учебника "Общее землеведение", в которое вошли бы оригинальные мысли по основным проблемам как практической, так и теоретической физической географии. И эта идея была успешно реализована — учебник Леонида Павловича выдержал два издания — в 1969 и 1977 годах.

Большой интерес представляют впечатления Леонида Павловича о двух экспедициях в Западную Сибирь в 1937 и 1950 годах, в которых он принимал участие, изложенные им в "Тюменском дневнике" [3], написанном в 1937 и 1950 годах и отредактированном в 1975 году. Дневник представляет собой 118 страниц машинописного текста с приложениями, в жестком переплете.

В 1937 году экспедиция была организована Тюменским педагогическим институтом и ставила своей целью общее изучение междуречья рек Тромьеган и Надым: описание растительности и составление геоботанической характеристики местности по маршруту, описание рельефа и сбор материалов о плейстоценовом оледенении, а также участие в составлении первой карты масштаба 1 : 1 000 000 для данного района. Экспедицией руководил Владимир Саввич Михайличенко, ботаник, заведующий кафедрой ботаники Пединститута. Всего в составе экспедиции было пять человек, но до Надымской губы добрались только трое: кроме В. С. Михайличенко и Л. П. Шубаева еще Макс Моисеевич Фрадкин, геолог, преподаватель кафедры географии Тюменского пединститута.

Маршрут экспедиции начинался в Сургуте и включал в себя три части:

- а) бассейн реки Тромьеган, или, по-местному, Торм-Яун — Божья река;
- б) водораздел Тромьегана с Надымом;
- в) долина реки Надым до ее устья.

О степени изученности бассейна рек Тромьеган и Надым можно судить по тому факту, что на руках у участников экспедиции была лишь глазомерно составленная карта-абрис А. А. Дунина-Горкавича начала века. А до первого исследования данного района в 1879 году топографом Н. К. Хондажевским "это пространство на основании разных слухов и догадок представлялось то сплошным моховым болотом, то непроницаемой лесною чащей" [1, с. 1].

Исследование болотно-таежных районов Западной Сибири, труднопроходимых и в настоящее время, тогда было сопряжено с немалым риском для жизни из-за отсутствия надежных средств передвижения и топографической основы, о чем ярко свидетельствуют воспоминания Л. П. Шубаева. Интересны и зарисовки быта коренных народов Западной Сибири — хантов и ненцев, приводимые в дневниках. Ниже при-

водится выдержка из дневника Л. П. Шубаева об экспедиции 1937 года, повествующая о самом трудном участке пути — преолении водораздела Тромъегана с Надымом [3, с. 21—41].

"Итак, мы готовимся к первому пересечению Северного водораздела Западной Сибири на меридиане Тромъегана или Торм-яуна. Думаем выйти в Надым. Нас всего трое. Энергетика — только наша сила, ни моторов, ни даже парусов. Нас интересует рельеф, морена, история оледенения.

17 августа 1937 г. Встретив на водоразделе ханты, мы пытались разговаривать. При помощи Михайличенко, наикратчайшего «словаря», мы скажем одно слово, они — десятки, из которых мы не поймем ничего. Разговор был внешне юмористичен, а для нас трагичен — мы ничего не смогли выяснить. Смутно поняли, что отказа в оленях нет и что нам надо ехать дальше на рэп. Путем черчения карт на песке выяснили, что рэп ниже Юкун-яун, а она уже скоро. Нам до заломов надо бы еще идти дня полтора и мы думали, что придется обходить заломы, а для этого рубить лес метров на 100 и тащить лодки на катках.

Переехали на тот берег на песок обедать. Они ультиматумом потребовали спирта. После обеда все поехали на обласках. Женщины тоже пили спирт. Варвара сначала закрывала лицо платком, а потом его сбросила.

Рэп, к которому мы ехали, оказался близко, часа через 3 мы доехали. Отсюда пойдём на оленях. Были рады. Ханты пойдут за оленями и вернутся дня через три. На водораздел уйдет дней 15.

18 августа. Утром они уехали. Мы мылись, брились. Вчера впервые в жизни ел оленину, твердая, жесткая, может не разварена.

19 августа. Джем. Комары. В пологах.

20 августа. Около 15 часов услышали крик, а затем увидели, что на той стороне реки ведут оленей. Привели четырех оленей. Они Варвары. На обласке привезли разобранную нарту, ее собрали. На болоте Степен собрал еще две нарты. Оказалось, что Осип нарт не даст. Таким образом, всего пять нарт. Толмач Дмитрий сначала русский «не понимал», хитрил, а потом понял.

21 августа. Утром $T=12,50$. Выход в 9-40. Счастливая минута. Семь минут шли по беломошнику, хорошо. Затем началось рямовое болото с мочажинами. Чередуются болота и гривы.

Юрта Степана. Уже не грива, а большая площадь беломошника. Красиво. Редкие раскидистые большие сосны. Еще реже березы.

Река Колым-яун. Ширина 8 м, глубокая, берега обрывистые, 2 м высотой. В пойме заболоченный березняк. Переправа. Олени вплавь на веревке. Если они обрывались, то их загоняли криком. Нарты перевозили на спаренных обласках, по две сразу. Переправа заняла 30 минут. Сбор в 11-17. После поймы опять бор — беломошник, затем

сфагновое болото, среди него озеро $0,5 \times 1,0$ км, затем крупнобугристое болото. Бугры высотой 1—1,5 м, багульник, редкие сосны, березы высотой 2—3 м, сфагнум, скованный мерзлотой. Южная граница островной вечной мерзлоты. Ближе к озеру бугры крупнее.

До обеда прошли семь озер диаметром от 200 до 1000 м. Все время шли сухим лишайниковым болотом. Очень сухо. От лишайника клядоныя за нами стояла пыль. Сухость объясняется очевидно, кроме погоды, еще хорошим дренажем поверхности в озере, которых здесь много, и песчаным грунтом. Местами видны котловины уже заросших озерков. Некоторые из них — зыбуны. В одном из них провалился геолог Фрадкин. Он удержался только на растопыренных руках. Но до него олени здесь прошли. Вытаскивали его так: ханты сказали: «Олень быстро бежать, русский нарту хватать». Пустили оленей с пустыми нартами, Фрадкин за них ухватился.

Ночуем на болоте. Остановились в 18-37. Подсчитали: ходовых часов было всего 4 (четыре). Считая по 3 или по 3,5 км в час, прошли 12—14 км. Много отдыхали, долго обедали. Ханты не спешат. Да и куда?

22 августа. Вышли в 9 ч. Маленькая речка Ай-яун. На ней мост-переход сделали вчера. Озеро $1 \times 1,5$ км Пычты-Ай-яун — озеро маленькой речки. Когда подошли к месту обеда, тут уже были Никита и Иван. Здесь же были и два обласка. Никита сказал, что надо сегодня и завтра ждать. «Хочешь спать сегодня завтра», ждать Осипа. А если он не придет, то послезавтра пойдем. Решили ждать. Ханты стали просить спирта. Немного дали, стали просить еще — не дали. Стращали, что не поедут. Ультиматум. Пришлось еще немного дать. Считаю долгом заметить, что оплату деньгами принимали крайне неохотно: куда мне деньги? За деньги они не пошли. Главное спирт. Я это не ставлю в вину ханты. Это относится и к русским в наших населенных пунктах; ханты к тому же в то время на факториях за деньги купить было почти нечего. Все необходимые товары они брали за пушнину. А других товаров не было.

23 августа. Все ушли в юрту Дмитрия. Остался один Степан. В 13 часов пришел Осип с нартой. У него мальчик 11 лет, но уже курит. Юрта Дмитрия на берегу озера, в котором есть рыба — щука, язь. У ханты женщины при мужчинах закрывают лицо платком, чай пьют после них, а во время питья чая мужчинами сидят в стороне. Водка все это нарушает.

У озера типичное бугристое болото. Высота бугров не более 2-х метров. На одном из бугров спелый кедр.

Мы объясняемся более на русском языке, конечно, своеобразном. Они рисуют карты. Дмитрий нарисовал карту, согласно которой мы должны выйти на реку Им-яун. Десять ночевков. Маленький Ванька не хотел ехать. Ханты с нашего согласия пристращали его Сургутом. Мы написали в Сургутский райисполком письмо с извещением о нашем

отъезде на водораздел и на Надым. Ханты мы обещали из Омска бумаги с благодарностями. К бумагам отношение почтенное, авторитет.

24 августа. Был дождь, вышли только в 11-40. На обед встали в 13-30. После обеда шли до 17 ч. Прошли всего 8 км. Идти тяжело: моховое бугристое болото, ногу поднимаешь высоко, а затем она утопает, поднимаешь вторую и т. д. А сам закутан в накомарнике, лыжном костюме, высоких броднях, все это почти герметически завязано от комаров. На себе полевая сумка, тяжелый «фотокор».

Заросли полярной березы, чаще они около озер. Это уже почти тундровый ландшафт. Но он фрагментами. Владимир Саввич сегодня нашел тундровую осоку, растет в мочажинах. Вечная мерзлота на глубине 40 см. На нее ставим на ночь вскрытые консервы.

Тяжело и оленям. Нарты на таких блоках, что везет каждый олень, даже если он отстает. Это рассчитано не на лень оленей, а на условия пути.

25 августа. Температура 10,0. Сегодня весь день шли по лишайниковому болоту, но оно отличается от тех беломошников, которые были в предыдущие дни. Сосен нет. Горизонт далеко. Видна однообразная блекло-желтая скучная поверхность. На горизонте кругом виден будто бы лес, ориентиров для сравнения расстояний нет; трудно описать то чувство, которое овладевает мной, когда я попал в такое болото впервые — ни радости, ни скуки, одно желание — скорее вырваться. Ободряет только сознание, что с каждым шагом ближе к цели. Лес на горизонте — это поросшие лесом гривы. Одну из них мы пересекли: грунт твердый, песок, ель, кедр, береза. Прошли 16 км. Это длинный северный день при полном напряжении сил.

26 августа. Шли все по тому же лишайниковому болоту. Температура 4,50. Здесь водится белая куропатка.

27 августа. Бассейн Ай-яун — маленькой речки, впадающей в Тромъеган. Ай-яун это даже не речка, а сток болотных вод, канава. Только знающий местность скажет, что это — начало реки. В верховьях Торм-яун много ручьев, дающих начало речке. Перешли типичное бугристое болото. Высота бугров 5 м. Вершины их — оголенный торф. Бутры всегда приурочены к долинам рек или к берегам озер. В одном бугре у основания найден песок и галка $D=2,5$ см. После бугристого болота опять стало лишайниковое, а затем лес. Вообще на водоразделе грунт тверже, больше леса.

В 16 часов 15 минут перешагнули Им-яун — начало системы Надыма.

Водораздел пересечен.

Пошли вдоль Им-яун по низинному гипсовому болоту, но оно не долинное. Долины еще нет. Там, где местность повышается, впечатление, что здесь вал. Свернули от реки в лес, вышли на идеальную равнину с лишайником клядония. Деревьев нет.

Здесь нашли сначала несколько валунов, а затем большой валун диаметром около полуметра и другой валун, ушедший в землю, диаметром около 1 метра. Это и есть, очевидно, морена. С нее к долине идет значительное понижение. Взяты образцы для петрографического состава.

После ухода с морены шли по грядово-мочажинному болоту. Видели полярного хищника конюка.

28 августа. Вышли в 10-10. После перехода Им-яун ландшафт резко изменился: вместо болот Тромьегана преобладать стал лес. Хотя ханты и ведут оленей по болотам, где легче ехать, по обе стороны пути тянется лес. Грядово-мочажинные болота чередуются с гривами. Их пересекли несколько. На гривах найдены валуны гранита, кварцита, диабазы. В одном лесу для оленей пришлось прорубать просеку. В составе леса преобладают ель и лиственница — проходим елово-лиственничную подзону.

Обедали на болоте — в лесу много комаров, но кругом лес.

29 августа. Утром ветер, мгла, вероятно, горит лес; солнце светит слабо. Вышли в 9-10. Шли по болоту между двумя заболоченными лесами. Часто подходим к реке, смотрим, нельзя ли идти на лодке. Решили берегом идти до обеда. В 12-05 остановились на обед и отсюда решили идти на лодке. Ханты закололи оленя: три раза ударили по голове обухом, затем ножом проткнули сердце, сняли кожу, вынули внутренности, а олень был вверх ногами на спине. Сортировали мясо. После отделения одного бока кровь собралась в другом, ее собрали своеобразным лотком в желудок. Кожу, голову, сухожилия обгладывали зубами и ели сырое мясо. Я тоже впервые ел его в сыром виде. Они едят так: берут кусок в зубы и у самого рта отрезают острым ножом кусок, зубами его не откусить.

По Надыму

Переупаковали груз, укоротили весла. Отдали деньги. Степан не брал, положил около палатки, но затем ему все-таки вручили.

В том месте, где перешли на лодки на Им-яун, ханты сделали засечки на кедрах. На одном мы написали, что спустилась экспедиция Тюменского педагогического института. Сохранилась ли эта надпись? Это было 29 августа 1937 года. Им-яун — Бабыя речка.

Река шириною около 6 м, мы видели, что она часто завалена деревьями, но решили, что по ней идти все-таки легче и быстрее, чем на оленях по болотам. Потом мы поняли многое и в частности, что мы недооценили степень заваленности заломами.

1 сентября. Не писал давно: было не до этого. Как только 29 августа сошли на обласки — мы опарили два обласка — начались завалы деревьями или заломами. При каждом заломе вещи перетаскивали по берегу, а пустые обласки тащили по деревьям через залом. Только

корму спускали с одного залома, нос упирался в другой. Это немного образно. Мы рубили, разбирали заломы, растаскивали бревна. Сами мокрые по грудь. Было очень и очень тяжело. Местами встречались и чистые участки реки. При выходе на них мы сперва по-настоящему садились на весла, но уже через 5 минут были вынуждены брать маленькие весла. В день проходили 3 км, максимум 5 км. Работали до поздней ночи. Счет дней потеряли, ели не в сроки, а при изнеможении. Только раз варили пищу на гриве. Только я поднес спичку к костру, загорелся лишайник, пламя быстро распространялось в лес. Началось тушение пожара, таскали воду ведром, чайником, соскребали ягель и т. п. Мы помнили, что за нами незримо следит вся округа, и мы должны обязательно делать только хорошее. С пожаром справились.

1 сентября после преодоления огромного, не менее 100 м в длину залома через 200 м хода по реке лодки вошли в непроходимое болото — сор. В нем русло реки исчезает, река теряется: вода разливается сначала тонким слоем, а потом и вовсе исчезает, впереди огромная площадь травяного болота со мхом. Весло, поставленное стоя, вязнет до конца, берегов не видно.

На веслах идти нельзя — болото, лодка не идет. Шестом нельзя — он тонет как в киселе. Выйти из лодки и толкать ее нельзя — сами тонем в болоте.

Не впадая в панику, мы сначала пришли к выводу, что этой речки нам не пройти. Невозможно или ждать заморозков или сейчас идти куда можно пройти независимо от цели экспедиции. Началось спасение себя. Но и его мы проводили все же в направлении, нужном нашей цели — только вперед. Кое-как пробившись к ближайшему участку твердой поверхности с кедром, мы выложили все вещи, которые казались не совершенно необходимыми; все, что можно было раньше отдать, мы отдали ханты, так как поехали на маленьких обласках. Сейчас выложили следующее: манную крупу, сковороду, бродни, два полога, треногу фотокамеры, банку сухого молока, не снятые фотопластинки, геологический молоток, уменьшили образцы, зубные щетки и порошки. На кроне кедра что-то повесили для опознавания. Взяли минимум одежды, совсем мало пищи, дневники, снятые пластинки, небольшие образцы.

Уйдя от этого кедра, мы вскоре увидели разные признаки того, что ханты домой не возвратились, а все это время за нами следили и оставленное нами немедленно забрали. Они особенно хотели молока.

От кедра пошли на разведку. Перспективы мрачные — болото. Вдруг Макс Моисеевич кричит: озеро. Все побежали. В самом деле вдаль оказалось озеро. Обласки и вещи перетаскивали по болоту, а потом по лесу к тому месту, где по реке снова можно идти. До чего же медленно двигаться через болото: за день прошли менее 1 км, а по прямой 500 или 500 метров. К вечеру вышли на озеро. В этот день не

обедали и легкие передышки устроили всего три раза. Озеро хотели назвать Желанным, да пока воздержались: какой-то река будет ниже озера. Озеро круглое, в диаметре около 1,5 км, весло скрывало по глубине. Я сделал три снимка. объехали озеро кругом. Кроме Им-яун в него впадает еще одна речка. Ночевали на песке-пляже. Нашли исток вниз.

2 сентября. Утром выехали с радужными надеждами на реку. Вначале она была сносной, ехали быстро. Но вот опять заломы. Некоторые прошли, встретились непроходимые. Разведкой выяснили, что впереди опять болото. Для преодоления ближайших заломов применили новый способ: перетаскивали обласки через шейку излучины и попали опять в сор. Река опять разливается по болоту, глубина сначала вершка 2—3, а потом и вовсе вода исчезла. Обласки не идут, тащить нельзя — нас засасывает. Опять нависла угроза не пройти, до Надыма не дойти.

Появилась мысль о возвращении пешком на Тромъеган. Но и туда путь отрезан: пешком можем взять очень мало, будем голодать, палатку не унести, идут дожди, болота разольются, обувь худая. Нельзя быть уверенными и в отыскании кратчайшего пути. Остается одно — вперед всеми силами, иначе заморозки, гибель. Она была, эта опасность.

Сор прошли, после него река опять появилась, прошли порядочно, до обеда. Разведка после обеда показала, что дальше река опять переходит в сор, но уже заросший ивняком. Пошли по нему. Идти так же трудно, ивняк мешает таскать вещи и лодки. Ночевали прямо на кустах ивняка в обласках. Костер не разводили, ели холодные консервы, без чая.

Вечером держали совет. Решили: вперед.

3 сентября. Часть груза по сору перенесли к реке, где она как будто улучшилась. Тащили по воде-грязи-жиже. Сейчас В. С. и М. М. пошли за остальными вещами, а я пишу. Писать все-таки надо: авось дневник до кого-то доживет и будет прочтен. При такой работе, да еще в холодной воде нужно хорошее питание, а мы едим лишь консервы, чаще холодные. Хорошо, что погода стоит без дождя. А то бы было совсем плохо.

По сорам часто лодку двигали так: двое с носа по бортам спускаются в болото, пока тонут, успевают толкнуть лодку вперед до того, что корма дойдет до рук. Влезают в лодку, переходят опять на нос, снова погружаются, тонут, толкают и т. д. За день проходили метров 500.

Бродит мысль: уж не сознательно ли ханты нас сюда пустили. У Никиты вид преступника. Уж не оттого ли Степан Сопочин, наиболее честный из наших проводников, так упорно не брал деньги и был печален и сидел в стороне. Когда мы грузились, он сел на берегу,

положил деньги и письмо в Сургут. А утром он говорил «Худой речка», но смысла его речи мы не поняли.

Со временем мы в этой мысли укрепились. Вспомним, что это был 1937 г., недавно прошел здесь год великого перелома. Вспомним, что здесь было восстание. Ниже на водоразделе были владения кулаков. История может назвать и более трагические события на севере.

После протаскивания лодки по сору-болоту река снова приобрела типичные черты: высокие берега, излучины русла, по коренным берегам спелый лес. В русле снова много мелких заломов, но преодолимых. К вечеру подошли к большому залому. Макс Монсеевич пошел на разведку и доложил, что совсем рядом проходит река, так что есть смысл перетащить груз и лодку и мы обойдем залом. Так и сделали и на шейке излучины ночевали, весьма довольные. Палатка в глухом лесу. Ночью сильный дождь.

4 сентября. Утром спарили обласки и пошли. И ужас: подошли к тому же залому, который вчера обходили, т. е. перетащили груз не вперед по реке, а назад. Сколько напрасных трудов. Непростительно. Но ни о чем не думая, зная, что у нас только один выход — вперед, стали снова перетаскивать через залом. После перетаскивания прошли порядочно, преодолев много мелких заломов без выноса лодки на берег.

5 сентября. День значит многое. В первой половине дня достигли того места, где Им-яун приняла приток, равный по величине себе и, естественно, вдвое увеличилась. Мы пошли уже на больших веслах, довольные и полные надежд. Есть надежда вернуться в мир. Хорошо, что никто из нас не заболел.

Река приняла типичные черты, весьма извилистое русло, большие пески. Мы это распенили, как признаки близости Надыма. Но увы, река образовала огромный залом, который мы преодолели перетаскиванием. После залама река пошла по новому руслу среди болота и скоро впала в озеро... Как оно неприятно, как мы боимся не только озера, но даже лебединого крика — предвестника озер.

Переехали на ту сторону, ходили в разведку, вымокли насквозь от дождя, кустов, травы. Но сушиться некогда. Осень поджимает, а впереди... одна неизвестность. Продуктов все меньше, одежда рвется.

Пришлось ехать по мелкой речке, поросшей травой и снова сор... О, боже. Опять несколько дней купаться в болоте и торфе. Да еще дождь.

Но сор был из милостивых: вымочив нас снизу, а дождь сверху, позволил обласкам пройти. К вечеру вышли на приличную реку. Ночевали в ее начале.

Чередование участков сформированной речной долины и соров-болот является следствием того, что Западно-Сибирская равнина на севере от водораздела падает ступенями. При падении реки со ступени на ступень русло выработало долину, а на плоскостях ступеней располо-

жены соры-болота. Там, где река падает со ступеней, она сильно эродирует, размывает берега, валит лес и создает заломы. Слово «сор» у северных финских народов обозначает болото-плоскость, например, Кукисвумчоор на Кольском полуострове: чоор = сор = плоскость — болото.

6 сентября. Сегодня прошли много, около 30 км. Но перетаскивали через два залама, утром и вечером. Работали с полной отдачей — только в работе наше спасение. Иначе зимовка и...

7 сентября. Скверный день. Утром дождь, но мы пошли. Пройдя немного, встретили залом. Перетащили. Шел дождь со снегом, холодно, продрогли. Началось заболевание животов от тяжелой работы и плохого питания. А Надыма все еще нет. А он-то ведь несколько сотен километров. Макс Мойсеевич отморозил пальцы на ноге, оттирала, разводили костер. Роскошь.

Поехали дальше и новое несчастье: у обласка пробили дно. Скорее к берегу, а то лодки перевернутся и все в воде... Было так. Русло завалено, М. М. и В. С. на веслах, я, как наиболее опытный на лодке, сижу на корме, на рулевом весле. Обходим коряги. Вдруг обласки завертелись на месте, напоролись на подводную корягу и она пробила тонкое дно обласка. Думать некогда, все выскочили в ледяную воду реки и на руках обласку подняли и сняли с коряги. Шел мокрый снег. А если бы хоть один заболел? За день прошли мало, не более 5 км.

8 сентября. Мысли ночью: Надым длинный, мы его еще не достигли. Обласк пробит, чинить нечем. Утром редкий дождь. За починку обласка взялся я, у меня рука набита. Починил так: от голенища бродней отрезал кусок кожи. Для получения жести вскрыли последнюю банку консервов из неприкосновенного запаса. Но где взять гвозди? У одного из ящиков с образцами нашел кусок проволоки. Заплата была поставлена. Она выдержала весь путь, ни разу не подвела.

Поехали. Всего через 1 км наша река впадала в другую, такую же по величине. Мы подумали, что это и есть Надым. Рады.

В 16 часов огромный залом. Сфотографировал. Перетащили и пошел сильный дождь. Встали. Макс Мойсеевич варит борщ, у него сегодня день рождения. Обещает немного спирта за рождение и за выход в Надым. На реке такие же пески, как и на Тромъегане. Карты Надыма, конечно, нет. Ее нет и вообще нигде. Мы съемку закончили на Тромъегане.

Длинное плесо ударяет в высокий берег и сильно его размывает. Но мы не описываем. В русле отмель. Подошли к горе высотой 20 м. Много валунов. Это морена. На правом берегу. Фотография. Описывать некогда.

9 сентября. Весь день идет дождь со снегом. Лежим в палатке.

10 сентября. Ночь тихая, ясная. Встали рано. Замерзло. Пройшли много — около 50 км, и все без заломов. Шли долго. Вместо обеда —

только чай. Видели: справа приток средней величины; лесной пожар, облака дыма, падал пепел, огня не видели; высокий берег с остатками жилья: печь из прутьев, смазанных глиной, люлька в виде ящика качалась на кольцах из корней сосны, ящик с рыбьей чешуей, сушилка. Выходили на берег.

Признаки присутствия человека попадают от озера: остов чума, сушилка, запруды, слопшы, но все старые.

Река шириною 40—50 м, большие плеса, много стариц. Впало два притока, справа и слева.

11 сентября. День хороший. Прошли свыше 50 км. После половины дня река приобрела характер среднего течения: широкая, свыше 50 м, часты песчаные мели. В 14 часов 15 минут впала слева большая река, много меньше Надыма, метров 40, с сильным течением. Думаем, что это Левая Хэтта. Других левых притоков на нашей «карте» — примитивном чертеже нет. Если так, то мы скоро пойдем. После впадения Хэтты Надым стал шириною метров 70—80, мелей меньше, пески и плеса длиннее. В лесах больше лиственницы и кедра, сосны и ели меньше.

Признаков человека сегодня не видели, хотя удобных для жилья мест много. В верховьях Надыма живут лесные ненцы пян хасово; поэтому там встречались и признаки жилья. В среднем же течении ненцы кочуют — летом живут у моря и ловят рыбу; видели зимнюю дорогу.

Сегодня видели морену: высота берега более 20 м. Крутые берега здесь чаще, но преобладают без морены.

12 сентября. Утро пасмурное, дождь. Но мы пошли в 8-30. Шли хорошо. Во вторую половину дня справа впал большой приток. Думаем, что это Правая Хэтта. Но не уверенно. Судя по времени пути, наш чертеж неверен. Как плохо без карты, вслепую. Карта Дуннина-Горкавича только ориентировочная.

Надым стал громадной рекой, но часты перекаты и мели, много песчаных островов. Встали в 16-16 из-за дождя; $T = 10,0$.

13 сентября. Шли с 8 до 17 часов. Встретили два притока справа и один слева. Ширина Надыма более 200 м, но очень много мелей, перекатов, островов, кос. Острова и протоки образуют сложный лабиринт, в котором трудно разобраться. Обласки часто едва проходят по мелям. Пески длинные, свыше 2 км. Огромные излучины-меандры.

Описанное место в долине Надыма надо понимать как аналог сора, тоже на ступени-плоскости рельефа. Но большая масса воды пробивает.

От самого Сургута с нами путешествовала собака Шаронова Розка, породы лайка. Она никак не хотела сидеть в лодке. До Надыма это было просто, она бежала по берегу, небольшие речки переплывала. В лабиринте Надыма ей стало трудно. Мы пытались удержать ее в лодке, выскакивает. Сегодня она потерялась, отстала, но на ночевке все же

подошла, догнала. Однако в ближайшие дни она все-таки не смогла следовать за нами.

Мелей так много, что для проводки большой лодки надо знать фарватер, лоцию. К песку для ночлега едва подошли даже на наших обласках — мелко. Признаков человека не видно. Видели медвежонка и выдру. Завтра думаем подойти к Правой Хэтте, но все это сомнительно, карта весьма ориентировочна.

14 сентября. Лежим в палатке. С утра и до вечера дождь и снег при сильном ветре. Снег не тает, лежит. Ветер так силен, что невозможно развести костер. Едим сухари. Давление 744. Циклон.

15 сентября. Замерзло. Лежит ночной снег. Сильный С-З ветер. На воде между обласками лед. Вышли в 9 ч. Страдаем от избытка воды (в сорах ее не хватало): волна бьет через борт, окатывает спину, ноги мокрые. Нередко к вечеру наши ватные костюмы совсем намокают. А где сушить? Сушим так: в мокрых ватных куртках и брюках залезаем в спальный мешок, конечно, каждый в свой, и сушим одежду своим теплом. К утру она высыхает. А чтобы это выдержать, выпиваем спирта. Сапоги же (робни) оставляем в палатке, к утру они смерзнутся, разбиваем поленом и одеваем. Портянки и носки сушим тоже в спальнях мешках своим теплом. И все-таки никто не заболел. Бактерий-то нет. Да и воля.

Сегодня утром река была обычной, пески до 3 км длины. С полудня река изменилась — пески и плеса пропали, река превратилась в систему протоков, островов и отмелей; нам часто приходилось возвращаться, когда мы заходили на мель или в тупиковый рукав. Далеко видна широкая вода и песчаные острова. Ширина Надыма не менее 500 м. К коренным берегам русло не подходит. Аналог сора очевиден.

В полдень увидели первые признаки человека — халеев: они живут всегда в местах рыбной ловли. Обрадовались. Халеи — это род чаек, но чем-то хуже их. Пословица говорит: прикидывается чайкой, а сам халей.

Немного ниже на песке увидели четырех оленей, а еще дальше сушила для сетей, две нарты, одна с хореем — шестом для управления оленями. Следы человека десятидневной давности, а олени свежие. Людей нет. Пищи мы не получили.

Ниже справа впаля широкая река. Еще раз Хэтта? Можно только угадывать, если нет карты.

К вечеру видели интересный пример золотой деятельности: часть леса сгорела, и песок на коренном берегу, высотой около 30 м стал развеиваться, а лес дальше по реке вниз, т. е. севернее, стало заносить песком, так что сосны занесены более, чем на половину высоты, а иногда торчат только сухие вершины. Это — пример золотой деятельности за пределами пустыни, в губидно-влажном поясе.

16 сентября. Вышли в 8 ч. Прошли немного, т. к. река превратилась в сложную сеть мелких протоков, разделанных песчаными отме-

лями, косами, островами. Мы маялись, часто проталкивались шестами, возвращались. Некоторые острова покрыты спелым хвойным лесом. Часты развеваемые гривы.

Зябли, холодно ногам. Остановились в кедровом лесу на острове. Розка была в лодке, выскочила и больше не пришла.

17 сентября. Розка ночью выла. На крик пришла. Характер реки сохраняется тот же, я бы сказал дельтовый.

К вечеру река стала собираться в одно русло, хотя уверенно писать трудно: мы так привыкли к неожиданностям. На карте островной участок показан.

До обеда сегодня шли хорошо, мешали сильные волны. Борты наших обласков очень низкие, несколько сантиметров. Из-за волн на ночлег встали рано, в 16 ч., да и темнеет теперь рано.

Халеи, оказывается, предвещали не рыбные промыслы, а мели, где им хорошо ловить рыбу. Признак радости перешел в противоположный. Хорошо, что мы не упадочники, а то бы давно пропали.

На левом берегу видели остаток чума, на правом — крест: к березовому колу прибита доска; что-то было написано, не сохранилось. Где-то здесь должен быть совхоз и фактория, судя по схеме-карте.

18 сентября. Весь день сильный ветер при высоком давлении — 771 мм. Антициклон. Обласки захлестывает. Пришлось пристать к берегу и встать на ночевку. Прошли немного: и вчера и сегодня примерно по 15 км.

Река изменилась: протоки стали более оформленными и более проходимыми. Долина широкая, коренные берега далеко. Думаем, что надо еще хороших ходовых дней не менее трех. Температура — 40.

19 сентября. Встали в темноте, т. к. тихо и можно идти. Надо восполнить задержку последних дней. Но вскоре поднялся ветер, но уже не северный, с запада и Ю-З. Тепло. Часа через два после выхода Владимира Саввича, просматривая путь вперед, подал бинокль Максиму Моисеевичу, сказав: не видит ли он чего? Избушка? Мираж? Я увидел две. Радость. Едем быстрее. Видим: дрова, сравнительно свежий след человека в сапогах. Находим избушки-юрты две, четыре, но увы, жизни нет, покинутая фактория.

Обедаем. Оставляем записку. В лавке-магазине в хлебном ларе нашли хлебные крошки, перемешанные с пометом мышей и с их трупами. Есть не стали, но крошки на всякий случай выбрали и взяли с собой.

Фактория закрыта в марте, что видно по настенному календарю. Она пошла на кочевание.

Река вошла в одно русло. Поэтому фактория и тут, выше нельзя пройти лодке и катеру.

20 сентября. Прошли суженное русло и вышли в дельту реки. За день прошли около 40 км. Репер Гидрологической экспедиции —

Гл. Управ. Северн. Морск. пути. Навигационные знаки. Нашли лодку, взяли. Видели затопленный неводник.

У нас счет с сентября на один день вперед, в августе-то 31 день. Поэтому снова пишу 20 сентября.

20 сентября, уже без ошибки. Лодку оставили, верткая. Сразу после обеда неожиданно впереди что-то увидели. Что? Вначале приняли за ящики, потом за палатку на песке, наконец поняли, что это парус. Снизу по Надыму поднимались два неводника ненцев. Когда мы встретились, то увидели полный неводник рыбы навалом. И еще до разговора, до здраванья схватили каждый по рыбине и стали грызть со спины — так мы изголодались. И только спустя несколько минут опомнились, поздоровались и стали говорить.

Вяснилось, что эти ненцы летом живут на берегу губы Надымской, ловят рыбу. Там меньше комаров. Осенью поднимаются по Надыму на зимнее жилье. Едут, естественно, не спеша. Пользуются парусом, попутным ветром. Неводник большой, тут вся семья и весь домашний скarb. Где остановились, там и дом. Куда спешить?

Оказалось, что близко песок Иовля. Но мы одни так измучились, столько было неожиданностей — ведь все места абсолютно незнакомые, а карты нет. Нам уж очень не хотелось снова оказаться одним, и мы попросили их довести нас. Они согласились и довели за полтора часа. Теперь мы уверены, что мы спасены и избежали зимовки.

Ненцы исправнее ханты. Наш старик кормчий довольно симпатичный и хозяйственный. У него мы наелись хлеба с малосольным муксуном. Муксуна едят и свежим, как мы свиной шпик.

На песке Иовля летний рыбный промысел: 3 или 4 избушки для рабочих, приемная рыбы, ларек. Остановились у приемщика, он же продавец. Были очень рады крыше избушки. Сидим в избе. Накопец-то.

21 сентября. Брились. Не брились месяц. С бородами у всех другой вид. В 16 ч. поехали в Паули со счетоводом, приезжавшим для выдачи зарплат. Оказывается, мы Надымскую факторию и оленесовхоз проехали: они там, где мы взяли лодку. На Надыме проехать немудрено, если не знаешь место.

Паули — это тоже песок и летний рыбный промысел, только побольше. Приехали в 2 ч. ночи. Поспав в конторке. Тесно, но среди людей.

22 сентября. Ночью и сейчас мороз и ветер.

Ждем рыбницу-судно. На нем надо ехать до Шуги. Смотрел чумы ненцев: невзрачные, грязь, дым, дети плачут, доски для еды, запах, больные женщины, слепой старик.

Рабочие здесь завербованные, получают мало: девушки по 130 руб., а студентом получал повышенную стипендию 140 руб.

23 сентября. Все сидим ждем. Южный ветер утнал воду. Не могут пройти не только катера, но и большие лодки.

24 сентября. Ждем. Раньше северный ветер был врагом, теперь мы его ждем для полноты воды. До Шуги 30 км, а до Надымской губы всего 5 км.

25 сентября. Подул легкий норд. Катер привел две рыбницы. Их нагрузят рыбой. Катер выведет их в губу, а дальше на парусах до Шуги, а оттуда в Обдорск на пароходе".

Первого сентября 1937 года члены экспедиции благополучно достигли Тюмени, завершив трехмесячный нелегкий путь.

На основании собранных полевых материалов была составлена карта масштаба 1 : 5 000, которая позволила нанести р. Тромеган на лист топокарты Р-43 Сургут, издания 1942 года. Фактические данные о почти неизученных ранее районах легли в основу диссертаций В. С. Михайличенко, А. Д. Шаронова и Л. П. Шубаева, а также были опубликованы в ряде научных статей, что подтвердило научную значимость и необходимость данной экспедиции.

Литература

1. Хондажевский Н. К. Зимние исследования нагорного берега Иртыша от Тобольска до Самарова и северных тундр между Обской губой и Сургутом // Записки Западно-Сибирского отделения Императорского Географического общества. 1880.
2. Шубаев Л. П. Общее землеустройство. М., 1977.
3. Шубаев Л. П. Тюменский дневник (1937—1950 гг.) // Архив ГО СССР. Разряд 110. Сп. 1. № 665.

О. Г. Герасимов

ПО ЮЖНОМУ ЙЕМЕНУ*

В окрестностях небольшого городка Шейх Османа близ Адена несколько семей изготавливают гончарные изделия функционального назначения: сосуды для воды "зир", похожие по форме на греческие амфоры без ручек, печки лепешек "мауфа", небольшие пузатые бутылки "гахла", с которыми йеменские женщины ходят по воду, кальяны для курения крепкого табака "мада", камельки "марбах" и др. Шейх Осман был первым объектом исследования при сборе коллекции предметов материальной культуры арабских народов, предназначенной для пополнения фондов музея антропологии и этнографии имени Петра I Академии наук СССР в Ленинграде.

Гончарное производство известно в Южной Аравии давно. Англичанин Д. В. Доу, в течение многих лет руководивший департаментом древностей в Адене, отмечал, что на месте древних поселений в Южном Йемене в районе Абьяна, Лахеджа и Адена встречается прямо на поверхности огромная масса черепков, причем их количество явно указывает на наличие местного производства. Он считает, что гончарное производство в настоящее время не достигает того высокого уровня, который был прежде, по той причине, что сырье не готовится соответствующим образом, а температура обжига низка. "Как кажется, техника доисламских гончаров утеряна или они не используют ее. Гончарные изделия были выше по мастерству, чем сейчас, хотя и делаются попытки достичь того совершенства, которым они отличались прежде", — пишет Д. В. Доу (2).

Десятка два сложенных из необожженного кирпича домов, крытые цинковками сараи и четыре закопченные печи. Таким представляется мне небольшая в пяти минутах езды от Шейх Османа деревушка гончаров, которая даже не имеет своего названия. Ее просто именуют "махарик", т. е. печи.

Мое первое знакомство с производством начинается со встречи с Али Багташем, 50 лет, рабочим, который в пятидесяти метрах от собственного дома заготавливает сырье для гончаров. С тем, чтобы полу-

---

* Путешествие О. Г. Герасимова в Южный Йемен относится к началу 70-х годов XX в. (Ред.).

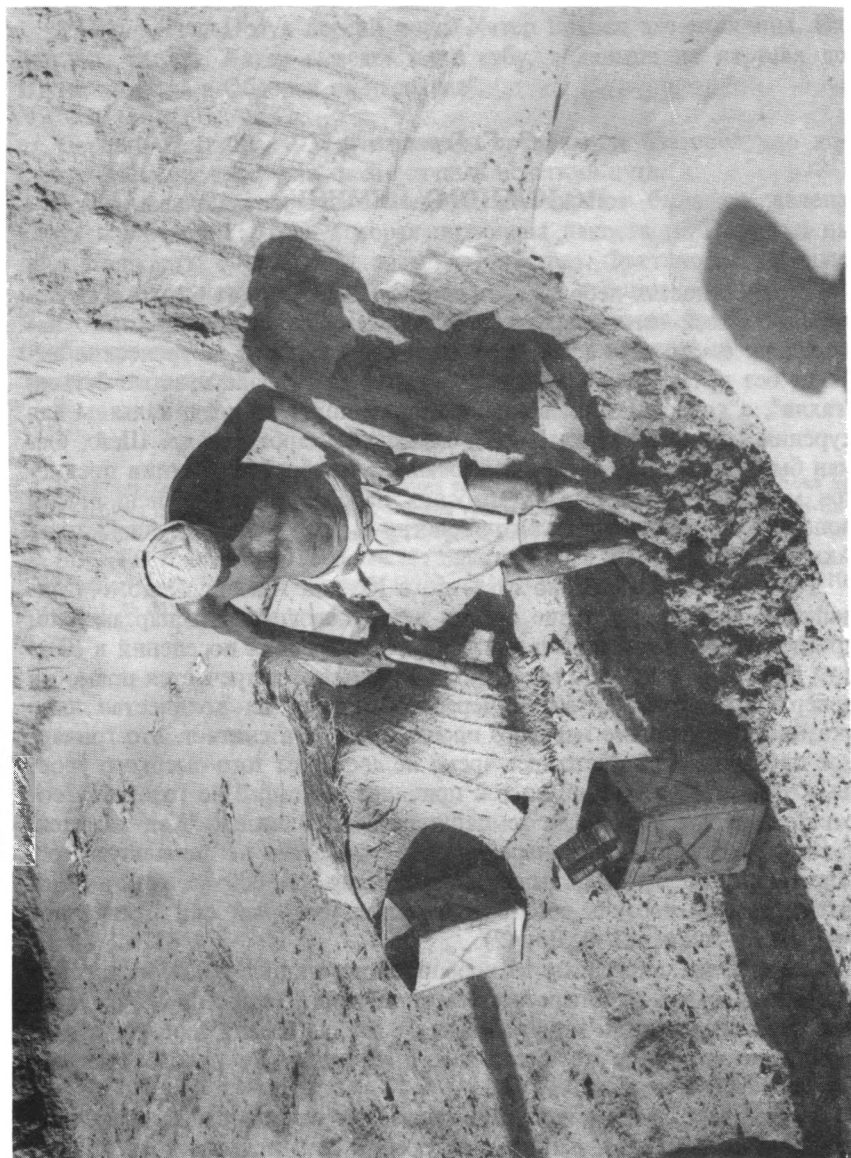

Фото 1. Подготовка и замес сушки для керамических изделий. Рядом видно, как рабочий стесывал породу.
(Пригород г. Адена, фото автора)

Фото 2. Изготовление керамического изделия без гончарного круга. На столе, слева, видны биты, с помощью которых гончар уплотняет и выпячивает стенки. (Г. Шейх Осман, фото автора)

чить хорошую глину он снимает заступом верхний, метра полтора-два, сильно засоленный и замусоренный слой, и затем тем же заступом "хигна" стесывает глину, размельчает ее и заливает водой. Собственно говоря, это не чистая жирная, идущая на изготовление высококачественных гончарных изделий глина, а тощий суглинок, в котором содержится большое количество серого песка. По мнению геолога Н. В. Межеловского, в этом суглинке имеется лишь до 30% чистой глины. Местные гончары называют его словом "тын", имеющим в арабском языке очень широкое значение: глина, грязь, тина, ил, земля. Вода берется в нескольких метрах от карьера из колодца глубиной в пять метров. Хотя море и находится в полутора километрах отсюда, вода лишь немного присолена и может употребляться для питья. Подпочвенные воды на всем протяжении побережья от Адена до Зангибара залегают довольно близко от поверхности и жители легко отрывают неглубокие колодцы.

В смоченной водой суглинок добавляется в пропорции 4 : 1 измельченный ослиный навоз "кур" и весь состав перемешивается ногами. Приготовленная таким образом смесь закрывается циновками и "вызревает" до следующего утра, когда она уже будет готова для работы. Али Багташ с 7 утра до 4 часов вечера отрывает, смачивает водой и перемешивает с навозом 3,5—4 митьяны суглинка, получая за каждую митьяну 2 шиллинга от хозяина, который его нанял. Местная мера объема "митьяна" равняется четырем саали, а каждая саали равна одной жестяной банке из-под керосина в 4 имперских галлона, т. е. около 20 литров. В обязанность рабочего входит лишь приготовить материал и перенести его под навес, где работает гончар. Причем для выражения "нести" гончары употребляют в новом для арабского языка смысле глагол "заффа", означающий "отводить торжественно невесту к жениху". Отсюда, саали иногда называют "заффа", т. е. ноша, т. к. рабочий, как правило, носит приготовленное для работы сырье большими комками, равными одной саали.

В этой деревне работает десять гончаров, каждый из которых специализируется на особом виде изделий. Один из них Мухаммед Ахмед, по-видимому, самый искусный, делает сосуды для воды "зир", другой — большие печки для выпечки лепешек, третий — кальяны и т. д. Три мастера и рабочий, заготавливающий суглинок, пришли в Шейх Осман из северной еменской г. Забида, где тоже их занятием было гончарное дело. Видимо, не случайно, что именно они работают на хозяина, имеющего здесь большой склад "зариба" и торгующего на местном рынке гончарными изделиями, а остальные мастера родом из здешних мест самостоятельно отрывают суглинок, замешивают его, изготавливают изделия и продают на рынке или сдают для продажи торговцам.

Мухаммед Ахмед считается мастером и занимается изготовлением больших сосудов для воды высотой до 80 см. Он берет крутое уже

обожженное донце, называемое "патура", и кладет на высокий в полметра от пола врытый в землю цементный столб. Затем из куса суглинка он делает цилиндр с толстыми стенками и осторожно ставит на уже приготовленное донце. Потом цилиндр смачивается влажной тряпкой и гончар, держа в левой руке гладкий камень внутри цилиндра, а в правой — деревянную плоскую битую "уд", начинает ходить вокруг изделия и ударами уплотнять стенки. Одновременно стенки цилиндра вытягиваются, становятся тоньше и через несколько минут бесформенный кусок превращается в "бада", основание для зира. Изготовленное таким образом основание отстаивается около часа, затем берется толстая по периметру основания зира полоска суглинка, накладывается на стенку и вновь, работая камнем и битой, мастер наращивает стенку сосуда. Для того, чтобы дотянуть зир до горлышка, которое изготавливается отдельно, нужно пять полос, причем после каждой полосы сосуд "остывает" около часа. Готовые сырые сосуды без горлышка остаются на несколько часов сохнуть под навесом и затем с уже приделанным горлышком на два дня выставляются на солнце. К этому времени они уже настолько прочны, что их можно брать и переставлять за горлышко.

Гончары Шейх Османа не употребляют гончарного круга для изготовления перечисленных выше сосудов, хотя круг, называемый "давар", им известен в г. Лахеджа, в 30 км от Шейх Османа, на нем местные гончары делают конусообразные "бури", верхнюю часть кальяна, куда помещаются горящие угли и табак. По-видимому, изготовление больших сосудов для воды и печей вряд ли возможно на гончарном круге, но даже мелкие изделия местные гончары делают при помощи камня и биты, двигаясь вокруг стоящего неподвижно изделия. Несмотря на столь примитивную технику и простой орнамент — прямые и волнистые линии, наносимые обломком обыкновенной расчески, все изделия имеют довольно привлекательный вид и правильные круглые формы. Мухаммед Ахмед, работу которого мы наблюдали, с гордостью говорил, что делать сосуды для воды могут не все, а лишь мастера, которые к тому же должны работать быстро с тем, чтобы не пересохла сделанные заготовки. Другие работают медленно и поэтому делают лишь громоздкие, похожие на толстые цилиндры печки для лепешек.

Последний этап — обжиг. Печь высотой 4—5 метра, круглая, диаметром два метра с открытым верхом, устроена по схеме наших горнов с прямым восходящим пламенем: внизу яма-топка и над ней решетка, под которой разводится огонь. Гончар за дополнительную плату в 20 шиллингов загружает печь, закрывает отверстие сбоку двумя пустыми металлическими бочками, а открытый верх покрывает в один слой черепками битых горшков. Он должен после обжига разгрузить печь, а если еще и занесет изделия в зарибу, то получит дополнительно 3 шиллинга.

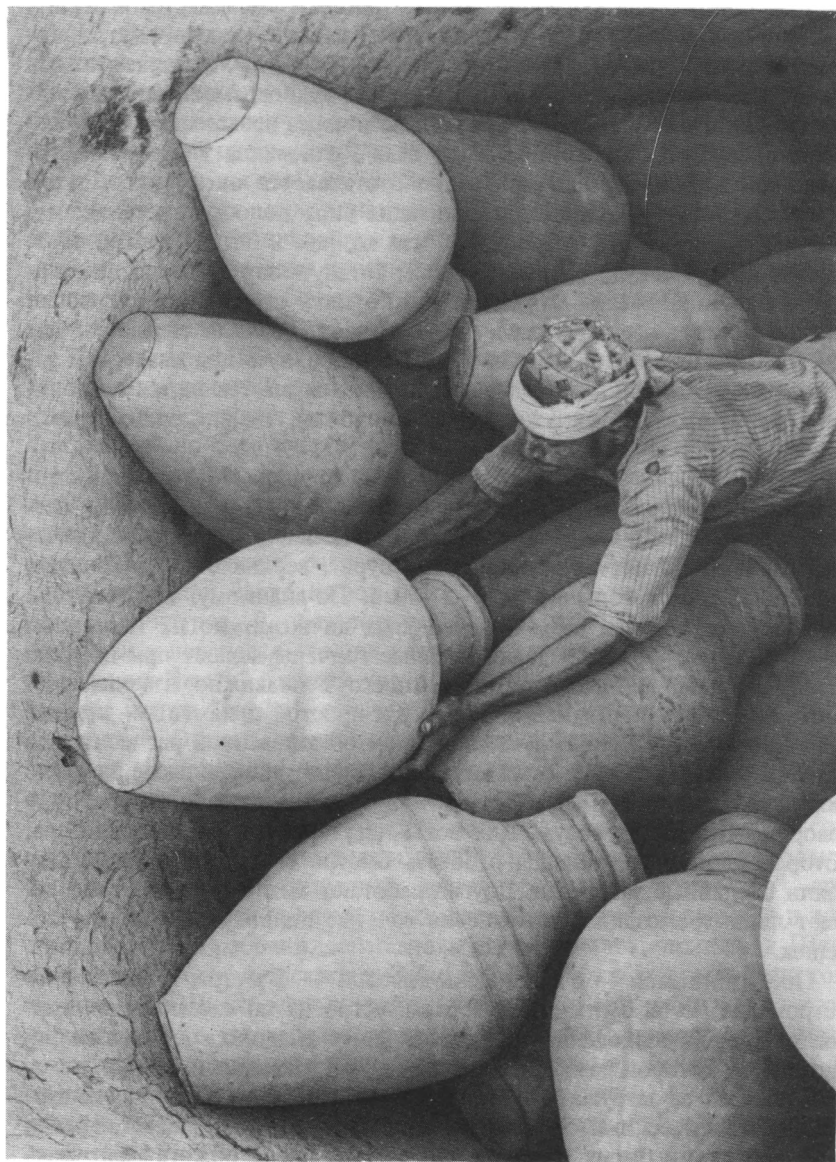

Фото 3. Загрузка обжиговой печи сосудами "зир" для воды. Указанные сосуды изготавливаются без гончарного круга.
(Г. Шейх Осман. Декабрь 1974 г. Фото автора)

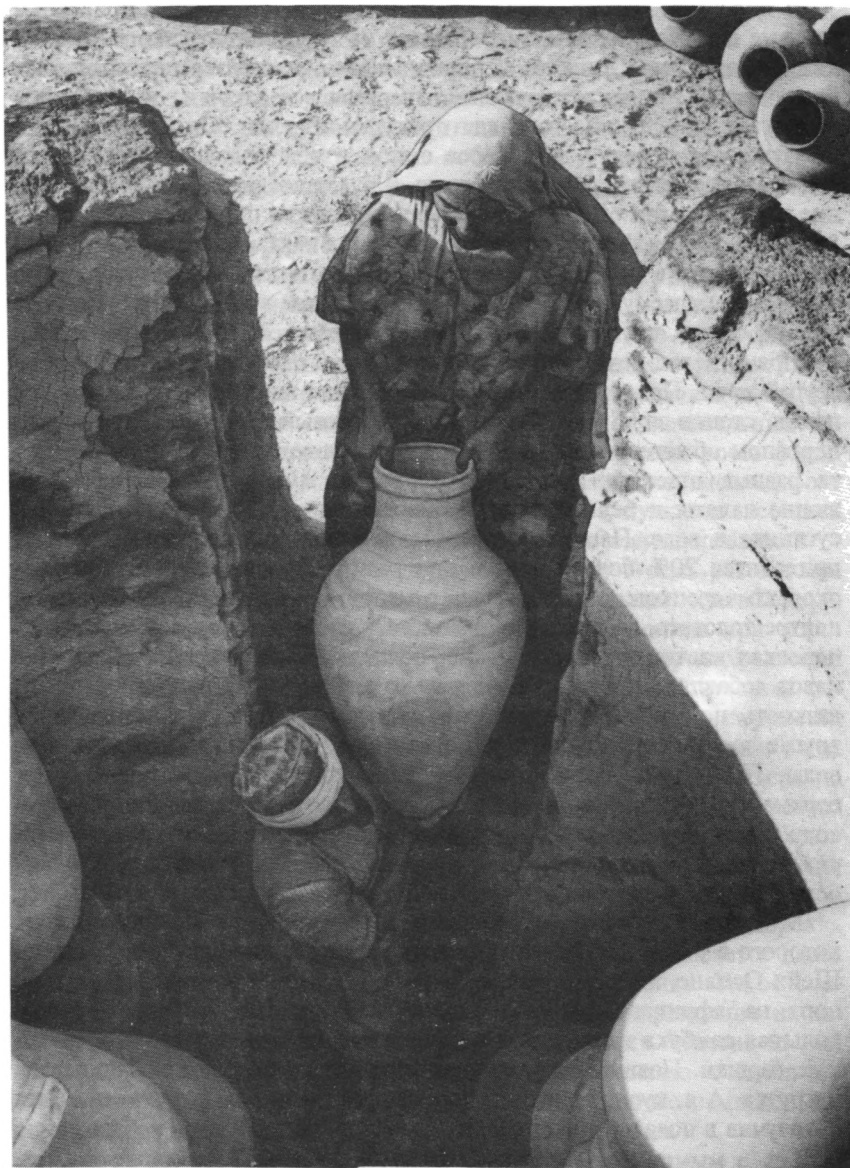

Фото 4. Загрузка больших сосудов в обжиговую печь. (Фото автора)

Я вижу как мастер, спрыгнув на под печи, осторожно принимает готовые для обжига зиры и укладывает их горлышком вниз, к огню. В каждую печь умещается до 80 зиров и поэтому загрузка печи занимает более часа. Вот печь загружена, отверстия все закрыты и Мухаммед разжигает небольшой огонь для прокурки изделий. Он будет поддерживать его в течение двух часов с тем, чтобы изделия хорошо просохли, затем разведет большой огонь и будет поддерживать его в течение часа. На один обжиг идет четыре верблюжья покладки смолистого хвороста, который доставляется из района Анада. Несмотря на то, что все отверстия в печи забиваются черепками и глиной, температура в печи, по-видимому, низка и когда дует сильный ветер, гончары откладывают обжиг, так как не смогут добиться нужной температуры.

Прямо перед печью сложены уже готовые изделия, выгруженные из другой печи. При хорошем обжиге, особенно внизу печи, где сильное пламя, стенки зира имеют ровный бело-розовый цвет. При плохом или неровном обжиге изделие получается каким-то пестрым: розовые цвета разных оттенков соседствуют с белым и серым, особенно ясно видны налеты и белые выплеты, доказывающие присутствие солей в суглинке и воде. Плохо обожженные изделия более хрупки и на них приходится 20% боя, обычного при разгрузке печи. Я поднимаю несколько черепков: темная полоса с мелкими частицами навоза идет в центре толстого, до конца не спекшегося слоя. В хорошо обожженных черепках частиц навоза не видно, поскольку все они выгорают. Ведь навоз добавляют в суглинок не только для того, чтобы увеличить его вязкость, но и повысить капиллярность стенок готового изделия. Зир и другие сосуды используются не только для хранения, но и охлаждения воды. Поднимаясь по капиллярам, капельки воды испаряются с поверхности зира и охлаждают на несколько градусов налитую в него воду. Такие запотевшие зиры можно видеть практически в каждом деревенском доме, а также в городах, на стоянках такси и автобусов, бензозаправочных станциях, торговых рядах и рынках.

Мой визит к гончарам заканчивается. Появляется сын хозяина, от которого я узнаю любопытную новость: готовые зиры, изготовленные в Шейх Османе, являются предметами экспорта и вывозятся в Джибути, порт на африканском побережье. Завтра в Джибути отправляется большая самбука и сегодня нужно успеть доставить на нее отправляемые горшки. Появляется запряженный в телегу верблюд и начинается погрузка. А я, купив для музея зир средних размеров и другие изделия и получив в подарок камень и битую гончару, возвращаюсь в Аден.

* * *

Мой путь лежит в Шукра, небольшой рыбацкий поселок третьей провинции страны. Шоссе, залитое серым асфальтом, бежит параллельно полосе прибоя. В двухстах метрах от дороги на берегу, через

каждые пять-шесть километров мелькают шалаши местных рыбаков, их временные пристанища, где они вытаскивают на берег свои лодки и выпужают рыбу. У каждого шалаша или навеса из пальмовых пинювок не менее двух-трех лодок с подвесными моторами. Эти небольшие, длиной от 3 до 5 метров, лодки, называются "хури" и повсеместно используются на аденском побережье Аравийского полуострова и в Персидском заливе для лова рыбы или небольших морских переходов.

Два города — аль-Куд и Зингибар, раскинувшиеся на берегу бухты Абьян, практически слились в один населенный пункт. Вади Бана, наполняемая потоками паводных вод во время летних дождей с гор Северного Йемена, и неглубоко лежащие подпочвенные воды сделали этот район важным сельскохозяйственным районом страны. Здесь впервые в 1947 г. была разбита первая хлопковая плантация и сейчас в аль-Куде расположен единственный пока хлопкоочистительный завод. Заросли дынного дерева "папайи", банановых кустов, рощи финиковых пальм, зеленые насаждения акаций и тамариндов вдоль дороги радуют глаз после безрадостной серой пустыни с пучками засохшей травы и редких скрученных от жары и недостатка влаги деревьев.

В Южной Аравии уровень солнечной радиации в семь раз больше чем уровень радиации в Москве и в два раза больше, чем в Каире. Плодородная аллювиальная почва, обилие тепла и солнца при хорошем увлажнении приводят к тому, что вегетативный период растений здесь значительно меньше, чем в средних широтах. Вегетативный период бахчевых культур составляет 60 дней и даже с учетом времени, необходимого для обработки почвы и подготовки ее для посева, в год здесь можно получить три урожая арбузов и один урожай клевера на корм скоту. Поэтому в любое время года здесь можно видеть все виды сельскохозяйственных работ: уборку урожая, подготовку почвы и сев.

Первая остановка у поля в деревне аль-Хусн, за упряжкой, в которой две горбатые коровы-зебу, идет крестьянин, сгребая специальной доской верхний слой почвы к высоким краям поля. Эта широкая доска, прикрепляемая к упряжке длинной веревкой, называется здесь "махн", т. е. так же, как и в североийеменском г. Забиде. Такое совпадение объясняется тем, что крестьяне из г. Забид приходили на заготовки в этот район особенно в период сбора хлопка. Многие из них оставались после сезона уборки урожая и постепенно оседали на землю и, работая на ней, использовали приобретенные земледельческие навыки и привычные сельскохозяйственные орудия.

Эмиграция из Северного Йемена, бывшего независимым с 1918 г. государством, в южноаравийские протектораты Англии, получившие независимость в 1967 г., является одним из интересных социально-экономических процессов, который в достаточной степени не изучен. Не только экономические причины, разорения и произвол крупных землевладельцев побуждали североийеменских крестьян покидать насижен-

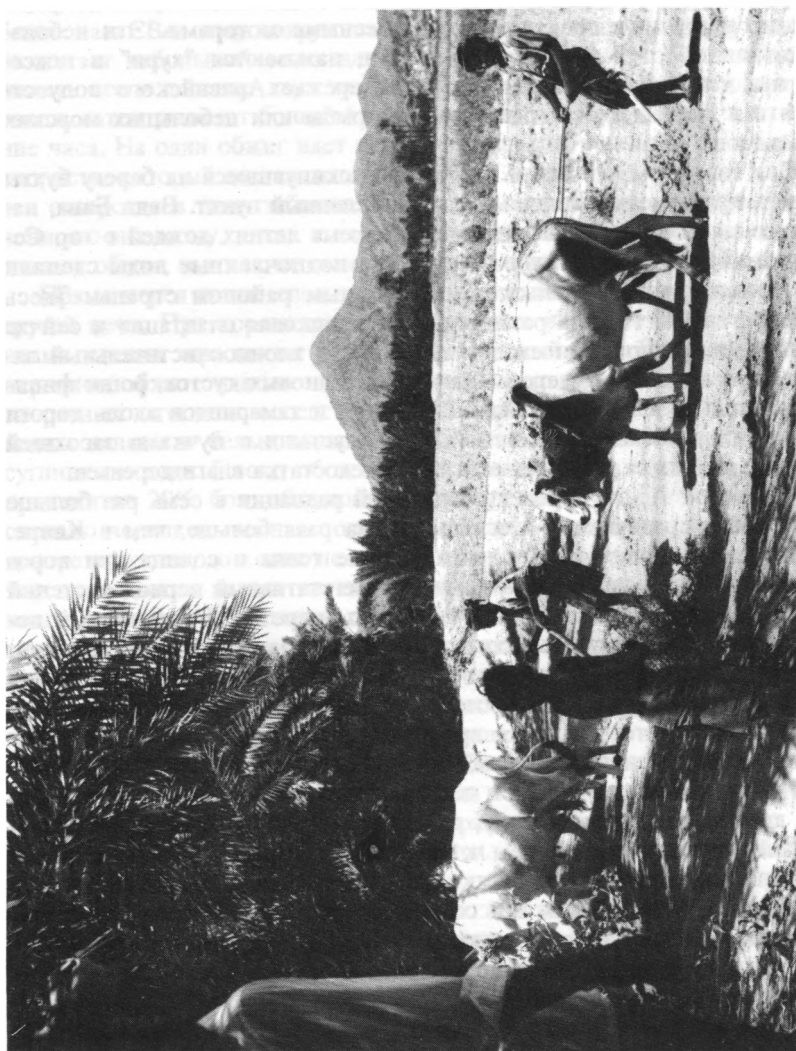

Фото 5. Подготовка участка к севу. Выравнивание поля и снятие верхнего участка с помощью доски "махи".
(III провинция НДРЙ. Фото Мин. информ. НДРЙ)

ное место, если учесть, что в южноаравийских султанатах и шейхствах практиковались аналогичные формы эксплуатации крестьян. Важное значение имели и религиозные мотивы. Религиозно-феодальная верхушка шиитской секты зейдитов, которая до революции 1962 г. взяла на себя роль "собирателя" йеменских земель в единое национальное государство, в отношении южных районов страны, населенных представителями шафиитов, приверженцами одной из четырех школ ортодоксального ислама, осуществляла помимо прямого насилия и террора еще и религиозные гонения [1, с. 163—165].

Арабские историки отмечают, что в 629 г., т. е. на седьмом году после ухода пророка Мухаммеда из Мекки в Медину, к нему прибыл, с выражением верноподданнических чувств, Абу Муса аль-Ашари во главе группы представителей своего племени, живущего в районе Забида. Этот факт делает племя ашаира и вместе с ним население Забида причастным к важным событиям ранней истории ислама, предметом их особой гордости.

Город Забид в раннем средневековье был столицей небольших независимых государств, правители которых в меру своих возможностей строили мечети и мусульманские школы и старались привлекать в город видных мусульманских проповедников и ученых. В Забиде и сейчас насчитывается 80 мечетей, причем самая большая из них построена в 1002 году. В Забиде похоронен Фейрузабади, автор знаменитого словаря арабского языка. Султан Исмаил из династии Расулидов женил Фейрузабади, прибывшего из Ирана в Забид, на своей дочери и приблизил к двору. Могила автора словаря, умершего в 1413 г., и сейчас является местом поклонения жителей. К этому можно добавить, что в Забиде в прошлом было 356 мусульманских школ, которые ежегодно выпускали десятки шафиитских проповедников, а самая знаменитая, основанная в XVIII веке, с 60 студентами существует по сей день. Большие библиотеки рукописных книг, комментарии к Корану и мусульманской истории дали основание йеменским историкам называть город Забид "городом науки и ученых, мудрости и мудрецов" [5].

Естественно, что зейдитская верхушка в борьбе за верховную власть в Йемене основные удары прежде всего наносила по своим религиозным и политическим противникам шафиитам и населению их религиозного центра Забида. Как можно предположить, религиозный гнет зейдитской верхушки побуждал жителей Забида эмигрировать в район Абьяна, часть из которых и оседала здесь на землю. Ведь здесь, также как и в Забиде, специализировались на выращивании хлопка в плодородной вادي (долине). Из других районов йеменской Тихамы также приходили крестьяне на заработки, однако, не имея большого опыта работы на хлопковых плантациях, они в основном нанимались носильщиками и разнорабочими на строительство.

Понукая волов и стоя на "махи", крестьянин сгребает к валикам, окружающим поле, верхний слой земли. Валики, называемые "сум",

Фото 6. Фундамент жилого дома, в котором видны блоки с древними надписями.

Г. Шабва — Древняя столица Хадрамаутского царства, разрушенного хамyarитами в III в. н. э. Сейчас здесь работает археологическая экспедиция, организованная Центром научных исследований при Парижском университете.

(Г. Шабва. Февраль 1975 г. Фото О. Пересеткина)

достигают высоты одного и более метров и разрываются лишь в том месте, откуда поступает на поле вода. Здесь применяется орошение бассейнового типа и вода заливает все поле, а не подается по канavam.

Первая запись в полевом дневнике. Крестьянина зовут Мухаммед и операция, которой он занимается, называется "тамтыр", от слова "матыра", т. е. участок, надел земли. В классическом арабском языке слова от этого корня в этом значении не употребляются. Смысл этой работы, проводимой перед севом, заключается в том, чтобы, во-первых, тщательно выровнять поле, что очень важно при бассейновом орошении, во-вторых, сделать валики и, в-третьих, снять истощенный и засоленный верхний слой почвы. Последняя причина, пожалуй, самая важная: вода, особенно из артезианских скважин, довольно засолена и после нескольких поливов на верхнем слое почвы остается серый налет соли.

Крестьянин показывает свой набор сельскохозяйственного инвентаря: упряжка "зана" с тяжелым ярмом "хиг", затейливо украшенным вырезанными треугольниками, плуг с металлическим лемехом, насаженным на деревянный обрубок, длинная палка с гвоздем на конце "маухар" для погона волов, больше похожи на большие зубчатые ножи два серпа "масраб", цеп "милбаг" и несколько мотыг, объединяемых одним названием "маджрафа". Среди них находим сделанную в Англии мотыгу весом около 2,5 кг с тяжелой, массивной пяткой. Она используется для выкорчевки кустов хлопчатников, пальм и деревьев. Мотыга весом около одного килограмма используется для перекопки земли и обычных сельскохозяйственных работ, сделана в Венгрии и последняя — клепанная из двух частей, местного производства, более легкая, чем венгерская. Цена тоже соответственно разная. Английская мотыга стоит на местном рынке 60 шиллингов, венгерская — 30 шиллингов, а местного производства — всего 15 шиллингов. Об их стоимости я узнал уже в г. Зангибаре, куда мы попали после деревни аль-Хусн, у местного кузнеца, расположившегося со своим горном, инструментами и мотыгами без черенков, гроздьями висящими на закопченной стене у городского рынка.

Город Зангибар, административный центр третьей провинции страны, протянулся почти на километр вдоль дороги на Шукру. Административные здания, бензоколонка, современный рынок, ряд лавок, мечеть — обычный ничем не примечательный город Южного Йемена. Пожалуй, единственное, что вызывает удивление — так это само название города, созвучное названию острова пряностей Занзибару. Откуда пошло это название и есть ли что-то общее между островом Занзибар и городом Зангибар, лежащим от него в тысячах морских миль?

Здесь уместно вспомнить объяснение названия острова Занзибар. Наиболее распространенное объяснение этого названия возводят к двум словам персидского языка: "занг", что значит "негр" и "бар" —

берег. Отсюда, по-видимому, пошли и созвучные персидскому арабские слова. Ведь на арабском языке негр звучит как "зиндж", а слово "бар" употребляется в значении "материк", "суша". Указанное сочетание в применении к острову пряностей встречается у греческих, арабских и европейских географов в различных вариантах. Космас Индикоплеустес говорит о море Зиндж и стране Зингиум, а Масуди, аль-Бируни, Ибн Батута и другие арабские географы говорят о стране зинджей. В описаниях Васко да Гамы остров называется Джамгебер, а вплоть до того, как было принято к употреблению слово Занзибар, весь материк, лежащий против острова, назывался Зангибар [4, стр. 24—26).

Мореплаватели Персидского залива и Красного моря после открытия законов движения муссонов I в. н. э. стали активно осваивать восточное побережье Африки. На заре торгового мореплавания арабы и персы совместно бороздили воды Индийского океана и создавали свои фактории на африканском побережье. Поэтому не случайно, что некоторые общепринятые в морской терминологии арабов слова являются персидскими по происхождению. Арабы называют персидскими словами распространенный тип парусного судна — "самбук", инструкцию по управлению парусами — "дафтар", морской порт — "бендер", а капитана судна — "нохаза" [3, стр. 65]. В 695 г. на остров Занзибар из Омана бежали от преследований омейядских халифов два вождя племени азд — Сулейман и Саид, захватившие с собой свои семьи и некоторых членов племени. Тот факт, что Сулейман и Саид бежали в "страну зинжей", а не в другое место, свидетельствует о том, что этот остров был известен оманцам и члены племени азд были уверены, что их там хорошо примут. Оманцам, обосновавшимся на острове Занзибар, принадлежит сомнительная честь первых работорговцев. Они превратили остров Занзибар в центр по вывозу рабов в Багдад и другие города Аббасидского халифата, которые использовались на самых тяжелых работах. По сведениям арабских историков, количество рабов-негров в Аббасидском халифате достигало в IX веке 300 тыс. человек [4, 78—79]. Эта цифра, возможно, преувеличена, но вряд ли можно сомневаться в том, что десятки тысяч негров доставлялись морем из Восточной Африки на парусных шхунах в Басру, причем они следовали вдоль побережья до мыса Гвардафуй, миновали о. Сокотра и далее шли вдоль аравийского побережья в Персидский залив. В водах Индийского океана разбойничали пираты, одним из центров которых был о. Сокотра, и работорговцы предпочитали идти вдоль побережья с тем, чтобы успеть в минуту опасности спрятаться в гавань. Небольшие гавани Восточной Африки и южного побережья Аравии были пунктами, где корабли работорговцев делали кратковременные остановки. Бухта Абыян была тем местом, где останавливались суда работорговцев и частично выгружались рабы, которых затем отправляли в глубь

Йемена и использовали на сельскохозяйственных работах в этом плодородном оазисе.

Отсюда может быть два объяснения. Либо местные жители, бывшие свидетелями работорговли и выгрузки рабов, называли лежащее близ порта население Зангибаром, т. е. "местом негров", где негр является синонимом раба, либо нохаза после утомительного плавания вдоль голых и пустынных берегов Южной Аравии, увидев цветущий оазис, по аналогии с островом пряностей, отличающимся богатой фауной, назвали его Занзибаром. Отдать предпочтение той или иной версии весьма затруднительно. Лица, с которыми мне довелось беседовать во время работы в Адене, поддерживают то ту, то другую версию. Однако, все они сходятся на том, что и Зангибар был центром выгрузки рабов с кораблей, следовавших в Персидский залив, и поэтому иногда он назывался среди местных жителей "макян аль-абид", т. е. "место рабов". Некоторые указывали, что название Зангибар за этим населенным пунктом закрепилось с XVII века, т. е. периода наиболее активной работорговли. Во всяком случае, по моим наблюдениям, подтверждаемым и высказываниями йеменцев, в третьей провинции наиболее высок процент населения с признаками негроидной расы.

Мы минуем Зангибар и продолжаем свой путь по асфальтированной, прямо положенной на грунт, дороге на г. Шукру. Дорога то взбегает на невысокие холмы, то спускается в низины. Справа, на берегу моря, раскинулось несколько домов — рыбацкая деревня Шейх Абдалла. Раньше она стояла прямо на берегу, а сейчас — в трех километрах от моря, которое ушло на это расстояние за несколько десятков лет. Дорога к деревне Шейх Абдалла идет между песчаных дюн, заросших низкой жесткой травой и невысокими деревьями с зонтичными кронами и острыми парными колючками у каждого листа. Слева в дрожащем мареве горячего воздуха поднимается гора Аркуб, а за ней как задний план декораций горы Яфаи. Прямо у отрогов горы Аркуб видны с дороги черные пятна огромных лавовых полей, перемежающихся дюнами желтого чистого песка.

Вдоль дороги иногда попадаются отдельные поля с торчащими пучками стеблями дурры. Сейчас март и новый сельскохозяйственный сезон еще не начался. Дурру сеют здесь летом, когда паводковые воды от дождей, прошедших в горах, сбегает в сторону моря. Зерна дурры бросают в неглубокие лунки по несколько штук с тем, чтобы она лучше сопротивлялась летним горячим ветрам, дующим с континента в сторону моря.

Шукра с населением в три тысячи человек по южнйеменским масштабам считается уже большим городом. До 1967 г. она была "столицей" султаната Фадли, хотя остатки бывшего пребывания султанов здесь найти нелегко. Несколько глинобитных домов султана и его приближенных не производят никакого впечатления. И это понятно. Сул-

тан постоянно жил в Зангибаре или в Адене, бывшей английской колонии, более благоустроенных, чем пыльная Шукра.

Али Осман, председатель рыболовецкого кооператива — молодой, лет 30 человек, назначенный сюда из Адена, охотно рассказывает о том, как изменилась жизнь рыбаков в последнее время. В кооперативе работает 400 рыбаков, которые выходят в море на нескольких крупных и средних самбуках. Раньше владельцы самбук, которых здесь называют тоже нохаза, получали до 75% всего улова. Это складывалось из 50% за аренду самбуки и сетей, 12% — за мотор и горючее и 10% — за его участие в лове рыбы в качестве капитана. 28 апреля 1971 г. рыбаки впервые в стране выступили против нохаза и правительство приняло решение об изъятии у нохаза средств и орудий лова. Созданный сейчас в Шукре кооператив считается образцовым.

Мы спешим по берегу, усыпанному раковинами, обломками кораллов и известковых панцирей каракатиц, к большой лодке, которая только что вернулась с лова. На дне лежит около сорока огромных, похожих на полосатое веретено, морских пук-барракуд. Эта рыба, в отличие от наших пресноводных пук, считается наряду с макрелью и тунцом одной из лучших столовых рыб. Ее ловят на большие крючки, на которые насаживают небольшие индийские сардины из плетенки "михляк", опущенной за борт. Хищница очень сильна и вытащить ее за высокий борт лодки довольно сложно. Рыбу подводят к борту, подхватывают "масда", длинной палкой с острым крючком на конце, и втаскивают в лодку. В море выходят на лодках с подвесными моторами ночью и лишь во время лова, чтобы сменить место, используют весла "мидждаф", длинные палки с привязанными леской дощечками, или небольшой парус из плотной бязи, называемой здесь "накса". Навернутый на длинную, в длину лодки, мачту "дагль", сейчас он лежит на дне. В каждой лодке, примерно в центре, есть "сика", скамейка с отверстием на середине, в которую вставляется мачта. На дне лодки, к одному из шпангоутов, называемых здесь "шилман" и изготавливаемых из желтой древесины тамариска, отличающегося необыкновенной прочностью, крепко приделывается обрезок балки с глубоким гнездом, в которое и вставляется конец мачты. Это гнездо называется "филс", так же как и самая мелкая монета. Обшивка лодки делается из доставляемых с Малабарского побережья Индии досок тика, причем если лодка небольшая, как, например, "хури", то обшивка прямо наращивается на уже выдолбленное из целого ствола днище. Банки делаются из древесины хвойных пород, но шпангоуты, нос лодки, называемый "тафухула", и другие несущие наибольшую нагрузку части, из крепкого тамариска. Небольшие лодки "хури" два раза в месяц смазываются жиром, получаемым из печени акулы, чтобы они не рассыхались и днища не обрастали водорослями. Большие лодки покрывают специальной смесью из извести и жира.

Вместе с рыбаками идем на приемный пункт, где сдается рыба представителям государственной рыбной корпорации. Рыба взвешивается и рыбакам вручают соответствующие расписки, по которым они сразу же получают деньги. Один килограмм рыбы, как барракуда, тунец, макрель, морской карась, каменный окунь и др., считающиеся лучшими сортами столовой рыбы, принимаются по цене 70 филсов (один южнотийменский динар равен 1000 филсам или 20 шиллингам) прямо на берег. Затем рыба обрабатывается в холодильнике корпорации и доставляется на рынок, где продается по 150 филсов за килограмм. Корпорация обязуется принимать рыбу в любой точке побережья и в любом количестве по указанной выше цене, что обеспечивает гарантированную оплату труда рыбаков. Кооператив и рыбаки освобождены от всех государственных налогов: корпорация выплачивает налоги на суммы той разницы в цене, по которой она продает и покупает рыбу. После введения указанной формы расчетов месячная зарплата рыбаков составляет 20—25 динаров.

Рыбаки очень смеялись, когда мы спросили о том, какие новые обычаи и обряды принесла им революция и освобождение от нохаза и алчных оптовиков. Один из них рассказывает о старом обряде жертвоприношения морю, называемом "надр лиль бахр". Рыбаки, суеверные как многие люди, связанные с тяжелыми морскими профессиями, верили, что в море живут джины, которых следует улаживать с тем, чтобы они помогли выловить больше рыбы. Если случались сильные бури, мешавшие выйти в море, или рыба не шла в сети, рыбаки устраивали на берегу праздник, резали барана и часть мяса бросали в море, чтобы "оно стало добрее". В море бросали также финики и другие сладости. Сейчас этого уже не делают, так как "нашими добрыми джинами", как они считают, стали механики, которые ремонтируют и регулируют дизельные и подвесные лодочные моторы. Один из них сидел с нами — молодой, заросший бородой до мочек ушей парень с большими натруженными руками.

Прошлая, тяжелая жизнь уходит безвозвратно. Сейчас в Шукре на средства рыболовного кооператива построена школа и медицинский пункт, создан культурный центр, к которому за счет кооператива подведена вода и электричество. 1000 динаров выделена на создание швейного кооператива для жен рыбаков, такая же сумма выделена для отделения Союза женщин Йемена. 75 пенсионеров кооператив содержит за свой счет, расходуя на эти цели ежемесячно 300 динаров. Работает кружок по ликвидации неграмотности, причем его посещение женщинами является обязательным. "В этом году большинство членов кооператива и их семей будут уметь читать и писать", — с удовлетворением констатирует Али Осман.

Значительное число рыбаков в Южном Йемене с явной примесью негритянской крови. Это, по-видимому, идет еще от тех времен, когда привозимые из Африки рабы использовались на самых тяжелых рабо-

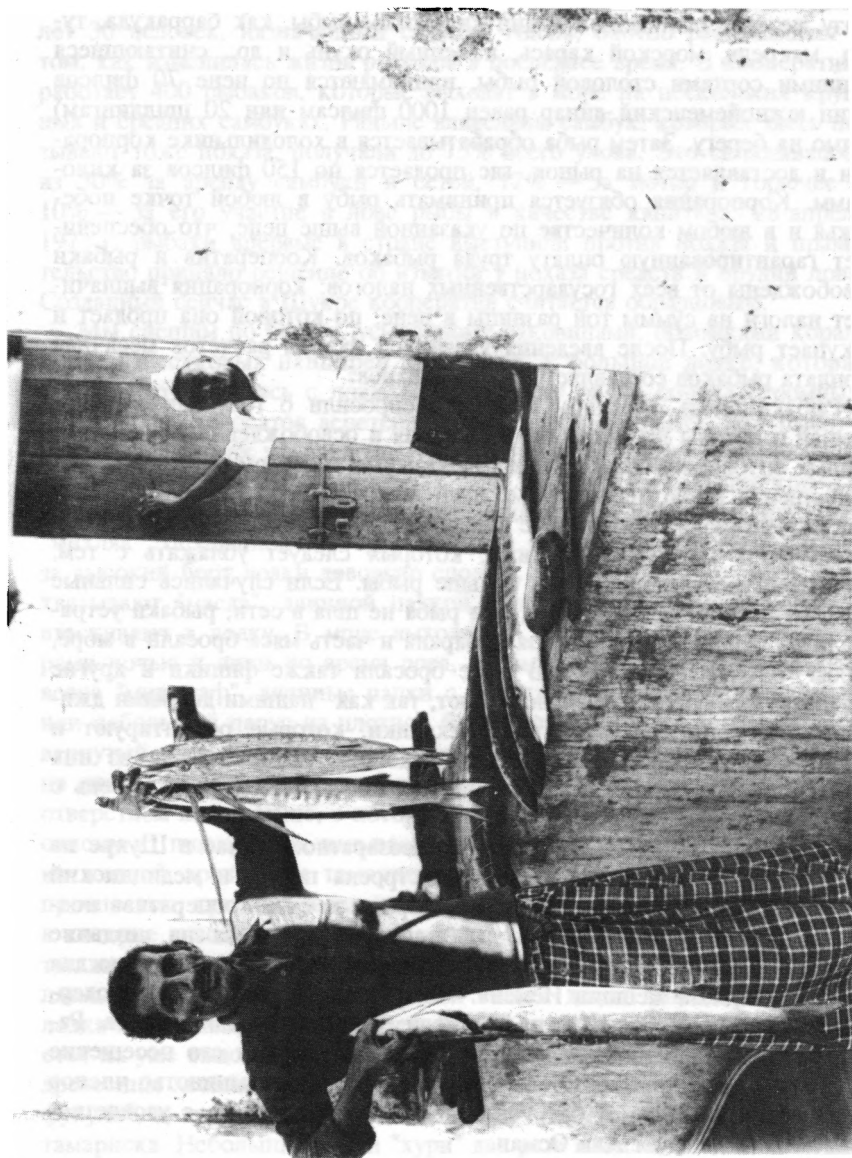

Фото 7. Сдача рыбы на приемный пункт Государственной рыбной корпорации НДРГ.
(Фото автора)

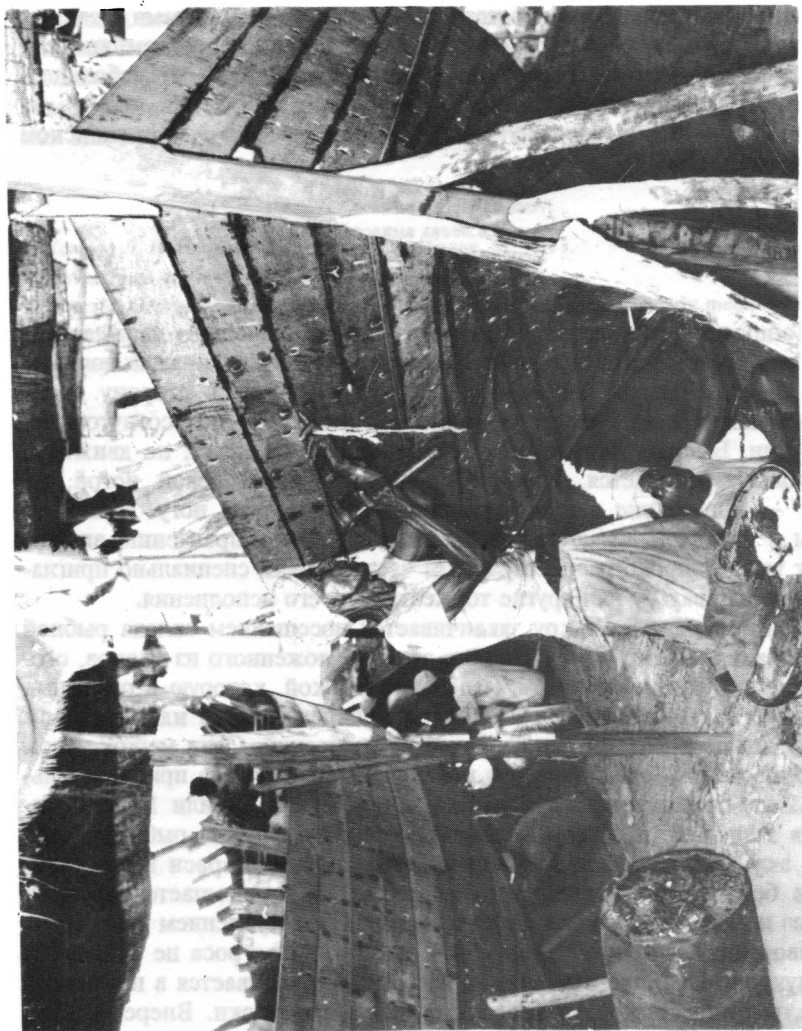

Фото 8. Изготовление рыболовной "самбуки". (Фото Мин. информ. НДРГ)

тах, в том числе, были матросами, ловцами жемчуга и рыбаками. Хотя в Шукре не так уж много рыбаков с признаками негроидной расы, здесь, как и везде на побережье, они танцуют свой танец, называемый "дхайф" или просто — "ракс сайяди", т. е. рыбацкий танец. Этот танец исполняется мужчинами и женщинами вечером вокруг костра после возвращения рыбаков с лова под аккомпанемент большого и малого барабанов "хагер" и "мирва" и небольшой тростниковой дудочки "мизмар". Танец сопровождается песней на языке суахили, что явно свидетельствует о его африканском происхождении:

Амнаса леова амнаса,
Амнаса леова амнаса,
Леова камтушкая,
Леова башаранга.

Танцующие становятся в круг и начинают медленную часть танца. На "раз" левой ногой делают шаг в сторону к пятке правой ноги, на "два" — шаг правой ногой вправо, на "три" — шаг в сторону перед правой ногой и на "четыре" — притоп с хлопком в полусогнутом положении. Быстрая часть танца тоже проходит по кругу, но движение несколько отличается. На "раз" делается притоп левой ногой, на "два" — приседание как бы прихрамывая на правую ногу. Руки согнуты в локтях и делают круговые движения по направлению вперед. Этот танец широко распространен и часто рыбаки специально приглашаются на свадьбу или другие торжества для его исполнения.

Наша поездка в Шукру заканчивается посещением склада рыбной корпорации. Прямо у стены нового здания, сложенного из блоков, стоят мешки с сухим анчоусом, маленькой рыбкой, которую в огромных количествах вылавливают весной на побережье. Она идет на корм скоту, птице и используется в качестве удобрений. Один мешок весом в 2,5 фарасилы (одна фарасила в Южном Йемене равна приблизительно 12 кг) принимается корпорацией из расчета 16,14 или 12 шиллингов в зависимости от сорта. На крыше склада вялятся рыба: небольшие акулы с отсеченными плавниками, морские караси и макрели. Рыба без головы, очищенная от внутренностей, посыпается крупной солью и вялится на солнце три дня, причем с наступлением сумерек ее переворачивают чешуей вверх с тем, чтобы ночная роса не испортила продукцию. На четвертый день вяленая рыба промывается в проточной воде, высушивается и упаковывается в большие тюки. Вперемешку с рыбой сушатся акулы плавники, которые бывают здесь, как узнаю от рыбаков, двух сортов — белые и черные, по-видимому, в зависимости от вида акулы. В водах Аденского залива встречаются 17 видов акул — белошекая и белоперая акула, акула-лисица, черная и чернохвостая акула, кошачья акула, тигровая акула, мако, ленивая акула, голубая акула, акула-людоед, китовая акула и акула-молот.

Одна фарасила белых плавников стоит 17,5 динаров, а черных — 12,5 динаров. Этот деликатесный продукт полностью идет на экспорт. Уже покидая склад, замечаю груды сложенных белых известковых панцирей каракатиц. С удивлением узнаю, что "кульхуф", как называется роговой клюв, тоже идет на экспорт и используется для подкормки домашних птиц и в ювелирном производстве.

Визит в Шукру заканчивается удачно. С представителями Государственной рыбной корпорации достигнута договоренность о приобретении для музея лодки-хури со всем сопутствующим снаряжением.

Литература

1. *Котлов Л. Н.* Йеменская Арабская Республика. М., 1971.
2. Government of Aden. Antiquities Report 1960—61.
3. Hourani, George Arab Seafaring in the Indian Ocean in ancient and early medieval times. Beirut, 1963.
4. *Ingrams W. H.* Zanzibar, its history and its people. London, 1967.

Т. А. Шумовский

НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ АРАБСКОГО МОРЕПЛАВАНИЯ

Сулаймāн ибн Ахмад ал-Махрй ал-Мухаммадй — лицо, почти неизвестное науке. Рукопись 2559 Парижской Национальной библиотеки, заключающая в себе пять навигационных трактатов этого автора, оказавшись в поле зрения европейской арабистики на заре XVIII века, лишь в 1912 году обратила на себя внимание знаменитого Габриэля Феррана. Этот ориенталист сразу оценил важность найденных документов: в 1923 г. он посвятил творчеству Сулаймāна ал-Махрй специальную статью¹, двумя годами позже выпустил факсимильное издание текста рукописи 2559², а еще через три года осуществил публикацию сборника, в котором тема Сулаймāна заняла значительное место³. Ряд других работ французского исследователя, созданных в этом периоде, показывают, что его интерес к текстам арабского мореплавателя не был преходящим: отдельные фрагменты подвергнуты в них пристальному и всестороннему анализу. Однако в целом памятник все еще оставался нераскрытым и не была показана историческая необходимость его появления. Решению этих задач подчинена работа, выполненная в 1974 году в Институте востоковедения АН СССР. В ходе этой работы осуществлено полное критическое издание текста крупнейшего произведения Сулаймāна ал-Махрй — трактата "Махрийская опора в точном познании морских наук"; издание снабжено русским переводом и комментариями. По вине дирекции института оно все еще остается неопубликованным, несмотря на то что ею утверждено к печати семнадцать лет назад.

---

¹ Les instructions nautiques de Sulaymān al-Mahri (XVIe siècle) // *Annales de Géographie*. 1923. P. 298—312.

² Instructions nautiques et routiers arabes et portugais des XVe et XVIe siècles, II: Le pilote des mers de l'Inde, de la Chine et de l'Indonésie par Sulaymān al-Mahri et Šihāb ad-Dīn Ahmad bin Mājid. Paris, 1925.

³ Introduction à l'astronomie nautique arabe. Paris, 1928.

"Махрийская опора" занимает центральное место в дошедшем до нас наследии арабского моряка. Она состоит из семи глав: 1) Основы морской астрономии (высота звезд над горизонтом и расстояния между румбами). 2) Наименования звезд; расстояния между Северным полюсом и Полярной звездой. 3) Морские пути в области наветренных и подветренных стран (т. е. лежащих к западу и востоку от мыса Коморин в Индии). 4) Маршруты вдоль островов и архипелагов между Мадагаскаром и Тайванем. 5) Широты различных гаваней, определенные в соответствии с положением Полярной звезды и обеих Медведиц. 6) Муссоны. 7) Маршруты по морю между западными побережьями Аравии и полуострова Индостан. Номенклатура этих глав, построенных, как и предшествующие произведения арабской талассографии, главным образом на личном опыте автора, говорит о том, что традиция морской литературы Переднего Востока не нарушалась и тогда, когда она оказалась уже у порога своего упадка.

Вниманию читателей предлагается комментированный перевод первых трех глав "Махрийской опоры". Сообщающие разносторонние и подробные сведения, они в полной мере подтверждают высокую оценку творчества ал-Махри, которую дал на страницах своей "Арабской географической литературы" мой незабвенный наставник Игнатий Юлианович Крачковский.

МАХРИЙСКАЯ ОПОРА В ТОЧНОМ ПОЗНАНИИ МОРСКИХ НАУК (XVI В.)

(Л. 116:) Во имя милостивого, милосердного Бога!

Слава принадлежит Богу истиной славы Его. Благословение и мир Мухаммаду — посланнику и рабу Его, Мухаммадову дому и сотоварищам, последовавшим его истинному пути.

Когда я увидел, что в морской науке исследующих книг сочинено мало, а [содержится она] в измышленных бумажках и разных урджухах, пришло мне на ум составить книгу, которая удержала бы основные и второстепенные вопросы мореведения от противоречивости, существующей в оборотах⁴, измерениях на основании последовательного опыта⁵, плаваниях и течениях. [Составить] из того, что я видел во-

---

⁴ Оборот (дйра) — плавание по определенному маршруту с возвращением в исходный порт. Этот термин может приниматься и просто как "морской маршрут, путь".

⁵ В "Книге пользы об основах и правилах морской науки" Ахмада ибн Маджида (XV в.) говорится (рук. 2292 Парижской Национальной библиотеки, л. 566): "Сильная духота относится к тому, что расстраивает измерение; также неправильная посадка. (...) Еще закрывание одного глаза у наблюдателя: кос-кто раскрывает оба, а самое верное, когда он открывает правый и закрывает левый. Еще среди неправильностей меры измерение левой рукой..."

очию и чему не был свидетелем, а также из опыта надежных исследователей, при достоверности доказательства в главном благодаря правилу постепенного продвижения в частностях. Я написал эту [книгу] на семь глав и ее назвал Махрийской опорой в точном познании морских наук⁶. В Боге помощь!

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ОСНОВЫ МОРСКОЙ АСТРОНОМИИ

Первая основа в искусстве, о коем идет речь, — вид небесной сферы. Сия в совокупности велика, ее посреди пронизывает ось, а два ее конца — полюсы. Нужно знать по меньшей мере три окружности всякой сферы, первая — параллельная оси, именуемая окружностью полудня, ее называют отделяющею Восток от Запада. Вторая — окружность, занимающая середину меж двумя полюсами, отделяющая Север от Юга; ей имя (12а) — окружность равноденствия. Таким образом, благодаря этим двум окружностям, сфера превращается в четверти. Третья охватывает горизонт, тянется через оба полюса и места пересечения двух первых [окружностей], зовется окружностью горизонта.

Раздел про узвание ханнов⁷

На языке моряков ханн, как они считают, — одна тридцать вторая часть окружности горизонта. Дело в том, что судно, по их мнению, плавает на тридцать две доли⁸ [горизонта], а каждая доля называется ханн; соответственно этому две доли называются ханпом иносказательно⁹. Всякое светило, восходящее от этого разделения, истинно, хотя бы оно восходило от указанных частей приблизительно¹⁰. Эти светила (начнем от полюсов): Телец, т. е. Два Тельца (бу М. Медведицы), Туманность¹¹ [приблизительны], затем Дракон¹² и Хвост Южной Рыбы¹³,

---

⁶ Судоводитель отвечает своей жизнью за жизнь пассажиров судна и сохранность их имущества, поэтому в талассографии нельзя пользоваться методом приближенного исследования (бахс), допустимым в кабинетных науках, здесь необходимо тщательное исследование всех частностей (дабт).

⁷ Ханн — одно деление розы ветров, румб.

⁸ Т. е. сторовы.

⁹ Т. е. ханн — румб в данном случае — не главное, а условное обозначение. Напр., румбы С1/4СВ и С1/4СЗ могут быть названы "румбом Двух Тельцов", но в этом обозначении всегда нужно различать "восход" (магла) и "закат" (магиб) Двух Тельцов.

¹⁰ Т. е. всякая звезда, начинающая свой восход (и совершающая закат) на окружности розы ветров, может дать имя румбу, хотя бы точка ее восхода (и заката) не лежала точно на градусной позиции того или иного румба.

¹¹ Вероятно, имеется в виду располагающаяся у γ Андромеды.

¹² Т. е. созвездие Дракона.

¹³ 10-я и 11-я звезды Южной Рыбы.

Бедро Окрашенного¹⁴ и Колено Центавра¹⁵, Щеголь¹⁶ и низ Коня¹⁷, первая [звезда] Северного Локтя¹⁸ и Первая Лягушка¹⁹, Ноздря²⁰ и Вторая Лягушка²¹, южная [часть] Переднего [Оттока]²² и Счастье Поглощаемое²³. Вот светила ханнов, а истинный восток²⁴ — первый в этой наниз.

Что касается светил, применяемых большинством людей, среди них суть противоречащие опыту, и в них ищут опоры из-за известности их имен и великости их тел. Вероятно, это происходит из-за того, что моряки слабо знают расстояние светил от [окружности] равноденствия.

Раздел про узнавание расстояний светил, применяемых (126) людьми, от [окружности] равноденствия по северной и южной шкале

Расстояние Высокопоставленной²⁵ — восемьдесят шесть с половиной градусов, [Большого] Тельца — семьдесят семь, Передней Катафалка²⁶ — шестьдесят шесть, яркой [звезды из созвездия] Верблюдицы²⁷ — пятьдесят два, Щеголя — сорок пять, Падающего [Орла]²⁸ — тридцать восемь с половиной, Опоры-Копьеносца²⁹ — двадцать три с половиной, Люстры³⁰ — одиннадцать с четвертью, Летящего [Орла]³¹ — семь градусов к северу. Вот расстояние северных звезд.

Что касается южных светил: расстояние Ноши³² — шестьдесят один градус, Лужка³³ — пятьдесят два, Страуса³⁴ — пятьдесят девять,

---

¹⁴ γ Б. Медведицы.

¹⁵ В созвездии Центавра.

¹⁶ α Возничего.

¹⁷ Т. е. созвездия Пегаса.

¹⁸ α Близнецов.

¹⁹ α Южной Рыбы.

²⁰ ε Рака.

²¹ β Кита.

²² Передний Отток — αβ Пегаса.

²³ υε (или με) Водолея.

²⁴ Т. е. румб В — α Орла.

²⁵ α М. Медведицы.

²⁶ α Б. Медведицы.

²⁷ αβυδз Кассиопея.

²⁸ α Лиры.

²⁹ α Волопаса.

³⁰ Плеяды.

³¹ α Орла.

³² α Эридана.

³³ α Киля.

³⁴ α Южной Рыбы.

Сердцевины³⁵ — двадцать четыре с половиной, Стрелы³⁶ — семнадцать, Пестрой Овицы³⁷ — один градус... к северу сказать неверно, к югу.

Раздел про узвание звездных орбит в градусах

Знай, что обращение сферы составляет триста шестьдесят градусов. Поэтому орбита ханна Летящего [Орла] — [экваториальный] пояс сферы, равный 360. Если пожелаешь [определить] орбиту какого-либо другого светила на севере или на юге, погляди, какова удаленность этого светила от пояса сферы в градусах, затем умножь это на четыре, а что получится от умножения вычти (13а) из трехсот шестидесяти [градусов]; остаток и составит орбиту данной звезды. Например, когда имеешь в виду орбиту ханна Люстры — расстояние от пояса сферы одиннадцать с четвертью градусов, умножив это на четыре, получишь сорок пять градусов; вычти это из трехсот шестидесяти, останется триста пятнадцать градусов. Это и есть орбита ханна Люстры. По этому [образцу] поступай с любыми звездами и градусами.

Раздел про узвание повышений и понижений орбит в любом месте

Посмотри, какова в том месте высота полюса в градусах, умножь ее на два и что получится от умножения вычти из полуорбиты данной [искомой] звезды. Остаток есть ее нижняя орбита. Прибавь это к ее полуорбите, и что наберется, то и есть ее верхняя орбита. Это действие [производят], когда орбита [находится] со стороны поднятия полюса на севере ли, на юге. Обратное этому — в стороне понижения полюса.

Раздел про узвание предела повышения звезды в любом месте

Вычти высоту полюса в местности, где хочешь [определить] предел повышения звезды, из девяносто, и что останется — знак завершившегося повышения. Потом гляди, какова удаленность звезды от пояса сферы в градусах, и что будет — (13б) прибавь к завершившемуся повышению, если эта удаленность на севере, вычти, если это на юге. Что наберется или останется — это и есть предел повышения звезды в данной местности. Когда будешь складывать и сумма превысит девяносто, то завершенность звезды [лежит в пределах] ста восьмидесяти [граду-

---

³⁵ α Скорпиона.

³⁶ α Большого Пса.

³⁷ Близнецы.

сов]; это предел ее повышения. Если желаешь измерить в пальце ³⁸, то каждые $1\frac{3}{4}$ градуса — истинный палец.

Раздел про узвание равностояния звезд на одной дощечке [измерительного прибора]

Знай, что когда находятся в равностоянии две звезды, одна на восходе, другая в закате, на севере ли, на юге, если будет [светило] выше полюса, в какой бы высоте оно ни стояло, то при обратном движении обе [звезды равностояния] окажутся под полюсом вместе с тою, что была над ним.

Раздел про узвание пальца

Палец в морском ремесле есть четверть зуббана. Это среди людей породил обычай. Дело в том, что у каждого человека большую часть времени пальцы, как правило, соответствуют [неравномерному] протяжению локтя. Что касается истинного [эталоны], пальцы, как полагают математики, [каждый содержится] в шести ячменных зернах, зерно — шесть волосков мула.

Раздел про узвание зāма ³⁹

Истинный зāм — протяженность восьмой части [периода] от поднятия светила с горизонта до его опущения — в пальцах, притекающих к тебе под горизонтом (14а) либо наоборот.

Раздел про узвание показателя ложности-правдивости зāмов, помещенных между ҳаннами

Знай, что зāмы, размещенные древними, несмотря на разноречие течений [древней мысли], неправильны. Признак ложности — "равенство" зāмов от полюса до Щеголя. В самом деле, кто плывет по полюсу восемь замов, по-настоящему поднимется на палец от Высокопоставленной; но кто будет плыть палец по Тельпу, Катафалку⁴⁰, Верблюдице либо же Щеголю, не поднимается на палец от Высокопоставленной, разве что при большем, нежели восемь зāмов. Как же может получиться равенство зāмов меж помянутых ҳаннов?

---

³⁸ $1^{\circ}36'25''$.

³⁹ Единица измерения расстояний, равная трем часам морского пути.

⁴⁰ αβγδεζη Б. Медведицы.

Пример: пять судов от Высокопоставленной пяти [пальцев], мыс Мамй⁴¹. Первое судно поплыло к полюсу⁴² восемь зăмов, поднявшись на палец от Высокопоставленной, и оказалось в Высокопоставленной шести [пальцев]. Второе судно шло по восходу Тельца⁴³ до тех пор, пока не поднялось на палец от Высокопоставленной, но так подняться оно может лишь при большем, нежели восемь полноценных [зăмов]. Дело в том, что идущий к полюсу стремится к Высокопоставленной (в другом месте⁴⁴), а идущий к Тельцу от нее отклоняется; таким образом, Высокопоставленная будет близка от стремящегося к ней и далека к отклоняющемуся от нее. Третье судно плыло по восходу Катафалка⁴⁵ до тех пор, пока не поднялось на палец от Высокопоставленной, но так подняться оно может лишь пройдя больше, чем идущий к Тельцу — вследствие большего отклонения. То же — идущие к Верблюдице и Щеголю⁴⁶. Каким же образом между полюсом и Тельцом изобразится такое, как между Щеголем (146) и Верблюдицей в смысле поднятия Высокопоставленной? Он не знает равенства. Идущий к Щеголю и Верблюдице плывет дальше и будет меж них иметь наибольшую дальность. Вот доказательство, подтверждающее малую истинность "равенства".

Что касается промежутка Щеголя с Падающим [Орлом], он достоверен согласно тому, как составлено, однако достоверности нет. Также "равны" промежутки Падающего [Орла] — Опоры [— Копьеносца] — Люстры, нет различия в поднятии Высокопоставленной с тем, что было выше. Что же касается Люстры и истинного восхода⁴⁷, зăмы их [промежутка] не сокращаются [в сравнении с другими]. Кто хочет вывести правильные зăмы промежутков легчайшим путем, да обратится к синусовому квадрату.

Раздел про узнавание доказательства ложности тирфа⁴⁸

Знай, что тирфа тоже неправильны, а доказательство несостоятельности их достоверности — пример того:

⁴¹ Т. е. Мамй-Сокотры, острова у южного побережья Аравии.

⁴² Т. е. по румбу С.

⁴³ Т. е. по румбу С1/4СВ.

⁴⁴ Эти слова, написанные чужой рукой над основным текстом, имеют в виду подчеркнуть, что точка Северного полюса и точка Полярной звезды не тождественны, хотя их разделяет расстояние, с учетом вековой прецессии, порядка всего.

⁴⁵ Т. е. по румбу ССВ.

⁴⁶ Т. е. по румбам СВ1/4С и СВ.

⁴⁷ Румбы В1/4СВ и В.

⁴⁸ Тирфа — коэффициент, позволяющий установить в данном румбе длину пути, соответствующую изменению высоты основной звезды принятого курса на один палец (см. примеч. 38).

Судно прошло в открытое море, направляясь к Савқире⁴⁹, шестнадцать зāмов и желает пристать к берегу по необходимости. Причал усматривается к западу Шеголя⁵⁰ при разделении суши пополам. Оно достигнет земли, только проплыв тирфā Высокопоставленной девяти [пальцев], а это шестнадцать зāмов; к суше придет в Высокопоставленной восьми [пальцев]. Как же могут быть равны дальняя и ближняя суши?

Второе доказательство: опять же судно прошло в открытое море, направляясь к Дāбūлу⁵¹, двадцать один зāм и желает пристать к берегу, последний же по восходу Оцоры⁵² у разделения суши пополам. Оно достигнет земли, только проплыв тирфā Высокопоставленной девяти [пальцев] согласно изложению (15а) их⁵³ зāмов и тирфā. Опора [— Копьеносец], согласно их наставникам — двадцать пять зāмов, а кто плывет в истинном восходе⁵⁴ двадцать один зāм придет к суше в Высокопоставленной восьми [пальцев]. Как же может быть ближняя земля дальней, а дальняя ближней? Вот доказательство несостоятельности тирфā⁵⁵.

Раздел про узвание правильности оборота

Правильный оборот — это новая трасса⁵⁶. Кто будет плыть по одному или многим ханнам, должен оставаться параллельным данному берегу⁵⁷. Если избирают другой, то параллельность нарушится. Если расхождение [между курсом судна и линией берега] будет незначительным, то оборот у этого [берега] допустим. Большая часть оборотов допустима, но есть возможность, чтобы допустимыми были они все.

---

⁴⁹ Мыс на южноаравийском побережье.

⁵⁰ Румбу СЗ.

⁵¹ Порт на западном побережье Индии.

⁵² Румбу ВСВ.

⁵³ Т. е. туземных, в данном случае индийских.

⁵⁴ Румбе В.

⁵⁵ Ср. с рассуждением в "Книге польз", л. 39а и примеч. 11. Эта ссылка имеет в виду печатное издание произведения "Ахмад ибн Маджид. Книга польз об основах и правилах морской науки" (М., 1985. Т. 1. С. 310 и 456—457).

⁵⁶ Т. е. он лишь тогда может называться правильным, когда не повторяет другого, уже известного, маршрута ни полностью ни частично.

⁵⁷ В общем, а не в строго математическом смысле — т. е. для того, чтобы не сбиться с курса и не понасть в опасную зону прибрежного мелководья, а с другой стороны, чтобы не терять сушу из виду. Ахмад ибн Маджид не таков! Достаточно вспомнить его знаменитое наставление Васко да Гаме: "Не приближайтесь к берегу... выходите в открытое море" (*Le pilote arabe de Vasco da Gama et les instructions nautiques arabes au XVe siècle* par G. Ferrand. // *Annales de Géographie*. 1922. №. 172. P. 290).

Раздел про узнание основы [астрономического] измерения

Это, на языке моряков, повышение и понижение светила от горизонта. Здесь самое надежное — находящееся у полюса, т. е. стоящее над полюсом, а самое слабое — то, что прозрачно⁵⁸, т. е. близко, и у которого с восхода и заката пояс сферы⁵⁹.

Лучшее измерение — со среднего размера дощечками [астрометрического прибора], т. е. ни большими, ни малыми, из-за того, что во время течения меж полюсов поднятие звезды то возрастает, то уменьшается: светила поглощаются сферой; а поднимается и опускается, подобно крепости гор, горизонт.

Раздел об узнании [понятия] расстояния по определению моряков

По их мнению, расстояние — число зăмов меж двух противолежащих точек на востоке и западе. Самое верное расстояние — то, которое образуется в двух оборотах с правильными (156) измерением [звезд] и плаванием от начала до конца. Оно выглядит [как] имеющее три стороны; если правильно [определены] две, то верна и третья, она же искома⁶⁰. В то же время у того, что установлено опытом при плавании, точность отсутствует — из-за разницы в опыте вследствие четырех обстоятельств: 1) ветер различен по силе и слабости, 2) ход судна отличен при перемещении паруса вперед или назад, нагруженности или малом весе, 3) суда имеют разную скорость, 4) протяженность пути за или против тебя, особенно среди островов, заливов и при плавании в виду берега.

Раздел об узнании того, как разделяются виды счислений

Их пять.

Первый вид: знание того, как искать ханн или его часть от двух определенных пунктов. Простейший пример для ханна: от Зуфара⁶¹ к Дабўлу⁶² движение по какому ханну? (— По восходу Падающего [Орла]⁶³). Простейший пример для дробного: от Мидвара⁶⁴ к Мамй-

---

⁵⁸ Т. е. нечетко выделяется посредством фона.

⁵⁹ Т. е. экваториальный пояс неба.

⁶⁰ Как видно из текста, термином "оборот" арабские моряки могли иногда обозначать не оба, а каждое данное направление маршрута. Так как линии этих направлений не совпадают (при учете течений, ветров и т. д.), схематически карта маршрута приобретает вид треугольника, в котором, практически узнав две стороны, можно вычислить третью.

⁶¹ Порт на южноаравийском побережье.

⁶² Дайбул в устье Инда.

⁶³ Румбу СВ1/4В.

⁶⁴ Мыс у побережья Гуджарата в Индии.

Сокотре по какому...? (—Под закатом Венца⁶⁵, в 1 3/5 зāма от направления на закат Стрелы⁶⁶).

Второй вид (раздел): знание того, как при окончании плавания по ханну или его части искать неизвестный пункт от известного. Простейший пример для ханна: от Мидвара по закату Стрелы в каком месте возьмешь? Простейший пример для дробного: от Мидвара промежутки меж Пестрой Овцой и Стрелой⁶⁷ в каком месте возьмешь?

Третий вид (раздел): исчисление двух направлений. Из двух судов одно плывет по южным ханнам, исключая Полнос⁶⁸; (16а) другое плывет по одному из северных ханнов, исключая Полнос⁶⁹. Оба ханна будут выходить из центра [розы ветров], как Люстра с Пестрой Овцой, Щеголь со Скорпионом, Тельцы с Ношей⁷⁰, и если плавание по ним будет одинаково, суда окажутся, независимо друг от друга, в Полносах.

Четвертый вид (раздел): исчисление двух направлений, исходящих от центра к северу или югу. Пример: из двух судов одно плывет по восходу Щеголя, другое — по его закату либо же по восходу ли, закату Скорпиона, или по другим ханнам, однако при условии встречности т. е. встречности обоих ханнов⁷¹. Если они проплывут поровну, то окажутся, независимо друг от друга, на восходе и закате⁷².

Пятый вид: вычисление сквозного направления. Пример: из двух судов одно плывет по восходу Падающего [Орла], другое — по восходу Верблюдицы либо по Опоре [— Копьеносцу], Катафалку, Люстре, Двум Тельцам. Если они проплывут поровну, то окажутся, независимо друг от друга, в закате Щеголя и восходе Скорпиона⁷³.

ГЛАВА ВТОРАЯ. НАИМЕНОВАНИЯ ЗВЕЗД

Высокопоставленная⁷⁴ называется также Козленочком и ас.с.м.йа, по-персидски Высокопоставленная⁷⁵.

Два Тельца⁷⁶ называются и Двумя Преградами.

Катафалк⁷⁷: первые [две звезды этого созвездия] называются Передними, третья Корзиной, четвертая Скрытой, пятая (166) Бухтой,

⁶⁵ Румб Ю31/43.

⁶⁶ Румб ЗЮЗ.

⁶⁷ Румбам В1/4ЮВ—ВЮВ / 31/4ЮЗ—ЗЮЗ.

⁶⁸ Т. е. полюс Лужка — румб Ю.

⁶⁹ Т. е. румб С (Полярной звезды).

⁷⁰ Т. е. взаимно продолжаясь по прямой.

⁷¹ См. примеч. 68.

⁷² Т. е. на восходе и закате Летящего Орла — в румбах В и З.

⁷³ Это сквозная линия, образуемая румбами СЗ и ЮВ.

⁷⁴ α М. Медведицы.

⁷⁵ Джāх.

⁷⁶ βγ М. Медведицы.

⁷⁷ Созвездие Б. Медведицы.

шестая Объятием (из-за обнимания с Отверженной ⁷⁸, последняя же зовется ан-на'йп и ас-сайдак), седьмая — Вожатым. Они имеют и другие имена. Третья и четвертая [звезды] называются Двумя Хромыми, т. к. они находятся позади первых. Первые четыре именуются Ложем, а три последние — Девами; Ложе [еще] зовется Катафалком.

Верблюдица ⁷⁹ имеет некоторое количество названий. Это несколько звезд. Среди ее имен — Горб, Сидящая в кресле, Рука Окрашенного; ведь она входит в несколько созвездий.

Щеголь ⁸⁰ называется Послушным [по отношению к] Люстре.

Падающий ⁸¹ называется Большим Орлом, Обильным, Удержанным.

Северная Опора ⁸² называется Копьеносцем, Красенькой.

Люстра ⁸³ называется Звездой.

Летающий ⁸⁴ называется Малым Орлом, Хизаном.

Ал-Джавзан ⁸⁵ называется Весаами и Нанизью.

Стрела ⁸⁶ называется Перехожим Сириусом, Проливающим Дожди.

Венец ⁸⁷ называется Короной.

У Сердцевины ⁸⁸ нет [другого] имени.

Два Осла ⁸⁹: первый называется Коновязью, второй — Страусом. [Оба вместе] называются также Двумя Гривами, Двумя Наездниками и Двумя Столбами.

Ноша ⁹⁰ называется Вероломной.

Раздел об узнании количества пальцев между Северным полюсом, Высокопоставленной, Тельцом и Гвоздем ⁹¹

Знай, что между полюсом и Высокопоставленной — два пальца, меж полюсом и Большим Тельцом — семь (17а) с половиной, меж полюсом и Гвоздем — восемь, меж Высокопоставленной и Гвоздем — шесть, меж Высокопоставленной и тельцом — девять пальцев.

---

⁷⁸ Алькор, звезда величины 5.5 рядом с ζ Б. Медведицы.

⁷⁹ Созвездие Кассиопеи.

⁸⁰ α Возничего.

⁸¹ Т. е. Падающий Орел — α Лыры.

⁸² α Волопаса.

⁸³ Плеяды.

⁸⁴ Т. е. Летающий Орел — α Орла.

⁸⁵ Обычная форма ал-джавз — Пестрая Овца = Близнецы.

⁸⁶ α Большого Пса.

⁸⁷ $\beta\delta\kappa$ Скорпиона.

⁸⁸ α Скорпиона.

⁸⁹ δ Рака.

⁹⁰ α Эридана.

⁹¹ 122-я звезда Цефея.

Далее знай, что Большой Телец от времени своего равностояния с Малым Тельцом⁹² с востока до тех пор, пока встанет прямо над Высокопоставленной, поднимается на два с половиной пальца. Противоположное этому происходит во время их равностояния с запада.

Что касается Двух Ослов когда они входят в равностояние, то в это время Коновязь клонится от полюса к западу, несколько опускаясь относительно [точки] своей кульминации, тогда как Страус одновременно находится над полюсом.

Раздел об узнании вращения Тельца над полюсом

Знай, что обращение Тельцов имеет шесть положений.

Первое: когда они находятся в равностоянии с восточной стороны [полюса]. Тогда они выше полюса на пять пальцев. В это время наблюдается кульминация Мены⁹³ и нет бāшй⁹⁴ [у звезд] до Высокопоставленной. Этой порой Тельцы над Высокопоставленной пяти [пальцев] стоят в двенадцати узких⁹⁵.

Второе: когда Большой Телец встает прямо над Высокопоставленной. Тогда бāшй Высокопоставленной равен половине узкого пальца. В это время наблюдается кульминация Двух Жал⁹⁶, а между [Большим] Тельцом и полюсом насчитывается семь с половиной пальцев.

Третье: когда Большой Телец встает прямо над Малым. Это происходит между кульминацией Взъема⁹⁷ и Страусов⁹⁸. Тогда бāшй Высокопоставленной — два пальца без четверти. В это время [Большой Телец] выше полюса на пять пальцев (176) с четвертью.

Четвертое: когда [Два Тельца] находятся в равностоянии с западной стороны [полюса]. Это происходит между кульминациями Двух Оттоков⁹⁹. Бāшй Высокопоставленной — четыре пальца. Два же [Тельца] в ту пору стоят под полюсом, над которым они были в положении равностояния с востока. Они в это время при Высокопоставленной пяти пальцев имеют два.

Пятое: когда Большой Телец находится под Высокопоставленной. Это во время кульминации Малого Чрева¹⁰⁰. Бāшй Высокопоставлен-

---

⁹² Речь идет о звездах β и γ М. Медведицы.

⁹³ β Льва.

⁹⁴ Крайняя точка повышения (понижения) звезды в период ее верхнего (нижнего) прохождения через небесный меридиан или в свободном положении.

⁹⁵ Т. е. приблизительных, с дробным отклонением в ту или иную сторону (пальцах).

⁹⁶ $\alpha\beta$ Весов.

⁹⁷ $\lambda\nu$ Скорпиона.

⁹⁸ $\gamma\delta\epsilon\zeta$ Стрельца.

⁹⁹ Т. е. Переднего — $\alpha\beta$ Пегаса и Заднего — γ Пегаса, α Андромеды.

¹⁰⁰ $\epsilon\delta\kappa$ Овна

ной — три с половиной пальца, [Большой же Телец] находится под полюсом, над которым он был во время своего прямостояния над Высокопоставленной.

Шестое: когда Большой Телец встает прямо над Малым. [Это] между кульминацией Завитка ¹⁰¹ и Тавра ¹⁰². Башй Высокопоставленной — два пальца с четвертью. [Большой Телец] стоит под полюсом, над которым он был во время своего прямостояния над Малым ¹⁰³.

Раздел об узнании условий для достигшего предела [мореходных знаний]

Достигшему предела следует удовлетворять пяти условиям.

Первое: знать обороты, [звездные] измерения и расстояния, что необходимо.

Второе: быть сведущим в снятии [и] установке коробочки ¹⁰⁴ и положении Высокопоставленной в известных ее позициях.

Третье: знать маршрут, который он намеревается пройти до конца.

Четвертое: знать муссоны своего маршрута.

Пятое: иметь некоторые познания в управлении на море и маневрах судна.

(18a) ГЛАВА ТРЕТЬЯ. МОРСКИЕ ПУТИ В ОБЛАСТИ НАВЕТРЕННЫХ И ПОДВЕТРЕННЫХ СТРАН

Знай, что оборот разделяется на две части.

Первая: обороты главных земель и больших морских островов.

Вторая: свободные обороты с известными началом и окончанием.

Начнем с оборотов к мысам подводных скал в море Хиджаза и его островов, ибо это острова моря почтенной Мекки.

Оборот из гавани досточтимой Мекки — Джидды к двум отломам Мисмāрй — по закату Скорпиона ¹⁰⁵. От Мисмāрй к `Ирқ Ғурабу — по закату Ноши <sup>106</sup>. От `Ирқ Ғураба к Хұмайсу — восход Ноши ¹⁰⁷. От Хұмайса к Джихāну — восход Двух Ослов ¹⁰⁸. От Джихāна к Сайбāну — восход Ноши. От Сайбāна к окончанию Аб`илы с юга — восход Двух Ослов. От окончания Аб`илы к Зуқару — восход Скорпиона. Говорят, [путь] от Сайбāна к Зуқару — весь по восходу Скорпиона, и

¹⁰¹ δεζ Орiona.

¹⁰² γε Ближнецов.

¹⁰³ См. третье положение.

¹⁰⁴ Т. е. буссоля.

¹⁰⁵ Румб ЮЗ.

¹⁰⁶ Румб Ю1/4ЮЗ.

¹⁰⁷ Румб Ю1/4ЮВ.

¹⁰⁸ Румб ЮВ1/4Ю.

на этом [согласилось] большинство людей. По-моему же, сказанное выше вернее. А от Зукара до Врат¹⁰⁹ — восход Лужка¹¹⁰.

Раздел об узнании оборотов [между] мысами морских островов, относящихся к земле Неарабов¹¹¹

Оборот от острова Хинд-Джудр, который лопманы называют Кама-рāн бинт К.д.р., до [архипелага] Тахтийāt — восход Двух Ослов. От Тахтийāt к [архипелагу] Хавāтиб — восход Скорпиона. От Хавāтиб к Сайбāну — восход Венца /Стрелы¹¹², от Хавāтиб же к Муқайдиҳу — все Скорпион. От Муқайдиҳа (186) к Сайбāну — восход Пестрой Овцы¹¹³, а говорят, восход Подлинника¹¹⁴

Раздел об узнании оборотов земли Арабов: страны Джурз, Ахкāфа, Атвāха¹¹⁵, побережий [двух] Оманов¹¹⁶ и острова Джарун¹¹⁷

Оборот от Врат Сожаления¹¹⁸ к `Аре¹¹⁹ — мористее¹²⁰, по восходу Стрелы, а далее — по восходу Пестрой Овцы. Говорят, что весь он по восходу Пестрой Овцы, еще говорят — по Истинному Восходу¹²¹. Сказанное первым вернее всего.

От `Ары к Адену — восход Люстры¹²². От Адена к Фартаку¹²³ — восход Опоры¹²⁴. От Фартака к островам Курья-Мурья...¹²⁵ об этом существуют два мнения: одно — восход Падающего [Орла]¹²⁶, это всего вернее; его придерживаются индийцы; второе — восход Щеголя¹²⁷; его придерживаются большинство арабов и хурмузцы. Истина [состоит

¹⁰⁹ Т. е. до Бабальмандебского пролива.

¹¹⁰ Румб ЮЮВ.

¹¹¹ Т. е. африканскому побережью Красного моря.

¹¹² Промежуток между румбами ЮВ1/4В и ВЮВ.

¹¹³ Румб В1/4ЮВ.

¹¹⁴ Т. е. подлинного Востока (ал-машрик ал-аслийй). Это румб В ("восход Летящего Орла"), смежный с предыдущим.

¹¹⁵ Области на юге Аравийского полуострова.

¹¹⁶ На юге и востоке Аравии.

¹¹⁷ Или Новый Хурмуз в Персидском заливе.

¹¹⁸ Бабальмандебского пролива.

¹¹⁹ Гавань на юго-западном побережье Аравии.

¹²⁰ Т. е. далее в сторону открытого моря.

¹²¹ Т. е. по румбу В, см. прим. 114.

¹²² Румб В1/4СВ.

¹²³ Порт на южном побережье Аравии.

¹²⁴ Румб ВСВ.

¹²⁵ Архипелаг у южного побережья Аравии.

¹²⁶ Румб СВ1/4В.

¹²⁷ Румб СВ.

в том], что Шеголь [годится] от Фартака к Саджиру¹²⁸ и его окрестностям.

От Курья-Мурья к Масйре¹²⁹ — восход Шеголя. Однако в этом обороте две первые мели от Курья[-Мурья] к Мадраке¹³⁰ непременно клонятся к Падающему [Орлу], потом, от Мадраки к Масйре, необходимо склоняться по Верблюдице¹³¹. От Масйры к Рас-эль-Хадду¹³² — восход Катафалка¹³³, а говорят, восход Тельцов¹³⁴. От [Рас-эль-]Хадда к Қалхātu¹³⁵ — закат Люстры¹³⁶. От Қалхāта к Маскату¹³⁷ — закат Катафалка¹³⁸. От Маската к Сухāру¹³⁹ — закат Люстры. От Сухāра к Челюсти Льва¹⁴⁰ — закат Катафалка.

Что касается счетного морского оборота от [Рас-эль-]Хадда к Челюсти Льва (19а) — закат Шеголя¹⁴¹. От Челюсти Льва к острову Джарун — полос Высокопоставленной¹⁴².

На правильность оборота указывает его параллельность [очертаниям] побережий, [установленная] непрерывным опытом.

Раздел об узнании оборотов земли Неарабов: Мукрāна, Синда, Гуджарата¹⁴³, Конкана, Тулувана и Малабара¹⁴⁴

Оборот от острова Джарун к Джāшу¹⁴⁵. Об этом три группы речений. Первое: восход Лужка; на этом стоит масса арабов и хурмузцев. Второе: восход Двух Ослов; за это стоит масса индийцев. Третье: в этом существует разделение — от Джаруна до Кūх-и Мубарака¹⁴⁶ восход Лужка, от Кūх-и Мубāрака до Джāша восход Скорпиона. Вот это правильно, предпочтительно; это принимают исследователи.

¹²⁸ Гора на южноаравийском побережье.

¹²⁹ Остров у южного побережья Аравии.

¹³⁰ Пункт на южноаравийском побережье.

¹³¹ Румб СВ1/4С. Румб Шеголя занимает в розе ветров среднее положение между румбами Падающего Орла и Верблюдицы.

¹³² Юго-восточная оконечность Аравийского полуострова.

¹³³ Румб ССВ.

¹³⁴ Румб С1/4СВ.

¹³⁵ Порт на восточном побережье Аравии.

¹³⁶ Румб 31/4СЗ.

¹³⁷ Порт в восточном Омане.

¹³⁸ Румб ССЗ.

¹³⁹ Порт в Омане.

¹⁴⁰ Факх ал-Асад.

¹⁴¹ Румб СЗ.

¹⁴² Румб С.

¹⁴³ Области на побережье Аравийского моря между Аравией и Индией.

¹⁴⁴ Области на западном побережье Индии.

¹⁴⁵ Порт на Аравийском море.

¹⁴⁶ На Персидском (Оманском) заливе.

От Джаша к Дайбулу Синда¹⁴⁷ восход Пестрой Овцы — приближенно, ибо в этом [обороте] существуют левые склонения; их упомянул наставник Ахмад сын Маджида в своей "Содержащей"¹⁴⁸. От Дайбула в Синде к Махьяму¹⁴⁹ — об этом два мнения. Одно — восход Скорпиона; его придерживаются многие арабы и хурмузы. Согласно другому, здесь разделение: от Дайбула синдского к Заджаду¹⁵⁰ — восход Скорпиона, Венец до Махьяма. Именно это верно, предпочтительно.

От Мидвара¹⁵¹ к Дл.варе¹⁵² — восход Люстры. От Дл.вары к Данту¹⁵³ — восход Опоры. От Данта к Джудже¹⁵⁴ — предел ад.н.дж.вийй¹⁵⁵, но если над тобою будут господствовать крайние обстоятельства, плывешь от Данта к восходу Падающего [Орла], покуда не пройдешь ап-ш.б.ру. Это голые отломы скал. (196) Оттуда к острову Ф.й.р.м. — восход Щеголя. От Дяу¹⁵⁶ к Сурату¹⁵⁷ плывешь по восходу Пестрой Овцы на расстояние двух зăмов, после чего [плаватель] обращается к истинному востоку¹⁵⁸, покуда не обнаружишь землю и, приблизясь к ней, не поплывешь по полюсу Высокопоставленной¹⁵⁹; ведь оборот от вершины бухты Сурата к Даману — полюс Лужка¹⁶⁰. От Дамана до Кўлама¹⁶¹ — восход Лужка (при отклонениях в некоторых местах), от Кўлама до Тўтăджăма¹⁶² — восход Скорпиона.

Говорят, что от Кўлама до Кумхарй¹⁶³ — восход Венца, от Кумхарй к Тўтăджăму — восход Скорпиона. А по-моему, Скорпион подходит этому всему.

Знай, что под Высокопоставленной семи с четвертью [пальцев] до Высокопоставленной семи без четверти находится отмель, над которой

¹⁴⁷ Порт на Аравийском море, в северо-западной оконечности полуострова Индостан.

¹⁴⁸ "Содержащая краткое про основы науки морей" — ранняя поэма лопмана Васко да Гамы — Ахмада ибн Маджида, законченная 13 сентября 1462 года.

¹⁴⁹ Порт на западном побережье Индии.

¹⁵⁰ Мыс в западной Индии.

¹⁵¹ Мыс у побережья Гуджарата в Индии.

¹⁵² В Гуджарате (зап. Индия).

¹⁵³ Мыс в Гуджарате: см.: *Relations de voyages et textes géographiques arabes, persans et turks relatifs à l'Extrême // Orient du VIII au XVIII siècles, traduits, revus et annotés par G. Ferrand. Paris, 1914. P. 517.*

¹⁵⁴ В Гуджарате (зап. Индия).

¹⁵⁵ По-видимому название ветра.

¹⁵⁶ Мидвар (см.).

¹⁵⁷ Порт в западной Индии.

¹⁵⁸ См. прим. 121.

¹⁵⁹ Румбу С.

¹⁶⁰ Румб Ю.

¹⁶¹ Порт в Малабаре (зап. Индия).

¹⁶² Порт на западном побережье Цейлона.

¹⁶³ Мыс Коморин в южной оконечности полуострова Индостан.

воды высотой плюс-минус 5—10 сажень, просвечивает дно. Меж отмелью и берегом расстояние — двенадцать *зāмов*.

Раздел про узвание оборотов берега Зайла`ов¹⁶⁴, ал-м.джан, Сомали, Мримы и Софалы¹⁶⁵

Оборот от Врат Сожалений¹⁶⁶ к Зайла`у — по восходу Ноппи, а говорят, по Полюсу<sup>167</sup>. От Зайла`а до Қарыят аш-шайх¹⁶⁸ — восход Двух Ослов. От Қарыят аш-шайх до острова Бербера — истинный восток¹⁶⁹. От Берберы до Ҳанзйры¹⁷⁰ восход Опоры; морской рассчитанный оборот. От Қарыят аш-шайх до Ҳанзйры это — восход Люстры. (20а) От Ҳанзйры до Файлака¹⁷¹ — тоже восход Люстры. Говорят, что от Хаджрāта до Файлака — восход Опоры; этого мнения придерживалось большинство древних. От Файлака к Бандар Мўсā¹⁷² — восход Пестрой Овцы. От Бандар Мўсā к Ҳāфунй¹⁷³ — об этом два мнения: одно — восход Лужка, другое полюс Лужка; еще считают — восход Ноппи¹⁷⁴. От Ҳāфунй к атолу Мукбил¹⁷⁵ — закат Лужка¹⁷⁶. От атолла Мукбил к Побережьям¹⁷⁷ — об этом два мнения: одно — закат Лужка; так считали многие из древних. Во втором разделении: от атолла до Барāвы¹⁷⁸ — закат Скорпиона, от Барāвы до Вāсийнй¹⁷⁹ — закат Двух Ослов¹⁸⁰; так говорит кое-кто из умудренных опытом.

От Вāсийнй к острову Вамйзй¹⁸¹ (Катафалк¹⁸² одиннадцать [пальцев]¹⁸³) — полюс лужка. От Вамйзй к Ш.н.джджй¹⁸⁴ (Катафалк девят-

---

¹⁶⁴ Порт на африканском побережье Аденского залива и его окрестности.

¹⁶⁵ Порт в восточной Африке.

¹⁶⁶ Бабальмандебского пролива.

¹⁶⁷ Т. е. по соседнему с "восходом Ноппи" румбу "полюса Лужка" — Ю.

¹⁶⁸ Порт на африканском побережье Аденского залива.

¹⁶⁹ Румб В.

¹⁷⁰ Или Авф Ҳанзйры на африканском побережье Аденского залива.

¹⁷¹ Порт на Аденском заливе.

¹⁷² Порт на Аденском заливе.

¹⁷³ Порт в восточной оконечности Африки, у мыса Гвардафуй.

¹⁷⁴ Речь идет о смежных румбах ЮЮВ, Ю и Ю1/4ЮВ.

¹⁷⁵ См.: Fernand G., Relations. P. 533, п. 14.

¹⁷⁶ Румб ЮЮВ.

¹⁷⁷ Крайняя восточная часть африканского побережья — Сомали и Кения.

¹⁷⁸ Порт в Сомали, южнее Могадишо.

¹⁷⁹ Мыс и остров у восточного побережья Африки между о. Pemba и Момбасой.

¹⁸⁰ Румб Ю31/4Ю.

¹⁸¹ Остров у восточного побережья Африки, южнее Кильвы.

¹⁸² Созвездие Б. Медведицы.

¹⁸³ Так обозначено расположение Вамйзй.

¹⁸⁴ Порт на восточноафриканском побережье. Турецкий адмирал XVI в. Сиди Али Челеби упоминает его в форме Синджджй (другое название — Бандар Дарвиш. См.: Fernand G. Relations. P. 537.).

ти [пальцев]) — восход Лужка. От Синджаджи к Мулбайуни¹⁸⁵ (Катафалк восьми [пальцев]) — полюс Лужка. От Мулбайуни плыви по южному полюсу¹⁸⁶ четыре зёма, потом обратись к закату Скорпиона до окрестностей Софалы¹⁸⁷; а от Софалы до конца суши¹⁸⁸, называемого С.р.б.в.х.¹⁸⁹ (над ним Катафалк — три [пальца]), не удостоверен мне какой-либо оборот со стороны имеющего опыт. От С.р.б.в.х. плавание обращается под закат Катафалка, а говорят, Верблюдицы¹⁹⁰, а иные утверждают — под [закат] Щеголя до земли жителей Запада¹⁹¹ (206) и франков¹⁹².

Раздел про узнавание оборотов [от отдельных мест] отчала

Оборот от Курья[-Мурья] к Мамй-Сокотре¹⁹³ — закат Ноши; так говорят имеющие опыт, по мнению же древних — полюс Лужка.

Оборот от Мутавака¹⁹⁴ к Мамй-Сокотре — полюс Лужка.

Оборот от Фартака к Мами-Сокотре — восход Скорпиона. Некоторые из имеющих опыт говорят — восход Двух Ослов; это уточнение ради верности.

Оборот от Фартака до Гвардафуя — полюс Лужка, по мнению древних, а закат Ноши — по мнению более поздних.

Оборот от Фартака к Файлаку — закат Лужка.

Оборот от `Айна<sup>195</sup> к Бербере<sup>196</sup> — закат Лужка, а от `Айна к Майту¹⁹⁷ — полюс Лужка.

Оборот от Адена к Сиййаре¹⁹⁸ — полюс Лужка.

Оборот от Адена до Қарят ап-шайх — закат Лужка.

---

¹⁸⁵ Мозамбик, порт на восточном побережье Африки (другое название — Мусанбийжи).

¹⁸⁶ Т. е. по полюсу Лужка — румбу Ю (в отличие от полюса Высокопоставленной — Румба С).

¹⁸⁷ Область и порт в восточной Африке.

¹⁸⁸ Т. е. до южной оконечности африканского материка.

¹⁸⁹ Это с.р.б.в.х. всего естественнее читать как шарбух, но это о. Пемба к СВ от Занзибара! (Marræ Arabicae hsg. v. K. Miller. Stuttgart 1926. II. S. 170; Documents sur l'histoire, la géographie et le commerce de l'Afrique Orientale requerrill et rédigés par Guilla-in. Paris, 1856. I. Pp. 216, 221).

¹⁹⁰ Румб С31/4С.

¹⁹¹ Т. е. средиземноморского побережья Африки, расположенного западнее восточного халифата.

¹⁹² Т. е. европейцев западного Средиземноморья.

¹⁹³ Это название см. в: Ferrand G. Relations. P. 540 and n. 1.

¹⁹⁴ Гора на аравийском побережье (Ferrand G. Relations. P. 521 and n. 19)

¹⁹⁵ Залив в Аравии (Ferrand G. Relations. P. 525 and n. 3).

¹⁹⁶ Пункт в Аденском заливе.

¹⁹⁷ Пункт в Аденском заливе.

¹⁹⁸ Порт на африканском побережье Аденского залива.

Оборот от Адена к М.с.к.н.¹⁹⁹ — закат Двух Ослов.
Оборот от Адена к бухте Таджурра [ал-Махс]²⁰⁰ — закат Скорпиона.

Оборот от Адена к мысу — закат Стрелы²⁰¹.

Оборот от Адена до горы Джайн²⁰² — закат Пестрой Овцы²⁰³.

Оборот от Рас-эль-Хадда к эстуарию Дайбула синдского — восход Люстры.

Оборот от Маската к Джāшу — закат Катафалка, а от Маската до Кува-Мāрака — закат Тельцов²⁰⁴.

Оборот от Мудаввара²⁰⁵ к Дих-и-нава²⁰⁶ — восход Пестрой Овцы.
А от Мудаввара к Махāяму — восход Стрелы.

Раздел про узвание оборотов под ветром (Коромандель, Нат, Орисса, Бенгалия²⁰⁷)

Оборот от (21a) Кумхарй к Фарандале²⁰⁸ (Высокопоставленная — два пальца [высоты над горизонтом]) — восход Опоры.

От Фарандалы к Бāлй Нукум²⁰⁹ (Высокопоставленная — два с половиной [пальца]) — восход Катафалка.

От Бāлй Нукум к Шулламу²¹⁰ — восход Люстры.

От Шуллама к Анбалā Кūrй²¹¹ (Высокопоставленная — три [пальца]) — восход Верблюдицы²¹².

От Анбалā Кūrй (Высокопоставленная — три [пальца]) — восход Верблюдицы.

От Анбалā Кūrй к Акрā Кūrй²¹³ (Высокопоставленная — пять [пальцев]) — восход Тельцов.

От Акрā Кūrй (Высокопоставленная — пять [пальцев]) — восход Тельцов.

---

¹⁹⁹ Маскан на африканском побережье Аденского залива: Ferrand G. Relations. P. 527.

²⁰⁰ В Аденском заливе. См. Ferrand G. Relations. P. 526 and p. 11.

²⁰¹ Румб ЗЮЗ.

²⁰² На западном побережье Аденского залива.

²⁰³ Румб З1/4ЮЗ.

²⁰⁴ Румб С1/4СЗ.

²⁰⁵ Это, по-видимому, вариантное название для мыса Мидвар в Гуджарате.

²⁰⁶ Порт в Конкане (зап. Индия).

²⁰⁷ В тексте: барр аш-шулиййāн ва-н-нāt ва-варйса ва-л-бандж. Это области, расположенные с юга на север по восточному побережью Индии.

²⁰⁸ Порт на восточном побережье Индии.

²⁰⁹ Порт на восточном побережье Индии.

²¹⁰ Остров у западного побережья Цейлона.

²¹¹ В западной части Бенгальского залива.

²¹² Румб СВ1/4С.

²¹³ Порт на восточном побережье Индии.

От Акрā Кūrй к Мутубалй ²¹⁴ (Высокопоставленная — шесть [пальцев]) — полюс Высокопоставленной.

От Мутубалй к Джудавārй ²¹⁵ — об этом два мнения: одно — восход Падающего [Орла], это вернее всего; другое — восход Щеголя.

От Джудавārй к Фишāшу — восход Щеголя.

От Фишāша к Фавфаламу ²¹⁶ — полюс Высокопоставленной.

От Фавфалама к л.Канфāру ²¹⁷ — восход Опоры.

От л.Канфāра к Сун-дйбу и Фāра-дйбу (двум островам у выхода эстуария Читтагонга ²¹⁸) — об этом два мнения: одно — восход Опоры, его придерживается большая часть коромандельцев, арабов и индийцев; другое — восход Люстры, это мнение части жителей Короманделя, соответствующее [высказываниям] некоторых из древних ²¹⁹.

Раздел про узнавание оборотов сиамской земли

Оборот от Сун-дйба и Фāра-дйба к Читтагонгу — восход Стрелы ²²⁰.

От Читтагонга к острову Занджилийā ²²¹ — полюс Лужка.

От Занджилийй к Неграйсу ²²² — восход Лужка.

От Неграйса к Мартабāну ²²³ (216) — восход Стрелы.

От Мартабāна к Тавою ²²⁴ — восход Лужка.

Тоже от Мартабāна к острову Фалй ²²⁵ — полюс Лужка.

От Фалй к острову Буттам ²²⁶ — полюс Лужка.

От Буттама к островам Фулū Санбилан малаккский ²²⁷ — восход Лужка.

От Фулū Санбилан к островам Фулū Джумур ²²⁸ — полюс Лужка.

---

²¹⁴ Порт на восточном побережье Индии.

²¹⁵ Порт на восточном побережье Индии.

²¹⁶ Мыс на восточном побережье Индии.

²¹⁷ Мыс на восточном побережье Индии.

²¹⁸ Порт в восточной Бенгалии.

²¹⁹ Насколько современник Сулаймāна ал-Махрй — турецкий адмирал Сиди Али Челеби отдает должное данным арабского мореплавателя, видно хотя бы из того, что весь этот раздел почти дословно воспроизведен в его "Энциклопедия небес и морей" (ср. перевод в: Relations. Феррана. Рр. 496—498).

²²⁰ Румб ВЮВ.

²²¹ У восточного края Бенгальского залива.

²²² Мыс на восточном побережье Бенгальского залива (также Негрэ). В тексте: нāджирāшй.

²²³ Порт на восточном побережье Бенгальского залива.

²²⁴ Стоянка на восточном берегу Бенгальского залива. В тексте: тавāхй.

²²⁵ В архипелаге Такоа.

²²⁶ Острова в Бенгальском заливе.

²²⁷ Архипелаг в устье р. Перак в Малаккском проливе.

²²⁸ У восточного побережья Суматры.

От Фулū Джумур к горе Фулū Басалār²²⁹ — восход Венца²³⁰; некоторые говорят — Стрелы²³¹.

От Фулū Басалār к Малакке — восход Скорпиона.

От Малакки к Сингапуру²³² (это конец Снаму с юга, здесь Два Тельца [имеют] пять [пальцев высоты пад горизонтом]) — об этом два мнения: одно — восход Стрелы, другое — восход Скорпиона.

Раздел про узвание оборотов Сйна и Масйна²³³

Оборот от Сингапура к Банагу²³⁴ (Высокопоставленная — четыре [пальца]) — закат Двух Тельцов.

От Банага к Сұра²³⁵ (Высокопоставленная — четыре с четвертью [пальца]) — закат Катафалка.

От Сұра к бухте Кұл²³⁶ (Высокопоставленная — четыре с половиной [пальца]) — закат Падающего [Орла]²³⁷. От Сұра к Шахр-и-нав²³⁸ (Высокопоставленная — пять с половиной [пальцев]) — полюс Высокопоставленной.

От Шахр-и-нава к мысу Канбұсā²³⁹ (Высокопоставленная — пять [пальцев]) — восход Венца.

От Канбұсā к Шанбā²⁴⁰ (Высокопоставленная — семь [пальцев]) — восход Катафалка.

От Шанбā к бухте Кавнй²⁴¹ (Высокопоставленная — десять [пальцев]) — закат Катафалка.

От Шанбā к гавани Айнам²⁴² (Высокопоставленная — двенадцать с четвертью [пальцев]) — восход Катафалка.

От Айнама к Вратам Китая²⁴³ (побережье — Высокопоставленная семнадцати с половиной [пальцев]) — восход Шеголя.

От Врат Китая супа сворачивает в направлении юга, (22а) как говорят.

---

²²⁹ Остров в Малаккском проливе.

²³⁰ Румб ЮВ1/4В.

²³¹ Смежный румб ВЮВ.

²³² В тексте: синджāфур.

²³³ Ср.: чин-у-мāчйн у'Абдарраззāка ас-Самарқандй и Сиди Али Челеби: Ferrand G. Relations. P. 473 and n. 8, p. 500.

²³⁴ См.: Ferrand G. Relations. Pp. 500, 527.

²³⁵ См.: Ferrand G. Relations. P. 500.

²³⁶ См.: Ferrand G. Relations. P. 500 and n. 6.

²³⁷ Румб СЗ1/4З.

²³⁸ См. См.: Ferrand G. Relations. P. 500 and n. 8, ср. там же, p. 560 and n. 4.

²³⁹ Или Канбушā. См.: Ferrand G. Relations. P. 500 and n. 10, p. 525 and n. 13.

²⁴⁰ Из санскр. чампа. См.: Ferrand G. Relations. P. 500 and n. 11, p. 522.

²⁴¹ Из китайск. Цзяочэ — Тонкин. См.: Ferrand G. Relations. P. 500 and n. 13.

²⁴² См.: Ferrand G. Relations. P. 501.

²⁴³ См.: Ferrand G. Relations. P. 501 and n. 2.

Н. Г. Пчелин, М. И. Озерова

ФРАНЦУЗСКИЕ КИТАЕВЕДЫ Ж. БУВЭ И А. ГОБИЛЬ

Влияние миссионерских организаций Европы, в первую очередь миссии иезуитского ордена в Пекине, на дипломатию и культуру позднесредневекового Китая было достаточно заметным.

Миссионерство — фактор колониального проникновения — имело позитивный характер в условиях феодального Китая, где душилось все, что не укладывалось в рамки ортодоксального конфуцианства; работа монахов-иезуитов по созданию школ, пропаганде естественных наук и другая их деятельность вносила крупный вклад в сознание китайца, культуру и общественную жизнь этой страны. Они вели значительную работу по изучению Китая и по ознакомлению китайцев с достижениями европейской науки, открывали новые церкви, обучали китайцев европейским языкам, гравировке на меди, перспективе в живописи и многому другому, что помогало пропаганде христианства.

В начале своего правления маньчжурские правители охотно привлекали на службу западных миссионеров — специалистов в области военного дела, астрономии, математики, картографии и других наук, а также принимали папских легатов из Ватикана (в 1705, 1720, 1725 гг.). Позднее императоры Юн-Чжэн и особенно Цянь-Лун перешли к политике ограничения миссионерской деятельности, завершившейся к началу XVIII в. изгнанием католических миссионеров из Китая. Таким образом маньчжуро-китайское правительство пыталось избежать серьезных политических осложнений, которые могли возникнуть в результате активного вмешательства миссионеров во внутренние дела империи.

Практическая деятельность миссионеров иезуитского ордена сильно отличалась от методов проповеди христианства в Китае монахами других орденов и была наиболее успешной. Иезуиты пытались примирить христианство и конфуцианство, как можно понятнее объясняя китайцам значение и смысл различных христианских терминов, обычаев и культов. Они использовали для этого более понятные для китайцев

термины из уже китайского буддизма, искали и находили приближенные или надуманные параллели в самом конфуцианстве. Впоследствии это направление получило название "фигуризма". Миссионеры "фигуристы" — отцы Бувэ и Премар и др., а также поддерживавшие их ученые Франции пытались идентифицировать исторические и мифологические персонажи китайской истории с персонажами Библии. Один из активных противников фигуризма, Антуан Гобиль в письме известному французскому просветителю Фрерэ от 28 октября 1733 г. подчеркивает, что ему "очень нравится данное этим знаменитым философом название методу фальсификации истории и философии Китая и что чем больше в Европе будут изучать язык и культуру великого Китая, тем быстрее поймут, что система фигуристов абсолютно не выдерживает критики"[1].

Миссионеры-иезуиты находились в Китае в полной зависимости от императора и сознательно шли на всемерную идеализацию маньчжурского режима, очень далекую от истинного положения вещей. В книгах для обыкновенного европейского читателя они сравнивали правление маньчжурского императора Кан-си с "блестящим веком" "короля-солнце" Людовика XIV. При этом иезуиты особенно подчеркивали "божественный" характер власти маньчжурских императоров, соединившей в себе собственно светские и религиозные функции.

Назовем имена таких, как Парренин, Бувэ, Кеглер, Майлак, Галлерштейн, Сибо, Премар, Гобиль, которые, заметим, состояли почетными членами Парижской и Санкт-Петербургской Академии наук и членами некоторых западноевропейских научных обществ.

Успешно работали и такие ученые, как Шансомэ, Вусэль, Манмеди, Энкарвиль, Бенуа, Тэбо, Аттире, Дэ Броссар, Руссэ, Карме, Анджело де Борджо Сан Серо, Кастильоне, Домаскен, Луи Пуаро, Игнатус Штикельпарт и многие другие.

О деятельности каждого из них можно много и долго рассказывать. Это были замечательные ученые своего времени. И каждый в своей области много сделал для науки, для изучения Китая. Достаточно упомянуть, что среди их близких друзей были Галилей и Кеплер — известные астрономы.

Объектами настоящего исследования явились родоначальники двух направлений в изучении Китая во Франции. Ж. Бувэ и А. Гобиль посвятили всю свою жизнь научным изысканиям в Китае. Но ими были избраны разные пути осмысления полученных сведений. Ж. Бувэ и его последователи решились использовать текст Библии для облегчения понимания европейцами необъятной культуры изучаемой страны. А. Гобиль, живший позднее, отверг полностью методы "фигуристов", в том числе и Ж. Бувэ, и обратился к постижению своеобразия и сложной конкретики Китая.

Оба выдающихся ученых были членами иезуитского ордена, в чьих коллегиях в Париже, Неаполе и Лионе давалась лучшая китаеведная подготовка в XVII—XVIII вв., и их работы, дошедшие до нас, до сих пор представляют бесспорный интерес.

Первая из них по времени появления — книга, озаглавленная "История китайского императора, представленная Короллю отцом Бувэ, членом общества Иисуса, миссионером в Китае" [2], вышла в Гааге в 1699 г.

Это произведение является характерным памятником французской культуры и французской мысли конца XVII в. Этот факт необходимо учитывать при рассмотрении "Истории..." Бувэ как исторического документа.

Широко известно, что в последние два десятилетия XVII в. Франция переживала сложный период своей истории, что было связано как с внешнеполитической ситуацией, так и с обострением многих противоречий внутри страны. В это время проблемы политического, социального и экономического устройства общества занимают во Франции представителей разных сословий и в разных областях интеллектуальной деятельности. Вопросы божественного происхождения королевской власти, личных качеств, которыми должен обладать монарх, методов управления государством, ставились и обсуждались во всех жанрах религиозной, философской и художественной литературы. Причем в художественной прозе этого времени — где лишь незначительное место занимает роман, а преобладают "сентенции", "Мысли", "Опыты", "Характеристики", — как и во всей литературе в целом, доминирует наставительный, морально-дидактический тон. Этот постоянный морализирующий колорит, характерный для литературы классицизма, связан, как нам известно, с той ролью, которую сыграло в формировании и судьбе этого метода картезианство. С картезианством связан глубокий интерес к моральной сущности человека и роль руководителя человеческих чувств и человеческого разума, возлагаемая на литературу. Поэтому в произведениях этого времени основой содержания является не ход излагаемых событий (их может вообще не быть), но человеческие страсти и характеры, которые и берут на себя сюжетообразующую функцию.

Именно такую картину мы находим в книге Ж. Бувэ "История китайского императора". Автор не стремится изложить последовательно события, происходившие в царствование его героя, а описывает отношение Кан-си к различным событиям, фактам, к министру, к народу, к семье; его поведение в различных ситуациях. Причем сами события и ситуации играют в повествовании лишь служебную роль, а конкретные действия императора в каком-либо конкретном случае служат лишь иллюстрацией к обобщающим утверждениям Бувэ,

например о том, что Кан-си прекрасный семьянин или что он воистину абсолютный и полноправный монарх в своем государстве. Таким образом монах-иезуит Бувэ, пишущий для Людовика XIV отчет о своей деятельности в Китае в 90-х годах XVII века, создает фактически портрет государственного деятеля в той форме, которая была к этому времени разработана во французской литературе.

Послание, адресованное непосредственно королю, носит, хотя и в очень тактичной, завуалированной форме, бесспорно дидактический характер. Это сказывается как в общем одобрительно-восхищенном тоне повествования ("Иезуиты... были восхищены, найдя на краю земли то, что ранее не встречалось нигде, кроме Франции, а именно, Государя, который как Вы, Сир, соединяете [в себе] одаренность столь же возвышенную, сколь незаурядную, с душою еще более достойной царствовать" [3]), так и в приводимых Бувэ примерах, доказывающих мудрость Кан-си как правителя и иллюстрирующих его личные достоинства. В результате создается образ государя, целиком поглощенного заботой о благе своей страны и своих подданных, мудрого и прозорливого в выборе министров и чиновников, умеющего сочетать строгость и милосердие, покровителя наук и искусств, противника изнеженности и излишней роскоши, наконец, заботливого отца и семьянина. Словом, монарха, истинного отца своих подданных, наставляющего их на благо своей мудростью и своим примером.

Вне зависимости от того, насколько созданный Бувэ портрет соответствовал действительным качествам реального Кан-си, необходимо иметь в виду, что это фактически образ идеального монарха, который создавался в то время общественно-политическим сознанием и художественной мыслью Франции. Именно этот портрет (если оставить в стороне некоторые чисто китайские реалии) мы находим, в частности, в двух наиболее знаменитых произведениях художественной прозы этого периода: романах "Приключения Телемака" Фенелона и "Характерах" Лабрюйера [4].

Как мы видим, Бувэ дает идеальную картину осуществления императором Кан-си законодательной, судебной и исполнительной власти. Перед его читателем встает утопическая картина всеобщего послушания, абсолютной безгреховности правителя, волшебного исполнения любых его предначертаний. Представляя определенные проблемы власти короля в Европе, Бувэ описывает окончательное разрешение всех проблем в Китае, хотя, прожив в этой стране многие годы и подробно ее изучив, он не мог не видеть тяжелой ситуации в этой стране в конце XVII века.

Ж. Бувэ был одним из известнейших пекинских иезуитов второй половины XVII века. Много и плодотворно занимался переводами с китайского и маньчжурского языков, картографией. Отличился при

съемке карты Пекина и его окрестностей. Приобрел большую известность, благодаря трудам по истории Китая. Несколько раз выезжал во Францию для корректирования и организации различной помощи иезуитам в Пекине. Являлся доверенным лицом короля Людовика XIV в Пекине.

Для современного историка "История китайского императора" Бувэ интересна в самых различных ракурсах. Устарев сама по себе как исторический труд, эта работа сохраняет свое значение как источник сведений о деятельности иезуитских монахов и их китайских и маньчжурских покровителей.

Бувэ описывает все детали того, как иезуит Вербье вел пропаганду христианства, используя свои блестящие познания в астрономии, что само по себе уже интересно.

На страницах этой книги звучат имена малоизвестных для советских историков пекинских иезуитов — это отцы Сюаре [5], Де Фонтене, ле Конт и Висдалу [6].

Бувэ сообщает здесь интересные факты из дипломатической деятельности иезуитов, находившихся под опекой императора Кан-си. В ходе рассказа о впечатлениях иезуитов, участвовавших в Нерчинских переговорах с Россией в 1689 г. в составе маньчжуро-китайской делегации, Бувэ пишет о чрезвычайном почете, который император велел воздать отцу Гримальди за его поездку в Россию [7]. Это знаменательный и почти неизвестный факт в истории развития русско-китайских дипломатических отношений, из которого следует, что иезуиты были не только переводчиками дипломатических бумаг и присутствовали на переговорах, но и непосредственно были официальными посланниками китайского императора за рубежом. Все это показывает сложность дипломатического положения Китая в конце XVII в.

Свидетельством высочайшей языковой и общей подготовки иезуитов перед отправкой в Среднее государство являются страницы труда Бувэ, на которых он описывает экзамен, устроенный наследным принцем Китая отцам Де Фонтене и Висдалу [8]. Ни один вопрос непосредственно по текстам различных классических книг и комментариев к ним не остался без блестящего развернутого ответа.

В ходе повествования Бувэ рассказывает [9] и о тех сановниках в маньчжурском правительстве Китая, кто всемерно поддерживал французских иезуитов. Он называет имена сановников Со-сана и Мина, которые помогали монахам вести религиозную пропаганду, защищали их во время антихристианских гонений, давали деньги на различные церковные предприятия. Имена этих двух людей впервые зазвучат для советских историков, т. к. до этого не упоминались на страницах исторических исследований по истории Китая.

Наконец, в книге Бувэ передается текст [10] одного из донесений голландских священников из Макао и Пекина в конце 1695 г. Это доклад о ходе проповеднической кампании на территории Китая, во время которой были обращены в христианство шестеро сановников, что для иезуитов было очень важно.

В целом труд Бувэ "История китайского императора" является интереснейшим памятником мирового китаеведения, не потерявшим своей ценности до наших дней. Хотя его автор и был одним из создателей течения фигуризма во французском китаеведении, "История китайского императора" явилась заметным вкладом в разработку истории Китая.

Другой выдающийся французский китаевед, к сожалению еще мало известный в нашей стране, — это иезуит Антуан Гобиль, родившийся в 1689 г. Он вступил в орден Иисуса в 1704 г., в 1722 г. прибыл в Гуанчжоу и вскоре принял китайское имя Сун Цзюньчжун. Умер он в Пекине в 1759 г. Получив серьезную научную подготовку в Неаполе и Париже, это был, по выражению Демьевиля, "крупнейший синолог" XVIII в. и "лучший ум среди французских иезуитов" [11]. Свидетельством неустанных трудов его является сборник писем А. Гобилья в Европу за весь период его пребывания в Китае с 1722 по 1759 гг. Это деловая и научная переписка состоит из трехсот сорока двух сохранившихся писем А. Гобилья, общим объемом более восьмисот страниц типографского текста [1]. Письма, адресованные известным политическим, научным и религиозным деятелям Европы того времени, показывают все стороны активности французской иезуитской миссии в Китае. Часть их представляет автора как ученого, много занимавшегося астрономией, картографией и этнографией. Значительная доля этих писем посвящена миссионерской работе французских иезуитов. В них А. Гобиль выступает церковным иерархом, пропагандистом христианства в Китае. В своих письмах он анализирует процесс распространения христианства в Китае, рассказывает о конкретных случаях из практики миссионеров (12). Показательно, что в его письмах содержатся просьбы о присылке произведений искусства, посвященных христианской тематике. Гобиль считал, что это облегчит распространение чуждой китайцам европейской религии. Он просил прислать ему изображения апостолов, Св. Иосифа, Мадонны, Св. Иоанна Баптиста, Франциска Ксавье, религиозные книги и др.

Значительный интерес представляют несколько писем, в которых А. Гобиль описывает позицию императора Юн-Чжэна в отношении христианства [13]. Четыре из них издали пекинские исследователи как наиболее показательные и интересные в сборнике, посвященном воспоминаниям европейцев о правлении династии Цин [14]. Данные письма отражают проводимую при Юн-Чжэне политикой Китая

жесткую политику ограничения деятельности китайских христиан и европейских миссионеров. Письма Гобилиа дают представление познания Юн-Чжэна о христианстве и его отношении к нему. Гобиль пишет, что Юн-Чжэн, гораздо менее знакомый с христианством, чем его отец (к тому времени Кан-си скончался), на дворцовых приемах говорил о христианстве очень обидно, приравнивая христианство к догмам сект. Так, на одной из аудиенций — летом 1727 г., когда миссионеры-иезуиты обратились в очередной раз с просьбами, Юн-Чжэн сказал, что если бы он послал в Европу буддийских монахов, то европейские правители их бы выгнали. Юн-Чжэн считал, что его Кан-си обесчестил себя и страну, разрешив строить на китайской земле христианские церкви. Император заявил тогда, что будет бороться с христианством, пока у него будут для этого возможности. Юн-Чжэн указывал миссионерам, что в Китае есть свои вероучения, также обещающие человеку вечное счастье после длительных страданий, что его страна в новой вере абсолютно не нуждается. Гобиль подчеркивает, что Юн-Чжэн разрешил миссионерам находиться только в столице и в Гуаньчжоу, а в провинциях начата настоящая охота на миссионеров.

В это же время в Ватикане и других европейских центрах усилились нападки на иезуитов со стороны Папы и членов разных религиозных орденов из-за их методов распространения христианства.

Весьма значительной была и картографическая работа Гобилиа в Китае. Многие письма в Париж и Петербург посвящены обсуждению карт и топографических каталогов, уточнению или сообщению новых значений долготы и широты для крупных и мелких городов, портов, озер. Часть писем посвящена итогам изучения истории собственно китайской картографии, ее успехов и пробелов. Гобиль руководит практической работой по составлению карт, съемкой на местности, печатанием карт. По всей проделанной работе он пишет подробнейшие отчеты в Европу, высказывает предложения. Главной целью в этой области для него было максимально точное составление карт местности вдоль русско-китайской границы и прохождение самой пограничной линии.

В письмах Гобиль подробно останавливается на описании карты Китая и Маньчжурии, составленной иезуитами в границах от Восточно-Китайского моря до Каспия, с указанием провинций и главных их городов.

Гобилем для Санкт-Петербургской Академии наук были представлены новые вычисления долгот и широт для Алимского острога, Петропавловского порта, Большерецкого острога на Камчатке, а также для горы Айгун. Он значительно развил и переработал проект картографирования всей территории Китая, ранее созданный иезуитами Мойриаком де Майя (1669—1748), Дюгальдом и Гроше [15]. Все это

было выполнением поставленной перед ними руководством иезуитского ордена задачи.

Известные факты участия иезуитов в русско-китайских переговорах 1689 г., вся деятельность иезуитов в Пекине в течение их пребывания там, в том числе и одного из их руководителей — Гобилия, доказывают крайнюю заинтересованность иезуитов в разрешении проблем русско-китайских отношений в своих интересах. Постепенно Гобиль становится прекрасным знатоком России и ее внешней политики на Дальнем Востоке. Он оказывает разностороннюю помощь русским дипломатам, а через них и российскому правительству, предоставляет материалы и выполняет работы для Санкт-Петербургской Академии наук. И в 1739 г. Гобиль становится академиком Императорской Санкт-Петербургской Академии наук [15].

Письма, отражающие деятельность Гобилия на дипломатическом поприще, занимают особое место в рассматриваемом источнике. Основное внимание Гобилия и руководимой им миссии здесь уделялось межгосударственным связям по линии Россия—Китай—Франция.

А. Гобиль прожил в Китае большую часть своей жизни, он прекрасно знал китайский и маньчжурский языки. И во время переговоров о взаимоотношениях между Россией и Китаем выполнял обязанности переводчика при правительстве маньчжуров. Из-за обострения проблемы границ в течение периода правления Кан-си, правительство маньчжуров учредило специальное учебное заведение для детей офицеров восьмизнаменных войск, готовящее переводчиков на латинский язык. После смерти жившего там миссионера Парренина Гобиль возглавил эту работу.

В письмах своим руководителям в Рим и Париж А. Гобиль аккурратно и точно указывает даты прибытия в столицу Китая торговых караванов, сроки проводящихся и предполагаемых дипломатических контактов Китая с Россией и другими странами. Гобиль глубоко и всесторонне анализирует дипломатическую тактику русского правительства, делает прогнозы на будущее.

Литература

1. *Gaubil Le P. Antoine S. J. Correspondance Le Pekin. 1722—1759. Genève, 1970.* Далее: Гобиль.
2. *Bouvet P. Y. Histoire de l'Empereur de la Chine, présentée au Roi. Haye, 1699.* Далее: Бува.
3. Бува, с. 6.
4. *Fenelon. Les aventures de Telemaque. Paris, 1920. P. 101 ebc, 185, 252, 280; La Bruyere. Les caractères ou Les mœurs de ce siècle, suivis des Caractères de Théophraste. Paris, 1841. P. 220—227.*

5. Бузэ, с. 91.
6. Бузэ, с. 78—85, 94.
7. Бузэ, с. 110—111.
8. Бузэ, с. 146—149.
9. Бузэ, с. 152—153.
10. Бузэ, с. 156—158.
11. Гобиль, с. VII.
12. Гобиль, с. 778—780.
13. Гобиль, с. 92—93, 141—160, 180—186.
14. Циндай сяжень цзяньвэнь лу. Ду Вэнь-кай пянъ (Воспоминания европейцев о времени правления династии Цин. Составитель Шэ Вэнь-кай). Пекин, 1985.
15. Фонд Тарановича. ЛО ИВАН АН СССР. Ф. № 102. С. 81—87.

Ю. Л. Кроль

О РАБОТЕ Б. И. ПАНКРАТОВА НАД "ЮАНЬ-ЧАО БИ-ШИ"

(По материалам Архива востоковедов ЛО ИВАН СССР) *

Эта статья написана в первую очередь по материалам архива моего учителя Бориса Ивановича Панкратова (1892—1979), переданным в Архив востоковедов ЛО ИВАН его вдовой Н. Б. Родионовой, хранящимся в фонде 145 и разобранным сотрудником архива К. В. Дубковым в 1984 г. — работа, к которой я имел касательство в качестве консультанта. Мною привлекались и другие архивные материалы, в том числе личное дело Б. И. Панкратова [см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452], документы Монгольского кабинета ИВ за 1957—1960 гг. [см. там же, оп. 1а], а также печатные и хранящиеся у меня рукописные материалы, связанные с Б. И. Панкратовым.

Работа над "Юань-чао би-ши" (в пекинском произношении "Юань-чао ми-ши") прошла через всю его научную жизнь и была едва ли не самой значительной из тех, что ему приходилось делать. По характеру своего дарования он был ученым, как будто самой природой предназначенным для такой работы. Его отличали необыкновенная эрудиция и полиглотический лингвистический дар, владение редчайшим комплексом языков и разнообразных знаний, в том числе о Монголии и Китае [см. 2, с. 7—8]. В 1941 г. он говорил, что перевод "Юань-чао би-ши" может быть выполнен "только при тесном сотрудничестве монголистов с китаистами" [см. АВ ЛО ИВАН, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 214, л. 60]. Обе эти специальности совмещались в нем самом. Ф. Веллер писал о нем в 1933 г.: "Благодаря своему отличному знанию монголов и их языка, своей основательной осведомленности в маньчжурском и китайском он может часто с уверенностью решать отдельные вопросы критики текста и таким путем раскрывать целое" [4, с. 658].

---

* В основу статьи лег доклад "О работе Б. И. Панкратова над «Юань-чао би-ши»", прочитанный мною 11 мая 1984 г. на заседании Сектора историографии и источниковедения Китая и Центральной Азии ЛО ИВАН СССР.

Как монголист высокого класса Б. И. Панкратов был способен реконструировать монгольский текст "Юань-чао би-ши", отражающий произношение придворного монгола конца XIV в., и перевести этот текст на русский язык; как не менее квалифицированный китаист он мог восстановить звучание иероглифов, транскрибирующих этот текст, "учитывая все, что нам известно относительно северного чтения кит[айских] иер[оглифов] в XIV—XV вв". [см. АВ ЛО ИВАН, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 2613, л. 2], пользоваться для установления значения монгольских слов и корректировки русского перевода памятника китайскими подстрочными переводами этих слов и связными переводами параграфов этого памятника, выполненными в 1382—1389 гг.

Вероятно, пробуждению его интереса к "Юань-чао би-ши" в чем-то способствовала присущая ему страсть к дешифровке, к разгадке неизвестных или малоизвестных способов письма и транскрипции, которая не раз давала о себе знать в его научной деятельности.

Так или иначе, этот памятник привлек его внимание, когда ему не было и тридцати. В конце 1957 (или январе 1958) года Б. И. Панкратов писал: "Я начал работу над этим текстом давно, оставлял, снова брался, перedelывал, пересматривал" [АВ ЛО ИВАН, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 114, л. 1]. В одном из вариантов начала рецензии на "Сокровенное сказание" С. А. Козина в 1941 г. он сообщает: "Наверное, большинство из вас в душе говорит: «Критиковать-то легко, а вот ты сам напиши» ...Написать-то работу я написал, но только не опубликовал. ЮЧМШ («Юань-чао ми-ши». — Ю. К.) вчерне сделана мною в 1921—22 годах. См. отчет Weller'a — предварительный текст и перевод сданы Stael-Holstein'у. Поэтому я считаю себя вправе сделать разбор работы С. А. [Козина] и более компетентным себя для этого, чем кого-либо другого" [АВ ЛО ИВАН, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 213, конверт 14, л. 9—10].

В описании научно-педагогической деятельности Б. И. Панкратова (не датированном, но вшитом в его личное дело между документами от 15.X и 28.XI.1958 г.) сказано: "С 1921 по 1935 гг. в Пекине Б. И. Панкратовым были собраны материалы и вчерне подготовлены работы: I. Юань-чао ми-ши («Сокровенное Сказание»). Реконструкция монгольского текста по китайской транскрипции. Перевод на русский язык, примечания и словарь. Около 40 п. л." [ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 98]. В свое время (в 1970-х гг.) Б. И. Панкратов рассказывал мне, что сначала сделал реконструкцию текста и черновые переводы (раза два перedelывал), а потом словарь; и что подготовил первый вариант своей работы в 1922—1929 гг., причем основное выполнил в 1922—1926, словарь же составил к 1928—1929 гг. Ф. Веллер в "отчете" об Институте китайско-индийских исследований Харвардского университета в Пекине свидетельствует, что в пору своего отъ-

езда из Китая (март 1933) видел у Б. И. Панкратова, тогда (в 1929—1935 гг.) сотрудника этого института, "полный индекс записанных китайскими иероглифами монгольских слов Секретной истории Монголов (Юаньчао ми ши)" [5, с. 658]. Именно директору этого института проф. А. фон Шталь-Хольштайну Б. И. Панкратов представил свой "предварительный текст и перевод" этого сочинения.

О судьбе этого экземпляра работы Б. И. Панкратова сведений нет. Однако ученый привез с собой из Китая в 1935 г. то, что он сделал к этому времени по "Юань-чао би-ши", и часть этих материалов находится в Архиве востоковедов. Там хранятся 19 китайских школьных тетрадей в бумажных обложках [см. АВ ЛО ИВАН, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 101, 102, 103]. Первые 15 тетрадей содержат русскую транслитерацию всех китайских иероглифов, транскрибирующих монгольский текст "Юань-чао би-ши". На обложке тетради I написано 10.VI.21, в конце текста тетради XV — 4.I.22 (видимо, даты начала и конца работы). Еще в 4-х тетрадях содержится начало научной транскрипции этого монгольского текста; сохранилась транскрипция текста глав с 1-й по начало 5-й, она обрывается в начале § 5 гл. 5. Внизу страниц есть примечания Б. И. Панкратова. На обложке тетради I стоят даты 10.I.22—18.I.22, тетради II — даты 18.I.22—1.II.22; на обложке тетради III — дата 9.II.22.

Частично сохранился и словарь памятника, вероятно, виденный в 1933 г. Ф. Веллером. Он занимает 4 продолговатые коробки и содержит (по предварительной оценке К. В. Дубкова) 13 700 карточек от А до У; на каждой написаны монгольское слово, транскрибированное китайскими иероглифами, и его китайский перевод; на карточках есть и пометки Б. И. Панкратова [см. АВ ЛО ИВАН, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 101—103, 107—110].

Текст перевода памятника не сохранился. Б. И. Панкратов рассказывал мне, что после отъезда летом 1942 г. из осажденного Ленинграда и переезда в Китай он обратился с просьбой в АН СССР забрать и сохранить его библиотеку и архив, находившиеся в оставленной им ленинградской квартире; была организована комиссия, которая выполнила эту просьбу; к его изумлению единственное, чего он впоследствии недосчитался, — это перевод "Юань-чао би-ши" и часть словаря этого памятника. Тем не менее есть возможность в каких-то пределах судить об этом утраченном переводе, а также о тогдашних общих принципах работы Б. И. Панкратова над "Юань-чао би-ши" по его очень подробной рецензии на "Сокровенное сказание" С. А. Козина (см. ниже).

Подготовленные Б. И. Панкратовым в 1921—1929 гг. транслитерация, транскрипция, перевод и словарь монгольского текста "Юань-чао би-ши" должны быть оценены на фоне того, что к тому времени было

сделано исследователями этого памятника. К тому времени кроме русского перевода китайского связного текста "Юань-чао би-ши", выполненного П. Кафаровым (1866), был опубликован только японский комментированный перевод монгольского текста памятника, сделанный Нака Митиё (1907), чья транскрипция не была издана до 1942 г.; подготовленные П. Кафаровым транскрипция и "словарь" оставались в рукописи в Рукописном отделе ИВ АН; подготовленная к 1920 г. транскрипция П. Пеллио тоже не публиковалась до 1949 г.; уже существовали также неопубликованные транскрипция монгольским алфавитом и (по сообщению В. Л. Успенского) монгольский перевод, выполненные в Барге Цэндэ-гуном [см. АВ ЛО ИВАН, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 213, конверт 6, л. 4]; Э. Хэниш только приступил к работе над памятником ок. 1928 г.; С. А. Козин в основном закончил впоследствии изданную часть своей работы лишь к 1935 г. [см. там же, л. 2, 7—8; ед. хр. 114, л. 57—64; ЛО ААН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 419, л. 151—151 об; 4, с. 6]. Иными словами, Б. И. Панкратов дал в 1920-е гг. 5-ю в мире транскрипцию монгольского текста "Юань-чао би-ши" (причем совершенно независимую от других, т. к. ни одна транскрипция еще не была опубликована), 3-й в мире и 1-й в Европе перевод этого текста и составил его 2-й (после П. Кафарова) полный словарь.

Есть лишь скудные сведения о том, с кем мог советоваться Б. И. Панкратов во время этой работы. Он указывает, что "уже во время войны в Монголии" при автономном монгольском правительстве подготовка к печати текста "Юань-чао би-ши" была поручена его, Панкратова, "первому учителю монгольского языка Цэндэ-гуну, который по печатному изданию Е Дэ-хуй'я переложил монгольским алфавитом весь текст", но транскрипция осталась в рукописи [см. АВ ЛО ИВАН, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 214, л. 8]. Это, несомненно, знаток "Юань-чао би-ши", с которым Б. И. Панкратов был в дружбе и мог контактировать в связи со своей работой, но контактировал ли — неизвестно.

Специальное внимание Б. И. Панкратов уделял историческому аспекту "Юань-чао би-ши". В связи с этой работой над памятником он ощутил потребность углубить свои познания под руководством проф. Кэ Шао-вэня, автора "Новой истории Монгольской династии", над изучением истории монголов по китайским источникам [см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 98]. Эти штудии были связаны с подходом к "Юань-чао би-ши" как к историческому источнику.

Изучение истории текста памятника обусловило то, что у Б. И. Панкратова выработался и другой подход к нему — как к одному из учебных пособий XIV—XVII вв., предназначенных для обучения китайцев монгольскому языку в Сы и гуань (минском "Пере-

водческом приказе"). Самыми ранними в ряду этих пособий были относящийся к XIV в. учебник "Хуа-и и-юй", включающий словарь на 844 слова и 12 образцов официальной переписки монголов и китайцев в качестве текстов для чтения, и сочинение "Юань ми ши" ("Секретная история Юань"), известное впоследствии как "Юань-чао ми (или би)-ши". В текстах Сы и гуань монгольские слова были транскрибированы средствами китайской иероглифики; работу по транскрибированию выполнили между 1382 и 1389 гг. чиновники Ханьлина: китайски образованный монгол Хо Юань-цзе и Ма-ша и-хэй — по предположению Б. И. Панкратова, высказанному 20.1.1958 г., Ма-ша родом из Средней Азии [см. АВ ЛО ИВАН, ф. 145, ед. хр. 114, л. 18, 30—31, 69]. Принципы транскрипции монгольских слов в "Хуа-и и-юй" и "Юань-чао би-ши" общие; они были разработаны Хо Юань-цзе и сформулированы им в предисловии к его словарю [см. там же, л. 13—49; 4, с. 11—12]. Поэтому для работы над реконструкцией монгольского текста "Юань-чао би-ши" и его языком важно изучение других учебных текстов Сы и гуань, особенно "Хуа-и и-юй".

Так из работы Б. И. Панкратова над "Юань-чао би-ши" выросла еще одна исследовательская тема. В описании его научно-педагогической деятельности в Пекине значится вечерне подготовленная работа "Китайско-монгольские словари и документы (XIV—XVII вв.) в китайской транскрипции. Реконструкция монгольского текста, перевод и примечания. Около 10 печ. листов" [см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 452, л. 98]. От Б. И. Панкратова мне известно, что он выполнил эту работу в 1925—1927 гг., т. е., вероятно, когда кончал работать над переводом "Юань-чао би-ши" и начинал работать над словарем. Ознакомившись в 1933 г. с некоторыми из рукописей Б. И. Панкратова, Ф. Веллер писал: "Он далеко продвинулся в обработке старых монгольских глоссариев, общим числом четырех, которые записаны китайскими иероглифами и сохранились в китайской письменности. Остается только пожелать, чтобы все эти важные для науки работы (включая словарь-«индекс» к «Юань-чао би-ши». — Ю. К.) могли быть напечатаны" [5, с. 658].

На 1929—1941 гг. приходится второй период работы Б. И. Панкратова над "Юань-чао би-ши", когда он время от времени возвращался к этому памятнику, но нет сведений о том, чтобы он занимался коренным пересмотром своих реконструкций текста и перевода 1920-х гг. (правда, о периоде 1929—1935 гг. мы мало что знаем). В эту пору пути Б. И. Панкратова пересекаются, в частности, с путями двух других работавших над "Юань-чао би-ши" исследователей. Первый из них — проф. П. Пеллио. Они знакомятся на обеде в Пекине и постепенно становятся друзьями. В 1930-х гг. Б. И. Панкратов, по его словам, обсуждает с П. Пеллио совместную работу на "Юань-чао би-ши", при-

чем в предполагаемом содружестве ему отводится роль лингвиста: в этом качестве он должен был сделать перевод и текст памятника. Но совместная работа так и не состоялась.

В 1941 г. Б. И. Панкратов вспоминал об этих контактах, полагая, что П. Пеллио одним из первых напишет рецензию на "Сокровенное сказание" С. А. Козина "как ученый, отдавший много времени на изучение этого памятника", и остановится на тех же основных пунктах рецензируемой работы, которые разбирает он (Панкратов) в своей рецензии. Он добавил: "Говорю об этом с полной уверенностью, т. к. знаю из долгих бесед взгляды Пеллио на ЮЧМШ и на... требования, которые он предъявляет как к изданию текста, так и перевода любого памятника" [см. АВ ЛО ИВАН, ф. 145, ед. хр. 213, конверт 5, л. 5,5а—5а об.]. После того как в 1949 г. были посмертно опубликованы полная реконструкция монгольского текста и перевод первых 6 глав "Юань-чао би-ши", принадлежавшие П. Пеллио, Б. И. Панкратов говорил о его работе как о лучшей из выполненных на 1958 г. по этому памятнику [см. там же, ед. хр. 114, л. 64, 76].

В сентябре 1935 г. Б. И. Панкратов вернулся из Китая и 27 ноября поступил на работу в Монгольский кабинет ИВ в Ленинграде. В том же сентябре его будущий коллега по кабинету акад. С. А. Козин предложил дирекции ИВ издать в основном законченную им работу "по восстановлению текста, переводу и комментированию" "Юань-чао би-ши" [см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 419, л. 151—151 об.]. В связи с этим Б. И. Панкратов смог поставить себе в план не подготовку к печати собственной работы по "Юань-чао би-ши", а лишь связанное с этой темой исследование: с января 1936-го по конец 1937-го (и отчасти в 1938 г.) он работает над темой "Китайские источники по монгольскому языку Минской эпохи", которая затем стала именоваться исследованием в 2-х частях: 1. "Китайские словари монгольского языка" и 2. "Монгольские документы Минской эпохи" [см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 419, л. 126; ед. хр. 471, л. 3, 3 об., 47; ед. хр. 531, л. 2, 8, 13, 14, 17, 24, 48; ед. хр. 532, л. 2, 11, 15, 46, 57; ед. хр. 598, л. 84—86, 97; оп. 3, ед. хр. 452, л. 6, 10, 13—13 об., 14, 32]. За эти два с лишним года ему удалось уделить названной теме лишь меньшую часть времени. Несомненно, что он почти кончил работу над "Хуа-и и-юй": в апреле 1938 г. оставалось выполнить лишь "переписку словаря и стилистическую обработку перевода"; но словарь так и остался в черновике до конца года и была написана лишь часть исследования [см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 598, л. 84—85, 112]. Б. И. Панкратов говорил мне в 1970-х гг., что "Китайско-монгольские словари и документы XIV—XVII вв." — наиболее готовая из его работ, что он сделал ее первый, но с тех пор потерял

приоритет — аналогичную работу опубликовал один немецкий ученый (видимо, он имел в виду Э. Хэниша).

В архиве Б. И. Панкратова хранятся материалы к этой работе: ряд фотоальбомов и несколько китайских литографических изданий. Но из его реконструкций монгольского текста и переводов в Архив востоковедов были переданы лишь реконструкции пяти документов (видимо, из "Хуа-и и-юй") с их русскими переводами [см. АВ ЛО ИВАН, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 58]. Полный черновой перевод учебника "Хуа-и и-юй" в архив не попал. Там хранятся также тексты доклада "Изучение восточных языков в Китае в период династии Мин (1368—1644)" и картотека доклада о минской переводческой деятельности, связанной с Сы и гуань [см. АВ ЛО ИВАН, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 28], равно как и роспись текста "Хуа-и и-юй" на 1850 карточках от И до Я [см. там же, ед. хр. 53].

Что касается "Юань-чао би-ши", то 29.IX.1936 Б. И. Панкратов участвовал в обсуждении Монгольским кабинетом рукописи "Сокровенного сказания" С. А. Козина [см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 532, л. 35—41], выступив по вопросам восстановления монгольского текста и транскрипции [см. там же, л. 38—39]. После этого весьма критического обсуждения С. А. Козин, видимо, считал целесообразным привлечение своих критиков, в том числе Б. И. Панкратова, к участию в своей дальнейшей работе над "Юань-чао би-ши", что соответствовало рекомендациям, сформулированным в резолюции заседания [см. там же, л. 35, 41, 42; ед. хр. 419, л. 57—58]. Во всяком случае, в программе работ Монгольского кабинета, составившейся в 1937 г., против темы "Юань-чао би-ши" стоят рядом фамилии С. А. Козина и Б. И. Панкратова [см. там же, ед. хр. 532, л. 34, 58]. На заседании Монгольского кабинета 10.IX.1940 С. А. Козин предложил в качестве своей "индивидуальной темы продолжение работы над II томом «Юань-чао би-ши», при участии в этой работе Н. Н. Поппе и Б. И. Панкратова", а в записке "К протоколу заседания кабинета 10 сентября 1940 г." от 11.IX.1940 писал: "Для историко-лингвистического комментария было бы чрезвычайно желательно сотрудничество коллектива Кабинета в лице Н. Н. Поппе и Б. И. Панкратова". В соответствии с этим Монгольский кабинет на заседании 10.IX.1940 включил в план работы на 1941 г. "лингвистическое исследование памятника «Юань-чао би-ши», главу к работе С. А. Козина. Объем — 4 п. л. — Н. Н. Поппе и Б. И. Панкратов" [см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 708, л. 66—66 об., 68—68 об.].

Когда в начале 1941 г. вышло в свет "Сокровенное сказание" С. А. Козина, Б. И. Панкратов выступил с рецензией на эту книгу на "объединенном заседании двух секторов", т. е. Монгольского и Китайского кабинетов ИВ АН. Протокола заседания в Архиве востоковедов

не осталось. Рецензия сохранилась в двух отчасти дополняющих друг друга вариантах — на карточках и в виде черновика статьи (?) под названием "Юань-чао ми ши и первое полное русское издание текста и перевода этого памятника"; кроме того, до нас дошли несколько вариантов начала рецензии как на карточках, так и в машинописи, а также некоторые связанные с нею материалы [см. АВ ЛО ИВАН, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 213—214].

Прямым предшественником заседания 1941 г. явилось "производственное совещание" Монгольского кабинета от 29.IX.1936. Протокол и резолюция "производственного совещания", на котором обсуждалась рукопись "Сокровенного сказания" С. А. Козина, настолько перекликаются с рецензией Б. И. Панкратова 1941 г. и его докладом 20.I.1958 (см. ниже), что несомненно: в резолюции 29.IX.1936 отразились в первую очередь именно взгляды Б. И. Панкратова, единственного из присутствовавших, кроме С. А. Козина, работавшего над "Юань-чао би-ши". Но, конечно, у Б. И. Панкратова и его коллег сложилась единая точка зрения на принципы работы над этим памятником. Если попытаться подытожить эти принципы, то они сводятся к следующему: 1. к подготовке "критической транскрипции китайского иероглифического текста подлинника" необходимо привлечь специалистов-синологов; 2. транслитерация и транскрипция должны быть строго разделены, в первую недопустимо вносить какие-либо элементы интерпретации; 3. транскрипция должна соответствовать "данным монгольского языка XIII в., а именно, следует дифференцировать задние и передние губные гласные, провести полный сингармонизм, дифференцировать глухие и звонкие заднеязычные (*q* и *γ*), с сохранением специального обозначения *h*..., заменить суффикс родительного падежа *no* суффиксом *ni* (последняя фраза воспроизведена с исправлениями. — Ю. К.) и т. д."; 4. перевод в научных целях должен быть точным "литературно-филологическим" (или "филологически-литеральным"), свободным от художественных вольностей, а "вольно-литературный" перевод удовлетворяет лишь потребности "фольклористов, не владеющих монгольским языком и не заинтересованных в буквальном переводе" [см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 532, л. 41, 42].

В рецензии 1941 г. Б. И. Панкратов выступил поборником аналогичной точки зрения. Исходя из ценности "Юань-чао би-ши" для лингвистики, истории и литературоведения, он указал, что лингвисты-монголисты "желают иметь текст, написанный так, чтобы они могли его прочитать (а не в китайском письме), восстановленный по возможности в фонетическом облике того времени" и "словарь всех слов" этого памятника "с точным значением их согласно контексту и китайскому переводу", а историки — "по возможности... правильный перевод текста", причем наука требует от переводчика "не допускать в

труде никаких поэтических вольностей... художественных шалостей" без крайней необходимости, ставит условие "наивысшей точности, строгой акkuratности" [см. АВ ЛО ИВАН, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 213, конверт 16, л. 1; конверт 14, л. 2—3; конверт 5, л. 3].

Взгляды Б. И. Панкратова на принципы работы над "Юань-чао би-ши" сейчас во многом достаточно общеприняты. Но не следует забывать, что в советском монголоведении в 1941 г. они нуждались и в формулировании, и в отстаивании.

В своей рецензии Б. И. Панкратов впервые у нас подробно изложил историю текста "Юань-чао би-ши" (недостаточным учетом которой только и мог он объяснить возникновение гипотезы о существовании в начале XIII в. "китайско-монгольского письма, как национального письма монголов"), а также проследил историю изучения этого памятника. При этом, говоря о принципах транскрипции Хо Юань-цзе, ученый подчеркивал "необычайную тщательность", с которой тот перетранскрибировал монгольский текст китайскими иероглифами. "Не довольствуясь для передачи слов монгольского языка иероглифами в их обычном начертании, Хо Юань-цзе изобрел особую систему транскрипции, изложенную в шести пунктах введения к Хуа-и и-юй и примененную также в Юань-чао би-ши. При помощи этой транскрипции совершенно точно передаются конечные *Х*, *Б* и *Л* в закрытых слогах, *Р* в начале слогов и глубокий заднеязычный звук, здесь условно обозначенный мною через *Г*, т. е. звуки, которые невозможно было передать обыкновенными иероглифами, читая их по северному произношению Минского времени". Указал Б. И. Панкратов и на метод "мнемонических иероглифов", примененный при перетранскрибировании монгольского текста; согласно этому методу, "в каждом возможном случае один из слогов транскрибируемого монгольского слова изображается иероглифом, по значению близким к значению данного слова" [см. там же, ед. хр. 214, л. 7].

Основываясь на истории текста, он сформулировал принципы научной транскрипции монгольского текста "Юань-чао би-ши": "Монгольский текст ЮЧМШ был переписан китайскими иероглифами между 1382 и 1389 годами и передает звуки монгольской придворной речи, как она звучала в устах Хо Юань-цзе или Ма-ша И-хэ, при помощи китайских знаков, которые должны читаться так, как они читались в Северном Китае в конце XIV века. Так как каждый китайский иероглиф представляет один слог, произносящийся всегда одинаково, то и мы, при транскрибировании этого текста знаками нашего алфавита, обязаны каждый слог всегда и везде писать одними и теми же знаками. Следовательно, для научного восстановления текста ЮЧМШ в транскрипции, доступной каждому, а не только китаисту, существует только один путь, необходимо: 1) учесть старое чтение иероглифов, 2) учесть

диакритику, расставленную авторами китайской транскрипции, 3) не изменять по своему усмотрению чтение иероглифов. При соблюдении этих условий мы получим восстановленный текст, приближающийся к оригинальному произношению настолько, насколько вообще всякая грубая транскрипция в состоянии передать звуки другого языка" [см. там же, л. 20—21].

Представляется, что ряд высказанных в рецензии соображений Б. И. Панкратова относительно транскрипции монгольского текста "Юань-чао би-ши" конкретизирует те общие положения, которые были сформулированы еще в резолюции "производственного совещания" от 29.IX.1936; приводить их здесь нет ни возможности, ни необходимости.

В своей рецензии Б. И. Панкратов сформулировал также принципы научного перевода памятника. "Единственным правильным путем" перевода монгольского текста "Юань-чао би-ши" в условиях, когда отсутствуют удовлетворительные словари, ученому представлялась "работа с оригинальным китайским текстом и подстрочным китайским переводом. Подстрочный кит[айский] перевод заменяет нам отсутствующий на русском языке словарь, точность же значений, даваемых в нем, гарантируется квалификацией лиц, выполнивших работу транскрипции для императора Хун-у, т. е. Хо Юань-цзе и Ма-ша и-хэ. Кроме того, для уяснения смысла большую помощь оказывает также и связанный кит[айский] перевод в конце каждого параграфа [«Юань-чао ми-ши»]" [там же, л. 59—60].

Отсюда тезис Б. И. Панкратова: ни монголист не в состоянии дать "научно-правильный" перевод "Юань-чао ми-ши", "пользуясь средствами только монголоведения", ни китаист не может сделать этого средствами одного китаеведения. "Такая работа, как и вообще вся работа над ЮЧМШ, может быть только при тесном сотрудничестве монголистов с китаистами" [см. там же].

Б. И. Панкратов считал также необходимым издание полного словаря памятника, потребного "как для перевода текста на русский язык... так и для нужд монгольской лингвистики", причем для него было аксиомой, что такой "словарь должен составляться по оригиналу" и включать монгольские слова этого оригинала с их подстрочными переводами на китайский язык [см. там же, л. 64, 65].

Тщательнейшим образом проверив работу С. А. Козина в свете требований, вытекающих из этих принципов, Б. И. Панкратов пришел в своей рецензии к выводу, "что работа ценна в своей литературной части, но в исторической и лингвистической не оправдывает надежд, на нее возлагавшихся" [см. там же, ед. хр. 213, конверт 13, л. 1—1 об., 2—2 об.]. Это суждение тоже перекликается с резолюцией "производственного совещания" Монгольского кабинета от 29.IX.1936.

Вывод Б. И. Панкратова основан на массовом материале. Судя по ссылкам в его рецензии и связанным с нею записям, он проверил для нее не менее 63 из 282 параграфов этого памятника с точки зрения транскрипции и/или перевода; его выступление 29.IX.1936 содержит (судя по протоколу) ссылки еще на 4 параграфа [см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 532, л. 39]. Это параграфы от 8-го (а учитывая выступление 29.IX.1936, от 1-го) до 281. Речь идет о проверке почти 1/4 параграфов памятника, разбросанных по всему его тексту. Такую проверку можно было произвести, лишь имея собственные транскрипцию и перевод, причем, судя по рецензии и связанным с нею записям, очень сильно отличающиеся от принадлежащих перу С. А. Козина.

В 1941 г. грянула Великая Отечественная война, совместная работа обоих ученых не состоялась, а рецензия Б. И. Панкратова на "Сокровенное сказание" осталась в рукописи.

После возвращения в 1948 г. из Китая и поступления в ИВ в Ленинграде Б. И. Панкратов в начале 1950-х гг. принял решение выполнить новый перевод "Юань-чао би-ши". В его архиве хранится часть реконструкции монгольского текста этого памятника, судя по надписи на обложке — начатой в 1952 г. [см. АВ ЛО ИВАН, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 104—105]. Время с этого года и по начало 1960-х гг. можно считать третьим периодом его работы над "Юань-чао би-ши".

Насколько помню, до образования ЛО ИВАН в 1956 г. Б. И. Панкратову не разрешали поставить себе в план эту работу. Но 3.I.1957 состоялось заседание монгольской группы ЛО ИВ, одоббившее план Б. И. Панкратова подготовить к изданию "Сокровенное сказание", включая текст, перевод, комментарий, словарь и вступительную статью [см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 1239, л. 1].

Если в 1920-х гг. Б. И. Панкратов работал над 12-главным изданием "Юань-чао би-ши", то теперь ему представилась возможность опубликовать текст уникальной рукописи этого памятника в 15 главах (цзюанях), приобретенной в 1872 г. в Пекине П. Кафаровым и теперь хранящейся в Восточном отделе Научной библиотеки им. А. М. Горького ЛГУ. За изданием этой рукописи факсимиле с предисловием Б. И. Панкратова (т. I) должны были последовать "перевод текста и примечания (т. II), глоссарий (т. III), реконструкция монгольского текста и транскрипция (т. IV)" [см. 3, с. 15, 18].

Год спустя после начала работы на заседании Тюрко-монгольского кабинета ЛО ИВ 20.I.1958 Б. И. Панкратов сделал сообщение о подготовке нового издания "Сокровенного сказания" [см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 1290, л. 3—5]. Текст его доклада сохранился [см. АВ ЛО ИВАН ф. 145, оп. 1, ед. хр. 114]. Этот доклад, пере-кликающийся как с материалами "производственного совещания"

Монгольского кабинета ИВ от 29.IX.1936, так и (особенно) с рецензией Б. И. Панкратова на "Сокровенное сказание" (1941), имеет ключевое значение для понимания подхода ученого к "Юань-чао би-ши".

Здесь опять дана подробная история текста памятника (в связи с которой показана несостоятельность гипотезы о китайско-монгольском письме у монголов XIII в.), но особое внимание на этот раз уделено принципам транскрипции Хо Юань-цзе, которые характеризуются цитатой — переводом предисловия к "Хуа-и и-юй" [см. там же, л. 13—54]. В связи с этим Б. И. Панкратов выдвигает собственную гипотезу о происхождении "Юань-чао би-ши". По его мнению, "при Монгольском дворе в Пекине существовал исторический архив, в котором хранились описания деяний каждого из императоров (Ши лу)", по-монгольски называвшиеся *тобциян* (*ши*); они "были недоступны для прочтения лицам, не принадлежавшим к царскому роду, — секретны. Тобциян были написаны уйгурским письмом, но потом переписаны национальным монгольским алфавитом, т. е. квадратным. Я считаю, что сочинение, которое мы называем ЮЧМШ и которое вначале, при обнаружении его китайцами в конце XVIII в. носило название Юань-ми-ши, есть не что иное, как небольшая часть — самое начало материалов из упомянутого архива, обозначавшихся в этом архиве наименованием Монгол ун нигуча тобциян — наименованием, которое Хо Юань-цзе перевел дословно Юань-ми-ши. Тщательное исследование транскрипции текста позволяет мне утверждать, что оригиналом для Хо Юань-цзе послужил текст, написанный квадратным письмом. Хо Юань-цзе транскрибировал текст иероглифами, произнося их так, как произносили в столице..." [там же, л. 47—49].

Б. И. Панкратов обобщил в докладе свои наблюдения над методами транскрибирования, примененными Хо Юань-цзе: "Я утверждаю, что Хо Юань-цзе не транслитерировал монгольский текст, т. е. он не переписывал его, подставляя под каждый монгольский слог какой-то иероглиф, а транскрибировал, т. е. писал каждое слово так, как он сам, читая, произносил по-монгольски. Поэтому-то и получается некоторое несоответствие его транскрипции с написанием слов квадратным алфавитом" [там же, л. 51—52].

Размышления над историей изучения "Юань-чао би-ши" от П. Кафарова до П. Пеллио (1866—1949) привели Б. И. Панкратова к мнению, что "мы можем позволить себе роскошь иметь новое издание текста и перевода этого памятника" [см. там же, л. 72—78]. Он особо остановился на проблеме реконструкции текста, охарактеризовав в общем виде специфику собственного подхода к ней: "...при издании реконструированного текста нужно давать: 1) транслитерацию китайских иероглифов в чтении XIV в., 2) транскрипцию этой транслитерации,

т. е. передачу монгольского текста так, как он звучал в чтении монгола XIV в." — Хо Юань-цзе. "Работая над восстановлением текста, я исхожу из положения, что язык памятника — это язык квадратной письменности, язык, которым говорили при дворе Юаньских и[мперато]ров, язык, во многом схожий с языком дагуров, живущих в верховьях р. Нонь. С этим языком имеются следующие общие черты: 1) полностью сохраняются местоимения 3-го лица ед. и мн. числа, 2) имеется т. н. начальное *h*, 3) причастие будущего времени имеет окончание *-гу*, а не *ху*, и еще некоторые, о которых я сейчас не буду говорить. Я считаю, что в языке Сокровенного сказания полностью соблюдается гармония гласных, и т. о. тогда произносили не *Мэрган*, а *Мэргэи*, не *дэрбан*, а *дэрбэи* и т. д. Суффикс род[ительного] падежа, который передавали (Хэниш, а за ним и Козин) как *-но*, в действительности читался *-ну*. Чжун¹ в словах заднего ряда обозначает не глухой заднеязычный сильный смычный звук *q*, а звонкий заднеязычный слабый проточный *γ*. Суффикс соединит[ельного] деепричастия *-джу* произносится *джи*" [там же, с. 78—83].

Сравнение приведенного описания фонетических особенностей языка "Юань-чао би-ши" с описанием "данных монгольского языка XIII в." из резолюции "производственного совещания" Монгольского кабинета от 29.IX.1936 (см. выше, с. 7) подтверждает, что эта резолюция отражала взгляды Б. И. Панкратова. Эти взгляды, очевидно сложившиеся в основном в 1920-е гг., прошли через всю его научную жизнь.

Работа на "Юань-чао би-ши" была рассчитана на 4 года (1957—1960) и предполагала высокий темп выполнения — не менее 8 а. л. в год, а первоначально еще выше [см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 1238, л. 61]. Тема в том виде, как ее задумал Б. И. Панкратов, за этот срок завершена не была; в связи с болезнями и занятостью другими делами реально он работал над ней около двух с половиной лет [см. там же, ед. хр. 1289, л. 15, 109; ед. хр. 1418, л. 59—59 об.]. За это время он сделал по теме немало, можно сказать — главное; но не все, сделанное им, находится в Архиве востоковедов.

В 1957 г. Б. И. Панкратов занимался восстановлением монгольского текста памятника [см. там же, ед. хр. 1239, л. 1, 13, 123; ед. хр. 1238, л. 61, 47—48; ед. хр. 1289, л. 106], т. е. работой над транскрипцией [ср. АВ ЛО ИВАН, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 114, л. 3], начатой в 1952 г. По материалам отчетности, эта работа планировалась в объеме 9,5 а. л. и была завершена в объеме 8 а. л. В Архив востоковедов была передана часть транскрипции "Юань-чао би-ши" — транскрип-

¹ В оригинале — китайский иероглиф "середня". Имеется в виду маленький диакритический знак чжун, стоящий сбоку некоторых иероглифов в транскрипции Хо Юань-цзе.

ция §§ 1—176, т. е. от начала гл. 1 до конца первой трети гл. 6 по 12-главному тексту [см. АВ ЛО ИВАН, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 104—105].

В 1958—1959 гг. и совсем немного в 1960 г. Б. И. Панкратов занимался переводом "Юань-чао би-ши", который сначала предполагал сделать за год, но не закончил и за полтора [см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 1238, л. 61; ед. хр. 1239, л. 125; ед. хр. 1289, л. 15, 105—109; ед. хр. 1353, л. 2, 16, 45, 74, 76; ед. хр. 1354, л. 2, 20, 23, 28, 33, 42; ед. хр. 1418, л. 4 об., 15, 55, 57—58, 59—59 об., ед. хр. 1419, л. 7—8, 44]. По первоначальной наметке перевод должен был составить 9—10 а. л., позднее речь шла о 8 а. л. По отчетам за 1959 г. было всего выполнено ок. 6 (или 7)² а. л. перевода (перевод гл. 1—10 по 12-главному тексту "Юань-чао би-ши"³, т. е. §§ 1—246); данные за 1960 г. противоречивы.

В Архив востоковедов были переданы как рукописные, так и машинописные куски перевода "Юань-чао би-ши", выполненные Б. И. Панкратовым. В его фонде [см. АВ ЛО ИВАН, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 106] находятся три рукописных варианта перевода начала "Юань-чао би-ши": (1) рукопись черновая на 18 л., содержащая перевод §§ 1—26; (2) рукопись черновая (но довольно чистая) на 69 л., содержащая перевод §§ 1—84 (обрывается на середине § 84 на полуфразе) с незначительными пропусками и не имеющая деления на главы или части; (3) рукопись беловая на 48 л., содержащая §§ 1—68 — "Часть 1" (т. е. гл. 1) "Юань-чао би-ши". Следует обратить внимание на то, что гл. 1 в рукописи 3 названа "Частью 1" (в конце ее в скобках тоже указано: "конец 1 части") и что она относится к переводу "Юань-чао би-ши", явно разделенному на главы-"части".

Эти три текста покрывают первые 83 с половиной §§ памятника, соответствуют полутора главам по 12-главному делению и были написаны не позднее 1-го квартала 1958 г. Отчет Б. И. Панкратова за этот квартал гласит: "На 20-ое марта 1958 г. мною переведено 118 §§ из «Юань-чао би-ши», что составляет приблизительно 2 авт. листа из общего объема 8 листов" [ЛО ААН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 1289, л. 108]. Между тем в фонде 145 Архива востоковедов перевод с середины § 84 по § 103 (т. е. до конца гл. 2) отсутствует, хотя этот перевод и был выполнен Б. И. Панкратовым. Нет в этом фонде и машинописи первых двух глав перевода "Юань-чао би-ши", хотя я помню,

---

² Как свидетельствовали сотрудники ЛО ИВАН К. К. Курдоев и В. А. Ромодия, в конце 1959 г. они видели 7—8 а. л. перевода "Юань-чао би-ши", выполненного Б. И. Панкратовым, но это не был еще перевод всего памятника [см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 1353, л. 45].

³ В отчетах Б. И. Панкратов ссылался на текст памятника, поделенный на 12, а не на 15 глав. Он также делил свой перевод на главы или части в соответствии с 12-главным текстом памятника.

что в начале 1960-х гг. Б. И. Панкратов перепечатал то, что у него было сделано по переводу "Юань-чао би-ши": я сам видел у него в руках машинопись и получил от Б. И. Панкратова объяснение, что это машинопись его перевода.

В фонде 145 находится первый экземпляр машинописи на 11+15 сс., содержащий перевод гл. 3—4 "Юань-чао би-ши" (по 12-главному делению), т. е. §§ 104—147, выполненный Б. И. Панкратовым с некоторыми пропусками [см. АВ ЛО ИВАН, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 106]. В тексте машинописи номера параграфов не проставлены, но в начале гл. 3 карандашом написана цифра 104. Текст первоначально не был разделен и на главы, машинопись была сплошная, но затем Б. И. Панкратов разрезал ее листы таким образом, чтобы внести в нее деление на главы, скрепил листы с машинописным текстом каждой главы скрепкой в отдельную пачку и карандашом написал в начале "Глава III" и "IV Глава".

Далее в переводе "Юань-чао би-ши", попавшем в фонд 145, была большая лакуна. Но, по счастью, в другом фонде Архива востоковедов [см. АВ ЛО ИВАН, р. 1, оп. 3, ед. хр. 90] сохранился первый экземпляр машинописи на 18+18+15 сс., содержащей перевод гл. 5—7 "Юань-чао би-ши" (по 12-главному делению), т. е. §§ 148—197. Номера параграфов, как и в первой машинописи, не проставлены, но в начале каждой главы от руки карандашом вписано § 148, § 170, § 186⁴. Эта машинопись была передана в Архив востоковедов в 1969 г. из администрации ЛО ИВАН⁵. Можно предположить, что в администрацию ее передал Б. И. Панкратов.

Но в отличие от машинописи гл. 3—4, которая первоначально представляла собой сплошной текст, машинопись гл. 5—7 имеет членение на части: в начале глав напечатано "Часть V", "Часть VI" и "Часть VII"; после конца текста каждой части, если он пришелся на середину страницы (как в частях V и VII), оставлено белое пространство до конца страницы.

Таким образом, Б. И. Панкратов перепечатал свой перевод дважды на одной и той же машинке, и, вероятно, каждый раз не меньше чем в двух экземплярах. Но лишь по одному фрагменту первого экземпляра каждой из машинописных копий попало в Архив востоковедов. С

---

⁴ К. В. Дубков и я проверили первый и последний параграфы каждой из глав перевода с 3-й по 7-ю по "Сокровенному сказанию" С. А. Козина и убедились, что машинописный перевод действительно соответствует §§ 104—197 текста "Юань-чао би-ши". По оценке К. В. Дубкова и моей собственной, переводы гл. 3—4 и 5—7 напечатаны на одной машинке.

⁵ После завершения этой статьи машинопись перевода глав 5—7 получила новый шифр: АВ ЛО ИВАН, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 106.

другой стороны, рукопись Б. И. Панкратова, содержащая перевод §§ 104—197 "Юань-чао би-ши", в Архив востоковедов не попала.

15.IX.1959 Б. И. Панкратов отчитался о работе, сделанной по переводу "Юань-чао би-ши" на это число: "Переведены §§ 183—219 (главы: конец 6-й, 7-я, 8-я и половина 9-й). Осталось перевести: вторая половина 9-й, 10-я, 11-я и 12-я" [ЛО ААН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 1353, л. 76]. Перевод этих параграфов не был передан в фонд 145 Архива востоковедов; мы располагаем переводом их части (§§ 183—197) лишь благодаря тому, что машинопись перевода гл. 5—7 сохранилась в другом разряде архива. Зато в фонде 145 [см. АВ ЛО ИВАН, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 106] сохранился черновой рукописный, но вполне читаемый перевод §§ 220—243 "Юань-чао би-ши" (§ 227 переведен в двух вариантах, § 230 — не полностью, перевод § 243 сохранился лишь наполовину). Вероятно, это отрывок, переведенный Б. И. Панкратовым в конце 1959 г., поскольку к началу 1960-го им был выполнен перевод 10 глав (см. выше, с. 18), а §§ 220—243 соответствуют второй половине гл. 9 и почти всему тексту гл. 10 по 12-главному делению "Юань-чао би-ши". Здесь перед § 230 написано "Часть X" и, хотя это черновая рукопись, на полях есть указания деления на абзацы (для машинистки?).

Больше переводов из "Юань-чао би-ши", выполненных Б. И. Панкратовым, в Архиве востоковедов пока не найдено.

Из сохранившихся фрагментов перевода следует связать друг с другом чистовую рукопись перевода гл. 1 и машинопись перевода гл. 5—7: они содержат текст, разделенный на "части". Можно предположить, что утраченное начало машинописной копии перевода "Юань-чао би-ши", от которой в Архив востоковедов попала машинопись перевода гл. 5—7, было скопировано с чистовой рукописи перевода гл. 1, но при этом машинистка получила указание не воспроизводить номера §§.

Точно так же можно предположительно связать рукописный перевод §§ 1—84 "Юань-чао би-ши", не разделенный на главы, с машинописью гл. 3—4, тоже первоначально не имевшей деления на главы: возможно, что утраченный текст начала этой машинописи был скопирован с этой рукописи (тоже без воспроизведения номеров §§). Поскольку Б. И. Панкратов потом разделил сплошной машинописный текст перевода памятника на главы, а "часть" — другое название для главы (цзюань), видимо, текст, разделенный на "части", более поздний; это подтверждается и тем, что рукопись "Части I" — единственная беловая, и что заглавие "Часть X" в самом позднем по времени переводе конца 1959 г. стоит прямо в черновике, и что именно рукопись, разделенная на "части", была передана Б. И. Панкратовым в администрацию ЛО ИВАН.

Разные куски перевода имеют разную степень готовности. Очевидно, в последней редакции до нас дошел только перевод "Частей" I и V—VII, т. е. §§ 1—68, 148—197, а перевод §§ 1—84, 104—147 и 220—243 и по признаку наличия некоторых пропусков, и отчасти со стилистической точки зрения следует отнести к предыдущему этапу работы.

Обнаруженные куски перевода представляют собой большую часть того, что Б. И. Панкратов выполнил в 1958—1959 гг., а именно перевод §§ 1—243 (или почти 10 глав) "Юань-чао би-ши" с двумя лакунами: нет перевода с середины § 84 по § 103 и с § 198 по § 219. Иначе говоря, сохранился перевод примерно 200 параграфов, а по объему почти 2/3 текста "Юань-чао би-ши".

По первоначальному плану в 1959 г. Б. И. Панкратов должен был составить словарь памятника объемом, по одним данным, в 10—12, по другим — в 8—10 а. л., а в 1960 г. написать комментарий, который бы вместе со вступительной статьей и указателями насчитывал 6—7 а. л. Реально он запланировал себе на 1959 г. 4 а. л. словаря, что и выполнил, но не снабдил русскими переводами словарные карточки с монгольскими словами в китайской транскрипции и китайскими переводами; в 1960 г. он написал 1,5—2 а. л. комментария из запланированных 4 и, видимо, собрал свыше 4 а. л. материала для него [см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 1353, л. 2, 16, 45, 74; ед. хр. 1354, л. 2, 20, 23, 28, 33, 42; ед. хр. 1418, л. 2, 4 об., 15, 55, 57, 59 об.; ед. хр. 1419, л. 7—8, 44]. Этого комментария в фонде 145 Архива востоковедов нет.

Кроме того, Б. И. Панкратов подготовил факсимильное издание 15-главного текста "Юань-чао би-ши" со своим предисловием [см. АВ ЛО ИВАН, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 112—113] и обсудил то и другое 28.IX.1959 на совместном заседании Тюрко-монгольского и Дальневосточного кабинетов [см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 1353, л. 5, 13, 16, 45, 76; ед. хр. 1354, л. 17]. Том вышел в свет в 1962 г. [см. 4].

Значение этой единственной опубликованной части работы Б. И. Панкратова — в том, что она сделала доступным для науки уникальный рукописный текст, сопроводив его описанием и его подробной историей, а также историей текста "Юань-чао би-ши" вообще. В предисловии ученый высказал остроумную гипотезу о первоначальном монгольском названии этого памятника. Издание это было высоко оценено научным миром. А. Мостарт в письме Б. И. Панкратову от 1967 г. назвал это издание "великолепным", "непреодолимым вкладом в науку". Х. Франке в письме Б. И. Панкратову от 14.II.1972 писал: "Этим трудом Вы снова сделали доступной для науки чрезвычайно важную версию этого текста, столь необходимого для изучения ранней

монгольской истории и литературы, и этим заслужили благодарность сино-монголистов всего мира".

С конца 1960 г. Б. И. Панкратову была поручена другая тема; с 1963 г. он находился на пенсии, но продолжал работать над "Юань-чао би-ши". В первой половине 1960-х гг. он вчерне завершил свой перевод памятника, о чем я знаю от него лично. Тогда я не записал его слов, и моя самая ранняя запись об этом связана с его 75-летием и датируется 1967 г.: "Во 2-й половине 1950-х—начале 60-х гг. Борис Иванович заново перевел весь текст «Секретной истории монголов» (его старый перевод пропал во время войны вместе с частью словаря этого памятника). К сожалению, перевод этот еще не издан, т. к. у Бориса Ивановича пока нет возможности⁶ придать ему «последний блеск». Сколько помню, Б. И. Панкратов считал, что должен еще раз проверить перевод, унифицировать написание имен собственных и т. п. О завершении перевода он говорил и другим.

Со второй половины 1968 г. примерно до середины 1970-х гг. Б. И. Панкратов продолжал заниматься отдельными вопросами, так или иначе связанными с "Юань-чао би-ши". Он сделал три доклада о результатах своих изысканий в ЛО ИЭ АН СССР и на Кафедре монгольской филологии Восточного факультета ЛГУ. Прямое отношение к переводу памятника имеет доклад — статья на 16 машинописных страниц — "К вопросу о переводе 216-го параграфа «Сокровенного сказания», имеющий также и другие названия [см. АВ ЛО ИВАН, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 115—116]; под названием "Об уточнении некоторых монгольских терминов" этот доклад был сделан 11.III.1969 на заседании Сектора Восточной и Юго-Восточной Азии ИЭ АН СССР. В докладах "Толкование имени «монгол»" [см. там же, ед. хр. 158] и "Об этимологии титула «Чингис»" "Юань-чао би-ши" оценивается или используется как исторический источник.

Что же осталось от работы Б. И. Панкратова над "Юань-чао би-ши" в Архиве востоковедов? Остались изложения общих принципов его подхода к памятнику 1941 и 1958 гг., история текста памятника, краткая история его изучения (по 1950-е гг.) и исследование § 216; полная транслитерация китайской транскрипции монгольского текста памятника, выполненная в 1921—1922 гг.; два фрагмента научной транскрипции этой транслитерации — 1922 и 1952—1957 гг., покрывающие почти всю первую половину этого текста; выполненный в 1958—1959 гг. перевод первых 10 глав памятника с лакунами, покрывающий почти 2/3 текста "Юань-чао би-ши"; неполный глоссарий памятника (предположительно 1927—1929 гг.) без переводов на рус-

---

⁶ По семейным обстоятельствам он был лишен возможности работать с 1965, если не с 1964 г.

ский язык; подробный разбор работы С. А. Козина 1941 г. и ряд конкретных замечаний по переводу и транскрипции разных параграфов "Юань-чао би-ши", в том числе около полутора десятков таких параграфов, переводы которых, выполненные Б. И. Панкратовым в конце 1950-х—начале 1960-х гг., до нас не дошли; надежда, что отыщется полный перевод памятника. Это меньше, чем хотелось бы, но это довольно много.

Б. И. Панкратов был крупным ученым и международно признанным экспертом по "Юань-чао би-ши", и его мнения об этом памятнике не безразличны науке. Поэтому представляется целесообразным издать то, что можно, из его наследия — в первую очередь сохранившиеся части перевода и транскрипции, рецензию 1941 г., доклад 1958 г. и статью о § 216 "Юань-чао би-ши".

18 февраля 1988 г.

Литература

1. *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1246 г. под названием *Монгуол-ун пиуса товсиуан*. Юань-чао би-ши — Монгольский обыденный сборник, том 1. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. М.; Л., 1941.
2. *Панкратов Б. И.* Об этимологии титула "Чингис" // *Страны и народы Востока*. Вып. 26. М., 1989. С. 180—189.
3. *Стариков В. С.* Научная и педагогическая деятельность Б. И. Панкратова // *Страны и народы Востока*. Вып. 11. М., 1971.
4. Юань-чао би-ши (Секретная история монголов). 15 цзюаней. Том 1. Текст. Издание текста и предисловие Б. И. Панкратова. М., 1962.
5. *Weller F.* *Das Sino-Indian Institute der Harvard University in Peking* // *Asia Major*. Vol. 9 (1933). С. 658—663.

И. А. Осницкая

Д. А. ОЛЬДЕРОГТЕ (НАЧАЛО ПУТИ)

Выше всех других оценок своей работы Д. А. Ольдерогте ставил слова английской исследовательницы, этнографа Мери Холсуорт, что он является представителем знаменитой петербургской школы востоковедов. Это на самом деле так. 65 лет своей большой творческой жизни Дмитрий Алексеевич был тесно связан с Университетом и с петровской Кунсткамерой — Музеем и Институтом этнографии Академии наук СССР. Он пришел в Ленинградский университет с направлением после демобилизации из Красной Армии. Шутил, что в бумагах было написано: "При сем направляется демобилизованный доброволец Красной Армии для повышения квалификации".

В своей первой автобиографии, названной по традиции *Curriculum vitae* 21 июня 1925 г. Д. А. Ольдерогте писал: "В 1922 г. поступил на Отделение языка и литературы (бывшее этнолого-лингвистическое) Факультета общественных наук Ленинградского государственного университета, которое и окончил в июне 1925 г. За время моего пребывания в университете слушал лекции и занимался у профессоров В. В. Струве, Н. Д. Флиттнер, академика В. В. Бартольда, М. Н. Соколова, П. В. Ернштедта, Н. Н. Томасова.

Участвовал в следующих семинариях: 1) по литературным текстам Среднего Царства, 2) по историко-литературному анализу текста Манефона, 3) по древнеегипетскому языку проработан эрмитажный папирус № 1116, Лейденский папирус; в семинарии по древне-египетской литературе — I глава «Книги мертвых» и другие. Мои занятия сосредоточивались главным образом на изучении эпохи Древнего и Среднего Царства. Я работал, в частности, над изучением стиля и языка декретов VI династии из Коптоса, Дашура и Абидоса, а также по текстам, касающимся развития городов Древнего Египта. Результатом занятий явилась работа «Управитель бурга»... В последнее время моего пребывания в университете занимался вопросом о культурных взаимоотношениях Древнего Египта и Нубии, чем продолжаю заниматься и в настоящее время".

В письме И. И. Филатовой 23.VIII.85 Дмитрий Алексеевич писал, что у него рано и уже окончательно определилась склонность к историческим наукам. "Еще во время службы в армии¹ я увлеченно читал книги по средневековой истории Европы — Фруассара, Григория Турского, Павла Диакона, слушал лекции по истории в Домпросвете имени т. Глерона, ходил слушать Платонова на Высших женских курсах и т. д. Я хотел изучать социологию, в частности происхождение государства и законы развития общества".

В 1925 г. Д. А. Ольдерогге поступил на работу в Музей антропологии и этнографии АН СССР и начал работать в Отделе Африки. Уже после окончания Университета он слушал лекции и занимался в семинарах у академика Н. Я. Марра, Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораза. В упомянутом выше письме он пишет: "Благодарю судьбу за встречу с Л. Я. Штернбергом, работы которого я продолжил эпиграмией и многими другими статьями. Он первый указал мне на необходимость заниматься африканскими проблемами".

Руководство МАЭ ощущало настоятельную потребность в специалисте по культуре Африки. Это хорошо видно из представления заведующего африканским отделом А. В. Шмидта в президиум АН СССР. "В последние годы в силу разных обстоятельств, главным образом ослабления связей нашей страны с Западом, интересы МАЭ АН СССР направлялись преимущественно в сторону изучения народностей СССР и прилегающих восточных стран. Между тем музей Антропологии и Этнографии был и является единственным в СССР музеем мировой культуры, чьи собрания широко охватывают также и тропические страны... В видах углубленной подготовки работника по африканистике, что невозможно в СССР вследствие отсутствия соответствующих специалистов, прошу МАЭ направить в Германию научного сотрудника II разряда Д. А. Ольдерогге для специального изучения негрских и других африканских языков и этнографии, а также для подробного ознакомления с собраниями по Африке в германских музеях... Гамбурга, Берлина, Лейпцига".

Представление было поддержано директором МАЭ академиком Е. Ф. Карским. Непосредственным же организатором и инициатором поездки был, конечно, главный этнограф МАЭ Л. Я. Штернберг, направивший занятия Д. А. Ольдерогге в первые годы его работы в Музее. Так, Дмитрий Алексеевич участвовал в семинаре по работам Дюркгейма. Занятия шли под руководством двух соратников-этнографов, в прошлом активных политических деятелей, народовольцев, отбывших по десять лет царской ссылки. Л. Я. Штернберг — среди гильжиков на Сахалине, В. Г. Богораз — у чукоч (чукчей) на северо-

---

¹ В частях Петроградского укреплённого района и в Гатчине. — *И. О.*

востоке Сибири. В ссылке они собрали уникальный этнографический материал, изучали языки местных народов и стали первоклассными специалистами с широким кругом интересов в общей этнографии, духовной и материальной культуре. Эти два совершенно разных и по темпераменту и по отношению к науке человека вели занятия в остро полемической форме, активно, требовательно.

Первые после окончания Университета годы Д. Ольдеропге еще продолжал заниматься египтологией. Об этом можно судить по его первым публикациям: в 1927 г. он сдал в печать свои первые доклады — "К организации цехового управления в Древнем Египте эпохи Среднего Царства" и "Управитель бурга". Это видно и по публикациям в литографированном "Сборнике египтологического кружка при ЛГУ", выходявшем малым тиражом (140 экземпляров) силами научных сотрудников Университета и Эрмитажа. В кружке также заслушивались и обсуждались доклады.

О времени с 6.X.1927 по 5.IV.1928 г., проведенном в Германии, лучше всего рассказал сам Дмитрий Алексеевич в письме к А. Б. Давидсону: "В апреле 1927 г. состоялся мой разговор с Л. Я. Штернбергом о поездке... а в октябре я уже уезжал на пароходе «Обербург-мистер Хаген» в Штеттин — морем, причем как всегда Балтика в это время года беспокойна, и мы вышли из Кронштадта при штормовых сигналах. В Германии после 3-х месяцев занятий в семинаре Д. Вестерманна я посетил Гамбург, где узнал, что Мейнхоф находится в ЮАР по приглашению правительства, и, таким образом, я был знаком с ним только по переписке. У меня сохранились 2 его письма. Из Гамбурга я проехал в Любек, где хранятся собрания Тессмана по народу фанг (Pangwe) и внимательно их изучил. Там сердечные отношения установились у меня с Карутцем, хранителем Городского Музея и специалистом по народам Средней Азии, — он бывал у нас в Средней Азии еще до 1914 г.

Затем вернулся еще до каникул в Берлин, где слушал лекции Д. Вестерманна по этнографии Африки (обычный курс), затем нубийский язык с группой нубийцев и практику со студентами Семинара восточных языков в Шарите² в фонетической лаборатории, арендуемой университетом.

На время перерыва между семестрами я решил использовать свободное время и посетить музеи Бельгии и Голландии. Наше консульство ответило на мой запрос, что против поездки не возражает, но помочь ничем не может, т. к. никаких дипломатических отношений ни с Нидерландами, ни с Бельгией у Советского правительства нет. «Вы можете действовать на свой страх и риск». Я получил транзитную визу

---

² Старейшая медицинская клиника Берлина.

в Голландию на несколько дней и на две недели в Бельгию. Заказал билеты в Митропе (железнодорожном агентстве, существующем и сейчас) и уехал. Остановился в Амстердаме, осмотрел Музей Народоведения при Колониальном Институте и, конечно, Национальный музей голландской живописи — картины Рембрандта, Ван Дейка, Хальса и многих других. Прожил в Голландии, легко объясняясь, т. к. язык очень понятен всем говорящим по-немецки, да и фамилия у меня чисто голландская. Побродил по городу и его каналам, поработал в Государственном этнографическом музее и нашел там очень интересные вещи: неизданные каменные рельефы. Я получил их фотографии (помнится даже с правом их издания, но они так и остались в моем архиве) и колонну — надгробный памятник французского офицера Major Crespel (4.XII.1832—14.I.1878), убитого в Южной Аравии, в Йемене, но надгробие было найдено в Танзании в 1913 г. Очевидно, рыбак захватил его на своем обратном пути как балласт. Об этой находке я упоминаю в лекциях [как пример того], что муссоны определенного времени года обеспечивают регулярную связь Африки с Йеменом, недаром там есть тоже Занзибар на Бенадирском берегу. Эта находка осталась никем не замеченной, а она в высшей степени интересна.

Далее в Бельгии я прожил в деревне около Брюсселя 11 дней и работал в Музее Бельгийского Конго в Тервюре. Работал иной раз по 10 часов в сутки. Отношение ко мне было превосходное. Я получил разрешение, если понадобятся фото, написать, и мне пришлют. Работа с предметами протекала в подвалах, а затем по записанным номерам я рылся в актах (dossiers), а на те номера, которые я не успел отметить в dossiers, мне обещали навести справки по моему письму. Материал Musée du Congo Belge необычайно велик. В сущности для работы нужно сидеть в нем месяцами. Все же ознакомился бегло со всем музеем. Подробнее с отдельными отделами. Заведовал фондами и был директором в то время д-р Маас (Maes). Когда кончился срок [моей работы], он сказал мне, что Министерство колоний продлит мне время пребывания сколько я захочу. Однако у меня кончались деньги и нужно было возвращаться. Я работал в фондах один, зарисовывал и привез множество материалов, отданных мною потом в Музей. Среди них — по просьбе Баумана — зарисовки неопубликованных типов мотыг и метательных ножей — «денег для брачного выкупа». Мотыги я нашел исключительно редкие и зарисовки отдал Бауману, который опубликовал их в 1942 г. со ссылкой на меня. Затем... пришлось возвращаться через Кельн в Германию.

Однако заехал во Франкфурт на Майне, где во дворце князей Турн и Таксис находился Институт Л. Фробениуса. Остановился в доме «Unter drei Raben», рядом с моим домом был старинный дом «Die Hexe», на фасаде которого была изображена ведьма, по этой картине

я и ориентировался. У Фробениуса был принят сердечно и познакомился с моими сверстниками — они готовили *Atlas africanus*. Я познакомился с заготовками к нему, выписками, схемами карт для вычерчивания на них зон распространения культурных явлений. Много лет спустя³ в Киото в Японии я встретился с Eike Haberland'ом, ставшим уже директором Института. Делегация ФРГ сидела за столом, вспомнили Фробениуса, и Хаберланд задал мне вопрос: «Ваше мнение о нем?» Я сразу же ответил: «Er war kein akademischen Gelehrter, aber er war mehr als ein Gelehrter — er war ein Poet». Им это очень понравилось. Надо сказать, что академическая среда отвергала Фробениуса, считая его фантазером, не знающим языков, и не ученым. В частности Д. Вестерманн считал именно так. Основная работа Фробениуса «*Der Ursprung der afrikanischen Kultur*», В., 1898 — была отвергнута академической наукой, и он не получил за нее степени доктора наук. Так он и оставался всю жизнь вне пределов официальной науки, хотя именно ему принадлежит честь и слава создателя *Kulturkreis Theorie*.

Меня он принял не скажу, что очень сердечно, он не был столь открытым, но дружелюбно. Мы беседовали, точнее я почтительно слушал, спрашивал, а он произносил монологи, пышные и торжественные, взмахнув рукой он приказал: — «Фройлайн, распахните дверцы шкафа и покажите картотеку!». Мне показали тысячи карточек, выписки из книг — основу его атласа. «Все это в Вашем распоряжении, я Вам разрешаю всем этим пользоваться». Затем он предложил мне участвовать в экспедиции в Южную Африку в горы Матопо. Я писал в Академию, но ответа не получил, это было в 1928 году, процесс Рамзина и внутренние экономические трудности" (конец письма).

Сразу по возвращении Ольдерогте читает доклад "Глиняные фигурки юго-западной Абиссинии", представленный академиком Е. Карским к напечатанию в Сборнике МАЭ (т. VIII, 1928 г.). Это первая работа его уже по новой специальности — африканистике. Уже в первых документах архива часто встречается слово "африканистика". Само понятие это возникло в конце XIX в., в России же оно широко употреблялось специалистами начиная с 20-х годов нашего века. Вот как определял ее Д. Ольдерогте в своем курсе лекций "Введение в африканистику": "Африканистика — одна из историко-филологических дисциплин, стоящая в одном ряду с другими родственными ей востоковедными дисциплинами: арабистикой, индологией, китайстикой и другими. Задача африканистики — изучение языков, истории культуры и истории народов Африки. Изучение истории культуры и истории народов Африки должно вестись в тесной связи с данными антропологии, археологии, этнографии и другими научными дисциплинами".

---

³ В 1968 г.

Привезенные из Германии материалы послужили темами научных статей и докладов, опубликованных в 1929 г. Это статьи: "О некоторых египто-нубийских словах", "О названии обелиска", "The Deity of the Com-Power". Целый ряд докладов: "О социальном моменте в африканском искусстве" в Институте марксизма-ленинизма, "О племенном названии берберов" в Яфетическом институте, "Об египетских собраниях некоторых музеев Западной Европы", "Некоторые замечания к стелам XI династии" и ряд других прочитаны в Египтологическом кружке. Материалы А. Краузе "Hausa Handschriften in der Preussischen Staatsbibliothek zu Berlin" (MSOS, XXXI. 1928. S. 105—107. XXVIII—LXXX), содержавшие неопубликованные тексты хауса по истории средневековых государств хауса, были прочитаны в семинаре, руководимом Ольдерогге, переведены на русский язык и вместе с другими источниками легли в основу его монографии "Западный Судан в XV—XIX вв" (М.; Л., 1960).

По возвращении из Германии Д. А. Ольдерогге уже в 1929 г. начинает читать лекции по этнографии Африки, сначала в Географическом институте (позднее превращенном в Географический факультет ЛГУ), затем в 1930 г. в Восточном институте им. А. С. Енукидзе.

В апреле 1930 г. в Яфетическом институте АН СССР создается Кабинет колониальных языков. Ученый секретарь института Л. Г. Башинджагян обращается с просьбой высказать соображения о плане работ кабинета. В представленном "Примерном плане работ Кабинета колониальных языков" отразился сложившийся к 30-м годам под влиянием взглядов Н. Я. Марра круг проблем по исторической стадильности развития языков. В 1927—1928 гг. Н. Я. Марр занимался составлением берберского словаря и записями текстов в Алжире, близ Орана. Это была третья поездка его в Африку. Интерес Марра к африканским языкам не ограничивался изучением языков Северной Африки. Одну из своих статей он посвятил исследованию средиземноморских связей готтентотского языка нама. В архиве Марра сохранились также, по свидетельству Д. А. Ольдерогге, наброски статей по языку мандинго.

Предполагалось, что Кабинет колониальных языков будет изучать следующие проблемы:

- I. 1) Связь языка с материальной культурой той общественно-экономической формации, в среде которой он бытует.
- 2) Попытки палеонтологического анализа терминов культуры материальной и социальной (кузнец — ремесленник вообще — царь — колдун; мотыга — плуг; камень — дерево — железо).
- II. 1) Разработка вопросов, связанных с проблемой единства африканских языков. Единство происхождения языков банту, суданских и хамитских.

2) Так называемая хамитская проблема. Отношения хамитских языков к нилотским и нило-хамитским.

3) Берберы в их отношении к Центральной Африке.

III. Классификация колониальных языков в постановке ее по работам индоевропейской школы. Проблема конструированного языка (прабанту, прасуданский и т. д.).

О характере работы, проводившейся Яфетическим институтом, можно судить также и по договору, заключенному с научным сотрудником Д. А. Ольдерогге 4 июля 1930 г.

ДОГОВОР

"1. Яфетический Институт поручает Д. А. Ольдерогге исследовательскую работу по выяснению термина «плуг» (по берберским языкам) и связанным с ним семантическим комплексом (плуг — мотыга, бык, пахать и т. д.).

Кроме того ЯИ поручает тов. Ольдерогге составление библиографии по вышеуказанным языкам, а также языкам нилотской группы.

Первая работа в форме доклада с нанесением материалов на карточки установленного Группой образца производственных терминов должна быть представлена не позднее 20 сентября 1930 г."

Из приведенного документа видно, что ЯИ работал очень интенсивно, обрабатывался материал огромного числа языков практически всех регионов земного шара. Языковеды работали в тесном контакте с этнографами и археологами. Так, на Всероссийском археолого-этнографическом совещании в мае 1932 г. Н. Я. Марр выступил с докладом "История материальной культуры и лингвистика". В эти годы выработывалась марксистско-ленинская методология в науке. Желание рассматривать язык в ряду других исторических дисциплин было характерно для работ Института языка и мышления им. Марра. В 1929 г. по инициативе Коммунистической академии и ее Секции материалистической лингвистики было принято решение об издании Собрания сочинений академика Н. Я. Марра. Уже к весне 1931 г. были подготовлены 2 тома работ, а в 1933 г. вышли 5 томов, в 4-м собраны работы Марра по африканским языкам.

По его инициативе в 1931 г. при Яфетическом институте была создана "Бригада по изучению языков колониальных и полуколониальных стран эпохи империализма". Бригаду возглавил ученик В. В. Струве и Н. Я. Марра И. Л. Снегирев, в меморандуме объявлялось, что бригада ставит своей задачей изучение языков в их современном виде и в связи с конкретными теоретическими и практическими задачами по национальным вопросам колоний. Работа намечалась в двух основных на-

правлениях: I. Колониальная политика и язык; II. Процесс стадийного развития колониальных языков. Полный текст документа с рукописными приписками находится в архиве Д. А. Ольдерогте, его рукой поставлена дата — 7.VIII.1931 г.

К 1931 г. относится и первая встреча Д. А. Ольдерогте с И. И. Потехиным, в то время студентом Ленинградского института живых восточных языков. За плечами И. И. Потехина были годы Гражданской войны в Сибири и партийная работа. Он пришел с предложением организовать группу студентов по изучению Африки. Так началось многолетнее сотрудничество и личная дружба двух людей, которых мы считаем основоположниками советской африканистики. И. И. Потехин проучился в ЛВИ 2 года, а затем перевелся в Москву, в аспирантуру Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ'а). Одновременно он работал и в Африканском кабинете Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем (НИАНКП). Кафедру Африки КУТВ'а и Африканский кабинет НИАНКП'а возглавлял А. Шийк, сотрудничали с этими учреждениями и представители африканских стран. В 1934 г. в КУТВ'е обучался 4 студента из Южной Африки, у них одновременно учились языку зулу и их преподаватели. Ездил сюда и Д. А. Ольдерогте для фонетических записей зулу, для получения периодических изданий. В эти годы КУТВ получал много литературы и периодических изданий из Африки и Америки. В январе 1934 г. по инициативе А. Шийка в Москве было проведено первое совещание по африканским языкам. От Ленинграда с докладами выступили Д. А. Ольдерогте, Н. В. Юшманов, И. Л. Снегирев, в работе принимали участие А. П. Рифтин, П. А. Алексеев и Т. Л. Тютрюмова, от москвичей — И. И. Потехин, А. Шийк, Ф. Гайворонский, А. З. Зусманович, П. А. Кузнецов и другие. На своей книге "Расовая проблема и марксизм" А. Шийк сделал следующую надпись: "Тов. Ольдерогте на память о первых шагах советских африканистов (1929—1934), Москва, 24/1, 1934 г. Шийк. В день закрытия первого совещания по африканским языкам". А. Шийку принадлежит заслуга разработки первой советской программы изучения Африки. Она была обсуждена на заседании кабинета в НИАНКП в апреле 1929 г. и опубликована в журнале "Революционный Восток" (№ 8. М., 1934. С. 85—100).

В Москве изучение африканских языков и их преподавание было начато по инициативе специалистов-обществоведов, занимавшихся проблемами национально-освободительной борьбы, рабочего и профсоюзного движения в колониальных странах. В 20-е и 30-е годы в Москве под эгидой Коммунистической академии, Комиссариата по делам национальностей были созданы несколько институтов, как, например, Центральный научно-исследовательский педагогический ин-

ститут национальностей, в котором тоже изучались африканские языки.

В Ленинградском университете преподавание и изучение африканских языков было начато в 1934 г., когда по инициативе А. П. Рифтина на Филологическом факультете была создана семито-хамитская кафедра с африканским отделением. По инициативе А. П. Рифтина и под его редакцией в эти же годы было начато издание замечательной серии "Строй языков". В 1934 г. был произведен первый набор студентов на африканское отделение. Преподавание амхарского языка и хауса вел Н. В. Юшманов, он впервые прочел курс "Введение в африканское языкознание"; языки суахили и зулу преподавал Д. А. Ольдерогге.

В 1934 г. Н. В. Юшманов, И. Л. Снегирев, П. А. Алексеев составили Группу африканистов в Институте языка и мышления (позднее Институт языкознания). Эта Группа подготовила ряд статей, опубликованных в изданиях трудов ИЯМ'а. Особенно интенсивно работали в 30-е годы И. Л. Снегирев и Н. В. Юшманов. Начиная с 1936 г. одна за другой выходят три работы последнего, которые до сих пор высоко ценятся специалистами: "Строй амхарского языка", "Строй языка хауса", литографированный курс "Введение в африканское языкознание". Группой африканских языков в 1937 г. был издан сборник статей "Africana". В нем помимо языковых статей и рецензий-обзоров иностранной литературы была опубликована первая в СССР Библиография африканских языков. К сожалению, во время войны Группа прекратила свое существование, П. А. Алексеев умер во время блокады, И. Л. Снегирев ушел на фронт, попал в плен и в 1946 г. погиб в лагере, посмертно реабилитирован. Судьбой их незаконченных работ и рукописей, насколько мне известно, никто не занимался. Фонд И. Л. Снегирева в Архиве РАН содержит лишь документы к биографии. В личном архиве Д. А. Ольдерогге находится рукописный некролог о кончине П. А. Алексеева, подписанный Снегиревым. В нем он сообщает, что накануне войны П. А. Алексеев работал над "Классификацией имен существительных в языке суахили", им была подготовлена к печати статья "Класс лиц в именах существительных языка суахили". Возможно, эти материалы и сохранились.

Уже в 1944 г. возобновились занятия на Кафедре египтологии и африканистики ЛГУ. На кафедре вели занятия профессора Д. А. Ольдерогге, М. Э. Матье и И. С. Лурье, преподаватели Т. Л. Тютрюмова и позднее И. П. Строганова (Жданова). Заведовал кафедрой Н. В. Юшманов, которого в 1943 г. избрали членом-корреспондентом АН СССР. Однако лишения военных лет подорвали его здоровье, и он скончался 2 апреля 1946 г. Кафедру принял Д. А. Ольдерогге. В 1949 г. она была реорганизована и стала заниматься только проблемами Африки. Д. А.

Ольдерогте бессменно руководил ею до 1987 г. Сотрудниками кафедры были подготовлены учебные пособия: И. П. Строгановой "Хрестоматия языка суахили. С кратким грамматическим очерком и словарем" (Л., 1950, 104 с.); Д. А. Ольдерогте "Язык хауса. Краткий грамматический очерк и словарь" (Л., 1954, 170 с.); Т. Л. Тютрюмова "Амхарский язык. Ч. I. Хрестоматия" (Л., 1960, 304 с.).

В первое послевоенное десятилетие Кафедрой африканистики ЛГУ были подготовлены кадры научных специалистов и преподавателей, составившие группу по изданию словарей в Институте этнографии АН СССР, Кафедру африканистики МГИМО. Ряд выпускников кафедры работают в Центральном радиокомитете, Издательстве литературы на иностранных языках и в ряде институтов Москвы. Кафедра также готовила специалистов из стран Европы (ГДР, ЧССР, ПНР, КНР) и Африки.

С. И. Авербух

**АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ КОВАЛЕВСКИЙ —
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПУТЕШЕСТВИЯ ИБН ФАДЛАНА НА ВОЛГУ**

В 921 году Джа'фар ал-Муктадир-би-ллах, аббасидский халиф, отправил свое посольство на далекий Атыл (как тогда в Багдаде называли Волгу), в страну булгар. Незадолго перед тем к багдадскому двору прибыл посол из этой отдаленной северной страны. Он привез письма, в которых Алмуш, сын Шилка, царь булгар, просил прислать кого-нибудь, кто наставил бы его в вере, преподал бы ему законы ислама, построил бы для него мечеть и крепость, чтобы укрепиться в ней от парей, своих противников.

Халифское правительство решило использовать представившуюся возможность связи с болгарским царством в своих политических целях. Было дано согласие на то, о чем просил царь булгар, и снаряжено посольство, выехавшее 21 июня 921 года. Секретарем этого посольства с широкими полномочиями был Ахмад Ибн Фадлан. Он составил книгу об этой поездке, описал отдаленную от нас эпоху, сведения о которой чрезвычайно скудны. Это обстоятельство, а также широта охвата всего виденного, яркость описания, соединенная с большой наблюдательностью, живым интересом к вопросам социальных отношений, быта, материальной культуры и верований дают основание считать, что среди писателей IX—X веков, писавших о нашей стране, нет равного Ибн Фадлану. Его книга принадлежит к золотому фонду источников по истории народов бывшего СССР.

Более тысячи лет минуло с той поры. Записки Ибн Фадлана были забыты, и только отрывочные выписки из них сохранил, сопроводив непонятные ему места обвинениями во лжи, писатель XIII века Йакут в своем "Географическом словаре". С этих выписок и начиналось изучение книги Ибн Фадлана. Их называли важным источником такие видные востоковеды, как В. Г. Тизенгаузен и В. Р. Розен. Напротив, их достоверность отрицали археолог А. А. Спичин, востоковед Й. Маркварт и некоторые другие. Только в 1924 году, когда в Меш-

А. П. Ковалевский

хеде (Иран) была найдена рукопись описания путешествия, достоверность памятника становится очевидной, наступает пора более широких возможностей для его изучения.

Выдающийся вклад в изучение путешествия Ибн Фадлана внес в науку А. П. Ковалевский. Приступив к работе над Мешхедской рукописью в начале 30-х годов, А. П. Ковалевский опубликовал в связи с этим ряд статей и заметок [22, 23, 25, 26]. В 1939 году выходит в свет под редакцией И. Ю. Крачковского книга, которая содержит выполненные А. П. Ковалевским перевод текста, филологический комментарий к нему, фотокопию текста по Мешхедской рукописи, исследования [27]. В 1956 году выходит в свет,

посвященное памяти академика И. Ю. Крачковского, новое издание: пересмотренный перевод, новый комментарий, в котором гораздо больше внимания уделено историческим вопросам [31, с. 105], статьи, фототипия текста по Мешхедской рукописи. При этом и в первом, и во втором изданиях комментарий, как говорит А. П. Ковалевский, остается главной частью его работы и составляет основу для научного использования переводного текста [31, с. 105].

Второе издание книги получило широкую известность [4], но А. П. Ковалевский не рассматривал его как завершение работы. "Конечно, — писал он, завершая исследования 1956 года, — в изучении текста Ибн-Фадлана можно сделать еще много... Все это приходится оставлять будущему" [31, с. 117].

Вся работа над текстом Ибн Фадлана стала одной из главных задач научного творчества А. П. Ковалевского. Но к этому он пришел не сразу.

Заслуженный деятель науки УССР, доктор исторических наук, профессор Харьковского государственного университета Андрей Петрович Ковалевский (1 февраля 1895—29 ноября 1969) происходит из известной украинской семьи, к которой принадлежали известный географ и общественный деятель Евграф Петрович Ковалевский, знаменитый путешественник и писатель Егор Петрович Ковалевский и выдающийся социолог Максим Максимович Ковалевский. А. П. Ковалевский прожил большую яркую жизнь ученого и общественного деятеля, педагога, человека, оставил более ста опубликованных научных работ [4].

В молодые годы, как аспирант, затем научный сотрудник кафедры истории украинской культуры при Харьковском институте народного образования, Музея слободской Украины им. Г. С. Сковороды в Харькове и Государственного музея этнографии народов СССР в Ленинграде, он сосредоточил свои силы на изучении истории и этнографии восточных славян. В истории и этнографии он прежде всего искал пути проникновения в глубины народной самобытности; в обычаях, верованиях, деталях быта, в народном творчестве видел отражение социально-экономических условий жизни, производственной деятельности человека. Об этом говорят названия его ранних исследований, например работа "Производственные культы старой Украины", "Береги и перегены" [16].

История и этнография Украины не ограничивались для него только историей и этнографией украинского народа, одних только восточных славян. Об этом свидетельствуют статьи "Подземные хранилища зерна у мариупольских греков" [14], "Давние украинно-турецкие средства водного транспорта" [15], "Производственные культы древней Украины" [11]. "С древнейших времен, — писал он, — различные народы (на Украине. — С. А.), смешиваясь и завоеывая друг друга, создавали ряд государств. Накапливались культурные ценности, которые затем влиялись в позднейшую культуру... Следовательно, Старокиевская держава была... звеном тысячелетней предшествовавшей истории". Из этого он делает вывод, что в быту, обычаях, верованиях, народном творчестве современного украинского населения можно обнаружить следы ушедших эпох. Каким же путем подойти к изучению такого сложного взаимодействия культур? Здесь он называет картографический метод в этнографии [12]. "Не попытаться ли, — спрашивает он, — распутать этот клубок картографическим путем, используя рассказы старых людей, записи этнографов прошлых поколений, старые документы, архивные материалы, наблюдения жителей, учителей, интеллигенции села" [12, с. 53, 54]. Затем на базе накопленного

материала создать этнографические карты, которые дадут возможность увидеть динамику явлений, увидеть откуда они распространяются, где была раньше их крайняя граница, где они утрачены новейшим поколением [12, с. 57].

Позднее историко-сравнительный подход и методы картографирования нашли воплощение в работе над текстом Ибн Фадлана, изобилующим этнографическими свидетельствами. А. П. Ковалевский подробно рассматривает их в статье "Ахмад ибн-Фадлан как исторический источник" [30, с. 38—71]. В частности, для анализа сообщений Ибн Фадлана о северном сиянии он привлекает эпизоды из 1001 ночи, Калевипоэг (соответствующий фрагмент он дает в своем переводе), эстонский фольклор, Лачплесис (соответствующие места также даны в собственном переводе), адыгейские сказания. Обстоятельно рассматривается и рассказ Ибн Фадлана о единороге. Используются сообщения арабских писателей, легенды манси, хантов, ненцев, изучаются культурные изображения этих народов, предметы материальной культуры. На основании анализа этих разнообразных данных А. П. Ковалевский приходит к важному выводу уже как историк и востоковед-арабист. "Итак, — заключает он, — можно считать доказанным, что даже легендарные и, казалось бы, совершенно чуждые северу рассказы Ибн-Фадлана ни в коей мере не заимствованы из литературы, а весьма добросовестно записаны со слов местных жителей. Перед нами живая картина расспросов и разговоров на ту или иную тему. Этот вывод весьма важен. Он повышает доверие к сообщениям Ибн-Фадлана вообще, особенно касающимся более реальных вещей, чем упомянутые легенды" [30, с. 67]. Тем не менее эти данные не остаются единственным критерием истины, ибо А. П. Ковалевский все же ставил на первое место письменный источник. Поэтому не случайно, что цитируемый абзац он заканчивает следующим выводом: "Однако, чтобы действительно уверенно пользоваться его (Ибн-Фадлана. — С. А.) собственными сообщениями, необходима тщательная работа над текстом, учет всевозможных вариантов и сопоставлений, тем более, что текст, имеющийся в нашем распоряжении, не первоначальный" [30, с. 67].

Поиски народной самобытности, глубокое изучение обычаев, верований, быта, народного творчества были характерны для литературоведческих работ А. П. Ковалевского. Из них назовем "Вопросы экономико-социального метода в литературе" [9], "Вопросы экономико-социальной формулы в истории литературы" [10], а также рецензии, издания, переводы, исследования о писателях, в том числе и писателях стран Востока [4, № 5, 47—50, 57, 59—66, 68, 69, 70].

Многое сближало А. П. Ковалевского с взглядами и научным творчеством Г. С. Сковороды, который был ему дорог, потому что всегда чувствовал себя тесно связанным с украинскими народными массами,

более всего любил свою родину, вобрал в себя предыдущую высокую украинскую народную традицию, ее науку, литературу [6, с. 21]. Вообще же личность и творчество Г. С. Сковороды имели для А. П. Ковалевского исключительное значение. Первая печатная работа его была о Г. С. Сковороде [7]. О жизни и творчестве Г. С. Сковороды он написал ряд статей, рецензий, выступал с докладами [4, № 1, 6, 9, 16, 32—34, 101, 106], следил за новой литературой о Г. С. Сковороде, принимал участие по увековечению его памяти в Харькове, часто цитировал его высказывания, ссылаясь на примеры из его жизни.

Поиски истоков народной самобытности, широкое использование данных этнографии, бережное отношение к тексту и стоящему за текстом его автору составляли основу его работы и в востоковедении.

С начала 30-х годов востоковедная тематика становится ведущей в творчестве А. П. Ковалевского. Помимо названных исследований и рецензий, он выступает инициатором изданий переводов писателей стран Востока и сам редактирует ряд книг, среди которых переводы произведений С. Айни и других выдающихся писателей разных стран и народов Востока. В статьях и комментариях, сопровождающих эти переводы, он стремился прежде всего показать читателю самобытность того народа, на языке которого написано произведение. При этом он относился отрицательно к тому, что принято называть восточной экзотикой. В рецензии на перевод сказок 1001 ночи он выступает за то, чтобы помочь читателю увидеть здесь не только стремление трудового народа "отдаться, — как сказано в предисловии к переводу, — чарованию сладких вымыслов", но реальную жизнь создателей и героев этих сказок [5, с. 267]. Эта же задача ставится и в названной серии переводов — "дать возможность советскому читателю непосредственно познакомиться с произведениями восточных писателей через переводы оригиналов и таким образом понять стремление и надежды этих народов" [5, с. 269].

Он пишет рецензию на книгу П. К. Жузе "К вопросу о научной терминологии у современных арабов". Эта рецензия получила положительный отзыв академика И. Ю. Крачковского [34], была принята во внимание составителем арабско-русского словаря Х. К. Барановым [2, с. 11, 17]. Кроме того, А. П. Ковалевский пишет рецензию на книгу переводов из персидских поэтов "Пальмовые ветви", выполненных академиком А. Е. Крымским [8]. Выступает на II Украинском востоковедном съезде с докладом "Давние украинско-турецкие средства водного транспорта" [15], на эту же тему пишет статью "Чайки и «чайкисты» на среднем Дунае" [13], готовит работу "Из истории турецко-украинских отношений" [17], описывает восточные рукописи Центральной научной библиотеки Харьковского государственного универси-

тета [19], публикует статью о народном образовании в Египте [20], выступает с докладом о материалах к биографии Авиценны [21].

В эти же годы А. П. Ковалевский начинает подготовку к работе по изучению переводов арабских средневековых источников о восточных славянах и их соседях. В феврале 1920 года он выступает в Харьковском институте востоковедения с проектом перевода на русский язык таких источников [34, с. 151]. В августе направляет академику И. Ю. Крачковскому тезисы своего доклада "Задачи и пути изучения арабских источников по истории Восточной Европы", а в письме к нему от 20 августа сообщает об этом дополнительные соображения [34, с. 151, пр. 2].

Широта интересов была индивидуальной особенностью А. П. Ковалевского — ученого, педагога, человека. У стороннего наблюдателя, который хочет видеть ученого только как специалиста, строго сосредоточенного на одном узком направлении научного поиска, эта черта А. П. Ковалевского может быть на первых порах вызовет предубеждение. Но те, кому довелось знать его хорошо, быть его студентами, учениками, сотрудниками, имеют основания утверждать, что именно широта и разносторонность (отнюдь не дилетантские) выделяли его из числа других преподавателей университета и, наряду с другими его качествами, содействовали его успехам в изучении ценных сведений средневековых арабских авторов о восточных славянах. Читатель может убедиться в этом на примере анализа литературных и этнографических данных, который провел А. П. Ковалевский в работе над текстом Ибн Фадлана. Не будет преувеличением утверждать, что без этого его книга об Ибн Фадлане не была бы таким глубоким исследованием, а также не была бы так увлекательна. А ведь А. П. Ковалевский понимал, что, как он сам писал, "в опубликовании нового текста Ибн Фадлана были заинтересованы не только ученые-историки, но и преподаватели и вообще широкие круги советских читателей" [10, с. 77]. И действительно, он подарил науке ценный источник, а массовому читателю интереснейшую книгу о путешествии по Средней Азии и по областям, расположенным на Волге.

* * *

Итак, в четверг, по прошествии одиннадцати ночей месяца сафара триста девятого года (21 июня 921 года) из Багдада вышло посольство халифа и отправилось в далекий путь к царю "славян", как Ибн Фадлан называет болгар. Так начиналась "книга Ахмада ибн-Фадлана ибн-ал-'Аббаса ибн-Рашида ибн Хаммада, клиента повелителя правверных, а также клиента Мухаммеда ибн-Сулеймана, Хашимита, посла ал-Муктадира к царю «славян», в которой он сообщает о том, что он сам наблюдал в стране тюрок, хазаров, русов, «славян», башкир и

других [народов] по части различий их вероучений, сведений об их царях, их положении во многих их делах".

Первые дни пути посольство передвигалось по территории современного Ирана, по-видимому, не встречая препятствий или трудностей. Вероятно, не увидел здесь Ибн Фадлан ничего примечательного с его точки зрения. Во всяком случае, он только называет пункты, через которые проходил, перечисляя места остановок, иногда называет расстояние между ними. В ходе такого перечисления он сообщает, что в Симнани они подошли к подножию Эльбурса, проследовали через город яблочных садов — Дагман. Близ Сарахса они миновали место, где ныне проходит иранская граница, и вступили в Среднюю Азию. Их путь лежал через Мерв на реке Мургаб, который был в десятом веке центром производства шелковых и хлопчатобумажных материй, в селе Кушманах они увидели пески восточных Кара-Кумов, затем они пересекли пустыню, переправились через Джейхун и наконец прибыли в Бухару.

Члены посольства были гостями правителя Бухары, пользовались его покровительством. Ибн Фадлан ничего не рассказывает об этом городе сам, но приводит сведения о нем со слов других и, в частности, рассказывает о различных типах монет, которые были здесь в ходу. Впрочем, как полагает А. П. Ковалевский, рассказ Ибн Фадлана о Бухаре был более подробным, однако его сократил редактор текста, бухарец [30, с. 171, пр. 91].

В Бухаре, предупрежденные о скором наступлении зимы (вероятно, неожиданно ранней), послы наняли корабли и по реке прибыли в Хорезм или, как думает А. П. Ковалевский, в тогдашнюю столицу страны Хорезм, город Кас [30, с. 171, пр. 93, с. 179, пр. 156], где хорезмшах встретил их с почетом, приблизил к себе, устроил им жилье.

Далее начинались владения тюрок, и правитель Хорезма задерживал послов, не желая допустить, чтобы они вслепую рисковали жизнью. Послам даже пришлось не один раз приходить к хорезмшаху подольщаться к нему и льстить ему, добиваясь разрешения на отъезд. Наконец разрешение было дано, и послы по реке поплыли из Хорезма в Джурджанию.

Может быть, вследствие этого хорезмийцы Ибн Фадлану не понравились, и он называет их самыми дикими людьми и по разговору, и по природным качествам. Их разговор похож на то, как кричат скворцы [30, с. 123].

В Хорезме Ибн Фадлан, возможно впервые, увидел снег и лед. "И замерзла река Джейхун, — говорит он, — от начала до конца ее; и была толщина льда семнадцать четвертей. Коня, мулы, верблюды и повозки проезжали через него, как проезжают по дорогам, — он был тверд, не сотрясался. И оставался он в таком виде три месяца".

Зима в Хорезме напоминала Ибн Фадлану "отделение ада" — Замхарир, — отличающееся страшным холодом. "В Хорезме, — говорит Ибн Фадлан, — снег падает не иначе, как с порывистым сильным ветром. Если какой-нибудь человек из числа жителей одарит своего приятеля и хочет оказать ему благодеяние, он говорит: «Пойдем ко мне, чтобы нам поговорить, — ведь, право же, у меня хороший огонь». Это в том случае, если он оказывает ему особое благодеяние и [выражает] особую благосклонность" [30, с. 123].

Надолго, почти на пять месяцев — с пятого ноября 921 г. по второе марта 922 г., — холода задержали в этих местах послов. Они произвели большое впечатление на Ибн Фадлана, и он подробно описывает их лютость и то влияние, которое морозы оказывают на людей, животных, природу, постройки.

С наступлением весны, когда растаяла река Джейхун, посольство стало готовиться в дальнейший путь. Ибн Фадлан подробно рассказывает, как были куплены тюркские верблюды, подготавливались мешки из кож для переправы через реки, делались запасы продовольствия на три месяца, умножалось количество разнообразных одежд. После этого послы выступили из Джурджани и двинулись через страну тюрок по безлюдной пустыне. Они ехали десять дней и встречали бедствия, трудности, сильные морозы и непрерывные снежные метели.

Далее, переправляясь через реки Йаганды (река Чаган, вытекающая из южных отрогов Мугоджарских гор и текущая прямо у подножия Северного Чинка), Джам (Эмба), Джыхыз (Сагыз), Узил (Уил) и другие реки этого района, они прибыли к печенегам на озере Челкар, которое напомнило Ибн Фадлану настоящее море.

Его воображение поразила река Джайх (Урал), он характеризует ее как самую большую реку, "какую мы только видели", и с самым сильным течением, через которую переправились с большим трудом.

На протяжении следующих многих дней пути Ибн Фадлан перечисляет реки — Чаган, Моча, Самара, Кинель, Сок, Кондурча, — преодолев которые, посольство попало в страну народа из числа тюрок, называемого башкиры. Здесь А. П. Ковалевский подробно анализирует этнографические свидетельства Ибн Фадлана, которые, как он пишет, "дают возможность сделать некоторые предположения о племенном составе башкир в то время" [30, с. 26—27].

"И мы уехали из страны этих [людей], — говорит Ибн Фадлан, — и переправились через реки Джерамсан [Большой Черемшан], Уран [Урень], Урам [Урым, Урем], Байнах [Майна], Ватыг [Утка], Нийасна [Неясловка], Джавпыз [вероятно, речка Гаушерма бывшего Чистопольского уезда]". Здесь, между реками Ватыг и Неясловка их встретили послы царя булгар, которые принесли хлеб, мясо, просо. Затем

навстречу им выехал царь: он сошел с лошади и пал ниц, поклоняясь с благодарением Аллаху.

Так двенадцатого мухаррама триста десятого года (12 мая 922 года), через 70 дней пути после выхода из Джурджании посольство достигло цели своего путешествия. Ибн Фадлан пробыл в стране болгар до начала осени, т. е. до того времени, когда, по его словам, ночи удлинились, а дни сократились [30, с. 133]. Он многое увидел здесь и оставил подробный рассказ о природе этих мест, людях, их облике, обычаях, отношениях, быте.

Здесь же, в стране болгар, он видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились у реки Атыл [30, с. 141]. Этот народ привлек внимание Ибн Фадлана, и он рассказывает о нем даже более подробно, чем о болгарях. "Я не видел [людей], — говорит он, — с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, белокуры, красны лицом, белы телом" [30, с. 141]. Ибн Фадлан видел и подробно описал обряд похорон руса. А. П. Ковалевский придавал этому описанию большое значение. Он сопровождал его подробным комментарием, текст — репродукцией известной картины Г. Семирадского "Похороны руса". Пересказ этого описания на страницах нашего очерка едва ли целесообразен. Поэтому мы приглашаем читателя самому прочесть его в переводе А. П. Ковалевского, а более любознательных — присоединить к этому чтению еще и обширный его комментарий [30, с. 235—267, № 675—897].

Этим описанием заканчивается книга Ибн Фадлана. После описания русов он приводит небольшие по объему сообщения о хазарах. Но сам Ибн Фадлан, как полагает А. П. Ковалевский, в стране хазар не был и передал здесь чужие рассказы [30, с. 267, пр. 896, 898].

Прибавим к сказанному, что издание 1956 года дополнено вариантами и примечаниями к отдельным листам из книги Ибн Фадлана, основанными на текстах персидских авторов Наджиба Хамадани (XII в.) и Амина Рази (XVI в.), а также снабжено указателями и замечаниями к репродукции картины Г. Семирадского, фотокопией текста книги Ибн Фадлана.

* * *

В результате работы, проделанной А. П. Ковалевским, стало возможным более широко привлечь текст Ибн Фадлана как источник для изучения истории и этнографии болгар, чувашей, башкир, русов, отдельных народов Средней Азии. Одним из доказательств большого значения текста в этом отношении является, в частности, исследование А. П. Ковалевского о чувашах и болгарях, выполненное на базе текста Ибн Фадлана [24]. Работа была издана в Чувашии и получила высокую оценку ученых и общественности этой республики [3]. "Ценность открытия профессора А. П. Ковалевского, — говорится в редакцион-

ном вступлении к его книге, — не подлежит сомнению (речь идет о данных, связанных с происхождением названия чувашей. — С. А.). Настоящая работа профессора А. П. Ковалевского, тщательно и добросовестно выполненная, представляет значительный интерес и заслуживает серьезного внимания. Кроме основного вопроса о племени суваз и его вероятной связи с чувашским народом, автор останавливается на многих других исторических и лингвистических вопросах, касающихся Великой Булгарии и племен Среднего Поволжья в десятом веке. Хотя эти вопросы еще требуют дальнейшего изучения, все же мы полагаем, что работа А. П. Ковалевского содержит большой и интересный материал и для историка, и для этнографа, и для лингвиста" [24, с. 5].

Параллельно с работой над текстом Ибн Фадлана, и особенно с конца 50-х годов, А. П. Ковалевский работал над текстом Ал-Мас'уди. Этому арабскому писателю он придавал большое значение. "Мас'уди, — писал он, — один из выдающихся ученых X века, — острый критический ум, и хотя он стремился развлекать читателя, он все же оставил серьезные требования, которые можно назвать научными в полном смысле слова" [32, с. 180].

Эта работа А. П. Ковалевского осталась незавершенной. Он опубликовал только [28, с. 4—5] комментированный перевод раздела 66-го из сочинения Масуди "Промывальни золота и рудники драгоценного камня" [1, с. 364, 445—446]. Над этой книгой он работал до последних дней жизни. В частности, об этом свидетельствует его подпись и дата от руки — 15.X.69, — которая есть на подготовленной к печати статье "Аль-Масуди о славянских языческих храмах" [33, с. 611]. По-смертно, в 1973 году, эта статья, а также статья "Славяне и их соседи в первой половине X в. по данным Аль-Масуди", перевод части книги, озаглавленной "Сообщение о славянах, их поселениях, сведения об их царях и о расселении их племен", комментарии к переводу и замечания А. П. Ковалевского были опубликованы Институтом славяноведения АН СССР [33, с. 62—86].

Перевод текста Ал-Мас'уди, комментарии к нему, статьи являются еще одним примером плодотворности того метода источниковедческого исследования, которому А. П. Ковалевский следовал в своей работе. Источник не был для него только текстом. За этим текстом всегда в поле зрения был его автор. "Первая задача исследователя того или иного источника, — писал А. П. Ковалевский в 1939 году, — это исходить из него самого, т. е. прежде всего выяснить, что хотел сообщить сам автор, какой смысл он вкладывал в то или иное выражение, в то или иное определение слова. Он мог не разобраться в том, что он видел, мог ошибочно передать чужое слово, мог, наконец, сознательно что-либо исказить или придумать свое, но нам прежде

всего необходимо выяснить, что, собственно, он сам говорит. Соображения, идущие из текста, данные, добытые другими путями, могут иногда даже запутать дело. Вводя эти данные в первоначальную текстуальную критику исторического источника, мы лишаем его самостоятельности, мы во многих случаях заставляем его говорить не то, что он сам мог бы сказать, но то, что нам уже «известно» по другим данным; мы признаем его достоверность там, где он подтверждает то, что нам уже «известно», т. е. в конечном счете поддерживаем наше предвзятое мнение. Первоначальные примеры такого рода использования исторических источников, особенно как раз арабских, можно найти во многих сочинениях и старых, и новых авторов" [27, с. 32; 30, с. 105—106].

Эти слова, как и замечание А. П. Ковалевского о том, что в тексте источника "часто мелочь, случайная и маловразумительная фраза, кажущееся невероятным или пелешым сообщение при известном подходе, в процессе дальнейшего развития науки вдруг приобретает глубокий смысл" [27, с. 32—33], призывают исследователя (и не только арабских средневековых текстов) к бережному отношению к тексту, показывают, какие возможности могут таиться в источниках, даже в тех, возможности которых, казалось бы, уже полностью исчерпаны исследователями. Этому А. П. Ковалевский учил студентов, учеников, сотрудников.

* * *

Последними работами А. П. Ковалевского, венчающими его путь ученого, были "Антология литератур Востока" [1] и участие в сборнике библиографических работ, посвященном П. Г. Риттеру [35]. В этих изданиях есть материалы, которые имеют значение и для биографии А. П. Ковалевского, для изучения его творческого пути. Эти работы еще раз показывают, что своей жизнью и творчеством он заслужил право на внимание тех, кому не чужда история и культура народов Востока. Выразим же надежду на то, что эта жизнь и творчество будут привлекать внимание исследователей и историков науки.

Литература

1. Антологія літератур Сходу... / Упорядкування, вступна стаття та примітки доктора історичних наук, професора А. Ковалівського. Харків, 1961.
2. Арабско-русский словарь / Сост. Х. К. Баранов. 3-е изд. М., 1962.
3. Данилов Н. Книга о чувашах и булгарах тысячу лет назад // Молодой коммунист. Чебоксары, 19.Х.1954. С. 2—3. [На чувашском языке].
4. Заслужений діяч науки УРСР, професор, доктор історичних наук Андрій Петрович Ковалівський. Бібліографія // Бібліографію склали Х. С. Надель та Р. А. Ставінська. Харків, 1966. С. 25—33.
5. Книга тысячи и одной ночи, перевод М. А. Салье [Рецензия] // Східний світ. 1930. № 3.

6. Коваліський А. П. Хто такий був Г. Сковорода // Знання. 1928. № 2.
7. Коваліський А. П. Легенда про Сковороду у французькому словнику // Червоний шлях. 1923. № 1.
8. Коваліський А. П., А. Ю. Кримський. Пальмове гілля... [Рецензія] // Книга. 1923. № 2 С. 46—47.
9. Коваліський А. П. Питання економічно-соціальної методи в літературі // Червоний шлях. 1923.
10. Коваліський А. П. Питання економічно-соціальної формули в історії літератури // Червоний шлях. 1923. № 3.
11. Коваліський А. П. Виробничі культу в давній Україні... // Науковий збірник Харківської науково-дослідної кафедри Історії Української культури. Ч. 2—3. 1926. С. 141—176.
12. Коваліський А. П. Картографічний метод в етнології, (13, ч. 7, 1927, стр. 53—62).
13. Коваліський А. П. Чайки й "чайкісти" на середньому Дунаї // Ювілейний збірник на пошану академіка Дмитра Івановича Багалія... Харків, 1927.
14. Коваліський А. П. Підземні сховища зерна у мариупільських греків // Східний світ. 1928. № 6. С. 261—264.
15. Коваліський А. П. Старі україно-турецькі засоби водного транспорту // II Український сходознавчий з'їзд: Тези доповідей. Харків, 1929. С. 57 (стенограф).
16. Коваліський А. П. Береги й перегони... // Науковий збірник Харківської науково-дослідної кафедри Історії української культури. Т. 9. 1930. С. 79—106.
17. Коваліський А. П. З історії тюрко-українських відносин... // Червоний шлях. 1930. № 2.
18. Коваліський А. П. Східні письменники в перекладах на українську мову // С. Айни. Повість про бідного таджика Адіне. Харків, 1931.
19. Ковалевський А. П. Описание восточных рукописей Центральной научной библиотеки Харьковского Государственного университета // Библиография Востока. Вып. 7. 1934.
20. Ковалевський А. П. Политика народного образования в современном Египте... // Записки Инст. востоковедения АН СССР. Т. 5. 1936.
21. Ковалевський А. П. Биография Авяцены, составленная Ал-Джуджани... // Вторая сессия Ассоциации арабистов. М.; Л., 1937.
22. Ковалевський А. П. Новооткрытый текст путешествия Ибн-Фадлана на Волгу // Вторая сессия Ассоциации арабистов: Тезисы и содержание докладов, М.; Л., 1937. С. 27—28.
23. Ковалевський А. П. Работа над источниками по истории Восточной Европы и Кавказа Академии наук СССР // Историк-марксист. 1931. № 1. С. 197—198.
24. Ковалевський А. П. Новооткрытый текст Ибн-Фадлана... // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 57—71.
25. Ковалевський А. П. Извлечения из "Записок" Ибн-Фадлана по Мешхедской рукописи... // Материалы по истории туркмен и Туркмени. Т. 1. М.; Л., 1939. С. 155—164.
26. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Под ред. акад. И. Ю. Крачковского. М.; Л., 1939.
27. Коваліський А. П. Арабські джерела до історії народів СРСР і слов'янства // Наукова хроніка Харківського Державного університету: Збірник анотацій. № 1 (4). 1946.
28. Ковалевський А. П. Чуваши и булгары по данным Ахмада ибн-Фадлана. Чебоксары, 1954.
29. Ковалевський А. П. Книга Ахмада ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг.: Статьи, переводы, комментарии. Харьков, 1956.
30. Ковалевський А. П. Изучение сочинения Ахмада ибн-Фадлана по Мешхедской рукописи, 7. С. 105.
31. Коваліський А. П. Абу-л-Хасан 'Алі ал-Мас'уді як учений // Учені записки (Харківського університету). Т. 78. Труды Іст. фак. Т. 5. 1957.
32. Королюк В. Д. Андрей Петрович Ковалевський // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973.
33. Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Ч. 1. М.; Л., 1955.
34. Професор П. Г. Ріттер (1872—1939): Збірник біографічних та бібліографічних матеріалів // Відповідальний редактор заслужений діяч науки УРСР, доктор історичних наук, професор А. П. Коваліський. Харків, 1966.

М. А. Салахетдинова

ПУТЕШЕСТВИЕ ИБН ФАДЛАНА И ОДИН МУСУЛЬМАНСКИЙ ОБРЯД У ВОЛЖСКИХ БУЛГАР

Книга Ахмада Ибн Фадлана, главного участника посольства багдадского халифа Муктадира (908—932) в страну волжских булгар, имеет важное значение для изучения истории, истории культуры многих народов нашей страны, их обычаев и обрядов.

В настоящем сообщении мы рассмотрим один из мусульманских обрядов у волжских булгар, впервые упомянутый у Ибн Фадлана в следующем рассказе.

В день прибытия послов от арабского халифа Муктадира ко двору царя волжских булгар, 12 мая 922 года, Ибн Фадлан вошел в свою юрту вместе с портным булгарского царя. Портной был араб из Багдада, случайно оказавшийся в Булгарах. Ибн Фадлан и портной провели вечер в беседе и услышали азан (призыв на молитву). Ибн Фадлан спросил у муэдзина¹, какой азан он провозгласил. Тот ответил, что он провозгласил азан утренней молитвы. На вопрос Ибн Фадлана, почему же он, муэдзин, не провозгласил азан ожидаемой почной молитвы, тот объяснил, что-де в их стране такие короткие ночи, что котелок, поставленный на огонь при заходе солнца, не успевает закипеть до рассвета, поэтому они не успевают читать ночную молитву отдельно, а читают ее вместе с утренней молитвой, а до прибытия посольства, сказал муэдзин, "она (ночь) была еще более короткой" [2, с. 135].

Слова муэдзина о том, что до прибытия посольства, до 12 мая, ночи были более короткими, в свое время дали повод немецкому востоковеду Й. Маркварту ставить под сомнение правильность даты прибытия посольства в страну волжских булгар [6, с. 280]. Как правильно отметил А. П. Ковалевский, слова муэдзина являются лишь оправданием перед Ибн Фадланом, "приезжим ревизором", а последний, не будучи

---

¹ Муэдзин — духовное лицо у мусульман, главной обязанностью которого является провозглашение призыва к молитве с минарета (башни) мечети.

астрономом "и в дальнейшем не мог точно учесть, когда именно были самые короткие ночи" [2, с. 204].

Каждый мусульманин, согласно шариау (мусульманскому религиозному закону), должен исполнять ежедневно пятикратную ритуальную молитву. Время каждой из этих молитв определялось по солнцу: первая, утренняя, молитва читается на рассвете до восхода солнца, вторая, полуденная, молитва отправляется, когда солнце в зените, третья, предвечерняя, молитва читается незадолго до заката солнца, четвертая — после заката солнца до исчезновения вечерней зари, пятая, ночная, молитва совершается после заката солнца, с наступлением темноты. В сочинениях по мусульманскому законоведению (фикху)² точно определяется отрезок времени, в течение которого должна совершаться каждая из пяти молитв, и это узаконенное время считалось основным условием отправления ритуальных молитв.

В Аравии, на родине ислама, где в зависимости от времени года разница в продолжительности дня и ночи незначительна, определение времени ритуальных молитв по солнцу было весьма удобным. Однако когда ислам распространился в стране волжских булгар (расположенной в северных широтах, намного более высоких, чем Аравия), где в зависимости от времени года разница в продолжительности дня и ночи сильно колеблется, определение времени ритуальных молитв по солнцу вызвало ряд затруднений. В большей степени это относилось к пятой, ночной, молитве (которая должна совершаться после заката солнца, с наступлением темноты), ибо в этой стране в короткие летние ночи (вторая половина июня—первая половина июля) всю ночь на горизонте сохраняется заря, вечерняя заря сливается с утренней, не наступает полной темноты, следовательно, не было основного условия для отправления ночной молитвы.

Во время прибытия посольства в страну волжских булгар (12 мая) хотя и было вполне достаточно времени для отправления ночной молитвы, эта молитва отдельно не читалась, а читалась вместе с утренней молитвой. Иными словами, перед нами невыполнение предписаний, имеющих в сочинениях по мусульманскому праву, согласно которому соединение двух ритуальных молитв не допускается, исключение делается лишь для паломников в священные города Мекку и Медину. Не исключена возможность, что в летние короткие ночи ночная молитва уже в то время пропускалась вовсе.

В источниках имеются сведения о том, что спустя примерно сто лет после Ибн Фадлана появилась фетва (решение по юридическому вопросу) о пропуске ночной молитвы в стране волжских булгар в лет-

---

² Сочинения по мусульманскому законоведению, как правило, содержат главы о религиозных обязанностях мусульман, одной из которых является молитва.

ние короткие ночи. Сведения об этой фетве обнаружил известный татарский историк Шихаб ад-дин Марджани (1818—1889) и подробно остановился на них в своем историческом сочинении [3]. Он сообщает: "Наджм ад-дин Захиди в комментарии к «Мухтасар ал-Кудури» рассказывает со слов своего учителя Фахр ад-дина Бади ибн ал-Мансур ал-Казини³ следующее: «До нас дошло [известие] о том, что жители Булгара спросили решение по поводу ночной молитвы у шейха Сайф ас-сунна ал-Баккали. Они заявили: «В нашей стране летом в длинные дни не гаснет вечерняя заря, не наступает время для ночной молитвы. Обязательна ли для нас ночная молитва при таком положении?» Тот [Баккали] дал фетву: «Раз не наступает время, то для вас отпадает [необходимость отправлять] ночную молитву». Это известие дошло до Шамс ал-имма ал-Халвайи, [живущего] в Бухаре. Тот, считая совершенно невозможным, чтобы [Баккали] дал такую фетву, послал одного из своих учеников в Хорезм. Он велел [ученику], чтобы тот спросил об упомянутой фетве Баккали перед всеми [жителями] Хорезма, великими и малыми, и показал бы ошибку [Баккали, сказав]: «Не является ли неверным тот, кто отрицает одну из пяти молитв, то есть тот, кто считает [ее] необязательной?» Ученик его [Халвайи] отправился [в Хорезм] и спросил об этом у Баккали. Шейх Баккали, узнав о намерении ученика, спросил: «Сколько условий для тахарата?»⁴ Ученик ответил: «Четыре». Баккали сказал: «Если у кого либо отрезаны обе руки выше локтя, сколько для того необходимых условий для тахарата?» Ученик ответил: «В таком случае три». Баккали сказал: «Также обстоит дело и в вопросе об этой [ночной] молитве». Когда ученик Халвайи рассказал последнему об этом ответе Баккали, [Халвайи] весьма одобрил [его] и счел удачным" [3, с. 67—72].

Текст, аналогичный цитированному, найден нами в двух персидских рукописях Института востоковедения РАН, представляющих собой сборник юридических вопросов и ответов [1, № 3123, 3935]. Первый сборник, ввиду дефектности, не содержит указания ни на составителя, ни на дату составления и переписки, однако, судя по бумаге и почерку, по-видимому, переписан во второй половине XVII века. Второй сборник составлен Мир Хабибуллою ибн Кази Джалал ал-Хусейни (даты жизни автора и составления сборника неизвестны). Рукопись переписана в месяце рамазан 1176 (март—апрель 1763 г.). Сведения, имеющиеся в этом сборнике (на листе 30а) о пропуске ночной молитвы в стране волжских булгар, важны еще тем, что здесь автор

³ По ошибке написано ал-Казини вместо ал-Газини.

⁴ Тахарат — ритуальное омовение, которое мусульманин совершает перед отправлением молитв: 1) обмыть лицо, 2) руки до локтей, 3) провести смоченной правой рукой по голове, 4) обмыть ноги.

указал источники, из которых он почерпнул эти сведения, а именно: комментарии различных авторов к известному сочинению по мусульманскому законоведению "Викайя ар-ривайа фи масаил ал-хидайа" Мухаммеда ибн Ахмада ал-Махбуби Тадж аш-шариа (был жив около 700/1300 г.) [5, № 3105].

Марджани не верил в правдивость рассказа Наджм ад-дина Захиди об упомянутой выше фетве. Он считал, что такое важное решение, как пропуск одной из пяти молитв, обязательных для каждого мусульманина, должно было бы быть вынесено лишь на основании 4 "корней" мусульманского законоведения: 1) корана, 2) сунны (предписание пророка Мухаммеда, содержащееся в его словах, сохранившихся в преданиях — хадисах), 3) иджмы (установленное практикой согласие верующих), 4) кияса (решение по аналогии, даваемое в тех случаях, когда по какому-либо вопросу нет указания в коране и сунне). Сравнение, которым пользовался Баккали, чтобы обосновать пропуск ночной молитвы, Марджани считает неудачным, неправильным, а самого Баккали — не заслуживающим внимания от того, что о нем нет упоминания ни в исторических трудах, ни в сочинениях, посвященных биографиям законоведов. Марджани рассказывает, что авторы, писавшие после Наджм ад-дина Захиди, отождествляли этого Баккали с известным автором VI/XII века Абу-л-Фазлом Мухаммедом ибн Абу-л-Касим ал-Баккали, имевшим почетное прозвание Зайн ал-Машаих (ум. 566/1170-71 или 586/1190), автором сочинений по мусульманскому законоведению и теологии. Марджани показывает, какой анахронизм получается при таком отождествлении, когда Баккали, живший в XII веке, оказывается современником лица, жившего в XI веке, будет ли речь идти о Шамс ал-имма Абу-Мухаммеде ибн Ахмад (ум. 488-89/1056-58) или его ученике Шамс ал-имма Абу-Бекре Мухаммеде ибн Абу-Сахл ал-Сарахси (ум. 483-484/1090-92) [3, с. 68—72], авторе большого труда по мусульманскому законоведению [5, № 3032].

Поскольку при пророке Мухаммеде не был решен вопрос о числе ритуальных молитв, то первые два "корня" мусульманского законоведения (коран и сунна) вообще не имеют решающего значения при издании фетвы о пропуске одной из пяти молитв. При обосновании своей фетвы Баккали пользовался аналогией (кияс), и общим моментом для его сравнения служит отсутствие условия. Что же касается возражения Марджани против личности Баккали, то следует сказать следующее. В стране волжских булгар еще при Ибн Фадлане нарушалось одно из условий отправления ритуальных молитв (соединялись две молитвы). Возможно, тогда же или чуть позже в короткие летние ночи ночная молитва пропусклась вовсе, и в таком случае вполне допустимо, чтобы один век спустя после Ибн Фадлана оставалось лишь узаконить фетвой уже существующую практику. При таком по-

ложении легко можно было добиться согласия мусульман и всех духовных лиц, обладающих правом издавать фетву, иными словами, решить вопрос, опираясь на четвертый "корень" мусульманского законоведения. При этом автором такой фетвы необязательно должен был быть человек, писавший сочинения по мусульманскому законоведению и тем самым прославившийся в исторических трудах или в произведениях, посвященных биографиям законоведов. Отождествление этого лица с известным автором XII века Абу-л-Фазлом Баккали сделано, по-видимому, для того, чтобы придать самой фетве важное значение. В истории нередки случаи, когда неизвестное лицо отождествляется с известным, прославленным лицом.

О близкой по содержанию фетве имеется указание в известном географическом сочинении начала XIII века "Джахан-наме" Мухаммеда ибн Наджиб Баكرана. Здесь рассказывается о фетве по поводу пропуска молитвы тарaih (обязательно читаемой ежедневно после ночной молитвы в месяце рамазан) в следующих выражениях: "Если пройти близко к северным пределам от [города] Булгар, то там имеется город, который называют Сувар⁵, я видел его неясно. Там ночи такие [короткие], что человек [за ночь] проходит [лишь] один фарсах. Я слышал, что в те годы из северных пределов в Хорасан принесли фетву [следующего содержания]: «Мы — народ, до которого дошел ислам, мы [его] приняли». В тот год рамазан приходился летом. Они сообщили: «Мы не можем отправлять молитву тарaih по той причине, что прежде, чем закончить молитву тарaih, наступает утро, начинается день»" [4, с. 58]. В данном рассказе нет даже указания на то, кем вынесена эта фетва, но, несмотря на это, у нас нет основания сомневаться в подлинности этого рассказа.

Данная фетва, как и вышеупомянутая фетва о пропуске ночной молитвы в короткие летние ночи, а также зафиксированное Ибн Фадланом чтение ночной молитвы вместе с утренней у волжских булгар исходят из одного момента: отсутствия узаконенного времени (наступления темноты) — основного условия для отправления ночной молитвы.

Татары Поволжья, являющиеся в основном потомками волжских булгар, унаследовали от последних мусульманский обряд — пропуск ночной молитвы в короткие летние ночи. Свою практику они подкрепляли ссылкой на вышеупомянутую фетву Баккали. На протяжении веков эта фетва привлекала все большее число сторонников. Количество сторонников ее сильно возросло в 70-х годах XVIII века. Ишнияз ибн Ширнияз, выходец из Хорезма, проявил большое старание, чтобы убедить мусульман Поволжья, в особенности простой народ,

---

⁵ Согласно археологическим разысканиям Сувар находится к югу от г. Булгар.

в правильности с точки зрения шариата пропуска ночной молитвы в короткие летние ночи. В такие ночи, собрав народ, он поднимался с ним на гору и показывал, как горизонт не погружается во мрак, и убеждал в том, что нет основного, необходимого условия для совершения ночной молитвы [3, с. 70].

Это обстоятельство вызвало возмущение у сторонников ортодоксального ислама. Они видели в этом покушение на один из столпов шариата и вели борьбу против установившейся практики. Эта борьба усилилась в XIX веке, особую ревность проявляли Абу-Наср Курсави и Шихаб ад-дин Марджани. Последний рассмотрел этот вопрос не только в своем историческом труде [3], но и посвятил данной теме специальное сочинение под названием "Назират ал-хакк" ("Далеко видящее око истины").

Лишь во второй половине XIX века был окончательно отменен мусульманский обряд (отправление четырехкратной молитвы вместо пятикратной), существовавший в течение ряда столетий у татар Поволжья и перешедший к ним от болгар, а у последних этот обряд установился, по-видимому, вскоре после посещения их страны Ибн Фадланом.

Литература

1. Акимущкин О. Ф., Кушев В. В., Миклухо-Маклай Н. Д., Мугинов А. М., Салахетдинова М. А. Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР (краткий алфавитный каталог). Ч. 1. М., 1964.
2. Ковалевский А. П. Книга Ахмада Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг.: Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956.
3. Марджани Шихаб ад-дин. Мустафад ал-ахбар фи ахвал Казан ва Булгар. Ч. 1. Казань, 1897.
4. Мухаммад ибн Наджиб Бакран. Джахан-наме [книга о мире] / Издание текста, введение, указатели Борщевского Ю. Е. М., 1960.
5. Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Т. 4. Ташкент, 1957.
6. Markwart J. Ein arabischer Bericht über die arktischen (uralischen) Länder aus dem 10 Jahrhundert. Ungarische Jahrbücher. Berlin, Leipzig, 1924. B. 4.

Арт. Д. Миклухо-Маклай

**НОВЫЕ ДАННЫЕ
О НИКОЛАЕ НИКОЛАЕВИЧЕ МИКЛУХО-МАКЛАЕ
И ЕГО РОДНЫХ**

(Доложено на заседании Восточной комиссии Географического общества СССР 10 октября 1979 г.)

За последние годы в периодических изданиях, отдельных сборниках и газетах появилось много статей об известном русском путешественнике Николае Николаевиче Миклухо-Маклае и его родных. В этих публикациях, посвященных главным образом научно-исследовательской и общественно-политической деятельности путешественника, почти совсем не рассматриваются его взаимоотношения с семьей, т. е. взаимоотношения с матерью Екатериной Семеновной Миклуха (урожденной Беккер), братьями — Сергеем Николаевичем, Владимиром Николаевичем, Михаилом Николаевичем и сестрой Ольгой Николаевной Миклухо-Маклай. Также слабо освещены и вопросы генеалогии Н. Н. Миклухо-Маклая, а следовательно, и всего рода Миклухо-Маклаев.

Не претендуя на исчерпывающее освещение темы, мы попытаемся кратко изложить основные вехи жизни путешественника и дать представление о характере его взаимоотношений с родными, лишь весьма кратко останавливаясь на путешествиях Николая Николаевича по Новой Гвинее, полуострову Малакка и др., так как они освещены в ряде специальных научных работ [1—2, 4—7, 11, 13—15, 17 и др.].

В основу статьи легли следующие материалы:

1. Семейные фотографии рода Миклухо-Маклаев.
2. Документы, хранящиеся в Архиве АН СССР в Ленинграде (фонд 143).
3. Блокадные дневники Дмитрия Сергеевича Миклухо-Маклая — племянника путешественника (хранятся в семье Арт. Д. Миклухо-Маклая).

4. Биографии Н. Н. Миклухо-Маклая, опубликованные в разные годы Д. Н. Ануциным [1], А. А. Минаковым [13], Я. Я. Рогинским [15], Н. А. Бутиновым [2] и др.

5. Собрание сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая, т. 4 и др.

6. Полная библиография о Н. Н. Миклухо-Маклае, предоставленная в мое распоряжение действительным членом Географического общества СССР, ученым секретарем Восточной комиссии Б. А. Вальской, которой выражаю искреннюю благодарность.

7. Детские и юношеские воспоминания автора данной статьи.

Как известно, Н. Н. Миклухо-Маклай родился 5 (17) июля 1846 г. в селе Рождественском (Языково) бывшей Новгородской губернии в семье инженер-капитана Николая Ильича Миклуха, строившего тверской участок Николаевской (ныне Октябрьской) железной дороги. В 1848—1849 гг. Н. И. Миклуха был начальником СПб. пассажирской станции (ныне Московский вокзал) (фото 1, 2). В 1857 г., 40 лет от роду, Николай Ильич скончался от туберкулеза легких, оставив на руках жены Екатерины Семеновны большую семью — пятерых детей: Сергея, Николая, Ольгу, Владимира и Михаила. Будущему путешественнику в эту пору было одиннадцать лет, а младшему — Миха-

Фото 1. Николай Ильич Миклуха — отец путешественника (публикуется впервые)

илу — всего один год. Семья Миклух оказалась в тяжелом материальном положении.

Осенью 1858 г. будущий путешественник и его старший брат Сергей поступают в третий класс петербургской школы при кирхе Св. Анны (Анненшпуле), где преподавание велось на немецком языке; но уже на следующий год они переходят в четвертый класс 2-й СПб. гимназии. Причина перехода — чрезмерно высокая плата за учение в Анненшпуле.

15 июля 1863 г. при переходе из шестого в седьмой класс Николай Миклуха исключается из гимназии якобы за неуспеваемость. Согласно дневнику Д. С. Миклухо-Маклая (племянника Николая

Николаевича), Николай не получил переходного балла, так как неправильно склонял по латыни слово "gaia" (лягушка).

Осенью 1863 г. Николай Миклуха поступает вольнослушателем на отделение естественных наук физико-математического факультета Петербургского университета, но уже 15 февраля 1864 г. исключается из вольнослушателей "за нарушение правил, установленных для этих лиц" (согласно переписке инспектора Университета с СПб. обер-полицмейстером), исключается без права поступления в другие университеты Российской империи [12, с. 427].

Осенью 1864 г. Николай Николаевич для получения

образования выезжает за границу; слушает лекции по философии, химии, медицине и другим наукам в Гейдельбергском и Лейпцигском университетах, а затем в Йенском университете, где занимается исключительно естественными науками — зоологией, палеонтологией, сравнительной анатомией. После окончания летнего семестра 1866 г. он совершает поездку на Канарские острова с профессором Геккелем.

В 1868 г. Николай Николаевич кончает Йенский университет (фото 3). Перед возвращением в Россию он посещает в качестве зоолога остров Сицилию и совершает небезопасное путешествие по берегам Красного моря в целях исследования низших морских животных, развивающихся в своеобразных физико-географических условиях бассейна. Здесь же впервые отчетливо проявился его глубокий интерес к человеку как объекту научного исследования — изучению особенностей его физиологии, быта и нравов в зависимости от окружающей естественно-исторической обстановки.

В первой половине 1869 г. Николай Николаевич возвращается в Россию, участвует во 2-м съезде общества естествоиспытателей и вра-

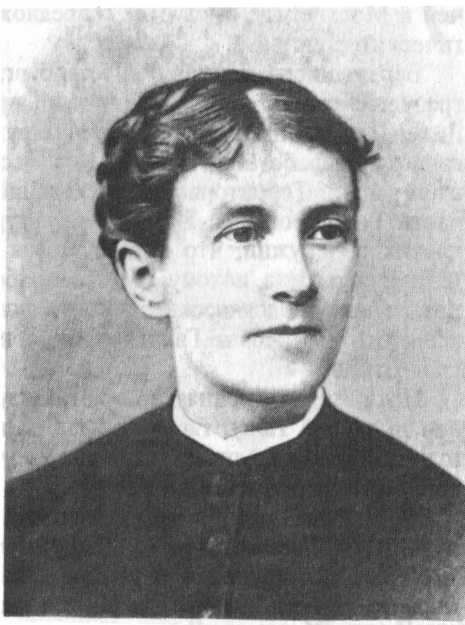

Фото 2. Екатерина Семеновна Миклуха (Беккер) — мать путешественника (около 1870 г.)

чей в Москве, где выступает с предложением организации сети зоологических станций.

Вернувшись в сентябре в Петербург, он представляет Русскому Географическому обществу (РГО) свою программу изучения живых организмов в зависимости от условий окружающей среды. Наряду с зоологическими работами проектирует исследования по антропологии и этнографии. Территорией исследований были избраны острова южной части Тихого океана. Изучая литературу по Океании, Николай Николаевич обнаружил, что остров Новая Гвинея является, по существу, *terra incognita*, а потому здесь в наиболее чистом виде могли сохраниться антропологические и этнические черты населяющих его папуасов; поэтому Новая Гвинея и была избрана основным объектом исследований.

Пока представленная программа изучалась РГО, Николай Николаевич выехал в Йену, где наблюдал за публикацией своих работ и общался с рядом крупных европейских ученых, консультируясь у них по вопросам антропологии и этнографии.

Программа работ была утверждена; Николай Николаевич, вернувшись в Россию, получил денежную субсидию от РГО в размере 1200 руб. (по другим источникам 1350 руб.) и 27 октября 1870 г. на корвете "Витязь" отбыл из Кронштадта. Так как маршрут "Витязя" пролегал через Атлантический океан, Магелланов пролив и по островам Тихого океана, Николаю Николаевичу удалось познакомиться с

природой и жителями островов Пасхи, Таити, Самоа, Новой Ирландии и др. 19 сентября 1871 г. корвет достиг северо-восточного побережья Новой Гвинеи — залив Астролябия, — где и высадил Николая Николаевича. Уже 27 сентября "Витязь" отплыл; Николай Николаевич с двумя слугами остался жить в хижине, построенной близ папуасской деревни Бангу. Постепенно, шаг за шагом преодолевая языковой барьер, Николай Николаевич изучал язык, нравы и антропологические особенности папуасов. Это первое пребывание на берегу

Фото 3. Николай Николаевич Миклухо-Маклай
(публикуется впервые)

залива Астролябия, длившееся пятнадцать месяцев, привело его к полному взаимопониманию и дружбе с папуасами.

Из-за распространившихся в России ложных слухов о смерти Николая Николаевича в залив Астролябия, на Берег Маклая, был послан клипер "Изумруд". Экипаж клипера нашел Миклухо-Маклая хотя и больным злокачественной тропической лихорадкой, но еще полным энергии, а главное, полным творческих планов.

В работах, посвященных Николаю Николаевичу, широко освещен период его исследований 1872—1877 гг. Три раза за это время он жил на острове Новая Гвинея, два раза изучал центральные районы полуострова Малакка (был первым европейцем, проникшим сюда) и ряд островов Западной Меланезии и Северной Микронезии. Необходимо отметить, что за этот период путешественник неоднократно пользовался гостеприимством Джемса Лоудона — генерал-губернатора Голландской Индии.

В ноябре 1877 г. на случайно зашедшей на Берег Маклая английской шхуне Николай Николаевич покидает Новую Гвинею и, прибыв в январе 1878 г. в Сингапур, тяжело заболевает (злокачественная лихорадка и диарея). Около полугода Николай Николаевич был прикован к постели — и, вняв наконец настоятельному совету врачей покинуть тропики, еще не совсем оправившись, уезжает в Сидней. Но уже в 1879—1880 гг. вновь совершает путешествие по островам Меланезии, южному берегу Новой Гвинеи, островам Торресова пролива и через Брисбен возвращается в Сидней.

В 1881 г. Николай Николаевич организует зоологическую станцию в Сиднее.

Воспользовавшись посещением русской эскадрой Сиднея, после двенадцатилетнего отсутствия, 8 сентября 1882 г. Миклухо-Маклай возвращается в Россию (фото 4).

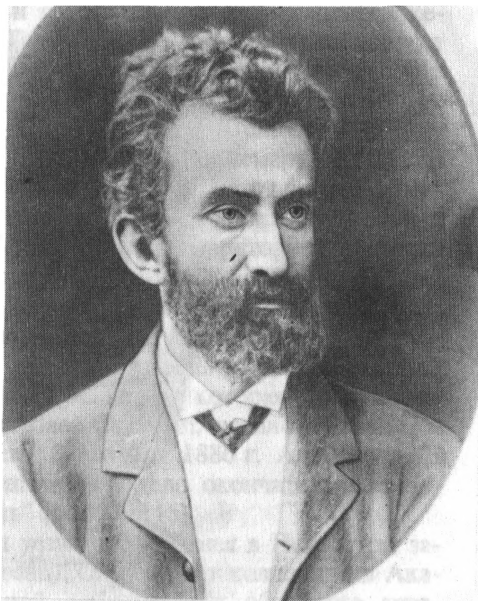

Фото 4. Николай Николаевич Миклухо-Маклай.
(Октябрь 1882 г. Петербург)

Фото 5. Маргарет Маклай (урожденная Робертсон) — жена путешественника (*публикуется впервые*)

Выступив в РГО с рядом докладов о своих путешествиях и утвердив планы издания трудов, одобренных советом РГО, в ноябре того же года Николай Николаевич вновь отправляется в Австралию. На рейде в Батавии увидел корвет "Скобелев", Николай Николаевич пересаживается на него и в третий раз посещает Берег Маклая, где встречается с некоторыми из своих друзей папуасов, еще уцелевших к этому времени¹. Он привез им домашний скот: две козы, бычка и корову. Это было шестое и последнее посещение путешественником Новой Гвинеи.

В июне 1883 г. он прибывает наконец в Сидней, где в феврале 1884 г. вступает в брак с Маргаритой Робертсон (*фото 5*).

Еще с 1874 г., наряду с научной деятельностью, Николай Николаевич начинает активно выступать в защиту прав папуасов и на протяжении всей дальнейшей жизни продолжает протестовать против жесточайшей эксплуатации, которой подвергается мирное население со

---

¹ На Новой Гвинее, и в частности на Берегу Маклая, уже успели похозяйничать колонизаторы.

стороны всех видов авантюристов и колонизаторов, наводнивших Океанию. На рубеже 1884—1885 гг. Германия окончательно аннексирует северо-восточную часть острова Новая Гвинея, в том числе и Берег Маклая, где еще в 1871 г. был поднят русский флаг. Захваченную территорию Германия именует "Земля императора Вильгельма", а группу островов, расположенных севернее, — "Архипелаг Бисмарка". Тщетны были попытки Николая Николаевича предотвратить этот захват, как и тщетны были его старания заинтересовать русское правительство в том, чтобы объявить свой протекторат над этой территорией или хотя бы поднять русский флаг над каким-нибудь из еще не захваченных островов западной части Тихого океана. Николай Николаевич стремился организовать здесь русскую вольную колонию [4, 5]. По распоряжению Александра III была создана комиссия под председательством министра иностранных дел Н. К. Гирса, которая, рассмотрев проект колонизации одного из островов Океании, предложенный Николаем Николаевичем, отвергла его. 9 декабря 1886 г. Александр III подписал решение комиссии: "Считать это дело окончательно оконченным, Миклухо-Маклаю отказать" [5; 6, с. 146].

В 1886 г. Николай Николаевич уезжает из Сиднея в Петербург, захватив с собою все коллекции (5 тонн). Он передает коллекции в Академию наук и, совершенно больной, приступает к обработке дневников, которые вынужден диктовать. Зима 1886/87 гг., проведенная в Петербурге, еще больше подорвала и так давно пошатнувшееся здоровье Николая Николаевича, в течение 12 лет (1871—1883 гг.) работавшего в тяжелых условиях тропиков.

В феврале 1887 г. Николай Николаевич, совсем больной, едет за семьей в Сидней, так как жить на два дома ему не по средствам. Пробыв в Сиднее всего девять дней и возвратившись в Петербург, он вновь приступает к обработке дневников, испытывая все время острую нужду в деньгах. "Я перебрался на квартиру, но живу на бивуаках — обедаю в *hotel'e*, в квартире почти нет мебели — все это из-за неимения денег на устройство..." — пишет он младшему брату Михаилу Николаевичу [12, с. 323]. В письме от 18 июля 1887 г. к старшему брату Сергею Николаевичу просит: "Пришли, пожалуйста, денег — у меня осталось только несколько рублей!" [12, с. 324]. 6 сентября 1887 г. он сообщает Михаилу Николаевичу: "Работать над книгой еще не начал, так как приходится писать статью для «Нового Времени», в редакции которого я взял перед первым числом 150 рублей, чтобы уплатить за квартиру, жалованье прислуге и т. д. Досадно, что приходится так бросать время... Попроси мать от меня, чтобы она напомнила Сергею о высылке мне денег, которые он обещал в сентябре... так как мой долг в *Hotel d'Angleterre* все еще не уплачен (100 уплатил, 76 р. еще остается)..." [12, с. 326]. Из письма Михаилу Николаевичу от 20 января 1888 г.:

"Брат Mick, по случаю нездоровья я не мог приготовить вовремя 2-ую половину статьи моей для «Нового Времени», почему я не могу получить за нее гонорар. Но я ее приготовлю сегодня к отправке в редакцию... Если можешь, пришли мне руб. 10. Я их тебе возвращу, как только получу из редакции, чем очень обяжешь брата. Здоровье положительно не лучше" [12, с. 333].

Старшему брату Сергею Николаевичу от 11 января 1888 г. Николай Николаевич пишет: "Прохворал весь прошлый год, нездоровье мое начинается казаться мне совершенно бесконечным..." [12, с. 332].

Здоровье Николая Николаевича ухудшалось с каждым днем. Врачи и жена убедили его наконец лечь в клинику Виллие, где 2 апреля (14-го по нов. стилю) 1888 г. он скончался на сорок втором году жизни от хронического воспаления почек.

При последних минутах его были — жена и младший брат Михаил Николаевич с женой Марией Васильевной. Жена Николая Николаевича после его смерти вместе с двумя маленькими сыновьями вернулась в Австралию.

Николай Николаевич умер почти всеми забытый. Необычайное мужество, высокая нравственность и энергия этого удивительного человека, который в продолжении многих лет, борясь с тяжелыми недугами, полученными в результате своих путешествий, продолжал творческую, научную и общественно-политическую деятельность, становятся особенно понятными при знакомстве с некоторыми правилами его жизни [19]:

1. *Помни, что каждый вечер мы делаемся беднее на один день.*
2. *Твои права оканчиваются там, где начинаются права другого.*
3. *Не делай другому того, что не желаешь, чтобы сделали тебе.*
4. *Не обещай — раз обещав, старайся исполнить.*
5. *Никогда не раскаивайся в том, что сделал, но если осознал, что сделал плохо, — не повторяй.*
6. *Не берись за дело, не будучи уверенным, что его выполнишь.*
7. *Раз начав работу, старайся ее кончить как можно лучше — не переделывай ее несколько раз. На следующей работе не повторяй ошибок первой.*
8. *Если не сделаешь, когда можешь, не сможешь сделать, когда и захочешь.*
9. *Людей следует ценить по тем целям, которые они перед собой ставят.*
10. *Все, куда человек стремится, является бесконечным.*
11. *"Tendo una palabra" — "Держу одно слово".*

Необходимо заметить, что выражение "Tendo una palabra" — "держу одно слово" являлось жизненным девизом не только Николая Ни-

колаевича, но девизом рода потомственных дворян Миклухо-Маклаев².

Как видно из эпистолярного наследия и других документов, Николай Николаевич на протяжении всей жизни остро нуждался в средствах, а последние годы находился в особенно стесненных обстоятельствах. Как же случилось, что ученый с мировой известностью, полный творческой энергии, мужества, принадлежавший по своему социальному положению к достаточно обеспеченной среде, оказался в столь затруднительном положении?

Экспедиции Николая Николаевича финансировались Географическим обществом, но средств этих было недостаточно. В 1874 г. Николай Николаевич получил от Географического общества 3000 руб. Но уже в 1876 г. в письме от 26 марта секретарю Географического общества Ф. Р. Остен-Сакену он пишет: "Сознание, что единственная цель моей жизни — польза и успех науки и благо человечества позволяет мне прямо обращаться за помощью к тем, которые, я думаю, разделяют мои убеждения" [12, с. 137]. В письме от 5 декабря 1876 г. в тот же адрес: "Не желая стеснять мать, я поручил кн. Мещерскому достать для меня из какого-нибудь другого источника средства для моих путешествий, каковой долг я всегда найду средства уплатить по возвращении моем в Россию" [12, с. 146].

Между тем деньги из России не приходили; не приходили они и от матери. Все коллекции Николая Николаевича находились в руках кредиторов-банкиров в обеспечение долгов. В письме из Сингапура от 28 января 1878 г. к П. П. Семенову Николай Николаевич пишет: "Не получая с 1874 г. денег из России и не желая из-за грошей прерывать цепи моих путешествий и исследований, я не обратил должного внимания, что мой долг в Батавии рос...". Но в этом же письме далее: "Я положительно не желаю и отказываюсь от вспомоществования или подарков"³ [12, с. 151—152].

В апреле 1878 г. Николай Николаевич получил от Географического общества 3577 долларов [12, с. 156].

К последующей деятельности Николая Николаевича Географическое общество стало относиться несколько критически. Так, вице-президент общества П. П. Семенов писал: "Его поездки с 1878 по 1882 гг. были обусловлены уже не чисто научными антропологическими — этнографическими целями, а желанием быть трибуном диких папуасов... по его мнению угнетаемых и стираемых с лица Земли... При таком изменении направления деятельности талантливого Маклая, пер-

---

² В дореволюционной России каждый потомственный дворянин должен был иметь родовой девиз.

³ Николай Николаевич имел в виду денежные подарки и вспомоществования от частных лиц.

Фото 6. Сергей Николаевич Миклухо-Маклай — брат путешественника (*публикуется впервые*)

воначальные, чисто научные цели отошли для него на второй план..." [16, с. 939]. В этом сказалось глубокое непонимание значения научного и общественно-политического подвига Николая Николаевича при его жизни.

Сложно складывались и отношения Николая Николаевича с родными. Он рано оторвался от семьи, так как вынужден был получать образование за границей. Двадцать три года из своей короткой жизни он провел за пределами России. Круг его интересов — его путешествия и научная деятельность, составившие смысл его жизни, — оказался достаточно чуждым семье.

Коснемся кратко жизни ближайших родных Николая Николаевича.

Как уже говорилось, отец Николая Николаевича рано умер и главой семьи осталась

мать Екатерина Семеновна, урожденная Беккер (1826—1905 гг.). В литературе бытует версия, что Екатерина Семеновна была полькой по происхождению [2, с. 480]. В действительности это не так; она была внучкой Иоганна Беккера, немца по национальности, сын которого, Семен Иоганнович (1785—1854 гг.), — отец Екатерины Семеновны — был женат на Луизе Флориановне Шатковской. В их многочисленном потомстве (7 человек), в котором было три сына, Екатерина Семеновна была четвертой по счету. Во время Отечественной войны 1812 г. Семен Иоганнович служил в русской армии подполковником в Низовском казачьем полку. Первый сын у него родился, когда русская армия отступала в лесах Полесья; так как не было ни пастора, ни ксендза, он был крещен полковым священником в православие, как потом и все остальные дети. После ранения Семен Иоганнович вышел в отставку и получил должность смотрителя в больнице чернорабочих в Москве.

В 1844 г. 17-летняя Екатерина Семеновна выходит замуж за Николая Ильича Миклуху; в 1857 г., как уже говорилось, она остается вдовой с пятью детьми на руках.

Несомненно, Екатерина Семеновна обладала сильным и энергичным характером. В 1873 г. она приобретает у разорившихся князей Щербатовых имение Малин⁴ — 1200 десятин пахотной земли и леса и поселяется в нем вместе со своим старшим сыном (фото 6) и его семьей. Дочь и младшие сыновья бывали здесь наездами (фото 7, 8).

Первоначально жили на старой усадьбе⁵. Автор отчетливо помнит остатки фундамента большого дома и других построек, погреб; вокруг старый сад (особенно запомнились "райские яблочки" и сливы), пруд.

Вскоре начинается строительство новой усадьбы. Она состояла из пятикомнатного кирпичного флигеля (ныне в нем размещается Музей истории г. Малина; фото 9); двухэтажного кирпичного дома, разрушенного в Великую Отечественную войну, развалины которого видны на фотографии (фото 10, 11), и ряда хозяйственных построек — каретного сарая и конюшен для выездных и рабочих лошадей, коровника, свинарника под одной крышей с сараем для дров, курятника на сваях с отделением для уток и гусей; здесь же находился большой двухэтажный погреб для хранения картофеля, овощей и фруктов, гумно с молотилкой и веялкой при нем, пекарня и так называемый "магазин" — двухэтажное здание на сваях для хранения зерна, круп, жмыха, сала и др. В центре двора располагался глубокий колодец, приводившийся в движение воротом. При новой усадьбе было два фруктовых сада, четыре пруда с рыбой, большие парники (теплицы).

Фото 7. Ольга Николаевна Миклухо-Маклай — сестра путешественника (публикуется впервые)

⁴ Местечко Малин в то время административно подчинялось уездному городу Радомышлю Киевской губернии (ныне Малин — небольшой город Житомирской области).

⁵ Старая усадьба сгорела во время одного из больших пожаров местечка Малин.

**Фото 8. Михаил Николаевич и Владимир Николаевич Миклухо-Маклай
(с женой) — братья путешественника (1883 г. Публикуется впервые)**

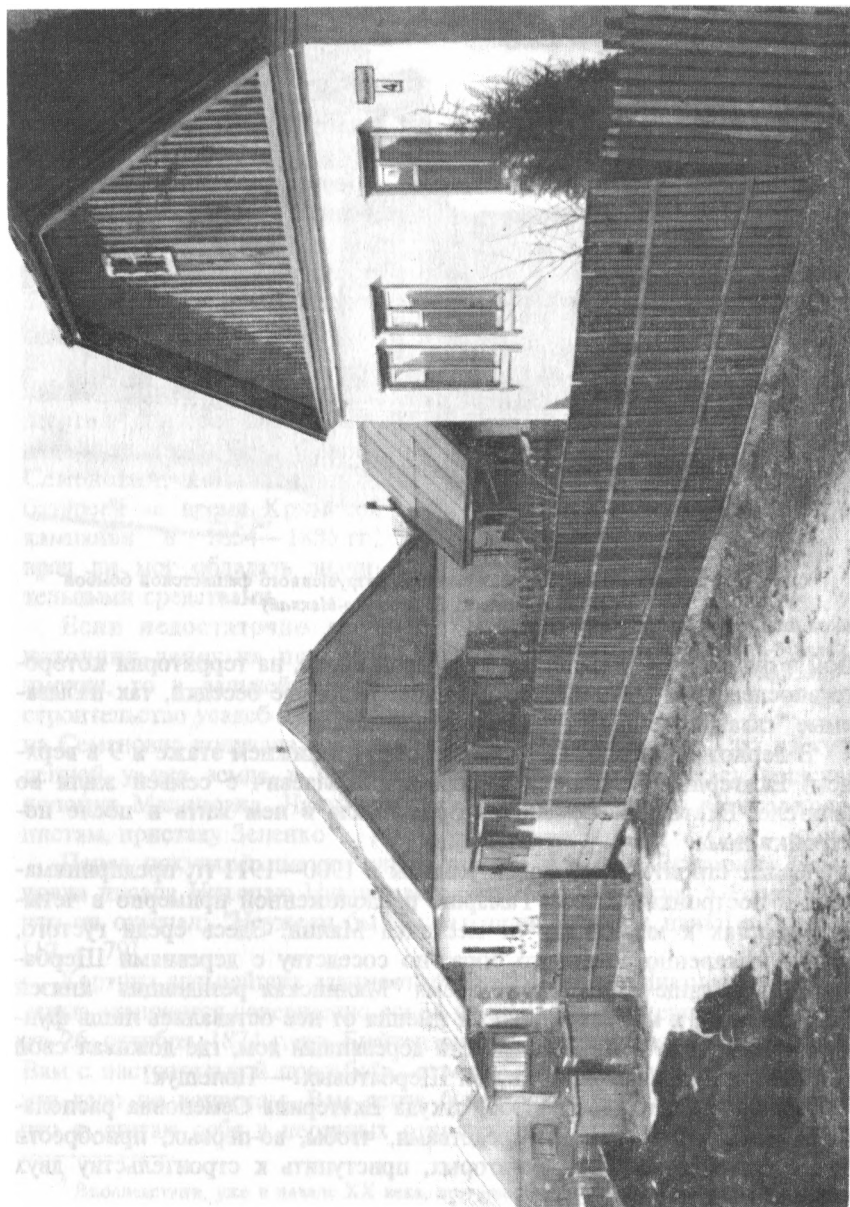

Фото 9. Дом-флагель (на б. Новой усадьбе, ныне на ул. Маклухо-Маклай), где размещен Музей истории г. Малина
(1976 г. Фото К. В. Мислухо-Маклай)

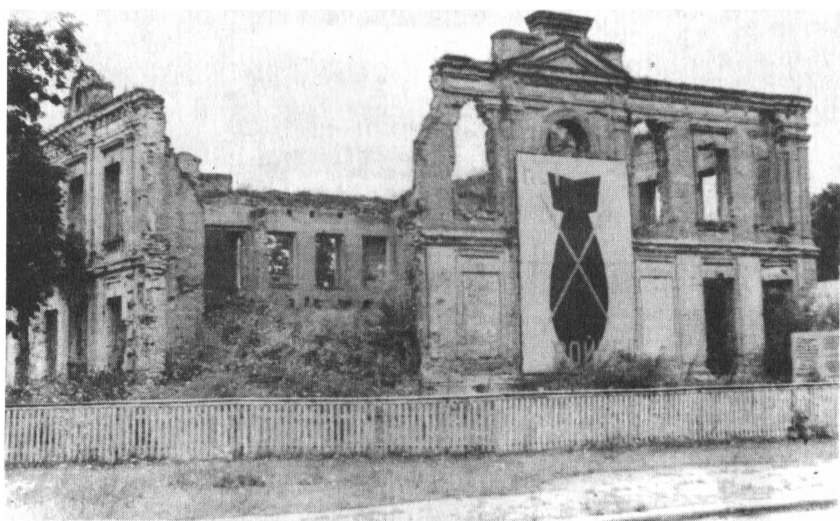

Фото 10. Развалины дома (б. Новая усадьба), разрушенного фашистской бомбой (1976 г. Фото К. В. Миклухо-Маклай)

Дом и флигель располагались в большом парке, на территории которого впоследствии были выстроены манеж, тир, две беседки, так называемые "гигантские шаги", крокетная площадка.

В период строительства дома (8 комнат в нижнем этаже и 9 в верхнем) Екатерина Семеновна и Сергей Николаевич с семьей жили во флигеле; Екатерина Семеновна продолжала в нем жить и после постройки дома.

Кроме строительства новой усадьбы в 1900—1911 гг. предпринимается и постройка усадьбы Гамарня, расположенной примерно в четырех верстах к юго-западу от местечка Малин. Здесь среди густого, преимущественно соснового бора, по соседству с деревнями Щербатовка и Селище была в свое время "Малинская резиденция" князей Щербатовых; к моменту продажи имения от нее оставались лишь фундамент барского дома и маленький деревянный дом, где доживал свой век бывший управляющий князей Щербатовых — Полешук.

Невольно возникает вопрос, откуда Екатерина Семеновна располагала столь значительными средствами, чтобы, во-первых, приобрести такое большое имение ⁶, во-вторых, приступить к строительству двух усадеб.

⁶ Стоимость имения в то время оценивалась в 30 000—40 000 руб.

По существующей версии Екатерина Семеновна получила деньги на приобретение и благоустройство имения от своих братьев (Николая, Сергея и Ивана). Однако мало вероятно, что братья могли снабдить Екатерину Семеновну столь крупными суммами, так как Николай и Иван, как следует из некоторых материалов, участвовали в польском восстании, были разжалованы в солдаты и сосланы на Кавказ, а следовательно, их имущество должно было быть конфисковано. Брат Сергей Семенович, командовавший батареей во время Крымской кампании в 1854—1855 гг., вряд ли мог обладать значительными средствами.

Если недостаточно ясен источник денег на покупку имения, то в дальнейшем на строительство усадеб Екатерина Семеновна получала средства от продажи части земли. Так, на купленной у нее земле в предместье Малина располагалась чешская колония Малиновка. Часть земли была также продана немцам-колонистам, приставу Зеленко⁷.

Перед покупкой имения или в год его покупки Екатерина Семеновна писала Николаю Николаевичу, чтобы он вернулся в Россию, на что он отвечал: "Неужели бы Вы захотели, чтобы я начатое бросил" [12, с. 79].

Картина дальнейших взаимоотношений Николая Николаевича с матерью становится совершенно ясной из письма к Екатерине Семеновне от 26 октября 1874 г. из Бютензорга: "Дорогая моя! Обращаюсь к Вам с настоятельной просьбой... ответить мне откровенно!... Разберем это дело по вопросам, Вам легче будет отвечать. Наперед сознаюсь, что я считаю себя в неравных отношениях к нашему общему состо-

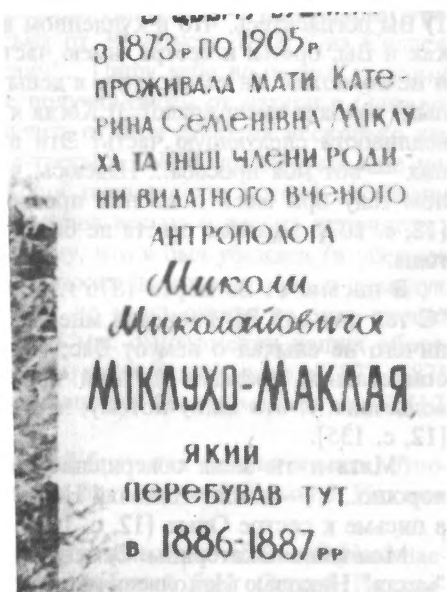

Фото 11. Мемориальный стелд у развалин дома (б. Новая усадьба), где Н. Н. Миклухо-Маклай был в 1886 г. (Фото К. В. Миклухо-Маклай)

⁷ Впоследствии, уже в начале XX века, этот участок земли и стоявшая на нем трехкомнатная изба были выкуплены у Зеленко отцом автора — Дмитрием Сергеевичем Миклухо-Маклаем; в нем поселилась его семья.

янию, чем братья и сестра, потому что я всегда тратил больше. Итак: 1) Вы согласитесь, что в купленном имении в прошлом году я так же, как и Вы, братья и сестра, имею часть в нем. 2) Как велика эта часть и не возможно ли ее обратить в деньги, или на какой (даже самый малый) доход я имею право? 3) Когда я могу получить мне по всей справедливости следующую часть? Эти простые три вопроса, ответить на них — вот моя просьба... Надеюсь, что Вы не поступите как в прошлом году при моей подобной просьбе и пришлете на сей раз ответ" [12, с. 107]. Прямого ответа не было ни в 1875 г., ни все последующие годы.

В письме от 20 марта 1876 г. Николай Николаевич пишет матери: "С тех пор как Вы написали мне (1873 г.), что купили Малин, я более ничего не слыхал о нем от Вас; так что я положительно имею право сомневаться, доставит ли мой приезд в Россию некоторое (!) удовольствие. Я это пишу потому, что скоро 3 года как нет писем (!!!)"⁸ [12, с. 135].

"Мать и ты меня совершенно забываешь, что весьма, весьма хорошо...", — пишет Николай Николаевич из Сиднея 2 августа 1878 г. в письме к сестре Ольге [12, с. 162].

Молчание Екатерины Семеновны объяснялось, видимо, тем, что "места" Николаю Николаевичу в имении Малин уже не было — он не числился среди его владельцев. Подтверждается это тем, что до конца жизни Николай Николаевич числился дворянином Черниговской губернии (об этом свидетельствует документ из клиники Виллие о кончине Николая Николаевича), в то время как остальные дети Екатерины Семеновны были уже дворянами Киевской губернии, где они имели свои доли в имении Малин.

Столь же отчужденными были отношения Николая Николаевича со старшим братом — Сергеем Николаевичем (1845—1895 гг.), который после окончания юридического факультета Петербургского университета был мировым судьей в волостном местечке Малин. Он был женат на Анне Петровне Масловой и, как уже говорилось, жил со своей семьей вместе с Екатериной Семеновной в имении Малин, был ее правой рукой в делах строительства и управления имением.

Сергей Николаевич пользовался большим уважением у населения местечка Малин, так как, не в пример своему преемнику по должности, не брал взяток и держался независимо по отношению к жандармскому начальству. Поэтому усадьба уцелела в годы революции (1917—1918 гг.), хотя Сергея Николаевича уже давно не было в живых.

---

⁸ Не исключено, что часть писем до адресата не доходила, поскольку он часто менял места своего пребывания.

Существо взаимоотношений Николая Николаевича со старшим братом становится понятным из письма от 30 августа 1878 г. из Сиднея: "Любезный брат Сергей Николаевич!... Пишу тебе во-первых, потому, что уже несколько лет я почти не получал писем от матери и Оли; во-вторых, потому, что надеюсь получить от тебя ответ на несколько для меня весьма важных вопросов и в-третьих, (NB!), потому что мне положительно необходимо знать а *quoi m'en tenir* и потому что *status praesens* во многих отношениях для меня весьма и весьма неприятен... Я не изменял свой образ жизни потому, что я был убежден (и убежден и теперь), что мои путешествия приносят положительную и немалую пользу науке и потому, что ни разу не имел ответа на мои письма матери, в которых я просил сообщить мне о положении наших обстоятельств. Я хорошо помню три письма, написанные мною в 1873, 1875 и 1876 годах об этом предмете и оставшиеся без прямого ответа!" [12, с. 163].

Совершенно очевидно, что старший брат, так же как и мать, относился отрицательно к путешествиям и деятельности Николая Николаевича.

Находясь в крайне стесненных обстоятельствах, Николай Николаевич пишет брату 4 марта 1887 г.: "Любезный брат Сергей Николаевич!... Если возможно тебе будет к июню или к июлю месяцу выслать мне несколько грошей, то я буду очень доволен" [12, с. 316].

Характерно, что Николай Николаевич всегда обращается к старшему брату "Любезный брат Сергей Николаевич", в то время как к младшим братьям — "брат Володя" и "друг Мик".

Сергей Николаевич умер в 1895 г. от болезни почек; вскоре умерла и его жена Анна Петровна. Долго в поместье оставалась запертой комната, где все сохранялось как при их жизни.

После их смерти осталось четверо детей⁹, младший из них — Дмитрий. Впоследствии Дмитрий Сергеевич Миклухо-Маклай — секретарь редакции журнала "Известия Всесоюзного географического общества", а с лета 1941 г. — заместитель ученого секретаря ВГО. Он очень много сделал для систематизации и описания наследия Николая Николаевича, а также сохранения семейного архива. Дмитрий Сергеевич оставил дневники, которые вел до последних дней жизни в блокадном Ленинграде, — документ удивительного мужества и патриотизма (*фото 12, 13*).

Тесные отношения у Николая Николаевича были с любимой им сестрой Ольгой Николаевной, и переписка с ней, во всяком случае на первых порах его путешествий, была, видимо, регулярной. "Скажи

---

⁹ См. генеалогическую таблицу.

Фото 12. Дмитрий Сергеевич
Миклухо-Маклай — племянник
путешественника. (Около 1939 г.
Публикуется впервые)

братьям, чтобы тоже по временам писали. Ты другое дело — пиши аккуратно каждый месяц", — пишет Николай Николаевич сестре 5 декабря 1874 г. из Малакки [12, с. 116]. В 1880 г. у Ольги Николаевны родился сын Михаил (Михаил Николаевич младший, как звали его в семье) от гражданского брака с профессором Георгием Федоровичем Штендманом. Ольга Николаевна умерла в 1880 г. Мальчик вырос в семье Екатерины Семеновны, получил высшее образование. Он стал самым богатым наследником в семье. Помимо доли, принадлежавшей Ольге Николаевне¹⁰, в ее пользу отказался от своей доли наследства брат Владимир Николаевич; кроме того, Екатерина Семеновна подарила горячо любимой дочери все фамильные драгоценности, перешедшие ее сыну; в конце века для Михаила Николаевича младшего была выстроена усадьба Мишевка.

Наиболее близкие и теплые отношения сохранял Николай Николаевич со своими младшими братьями Владимиром и Михаилом. Владимир (1853—1905 гг.) после окончания Анненшуле — немецкой школы, в которой начинали учиться его старшие братья, поступает в Морской корпус; мечта о профессии моряка осуществилась. Будучи в корпусе, да и в первые годы после окончания, он активно участвует в революционных кружках.

В 1873 г., по окончании корпуса, мичман Миклуха назначается на фрегат "Севастополь". Но через два года его переводят на гидрографическое судно Морского министерства "Ладога", и он участвует в экспедиции по составлению лций Ладожского и Онежского озер. В 1876 г. Владимир Николаевич, уже в чине лейтенанта, служит в Черноморском флоте. 8 августа 1877 г., во время войны за освобождение балканских славян от турецкого ига, он участвует в сражении у Сулинских гирл и награждается двумя медалями и орденом Станислава 3-й степени.

В начале 1880 г., двадцати семи лет от роду, Владимир Николаевич уходит в отставку. Причиной отставки явился инцидент с адмиралом

---

¹⁰ По законам того времени доля дочери не должна была превышать 1/14 наследуемого имущества.

Перечень свидѣній имѣющихя о водоемѣ въ работѣ.	Подпись сообщающего	Фамилія автора.	Названіе водоема.
По словам Тучкина домашен ухаживает, за огражден здѣсь.		Василин М. М.	
14 80 Утром по реке все время так оборона в начале зоны по французской стороне, и у нас в Усть-Ижме дорожки в акватории под Кинешем.		Бонна регуляр зона судна	
15 80 Утром - дни так. Перевод Франции 3000		Василин М. М.	
16 80 Имени было много к бере доктор не лине много - дин Имени совсем замкнулось		Василин М. М.	Губернія.
16 80 Бонна все время берег убо член, Нике лине рока, Имени мучилась. Все Имени не ходят. Все лине стигу, но сн - Котор		Василин М. М.	

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ОЗЕРЪ РУССКИ ПРИ М. Г. И. У.

Фото 13. Страница блокадного дневника Д. С. Миклухо-Маклая.
Даты на нем усилены ретушером.
(Ленинград, 1941)

Зеленым. Мы приведем его здесь, так как он ярко рисует черты характера Владимира Николаевича. "В одной из судовых команд Черноморского флотского экипажа произошли какие-то волнения, и Миклуха был вызван к адмиралу Зеленому. Тот приказал ему выжить зачинщиков. Придя на корабль, Миклуха построил команду, удалил офицеров и велел зачинщикам выйти вперед. Вышел один матрос. Миклуха плешнул его своей култей¹¹ и скомандовал: "Разойдись!", а на докладе Зеленому заявил, что никаких зачинщиков не оказалось. Естественно, таким ответом Зеленый был взбешен и повел речь в недопустимой форме. "Ваше превосходительство, за эдакие слова я ведь могу потребовать удовлетворения!" — вспыхнул Миклуха... Адмирал достал из стола лист чистой бумаги и подтолкнул его Миклухе... На этом листе и последовало прошение об отставке" [8, с. 219]. Если независимость и горячность Владимира Николаевича были причиной неприятностей с начальством и неоднократных уходов в отставку, то чувство справедливости, доброта и беззаветная храбрость вызвали глубокое уважение и любовь к нему подчиненных.

С 1881 г. Владимир Николаевич в течение семи лет служит в коммерческом Добровольном флоте и совершает плавание в Дальневосточных морях. И хотя в эти же годы Николай Николаевич ведет свои исследования на Тихоокеанских островах, им ни разу не привелось встретиться. Встретились они уже в Петербурге, когда за месяц до смерти брата Владимир Николаевич перевелся в Балтийский флот, а безнадежно больной Николай Николаевич лежал в клинике.

Сразу после смерти брата Владимир Николаевич переводится в Черноморский флот.

По-видимому, по духу и интересам братья были очень близки. Николай Николаевич постоянно интересовался делами Владимира в период его учебы и хотел, чтобы после окончания Морского корпуса тот обязательно нашел его. Владимир Николаевич мечтал принять участие в организации вольной русской колонии на одном из островов Тихого океана, задуманной Николаем Николаевичем. Во многом братья были различны: Владимир Николаевич — могучего сложения и большой физической силы, был крайне вспыльчив; Николай Николаевич — хрупкий, слабого здоровья, ему была присуща огромная выдержка; однако ряд черт характера роднили их — твердость и мужество, справедливость и доброта, чувство патриотизма были свойственны обоим¹².

Владимир Николаевич был требователен, но всегда старался облегчить жизнь матросам, а своим беспримерным концом доказал свое мужество и любовь к Родине (*фото 8*).

---

¹¹ Четыре пальца на его правой руке в первые годы службы были обрублены упавшим с мачты блоком.

¹² Чувство патриотизма было вообще свойственно всем поколениям Миклух.

В 1902 г., будучи капитаном I ранга, он назначается командиром броненосца береговой охраны "Адмирал Ушаков", входившего в состав III эскадры под командованием адмирала Небогатова. Это единственный корабль эскадры, не сдавшийся японцам в сражении при Цусиме и погибший в неравном бою вместе со своим капитаном и большей частью команды [8, 9].

В 1915 г. именем Владимира Николаевича был назван новый эскадренный миноносец "Капитан I ранга Миклухо-Маклай".

Младший брат путешественника — Михаил Николаевич (1856—1927 гг.) после окончания Реального училища в 1876 г. поступил в Горный корпус (ныне — Ленинградский Горный институт) и закончил его в 1882 г. В студенческие годы Михаил Николаевич был близок к революционной молодежи. Познакомившаяся с ним Софья Перовская определила, что по мягкости своего характера в террористы он не годится.

В 1886 г. он женился на Марии Васильевне Масловой — двоюродной сестре жены Сергея Николаевича¹³.

Геологическая деятельность Михаила Николаевича после окончания им Горного корпуса постоянно связана с Геологическим комитетом России (Геолкомом). Он вел геологические исследования с составлением геологических карт Олонецкого края и Вольнской губернии, результаты которых были использованы при составлении первой геологической карты Европейской России; изучал минеральные источники Кавказа и Крыма (Ессентуки, Железноводск, окрестности Феодосии), бурил воду в Астраханском крае; постоянно вел петрографическое изучение горных пород и нередко — минералогические исследования руд месторождений Алтая и Урала, присылавшихся на изучение в Минералогическое общество, действительным членом которого он был. Период с 1882 по 1910 гг. — время наиболее активной геологической деятельности М. Н. Миклухо-Маклая (*фото 8*). Его геологические публикации разносторонни и многочисленны. С 1894 по 1897 гг. — он в личном составе Геолкома, где на должности "консерватора" сменил крупнейшего русского ученого-кристаллографа Е. С. Федорова¹⁴.

Видимо, после 1910 г. Михаил Николаевич уже не ведет постоянно геологических работ и окончательно поселяется на Украине, в Малине. Он активный член земства. Выделяет строительный материал для малинской пожарной, оделяет лесом погорельцев, никогда не берет денег за потрапу. Как человек передовой, Михаил Николаевич возму-

---

¹³ См. генеалогическую таблицу.

¹⁴ Должность "консерватора" отвечает в современном понимании должности ученого секретаря.

пен делом Бейлиса, вместе со священником (отцом Федором) предотвращает погром в Малине.

Приняв революцию, Михаил Николаевич переезжает на жительство в Киев — в небольшой домик, доставшийся ему по наследству. Несколько позднее он поселился в семье дочери — Серафимы Михайловны¹⁵ в избе в Малине, где работал в местечковом Совете, выполняя элементарные строительные расчеты и работы. В начале двадцатых годов Михаил Николаевич уезжает в Ленинград, возвращается в геологический комитет¹⁶, где и работает до конца жизни.

В заключение остановимся кратко на корнях рода Миклухо-Маклаев.

Как видно из генеалогической таблицы, родоначальником рода, о котором имеются достоверные сведения, был Степан Миклуха — хорунжий реестрового Стародубского полка, получивший потомственное дворянство, отличившись при взятии Очакова.

Один из сыновей его большой семьи — Илья (дед Николая Николаевича) был чиновником.

Николай Ильич Миклуха (1818—1857 гг.) — отец путешественника — в 1835 г. окончил Нежинский лицей; не удовлетворясь канцелярской службой, поступил в Корпус инженеров путей сообщения в Петербурге и кончил его в чине инженер-поручика в 1840 г. О его дальнейшей деятельности говорилось в начале статьи.

Что же известно о происхождении двойной фамилии Миклухо-Маклай?

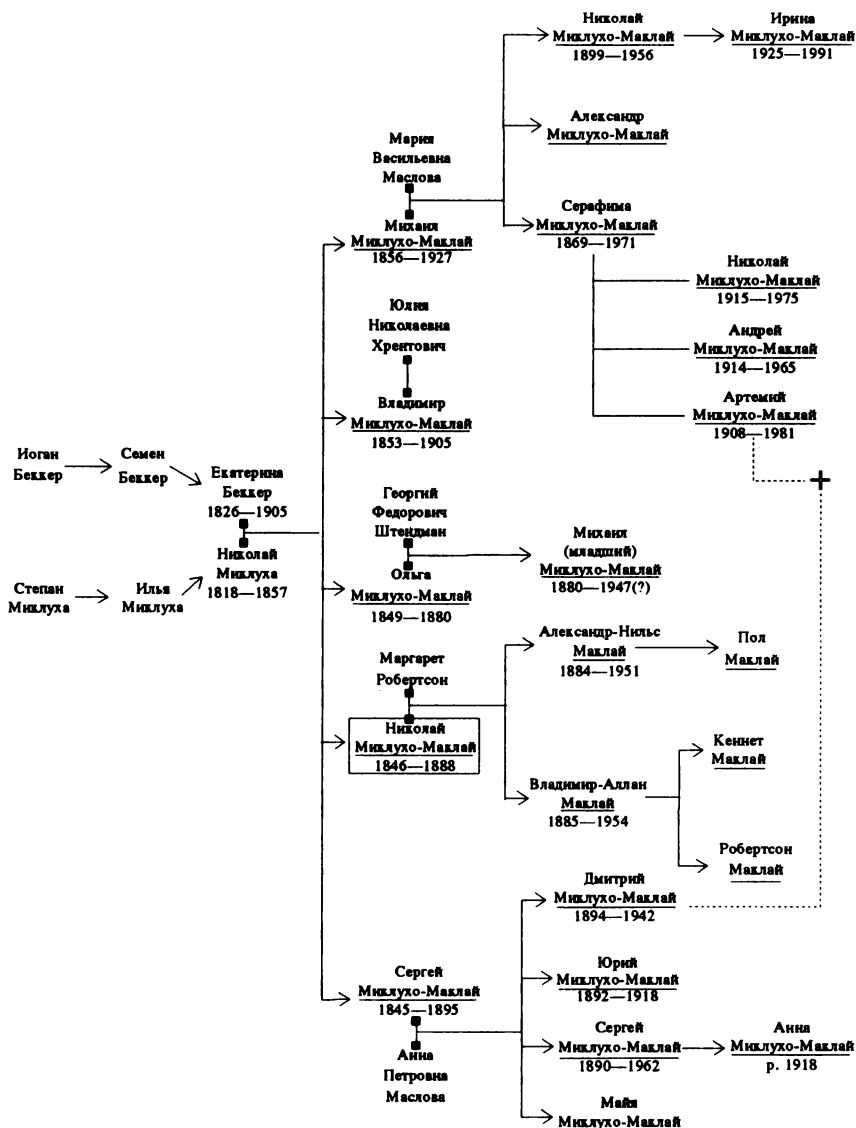
Не касаясь всех измышлений [10], недоразумений и гипотез на этот счет [см. по этому поводу публикацию Бутинова Н. А., Тумаркина Д. Д. [3] и статью Л. А. Яшкина [18]], можно сказать, что фамилия Миклуха не очень редка на Украине; автору даже привелось встречать граждан с этой фамилией в г. Ухте Коми АССР и в г. Луге. Что же касается двойной фамилии Миклухо-Маклай, то можно сказать лишь следующее. В письме к старшему брату Сергею Николаевичу Николай Николаевич писал, что видел в бумагах отца (Николая Ильича) рисунок герба потомственных дворян Миклухо-Маклаев.

Кроме того, следует вспомнить, "что в ходатайстве Русского Географического Общества о выдаче Николаю Николаевичу заграничного паспорта он назван Миклухо-Маклаем, как и во всей последующей официальной переписке, что едва ли было возможно, если это не подкреплялось какими-либо документами" [13], которые до сих пор, к сожалению, не обнаружены.

---

¹⁵ Серафима Михайловна — мать автора.

¹⁶ Именно здесь, у своего деда, автор впервые увидел микроскоп и шлифы.

Генеалогическая схема рода Миклухо-Маклаев

Фото 14. Научно-исследовательское судно "Миклухо-Маклай" Института биологии южных морей АН Украины (Севастополь)

В Австралии Николай Николаевич был известен в основном как Маклай.

Николай Николаевич Миклухо-Маклай ушел из жизни, не успев полностью обработать и издать свои труды. Из общего числа его работ — 121 — лишь 24 были изданы на русском языке; остальные — главным образом на английском, меньше на немецком.

Только после Великой Октябрьской Социалистической революции правительство и народ воздали должное памяти путешественника, ученого-гуманиста — одного из замечательных людей дореволюционной России. Были изданы его дневники, изучены многочисленные коллекции, изданы труды. Имя Миклухо-Маклая присвоено Институту этнографии Академии наук СССР, а также научно-исследовательскому судну Института биологии южных морей АН УССР (Севастополь) (фото 14); его именем названы улицы в Москве и Малине. Имя Н. Н. Миклухо-Маклая широко известно и почитаемо в народе.

Библиография о Николае Николаевиче обширна, на многих языках мира.

В настоящее время Институтом этнографии Академии наук СССР готовится полное издание его трудов.

Литература

1. Анучин Д. Н. Н. Н. Миклухо-Маклай: его жизнь и путешествия // В кн.: Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешествия. Т. 1. 1923. С. 5—80.
2. Бутинов Н. Н. Н. Миклухо-Маклай: (Биографический очерк) // Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. М.; Л., 1953. Т. 4. С. 478—561.
3. Бутинов Н., Тумаркин Д. "Новое" о Миклухо-Маклае. Письмо в редакцию // Лит. газ. 1977. 21 дек.
4. Вальская Б. А. Письма Н. Н. Миклухо-Маклая, направленные против захвата Германией Берега Маклая // Изв. ВГО. 1946. Т. 76. № 5—6. С. 562—574.
5. Вальская Б. А. Проект Н. Н. Миклухо-Маклая о создании на островах Тихого океана русской вольной колонии // Австралия и Океания. М., 1971. С. 35—52.
6. Вальская Б. А. Борьба Н. Н. Миклухо-Маклая за права папуасов Берега Маклая // Страны и народы Востока. М., 1959. Вып. 1. С. 146.
7. Гурецкий В. О. По следам Н. Н. Миклухо-Маклая // Изв. ВГО. 1976. Т. 108. Вып. 6. С. 571—577.
8. Гурецкий В. О. Повесть о несдавшемся корабле // Дальневосточные путешествия и приключения. 1979. Вып. 9. С. 215—240.
9. Дмитриев Н. Н. Броненосец "Адмирал Ушаков", его путь и гибель // СПб., 1906.
10. Иванченко А. С. Хижины Маклая // Уральский следопыт. Свердловск, 1975. № 11.
11. Миклухо-Маклай Д. С. Письма Н. Н. Миклухо-Маклая в защиту туземцев // Изв. ГГО. 1939. Т. 71. Вып. 1—2. С. 289—305.
12. Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. 4. Переписка и другие материалы. М.; Л., 1953.
13. Минаков А. А. Жизнь и деятельность Н. Н. Миклухо-Маклая // Изв. ГГО. 1939. Т. 71. Вып. 1—2. С. 13—42.
14. Мурзин И. Библиографические материалы (1. Список работ Н. Н. Миклухо-Маклая. 2. Материалы для списка литературы о Н. Н. Миклухо-Маклае). // Изв. ГГО. 1939. Т. 71. Вып. 1—2. С. 205—214.
15. Рогинский Я. Я. Николай Николаевич Миклухо-Маклай // Стенограмма публичной лекции, прочитанной 29 апреля 1948 г. в Центральном лектории. М., 1948.
16. Семенов П. П. История полувековой деятельности Русского Географического общества (1845—1895). СПб., 1896. С. 939.
17. Тумаркин Д. Д. По следам "тамо-русс." // На берегу Маклая. М., 1975. С. 26—49.
18. Яшкин Л. А. По поводу новых материалов о Миклухо-Маклае // Изв. ВГО. 1978. Т. 110. Вып. 3. С. 279—281.
19. Архив Академии наук СССР (Ленинградское отделение). Фонд 143, оп. 1, № 52.

А. Я. Массов

**ПЕРЕПИСКА Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
С МИНИСТРОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИИ Н. К. ГИРСОМ
О ВОЕННЫХ ПРИГОТОВЛЕНИЯХ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СИТУАЦИИ В АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ**

В отечественной историко-биографической литературе, посвященной Н. Н. Миклухо-Маклаю, уже достаточно хорошо изучена деятельность выдающегося русского ученого по защите аборигенов Новой Гвинеи от европейских колонизаторов. В книгах и статьях Б. А. Вальской, Д. Д. Тумаркина, Б. Н. Путилова, Н. А. Бутинова исследованы его попытки предотвратить захват берега Маклая Германией, планы основать и возглавить Папуасский союз, усилия по созданию на Новой Гвинее русской переселенческой колонии¹. В этой связи была выявлена в архивах и подвергнута научному анализу обширная переписка Миклухо-Маклая, которую ученый вел в 1883—1886 гг. с царем Александром III, министром иностранных дел Н. К. Гирсом, управляющим морским министерством И. А. Шестаковым, другими государственными и общественными деятелями России, Англии, Германии и Австралии. Вместе с тем, в обширном эпистолярном наследии Миклухо-

---

¹ Вальская Б. А. Борьба Н. Н. Миклухо-Маклая за права папуасов берега Маклая // Страны и народы Востока. М., 1959. Вып. 1; Вальская Б. А. Проект Н. Н. Миклухо-Маклая о создании на островах Тихого океана русской вольной колонии // Австралия и Океания: (История и современность). М., 1970; Вальская Б. А. Неопубликованные материалы о подготовке экспедиции Н. Н. Миклухо-Маклая на Новую Гвинею в 1871 г. и о плаваньи корвета "Скобелев" к этому острову в 1883 г. // Страны и народы Востока. М., 1972. Вып. 13; Вальская Б. А. Плавание Н. Н. Миклухо-Маклая на корвете "Скобелев" в 1883 г. // Страны и народы Востока. М., 1982. Вып. 24; Вальская Б. А. Научная и общественная деятельность Н. Н. Миклухо-Маклая в последние годы его жизни: (По неопубликованным материалам) // Страны и народы Востока. М., 1987. Вып. 25; Тумаркин Д. Д. Папуасский союз: (Из истории борьбы Н. Н. Миклухо-Маклая за права папуасов Новой Гвинеи) // Расы и народы. М., 1977. Вып. 7; Тумаркин Д. Д. Из истории борьбы Н. Н. Миклухо-Маклая в защиту островитян Южных морей // Расы и народы. М., 1981. Вып. 11; Путилов Б. Н. Н. Н. Миклухо-Маклай. Страницы биографии. М., 1981; Путилов Б. Н. Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешественник, ученый, гуманист. М., 1985; Витпов Н. А. Miklouho-Maclay in Australia // Russia and the Fifth Continent. Brisbane, 1992.

Маклая этого периода до сих пор остался "незамеченным" ряд писем русского ученого к Н. К. Гирсу, в которых Миклухо-Маклай информировал министерство иностранных дел о политической ситуации в Австралии, Океании и Голландской Ост-Индии, а также сообщал о военных приготовлениях в Австралии в связи с очередным обострением англо-русских отношений и угрозой англо-русской войны. Речь идет о трех больших донесениях Миклухо-Маклая на эту тему, которые были посланы в Петербург 31 мая (11 июня) и 14 (26) сентября 1885 г. из Сиднея и 2 (14) апреля 1886 г. из Порт-Сайда, куда Миклухо-Маклай прибыл на борту парохода "Меркара" по пути возвращения на родину². В настоящее время подлинники этих донесений хранятся в Архиве внешней политики России³. Вполне очевидны причины, по которым эта сторона деятельности Миклухо-Маклая долгое время оставалась вне поля зрения отечественных исследователей. Думается, однако, что пришла пора отказаться от "фигуры умолчания" и дать объективную оценку и этой странице жизни ученого.

Идея использовать Миклухо-Маклая как источник сведений военно-политического характера о ситуации в Австралии и Океании возникла в министерстве иностранных дел и в морском министерстве в декабре 1884 г. В это время в дипломатическом и военно-морском ведомствах России шло обсуждение предложения русского путешественника об усилении российского присутствия в южной части Тихого океана и об установлении русского протектората над северо-восточным побережьем ("Берегом Маклая") Новой Гвинеи. Надо сказать, что в российском МИДе достаточно хорошо представляли расстановку сил в этом районе и, соответственно, весьма осторожно оценивали возможности России принять участие в колониальном разделе Океании. В докладной записке МИДа о положении дел в южной части Тихого океана, направленной Александру III 18 декабря 1884 г., отмечались поразительные успехи Германии в развитии своей колониальной и коммерческой активности в этом районе земного шара, а также указывалось на стремительно растущее англо-германское колониальное соперничество. "Вместе с тем, — говорилось в записке, — обостряется и соперничество, но (этого не следует упускать из виду) не столько вообще английское, сколько специально австралийское и притом... пока более политического⁴, чем коммерческого свойства. Для австралийцев, имеющих довольно дел у себя дома, важно не дать другим

---

² В дальнейшем все даты, кроме специально оговоренных, приводятся по старому стилю.

³ Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, лл. 114—119 об., 232—237 об., 249—262 об.

⁴ Здесь и далее все подчеркивания и выделения в тексте (кроме специально оговоренных) приводятся в соответствии с подлинником.

твердо засесть в разных непечатых уголках тихоокеанского бассейна и этим оберечь себя от опасного соседства"⁵. Признавая, что предложение Миклухо-Маклая об установлении русского протектората над Новой Гвинеей проистекает из "благородного желания" русского ученого оградить папуасов от "тлетворного влияния европейской культуры", Гирс считал, тем не менее, предложение путешественника неосуществимым. К концу 1884 г. восточная (незанятая Нидерландами) часть Новой Гвинеи была уже фактически поделена. Англия объявила протекторат над юго-восточной частью острова, Германия присоединила к своим владениям северо-восточную часть Новой Гвинеи. Обе державы вели переговоры об окончательном разграничении вновь приобретенных территорий. "В виду таких обстоятельств, — писал Гирс, — участь папуасов может считаться решенною, и наше вмешательство собственно в видах ограждения их ... нельзя признать полезным и целесообразным"⁶.

Вместе с тем Гирс окончательно не исключал возможное вмешательство России в колониальную гонку великих держав в Океании. В случае благоприятных обстоятельств Россия могла бы "войти в такие международные соглашения, которые обеспечивали бы политическое равновесие, а вместе и влияние наше в тех краях"⁷. Для проведения такой политической линии русское правительство нуждалось в оперативной и точной информации. Именно здесь Миклухо-Маклай мог оказаться как нельзя более полезен. В докладной записке царю министр иностранных дел России предложил, ничего "не объявляя Миклухо-Маклаю о намерениях правительства, поддерживать с ним сношения в виду возможной пользы от знакомства его с краем"⁸. Сходную позицию в декабре 1884 г., как следует из переписки между Гирсом и Шестаковым, заняло и морское министерство⁹.

Уже 20 декабря 1884 г., то есть через два дня после представления Александру III записки о положении дел и политической линии России в южной части Тихого океана, министр иностранных дел направил находившемуся в Сиднее Миклухо-Маклаю письмо. В этом письме министр дипломатично, но настоятельно просил русского путешественника о предоставлении нужной информации. "Отдавая полную справедливость Вашей долговременной деятельности на островах Тихого океана, направленной, главным образом, к ограждению туземцев от пагубного влияния чуждой им цивилизации, — писал Гирс, — ми-

---

⁵ Российский государственный архив Военно-морского флота (далее — РГА ВМФ), ф. 410, оп. 2, д. 4155, л. 78 об.

⁶ Там же, л. 79 об.—80, 81 об.

⁷ Там же, л. 81.

⁸ Там же, л. 81 об.

⁹ См. там же, л. 74.

нистерство иностранных дел находило бы в настоящее время крайне желательным получать от Вас по мере возможности постоянные сообщения обо всем происходящем на тихоокеанских материках и архипелагах" ¹⁰. Характерно, что при этом Гирс ничего не говорит по существу затронутых Миклухо-Маклаем проблем — о вмешательстве России в определение политического будущего Берега Маклая. Он лишь сообщает ученому, что в случае окончательного захвата этой территории Германией, русское правительство готово позаботиться об ограждении его частных прав, "могущих оказаться на означенном берегу Новой Гвинеи" ¹¹.

Миклухо-Маклай без колебаний согласился представлять необходимую информацию в Петербург. "Относительно предложения посылки министерству иностранных дел ПОСТОЯННЫХ сообщений о положении дел на ос[тро]вах Тихого океана, за которыми я слежу с величайшим интересом, — писал путешественник в своем ответе Гирсу из Сиднея 10 марта (н. ст.) 1885 г., — ...постараюсь... сообщать ПО ВОЗМОЖНОСТИ Вашему Превосходительству важнейшие события, происходящие или ожидающиеся в этой части света!" ¹² Миклухо-Маклай считал необходимым принять это предложение даже несмотря на то, что был чрезвычайно загружен научной работой. (Об этом он тоже написал в ответе русскому министру). Русский ученый должен был закончить в 1885 г. подготовку к печати рукописи первого тома своих научных трудов, для чего он еще в 1882 г. получил денежную субсидию от Александра III.

К своему обещанию предоставлять нужную информацию Миклухо-Маклай отнесся со всей серьезностью. Уже 11 июня (н. ст.) 1885 г. он отправил в Петербург свое первое донесение (помеченное 9 июня (н. ст.) 1885 г.) о военно-политической обстановке и росте антирусских настроений в Австралии. К донесению было приложено письмо на имя Гирса, в котором Миклухо-Маклай просит русского министра уточнить, "ЧТО ИМЕННО может оказаться ОСОБЕННО интересным министерству иностранных дел... Если мне будут сообщены более подробные "desiderata" ¹³, то мои последующие сообщения могут оказаться более интересными" ¹⁴. Это письмо вместе с первым донесением было получено в Петербурге 7 июля 1885 г., и его содержание было доведено до сведения царя. По указанию Александра III донесение Миклухо-Маклая было направлено для ознакомления в морское министерство. Одновременно с этим в сопроводительном письме Гирса от

---

¹⁰ АВПР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, л. 55—55 об.

¹¹ Там же, л. 55 об.

¹² Там же, л. 85 об.

¹³ Требования (лат.).

¹⁴ АВПР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, л. 112.

23 июля 1885 г. морскому министерству предлагалось сообщить, какие именно сведения представляют для него интерес и на что должен обращать внимание Миклухо-Маклай в первую очередь¹⁵. Исполнявший в это время обязанности министра начальник Главного морского штаба вице-адмирал Н. М. Чихачев ответил Гирсу письмом от 9 августа 1885 г. Вице-адмирал просил предложить Миклухо-Маклаю "если не через непосредственные сношения с официальными лицами австралийских колоний, то из печатных источников поближе ознакомиться с общим планом военно-морских приготовлений Австралии на случай войны России с Англией; каким числом военных судов могли располагать в военное время колониальные власти; сколько частных пароходов предполагалось приспособить и вооружить для военных действий...; в каких пунктах учреждены и имелось в виду устроить... угольные станции"¹⁶. Эти пожелания были сообщены Миклухо-Маклаю в письме товарища (заместителя) министра иностранных дел А. Г. Влангали, направленного в Сидней 20 августа 1885 г.¹⁷ Они были получены Миклухо-Маклаем уже после того, как русский путешественник отправил в Россию 26 сентября (н. ст.) 1885 г. свое второе донесение, на этот раз посвященное развитию политической обстановки в Австралии, Новой Гвинее и на островах Океании в июле, августе и сентябре 1885 г.

Попытка ответить на интересующие морское министерство вопросы (наряду с анализом политических и дипломатических аспектов ситуации в Австралии, Новой Гвинее и Голландской Ост-Индии) была принята Миклухо-Маклаем в его третьем донесении, направленном в Россию 14 апреля (н. ст.) 1886 г. из Порт-Саида. При этом русский ученый настоятельно просил министерство иностранных дел сохранять в тайне источник полученной информации. "Я согласил[ся] писать..., — читаем в сопроводительном письме к третьему донесению, — единственно под условием ПОЛНЕЙШЕЙ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ; почему, если Ваше Высокопревосходительство найдет целесообразным передать часть сообщения моего другому министерству, имею честь покорнейше просить..., чтобы мое имя было ПОЛОЖИТЕЛЬНО УМОЛЧЕНО"¹⁸. Сразу же отметим, что министерство иностранных дел и не подумало прислушаться к просьбе Миклухо-Маклая. Подлинник его третьего донесения в мае 1886 г. был направлен для ознакомления в морское министерство с полным указанием авторства документа¹⁹.

---

¹⁵ РГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 4155, л. 102—103.

¹⁶ АВПР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, л. 127—127 об.

¹⁷ Там же, л. 129—130.

¹⁸ АВПР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, л. 249—249 об.

¹⁹ ГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 4155, л. 113.

Почему же русский ученый согласился выполнять столь деликатное и, мягко говоря, не совсем обычное поручение — информировать государственные ведомства России о военно-политической ситуации в Австралии и южной части Тихого океана? Думается, что эту деятельность Миклухо-Маклая следует рассматривать прежде всего в русле его борьбы за установление российского протектората над Берегом Маклая и за возможное присоединение к России каких-либо других островов Океании. Наш соотечественник сам был заинтересован в предоставлении подобной информации в Петербург. Прежде всего, она позволяла Миклухо-Маклаю заметно укрепить свою репутацию как одного из немногих русских людей, хорошо осведомленных в военной и политической ситуации в этом районе земного шара. Реноме неопенимого специалиста, в свою очередь, придавало большую убедительность его аргументации в пользу территориальных приобретений России в тихоокеанском бассейне. Этой же цели должна была послужить сообщаемая Миклухо-Маклаем информация о стремительном усилении военно-политического и территориального присутствия Англии и Германии в Океании. При таком повороте событий Россия, по мысли ученого, не должна была и не могла оставаться безучастной. Собственно говоря, Миклухо-Маклай и не скрывал, что его донесения должны были стать дополнительным аргументом для более активной политики русского правительства. Логика действий путешественника отчетливо просматривается в такой, например, фразе из его первого донесения: "Если русское правительство поможет мне ОТСТОЯТЬ Берег Маклая, ПОРТ АЛЕКСЕЙ (бухта на северном побережье Новой Гвинеи — А. М.) может стать удобным пунктом, чтобы производить давление на Австралию!!"²⁰ Здесь уместно будет отметить, что еще до поручения МИД России сообщать информацию о военно-политической ситуации в Австралии и Океании Миклухо-Маклай пытался по собственной инициативе привлечь внимание русских официальных лиц к военным аспектам проблемы. Не без оснований опасаясь, что русское правительство может занять выжидательную позицию по вопросу установления российского протектората над Берегом Маклая, он еще 26 ноября (н. ст.) 1884 г. написал письмо начальнику Главного морского штаба вице-адмиралу Н. М. Чихачеву. В письме путешественник выразил уверенность, что "учреждение морских станций в Тихом океане должно казаться... желательным", причем "для этого НЕ следует более терять времени". И далее Миклухо-Маклай, пытаясь, очевидно, сделать адмирала своим союзником, убеждает Чихачева в военно-стратегических преимуществах Порты Алексея как потенциальной базы для

---

²⁰ АВГР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, л. 119 об.

русского военно-морского флота²¹. Адмирал, однако, ответил весьма уклончиво. В своем письме в Сидней он перечислил требования, которые в военном отношении обычно предъявляются к военно-морской станции, но воздержался от политической оценки проблемы: Чихачев так и не сообщил Миклухо-Маклаю своего мнения о возможности или желательности создания военно-морской станции на Новой Гвинее²².

С известной долей осторожности можно предположить также, что сбор информации военно-политического характера облегчил Миклухо-Маклаю решение еще одной очень важной и неотложной для него проблемы. В Австралии, как известно, русский ученый жил за счет субсидии, предоставленной ему Александром III для завершения научной обработки собранных за время путешествий этнографических коллекций. Выделенная в 1882 г. субсидия на 1883 и 1884 гг. уже была однажды продлена по просьбе Миклухо-Маклая на 1885 г. Однако, в августе 1885 г. Миклухо-Маклай вновь обращается к царю с просьбой о деньгах. На этот раз он просит дополнительно 80 фунтов стерлингов, необходимых ему для возвращения в Россию. Письмо государю с просьбой о выделении денег датировано 10 августа (н. ст.) 1885 г.²³ Как раз за несколько дней до этого, 3 августа (н. ст.) 1885 г., Миклухо-Маклай получил телеграмму, в которой министерство иностранных дел России извещало русского путешественника, что в Петербурге получено его первое донесение от 9 июня 1885 г.²⁴ Удивительная близость дат этих двух документов, видимо, не случайна. Возможно, что Миклухо-Маклай рискнул обратиться к царю только после того, как убедился, что собранные им сведения благополучно достигли Петербурга. Предоставление России нужных для нее сведений придавало русскому путешественнику определенную уверенность и в моральном плане значительно облегчало решение столь деликатной задачи, как обращение с новой денежной просьбой к императору. Характерно, что за день до письма к царю, 9 августа (н. ст.) 1885 г., Миклухо-Маклай пишет письмо управляющему собственной Его Величества канцелярией статс-секретарю С. А. Танееву, где сообщает о своем предстоящем обращении к государю за новой денежной субсидией и просит Танеева в случае благоприятного исхода дела позаботиться о сохранении факта получения денег в тайне²⁵.

Прежде, чем перейти к непосредственному анализу текста донесений Миклухо-Маклая Гирсу, отметим еще одно существенное обстоя-

---

²¹ РГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 4155, л. 86—87 об.

²² Там же, л. 88—89.

²³ Центральный государственный исторический архив (далее — ЦГИА), ф. 1409, оп. 15, 1882, д. 1485, л. 21—21 об.

²⁴ См. АВПР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, л. 225—227 об.

²⁵ ЦГИА, ф. 1409, оп. 15, 1882, д. 1485, л. 25 об.

тельство. Главным и основным источником получения информации служили для Миклухо-Маклая австралийские газеты. Использовал он также и те сведения, которые сообщали ему при личных встречах политические и общественные деятели Англии, Австралии, Голландской Ост-Индии. Именно на эти источники указывает в своих донесениях сам Миклухо-Маклай, а к третьему донесению (от 14 апреля (н. ст.) 1886 г.) и просто приложено несколько газетных вырезок. Никакими "нелегальными" источниками Миклухо-Маклай не пользовался и даже не пытался раскрыть секретные сведения: очень часто его информация обрывается указанием на их секретный характер. (Так, например, завершается рассказ об австралийских планах создания новых угольных станций или о дислокации баз снабжения флота²⁶). Использование Миклухо-Маклаем исключительно открытых источников уже само по себе позволяет решительно и однозначно отвергнуть возможные обвинения русского ученого в шпионаже. Его донесения не были результатом "разведывательной деятельности". Миклухо-Маклай выступил только лишь как собиратель и систематизатор доступной ему информации о военных приготовлениях и политической ситуации в Австралии и Океании.

Рассмотрим теперь содержание переданной Миклухо-Маклаем в Петербург информации, попробуем определить ее качество с точки зрения достоверности и политической значимости.

Наиболее существенным для министерства иностранных дел и морского министерства были, несомненно, сведения о росте антирусских настроений и военном строительстве в Австралии в связи с обострением англо-русских отношений. Этим сюжетам посвящена большая часть первого донесения, часть второго и значительная часть третьего донесений. Необычайный рост воинственности австралийцев — первое, на что обращает внимание Миклухо-Маклай. Эта воинственность стала отчетливо заметна еще "РАНЕЕ опасения русско-английского конфликта", а именно со времени посылки австралийского военного отряда в Судан на помощь англичанам в подавлении Махдистского восстания²⁷. Миклухо-Маклай подробно рассказывает (в первом и втором донесении) историю посылки этого отряда в Судан и возвращения его на родину, отмечая в то же время, что после обострения англо-русских отношений весной 1885 г. воинственность австралийцев приняла ярко выраженную антирусскую окраску.

---

²⁶ АВГР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, лл. 116 об., 253 об.

²⁷ АВГР, ф. II Департамент, I—5, 1886 оп. 403, д. 104, л. 114. Австралийский отряд в составе 750 человек находился в Судане (в г. Суакине) с 29 марта (н. ст.) по 17 мая (н. ст.) 1885 г. Австралийцы почти не участвовали в боевых действиях, занимаясь, в основном, ремонтом железнодорожной ветки, по которой осуществлялось снабжение всем необходимым английских войск.

Русофобия в Австралии ощущалась повсеместно и иногда принимала просто курьезные очертания: на улице избили прохожего, по ошибке приняв его за русского; пытались отстранить от должности пкипера-финна, поскольку Финляндия — это часть Российской империи, и пкипер может перейти на службу к русским. И, конечно, самого Миклухо-Маклая, а также находившегося в это время в Австралии русского горного инженера М. А. Шостака объявили русскими шпионами. "Про меня что думают — не стану писать, было бы слишком длинно"²⁸. К проявлениям русофобии Миклухо-Маклай относит и факт изъятия у него земли в районе Уотсонс-бей в Сиднее, которая ранее была предоставлена для создания Биологической станции.

"Что мне кажется особенно странным, — пишет далее наш соотечественник, — так это ОПАСЕНИЕ в Австралии в случае войны с Россией ВЫСАДКИ РУССКИХ в Австралии, о чем судили и радили разные колониальные газеты". "Общественные нервы были так возбуждены, что стали появляться телеграммы... о виденных у берегов Австралии в разных местах русских крейсерах, которые потом оказались или вовсе не военными судами, или ... германскими канонерскими лодками"²⁹. Тем не менее, как считает Миклухо-Маклай, "большая часть публики в Австралии не думает серьезно о возможности войны", а "военная тревога МАЛО отразилась на колониальных коммерческих делах... Благополучие колоний идет постоянно вперед"³⁰.

Следует подчеркнуть, что при описании антирусской волны, поднявшейся в Австралии в 1885 г., Миклухо-Маклай не допускает никаких преувеличений. Страх перед Россией и русскими был весьма широко распространен в австралийских колониях на протяжении всей второй половины XIX в. Этот страх постоянно подпитывался с одной стороны почти не прекращавшейся напряженностью в англо-русских отношениях, а с другой — постепенно возрастающим военно-морским присутствием России в бассейне Тихого океана. Уверенность в неизбежном нападении русского флота на австралийское побережье в случае англо-русской войны была общим местом в военно-стратегической доктрине Австралии. Антирусские кампании разной глубины и силы поднимались в австралийских колониях в связи с визитами в австралийские порты кораблей российского военно-морского флота в 1863—1864, 1881—1882, 1886 гг.³¹ тема грядущего нашествия русских напла

---

²⁸ АВПР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, л. 117 об.

²⁹ Там же, л. 116 об.—117, 115.

³⁰ Там же, л. 118.

³¹ Российские моряки и путешественники в Австралии. М., 1993. С. 9, 173—201.

свое отражение даже в художественной литературе³². Опасения русского вторжения были, разумеется, многократно преувеличены (на это преувеличение уже обращали внимание австралийские исследователи³³), однако в 80-е годы XIX в. именно они послужили главным стимулом для проведения мероприятий по укреплению обороноспособности Австралии.

Естественно, что в "военной" части своих донесений Миклухо-Маклай главное внимание уделяет военному строительству в Австралии, мерам по ее защите. "Ожидание русско-английской войны, — пишет он, — привело колоннальные правительства в лихорадочное состояние: входы в гавани были запружены торпедами, почтовые пароходы ... были наняты за большие деньги (5 000 ф. стерл. в месяц) для обращения их в военные крейсеры, стали формироваться волонтеры разного рода"³⁴. И далее Миклухо-Маклай стремится раскрыть содержание всех этих мероприятий. Он сообщает о том, как и какие пароходы были переоборудованы на военный лад и какие тактико-технические данные они показали. "Общее мнение компетентных людей здесь то, — делает вывод ученый, — что эти суда представляют очень серьезных противников для военных судов средней величины и даже для таких, кот[орые] специально построены для цели «крейсерства»"³⁵. Миклухо-Маклай рассказывает о предложениях начальника австралийской морской станции контр-адмирала Дж. Трайона по укреплению австралийской береговой линии и созданию новых угольных складов, сообщает об укреплении (с помощью артиллерии, призванной "парализовать деятельность русских крейсеров"³⁶) портов Сиднея, Мельбурна, Аделаиды. Приводятся данные о составе австралийского и английского флота, который может быть использован для защиты австралийских берегов, и о возможной численности сухопутной австралийской армии³⁷. Особое внимание Миклухо-Маклай уделяет прибрежным пунктам, которые имеют стратегическое значение и до сих пор не достаточно укреплены. К их числу он относит город Олбани, представляющий "порядочную гавань и ... ОЧЕНЬ важную угольную станцию", Порт-Дарвин ("ВАЖНЫЙ потому, что... 1-ая станция в Австралии европейского телеграфа"), остров Четверга в Торре-

---

³² Walker W. H. The Invasion. Sydney, 1887; Fenwick C. Extracts from my diary. Sydney, 1883; Luckie D. M. The Raid of the Russian Cruiser "Kaskowski". Wellington, 1894; Mackay K. The Yellow Wave. London, 1895.

³³ Хотимский К. Русские в Австралии. Мельбурн, 1957. С. 8—10; Fitzhardinge V. Russian Naval Visitors to Australia, 1862—1888 // Journal of the Royal Australian Historical Society, 1966. Vol. 52. Pt. 2. P. 154—155.

³⁴ АВПР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, л. 115.

³⁵ Там же, л. 115 об.

³⁶ АВПР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, л. 251.

³⁷ Там же, л. 252—252 об.

совом проливе (в силу его стратегического положения) и город Нью-касл — "источник снабжения военных судов углем"³⁸.

Вместе с тем, оценивая ту часть донесений Миклухо-Маклая, где он сообщает о военных приготовлениях в Австралии и состоянии ее обороноспособности, нельзя не признать, что здесь русский путешественник выступает как дилетант. Отчетливо заметно, что военная проблематика мало знакома и далека от непосредственных профессиональных интересов ученого. Сбор и систематизация военной информации осуществлены Миклухо-Маклаем небрежно и, во всяком случае, не профессионально. Перечисляя переоборудованные корабли, то есть излагая материал, представляющий наибольший интерес для военных, он бесцеремонно заканчивает перечисление словами "и друг[ие], кот[орых] имени не припомню" или "и т. п." То же самое происходит при рассказе о местностях, где возможна организация добычи угля — их перечисление заканчивается фразой "и друг[ие]", но все гораздо незначительнее³⁹. Иногда сам информатор не уверен в достоверности своих сведений: "В Мельбурне находятся (КАЖЕТСЯ) (выделено мною — А. М.) 3 небольших броненосных судна, в Аделаиде — 1 или 2"⁴⁰. Что касается секретных данных, то, как уже отмечалось, Миклухо-Маклай даже не пытается их раскрывать.

Ряд сведений, также как и некоторые словесные обороты, использованные информатором, остались неясными чиновникам морского министерства. Например, напротив сообщения об установке в портах Австралии "40-тонных орудий" или рядом с выражением о намерении осуществить "очистку океанов от русских крейсеров" рукой чиновников морского ведомства поставлены вопросительные знаки⁴¹. Что имеется в виду под "сорокатонным орудием"? Его вес? Но это малозначимый показатель. Вес снаряда? Но снарядов в 40 тонн в то время не существовало. Что понимать под выражением "очистка океанов от русских крейсеров"? Уничтожение русских кораблей или их вытеснение на безопасное для австралийцев расстояние?

Наивными выглядят собственные рассуждения Миклухо-Маклая о стратегической значимости тех или иных австралийских портов. Так, он утверждает, что захват неприятельским флотом порта Олбани на южном побережье Австралии позволит "легко прекратить сообщение... Австралии с Европою" и "значительно вредить австралийской торговле"⁴². При этом, однако, совершенно не принимается во внимание сложность, например, для русского флота подойти незамеченным к

---

³⁸ АВПР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, л. 251—252.

³⁹ Там же, лл. 115 об., 252, 252 об.

⁴⁰ Там же, л. 252 об.

⁴¹ Там же, л. 251, 252 об.

⁴² Там же, л. 251 об.

южному побережью Австралии, невозможность сколько-нибудь долго удерживать Олбани, трудность отхода после такого рейда к своим базам в северной части Тихого океана.

Столь же неубедительны рассуждения русского путешественника и по другим вопросам, которые выходят за рамки его компетенции. К их числу, например, относятся некоторые геополитические рассуждения, которые Миклухо-Маклай приводит в своем третьем донесении при анализе положения дел в Голландской Ост-Индии. Рассказав о некоторых фактах усиления колониального соперничества Англии, Франции, Германии и Испании в бассейне Тихого океана, Миклухо-Маклай делает следующую совершенно ложную посылку: "Можно допустить всю возможность и даже целесообразность мирной уступки Голландией одного из ос[тро]вов Малайского архипелага с условием помощи одной из 1-во классных европейских держав против другой в случае, если другая вздумает предъявить претензии на Яву или на другой какой ос[тров] Нидерландских колоний"⁴³. По мысли Миклухо-Маклая именно Россия больше других держав годится на роль гаранта целостности голландских владений, именно ей "голландское правительство С РАДОСТЬЮ согласится уступить... взамен известных... обязательств один из многих островов, которые "de jure" принадлежат Голландии"⁴⁴. Дело в том, что, как уверяет русский ученый, превращение России в торгового конкурента голландцев маловероятно, но в то же время Россия, будучи морской державой, окажется в состоянии защитить их интересы. Сама же Российская империя приобретает опорный пункт и морскую станцию в Малайском архипелаге между Сингапуром, Австралией и Германской Меланезией, "что может положительно иметь большое значение в стратегическом отношении". "Выбор одного из островов, — заканчивает свою мысль Миклухо-Маклай, — при значительном числе их в Малайском архипелаге будет незатруднительным"⁴⁵. Наивность и некомпетентность этого рассуждения очевидны. Даже попытка подобной сделки была бы немедленно заблокирована остальными колониальными державами и привела бы к неблагоприятным последствиям для развития дальнейших отношений России и Голландии с Англией, Францией и Германией. Однако желание Миклухо-Маклая видеть Россию среди держав, имеющих территориальные приобретения в этом районе земного шара столь велико, что русский путешественник даже не ставит вопрос о возможности и последствиях российско-голландской сделки. Он совершенно не видит искусственности своих геополитических построений.

---

⁴³ АВПР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, л. 257 об.

⁴⁴ Там же, л. 258 об.

⁴⁵ Там же.

Вместе с тем нельзя отрицать, что в сообщении Миклухо-Маклая о положении дел в голландских колониях содержится немало ценной для российского МИДа конкретной информации. Русский ученый, в частности, приводит интересные сведения о взаимоотношениях различных этнических групп населения в Индонезии и о воздействии этих отношений на прочность голландского колониального режима. Точность и объективность собранных данных объяснима — проблема межэтнических отношений была близка и хорошо знакома русскому путешественнику.

Столь же информативны и точны сообщения Миклухо-Маклая по другим аспектам политической ситуации в Австралии и Океании, с которыми он имел возможность ознакомиться, длительное время проживая и занимаясь научной деятельностью в тихоокеанском регионе. Так, например, весьма убедительны и подкреплены фактами рассуждения Миклухо-Маклая в его третьем донесении о роли русских консулов в Голландской Ост-Индии, Сиаме и Австралии. Путешественник отмечает, что "представители России по побережьям Тихого океана в настоящее время очень малочисленны, НЕПОДХОДЯЩИ и не соответствуют положению, которое Российская империя — надо надеяться — со временем займет в Тихом океане!"⁴⁶ (Обратим внимание: и здесь информация подчинена задаче побудить русское правительство обеспечить России более весомую роль в бассейне Тихого океана). Консулы в Батавии, Мельбурне и Сиднее имеют статус внештатных, а лица, исполняющие эти обязанности — в основном местные жители-коммерсанты. Люди эти, как правило, "недостаточно образованные, ... занятые своими торговыми интересами, добиваются "консульства" ... часто ради законных и незаконных ... доходов". Неудивительно, что "министерство иностранных дел не может рационально ожидать от них ничего другого, как сообщения самого простого характера"⁴⁷. Миклухо-Маклай рассказывает о деятельности одного из таких консулов — некоего г. Палмборга, который выполнял обязанности внештатного представителя России в Батавии.

Оценивая перспективы развития ситуации в "прибрежьях" Тихого океана, которые "в НЕДАЛЕКОМ будущем ... приобретут НЕСОМНЕННО значение НЕМАЛОВАЖНОЕ И БУДУТ ИМЕТЬ ВЛИЯНИЕ НА ОБЩЕЕВРОПЕЙСКУЮ ПОЛИТИКУ", Миклухо-Маклай настоятельно советует министерству иностранных дел назначить "в некоторых удачно выбранных портах Тих[ого] ок[еана] ШТАТНЫХ РОССИЙСКИХ КОНСУЛОВ, людей образованных, могущих ... и способных следить за событиями"⁴⁸. К числу таких удачно выбранных

---

⁴⁶ АВПР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, л. 259 об.

⁴⁷ Там же, л. 261а об.—262.

⁴⁸ Там же. л. 262.

портов Миклухо-Маклай относит, помимо прочих, Бангкок. Столице Сиама в донесении посвящен специальный небольшой раздел. Русский консул в Бангкоке, пишет Миклухо-Маклай, "был бы "in the right place"⁴⁹ и был бы там даже "very welcome!"⁵⁰ Сиамский двор чувствует себя подчас НЕ ОСОБЕННО КОМФОРТАБЕЛЬНО между английскою Бурмою с одной и французским Анамом с другой стороны и Китаем с севера!"⁵¹ Нельзя не отметить в данном случае прозорливость нашего соотечественника, правильно уловившего объективную возможность усиления прорусской ориентации сиамского правительства. Известно, что такая ориентация Сиама имела место вплоть до Октябрьской революции 1917 г. в России.

Интересна и объективна информация Миклухо-Маклая (в его третьем донесении) о новом губернаторе колонии Новый Южный Уэльс лорде Кэррингтоне и о заседании Федерального совета австралийских колоний в январе 1886 г. в Хобарте. Федеральный совет был создан на Межколониальной конференции в Сиднее еще в конце 1883 г., однако его существование было узаконено Лондоном только летом 1885 г. Этот совет стал одной из первых попыток конституирования будущих общеавстралийских федеральных институтов⁵². Миклухо-Маклай рассказывает о статусе Федерального совета, подчеркивая, что его работа пока не более, чем "'опыт" обсуждения вопросов, имеющих межколониальный интерес". Вместе с тем сам факт его организации "находится (как МНЕ кажется!) в несомненной связи с ... направлением" к отделению австралийских колоний от Великобритании и основанию самостоятельной Австралийской республики⁵³. Русский путешественник обращает внимание российского министерства иностранных дел на усиление федералистских настроений в Австралии, но в то же время, сохраняя объективность, отмечает, что сильные позиции сохраняет и "другое направление общественного мнения" — стремление к сохранению общеимперского единства⁵⁴.

Однако наиболее полно и заинтересованно Миклухо-Маклай пишет в Петербург о положении дел в Новой Гвинее. Обширные разделы его второго и третьего донесений посвящены первым шагам англо-австралийской колонизации юго-восточной части Новой Гвинеи и началу деятельности германской Новогвинейской компании в северо-восточной части острова. Доскональное знание Миклухо-Маклаем ситуации

---

⁴⁹ На нужном месте (англ.).

⁵⁰ Весьма приветствуем (англ.).

⁵¹ АВПР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, л. 260.

⁵² Малаховский К. В. История Австралии. М., 1980. С. 133.

⁵³ АВПР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, л. 256—256 об.

⁵⁴ Там же, л. 257.

в Новой Гвинее и вокруг нее в полной мере нашло здесь свое отражение.

Русский путешественник сразу же подметил характерную черту новорожденного австралийского колониализма. Стремление австралийцев закрепить за собой острова юго-западной части Тихого океана отнюдь не означало их готовности к реальной колонизации захваченных территорий. В случае с Новой Гвинеей это означало, что австралийские колонии были вполне удовлетворены самим фактом провозглашения британского протектората над юго-восточной частью острова и теперь всячески уклонялись от выделения необходимых денежных средств для содержания колониальной администрации. Миклухо-Маклай подробно рассказывает о попытках первого специального комиссара по делам Новой Гвинеи сэра Питера Скретчлея решить эту проблему — получить деньги и арендовать судно для нужд администрации британского протектората⁵⁵. Русский ученый опасается, что отсутствие сколько-нибудь прочного контроля за состоянием дел со стороны колониальной администрации может привести к превращению Новой Гвинеи в поле бесчисленных столкновений между туземцами и белыми авантюристами-золотоискателями. "Что золото находится в Новой Гвинее, — пишет Миклухо-Маклай, — доказанный факт... При общем убеждении, что золото будет действительно найдено в достаточном для эксплуатации количестве, ... каждому хочется быть первым на месте, ... публика очень легковерна, верит сейчас же всякому слуху, и каждая экспедиция золотоискателей находит сейчас же много охотников⁵⁶". Миклухо-Маклай приводит несколько примеров создания частных компаний по добыче золота в Новой Гвинее, однако до сих пор все попытки золотоискателей высадиться на острове, к счастью, окончились неудачей. Такая высадка, считает ученый, может "наделать немало вреда, т. к. туземцы, которых именно в этой местности, где должно ... находиться золото, не мало, не допустили бы вторжения золотоискателей без сопротивления, и дело не обошлось бы без значительного кровопролития⁵⁷". Впрочем, в Квинсленде, пишет Миклухо-Маклай в своем втором донесении, формируется новая экспедиция золотоискателей, на этот раз во главе с английским бригадным генералом Макивером. "Именно такого рода "сволочь"... — в сердцах восклицает русский путешественник, — как г-да Макиверы... и под[обные], не преминут заварить в Новой Гвинее такую кашу, что сэру Питеру (Скретчлею — А. М.) найдется скоро не мало дела в его новом губернаторстве⁵⁸". Эмоциональная несдержанность Миклухо-Маклая

⁵⁵ АВПР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, л. 232 об.—233 об.

⁵⁶ Там же, л. 233 об.

⁵⁷ Там же, л. 234 об.—235.

⁵⁸ Там же, л. 235.

не удивительна, если вспомнить, сколько сил и энергии ученые уделяли защите аборигенов тихоокеанских островов от бесчинств тредеров, работорговцев и прочих белых авантюристов.

Именно с точки зрения способности защитить туземцев оценивает русский путешественник деятельность П. Скретчлея и Дж. Дугласа, нового специального комиссара по делам Новой Гвинеи, сменившего Скретчлея после его скоропостижной смерти в декабре 1885 г. И если Скретчлей назван "человеком, который вполне симпатизировал гуманному и справедливому обращению с туземцами", то Дуглас "стар, характера слабого" и, как опасается Миклухо-Маклай, "вообще мало подходящий для администрации... К счастью туземцев, г-н Дуглас назначен только временно"⁵⁹. С нескрываемой радостью сообщает ученый в Петербург о возвращении на родину папуасов, захваченных в 1883—1884 гг. на побережье Новой Гвинеи и увезенных в Квинсленд на плантации сахарного тростника. Эту акцию, названную Миклухо-Маклаем "исполнением очень справедливой и гуманной меры", осуществило новое правительство Квинсленда, которое возглавил сторонник запрещения работорговли С. Гриффит⁶⁰.

Рассказывая в первом и третьем донесениях о колониальных захватах Германии в Океании и о начале немецкой колонизации Новой Гвинеи, Миклухо-Маклай и германскую политику оценивает под углом зрения защиты туземцев. Перспективы здесь, по мнению ученого, отнюдь не радужные. "При бесперомонном обращении с туземной земельной собственностью, — пишет путешественник, — будущие германские колонисты не останутся долго в хороших отношениях с туземцами, и истребление последних, вероятно, наступит скоро после поселения первых европейцев"⁶¹. Потребность колонистов в рабочей силе толкает Германию на новые колониальные захваты. Именно этот фактор, как считает Миклухо-Маклай, является основной причиной предпринятой в 1885 г. попытки Германии захватить испанские Каролинские острова. Эта акция вызвала осложнения в германо-испанских отношениях, и, если Испания, владея до сих пор Каролинскими островами, "не делала тем никому вреда", то теперь этот вред "не замедлит явиться", ибо Каролинские острова "НУЖНЫ" будущим германским

---

⁵⁹ АВПР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, л. 256.

⁶⁰ Там же, л. 235. По данным нашего соотечественника из района Новой Гвинеи, ставшего "театром подвигов людокрадов", было вывезено за 2 года 625 человек, а возвращено обратно около 300 человек (см. там же, л. 235). Английские и австралийские источники дают, однако, другую цифру: в течение 1883—1884 гг. из Новой Гвинеи, Новой Ирландии и Новой Британии было привезено в Квинсленд 5737 канакров, возвращено на Новую Гвинею более 400 человек. Подробнее см. *Массов А. Я.* "Охота на черных дроздов" на побережье Новой Гвинеи в 1883—1884 годах // Проблемы истории Океании. Иркутск, 1987. С. 46—52.

⁶¹ АВПР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, л. 236.

колонистам в МЕЛАНЕЗИИ для полочки РАБОЧИХ РУК⁶²". Впрочем, Миклухо-Маклай не теряет гипотетической надежды, что, получив территории в Океании, "германское правительство НЕ УНИЗИТСЯ до того, чтобы следовать старому пути со всеми мерзостями, как: насилием, надувательством, людокрадством, рабством⁶³".

В своих донесениях в Петербург Миклухо-Маклай кратко и в чисто информационном плане останавливается также и на некоторых других проблемах развития международной обстановки в тихоокеанском бассейне. Он сообщает о стремлении австралийцев включить в сферу британского влияния Соломоновы острова, об усилении влияния США на Гавайях, а Германии — на Самоа. При этом, как подчеркивает ученый, сами самоанцы из двух зол склонны выбрать меньшее и "пишут почти ежемесячно прошения..., умоляя причислить Самоа к владениям Великобританским... Одно верно, что в Самоа, как и на многих друг[их] островах немцев туземцы терпеть не могут⁶⁴". В качестве специального дополнения к третьему донесению Миклухо-Маклай счел необходимым добавить листок с сообщением о постройке трансканадской железной дороги, которая заметно сокращает путь из Европы в Японию, Китай, Австралию (через Атлантику — Канаду — Тихий океан) и тем самым приобретает военно-стратегическое значение. Свои рассуждения путешественник подкрепил вырезкой из англоязычной (видимо, австралийской) газеты, содержащей более подробные данные о преимуществах нового пути из Европы на Дальний Восток и в Австралию⁶⁵.

Как видим, Миклухо-Маклай постарался передать в Петербург разностороннюю информацию по самому широкому кругу проблем, касающихся военно-политической ситуации в Австралии и на островах Тихого океана. Качество этой информации далеко не равноценно. Оно зависит от степени осведомленности самого Миклухо-Маклая и его способности к профессиональному анализу затронутых в донесениях вопросов. Соответственно неодинакова и значимость собранных сведений для министерства иностранных дел и морского министерства России. Вместе с тем донесения русского путешественника не могут рассматриваться только лишь как свод фактических данных. Собранный материал изложен в очень активной манере, Миклухо-Маклай всегда и везде стремится предложить свое толкование сообщаемым фактам. При этом отчетливо проявляются гуманистические устремления ученого, его готовность защитить интересы коренных жителей Океании. Текст донесений необычайно эмоционален, их автор не маскирует

---

⁶² АВГР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, л. 104, л. 236.

⁶³ Там же, л. 119 об.

⁶⁴ Там же, л. 237.

⁶⁵ Там же, л. 261 об.

свое намерение побудить русское правительство занять более активную позицию в борьбе за утверждение интересов России в бассейне Тихого океана. Правда, столь откровенная ангажированность нередко увлекает нашего соотечественника на путь ничем не обоснованных геополитических построений.

Несомненно, что переданные Миклухо-Маклаем в Петербург сведения расширяли представление русского правительства о положении дел в Австралии и Океании. Как же отреагировали на них в русских "коридорах власти"? Точнее всего можно назвать эту реакцию сдержанной. Министерство иностранных дел с самого начала считало идею русских территориальных приобретений в Океании сомнительной. Но если в декабре 1884 г. Н. К. Гирс еще допускал некоторую вероятность активизации русской политики в Новой Гвинее, то в марте 1885 г. он уже ограничивает возможные акции России только лишь защитой личных имущественных прав Миклухо-Маклая на "его" берегу острова⁶⁶. Такое изменение акцентов не случайно. К этому времени в ходе дипломатической переписки Гирса с послом Германии в Петербурге Г. Л. Швейницем и русским послом в Лондоне Е. Е. Стаалем было подтверждено, что Берег Маклая отныне является частью новых немецких владений в Меланезии и что нет никаких оснований надеяться на готовность Лондона признать возможный русский протекторат над этой частью острова⁶⁷. После заключения в апреле 1885 г. англо-германского соглашения о разграничении владений двух стран в Новой Гвинее, российскому министерству иностранных дел окончательно стало ясно, что какие-либо территориальные приобретения России в Новой Гвинее нереальны. При таких обстоятельствах информация Миклухо-Маклая о развитии политической обстановки в бассейне Тихого океана хотя и оставалась для российского МИДа полезной, но в известной мере теряла свое практическое значение и актуальность. Видимо, не случайно поэтому, в уже упоминавшемся письме товарища министра иностранных дел России А. Г. Влангали Миклухо-Маклаю от 20 августа 1885 г., русскому путешественнику были переданы указания по сбору военной информации (нужной всегда), но ничего не говорилось о желаемых сведениях политического характера. "Что же касается до desiderata м[инистерст]ва и[ностранных] д[ел], — уклончиво писал Влангали, — то в виду Вашего намерения скоро прибыть в СПб.

---

⁶⁶ 6 марта Миклухо-Маклаю в Сидней было направлено письмо, в котором говорилось всего лишь о готовности русского правительства отстоять его земельную собственность на берегу Маклая, но и то при условии невмешательства путешественника в англо-германский спор о разделе Новой Гвинеи (см. там же, л. 82).

⁶⁷ См. РГА ВМФ. Ф. 410, оп. 2, л. 4155, л. 83; АВГР. Ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, лл. 72, 73.

я полагал бы более удобным отложить этот вопрос до личных с Вами объяснений по этому предмету⁶⁸".

Столь же сдержанно отнеслись к информации Миклухо-Маклая и в морском министерстве. Прежде всего (и это хорошо известно биографам русского ученого), морской министр И. А. Шестаков недолюбливал Миклухо-Маклая. Его деятельность в связи с планами установления русского протектората над частью Новой Гвинеи Шестаков называл "судорожной", а самого путешественника счел возможным оценить как "не совсем вменяемого человека" (добавив, впрочем, что и "не совсем вменяемые люди самую невменяемость своею приносили пользу Отечеству"⁶⁹). Следует учесть также, что Шестаков в конечном итоге высказался против создания военно-морской станции России в районе экватора, так как в случае войны ее было бы невозможно удерживать. Кроме того, по результатам плавания корвета "Скобелев" в Новую Гвинею в начале 1883 г. можно было судить об отсутствии на Берегу Маклая удобных бухт для создания военно-морской базы. "Ни один из посещенных мною пунктов..., — доносил 3 апреля 1883 г. Шестакову по результатам плавания корвета начальник русской эскадры Тихого океана контр-адмирал Н. В. Коштыов, — не представляет вообще удобств для устройства на них угольных складов"⁷⁰. Все это означало, что факты, собранные Миклухо-Маклаем по военным вопросам, не требовали от морского министерства немедленных практических действий и могли быть отнесены к той информации, которую обычно "принимают к сведению".

Не совсем удовлетворяло военно-морских специалистов, по-видимому, и качество военных разделов присланных Миклухо-Маклаем сообщений. Выше уже упоминалось о вопросительных знаках, поставленных чиновниками морского министерства на полях текста донесений. Добавим, что в этом министерстве даже не сочли нужным скопировать военный раздел третьего донесения целиком: копированию были подвергнуты лишь некоторые конкретные сведения об укреплении австралийских портов и переоборудовании торговых и пассажирских судов в военные корабли⁷¹. Информация более общего характера не заинтересовала специалистов морского ведомства — так же, как и Миклухо-Маклаю, она была доступна им из английских газет.

Вместе с тем можно предположить, что некоторые практические выводы из сообщений Миклухо-Маклая о военных приготовлениях в Австралии были впоследствии все же сделаны. Нельзя исключить, что именно под воздействием его информации в январе 1888 г. был

---

⁶⁸ АВПР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, л. 130.

⁶⁹ Там же, л. 77.

⁷⁰ РГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 4155, л. 35 об.

⁷¹ Там же, л. 114—115 об.

осуществлен заход в Ньюкасл русского корвета "Рында" — первого корабля из России, посетившего этот порт. При этом "Рында" была первым кораблем российского флота, который после 1886 г. плавал в австралийских водах. Заход корвета в Ньюкасл первоначально не планировался, однако 15 октября 1887 г. специальной телеграммой из морского министерства "Рынде" было предписано дополнительно осуществить и этот заход⁷². Во время посещения Ньюкасла с 7 по 10 января 1888 г. командой корвета были собраны подробные сведения о самом городе и его порте, об угольных копях в окрестностях Ньюкасла. В рапорте командира корабля капитана I ранга Ф. К. Авелана было рассказано об организации доставки угля в порт и о системе его погрузки на корабль⁷³. Из всех рапортов Авелана об этом плавании корвета в морском министерстве выделили именно описание Ньюкасла и поместили его в специальном деле "Военно-географические описания портов Тихого, Индийского и Атлантического океанов и Средиземного моря, составленные офицерами флота во время заграничных плаваний судов"⁷⁴.

Каких-либо других практических действий морского министерства, также как и каких-либо конкретных усилий русской дипломатии, которые можно было бы считать непосредственным следствием донесений Миклухо-Маклая Гирсу, до сих пор выявить не удалось.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что деятельность Миклухо-Маклая как информатора русского правительства ни в коей мере не должна вызывать чувства неловкости за русского ученого. Повторим еще раз, что эта деятельность не носила разведывательного характера: Миклухо-Маклай использовал только открытые источники и выполнил задачу по сбору и систематизации доступных ему материалов. Его желание помочь русскому правительству было окрашено чувством патриотизма, а деятельность в этом направлении ничем не отличалась от аналогичных действий многих других отечественных и зарубежных ученых.

Изучение переписки Миклухо-Маклая и Н. К. Гирса в связи с развитием военно-политической ситуации в Австралии и Океании не только помогает нам обрести новый ценный источник по истории стран тихоокеанского бассейна и истории внешней политики России. Знакомство с доселе "незамеченной" стороной деятельности великого русского путешественника дает возможность более полно воссоздать его биографию, глубже оценить его политические взгляды и жизненную позицию, а значит лучше понять мироощущение замечательного ученого и гуманиста.

⁷² РГА ВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 224, л. 96.

⁷³ РГА ВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 360, л. 22 об.—25.

⁷⁴ РГА ВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 1471, л. 22—25 об.

Б. А. Вальская

**ПУТЕШЕСТВЕННИК Е. П. КОВАЛЕВСКИЙ
И ПЕТЕРБУРГСКИЕ ЛИТЕРАТОРЫ
(1861—1868)**

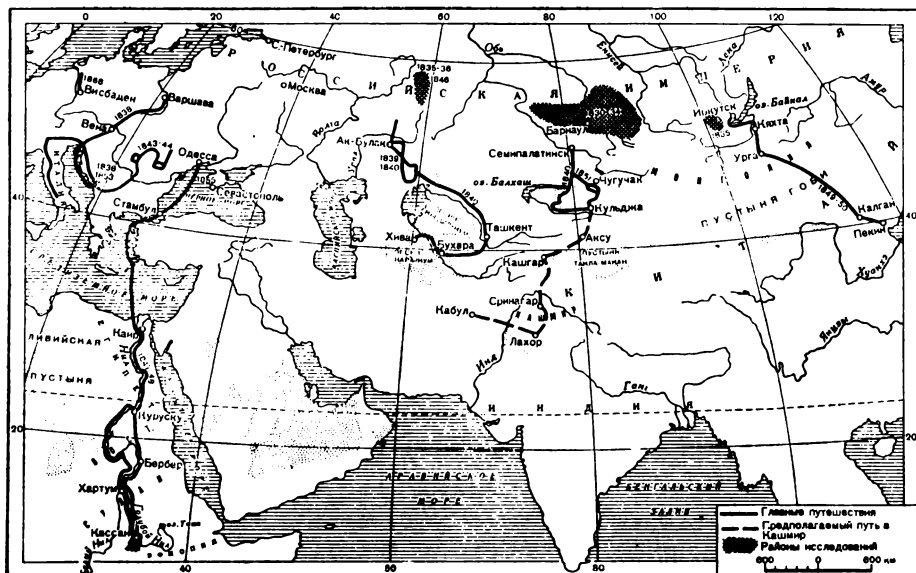
Егор Петрович Ковалевский — выдающийся географ и путешественник, талантливый писатель и общественный деятель, крупный дипломат и горный инженер. Это человек ненасытной наблюдательности, которого не могла удовлетворить спокойная жизнь в Петербурге. Из прожитых им 59 лет — 25 Ковалевский провел почти в непрерывных странствованиях по малоизвестным странам Азии, Африки и Европы.

Пребывание в Петербурге между экспедициями было очень коротким и приходится удивляться, как в столь непродолжительное время он успевал издавать описания своих путешествий, в которых давал не только очень интересные характеристики природы и населения малоизвестных стран, но и находил общие закономерности в истории их развития.

Е. П. Ковалевский начал свои путешествия в Сибирь 20-ти лет. Он занимался географическим изучением Западной и Восточной Сибири, поисками полезных ископаемых. Уже тогда он указал на замечательные природные богатства Алтая и его большое будущее в развитии металлургии. На Урале, являясь ближайшим помощником знаменитого металлурга П. П. Аносова, начальника Златоустовских заводов, Е. П. Ковалевский добился больших успехов в усовершенствовании процессов добычи золота.

За 18 лет до путешествия Н. А. Северцова он составил геолого-географическое описание Восточного Казахстана, а за 20 лет до путешествия Н. М. Пржевальского побывал в Монголии и Китае, дав их интересное описание.

В Восточном Судане и Западной Эфиопии Е. П. Ковалевский был одним из первых европейских путешественников и первым русским. После возвращения из этих стран он выступил против расовой теории, в защиту африканских народов, которых, как он писал, "привилегированная каста человечества поставила на последнюю ступень чело-

Путешествия Е. П. Ковалевского

веческого рода". Его поддержали Н. А. Некрасов и Н. Г. Чернышевский. Е. П. Ковалевский был связан узами дружбы с петрашевцами и сочувствовал их идеям. Экспедиции в дальние страны спасли его от преследований царизма.

За 6 лет до путешествия П. П. Семенова на Тянь-Шань Е. П. Ковалевский возглавил экспедицию в Кульджу, которая прошла весь Семиреченский край до Тянь-Шаня. Экспедиция произвела топографическую съемку местности, геолого-географические исследования и разведку полезных ископаемых. Важнейшим политическим результатом экспедиции было заключение Кульджинского трактата с Китаем о беспошлинной меновой торговле.

Е. П. Ковалевский не только внес большой вклад в изучение природы и населения Востока, но и содействовал установлению дружественных отношений между Россией и народами этих стран. Обладая исключительными способностями, огромными знаниями и неиссякаемой энергией, он служил своей родине и как талантливый дипломат. С 1838 по 1855 г. он четыре раза побывал в Черногории и других славянских странах. Имя его в этих странах пользовалось огромной популярностью. Он не забыт там и сейчас. Во время Крымской войны Е. П. Ковалевский находился в осажденном Севастополе.

В 1859 г. вместе с Н. Г. Чернышевским, Н. А. Некрасовым, И. С. Тургеневым и другими русскими писателями Ковалевский основал в Петербурге Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд). Он был до конца своей жизни почти бессменным председателем фонда, отдавал ему много сил и времени в благодарность за "лучшие минуты жизни, доставленные ему русской ученой и художественной литературой".

Е. П. Ковалевский был человеком передовых общественно-политических воззрений, вот почему он помогал революционным демократам и передовым русским писателям и ученым устно и печатно распространять свои идеи. Он ненавидел мерзость крепостного права, писал о необходимости ликвидации дворянских привилегий и правительственного произвола. Он выступал против налогового бремени, которое главной тяжестью обрушивалось на трудящихся. Его возмущала душная атмосфера, которая царила в учреждениях, рутина и бюрократизм чиновников. Ф. И. Тютчев в стихотворении "Памяти Е. П. Ковалевского" писал:

"Но в правду верил он, и не смущался
И с пошлостью боролся весь свой век,
Боролся — и ни разу не поддался...
Он на Руси был редкий человек". [28, с. 201]

В этой статье мы публикуем новые материалы о деятельности Егора Петровича Ковалевского в Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым с 1861 до 1868 г. О связях Е. П. Ковалевского с петербургскими литераторами и учеными до 1861 г. рассказывается в наших других работах. [2; 3; 4; 5].

В 1861—1862 гг. деятельность Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым значительно активизировалась. Революционные демократы Н. Г. Чернышевский, Н. А. Серно-Соловьевич принимали активное участие в его работе вплоть до их заключения в Петропавловскую крепость, а Н. И. Утин до своего побега за границу. Студенческие волнения в Петербургском университете содействовали созданию революционной организации молодежи, которая присоединилась к Литературному фонду и за активную деятельность была запрещена царским правительством. Понимая значение литературы и науки для развития общества, Ковалевский старался через Литературный фонд облегчить тяжелые условия жизни писателей и ученых.

2 февраля 1861 г. Ковалевский выступил на годовом собрании Общества с отчетом. Он сообщил, что число членов Литературного фонда уже превысило 500 человек. С ноября 1859 г. было собрано более 35 тысяч рублей и выдано нуждающимся 68 пособий. Ковалевский рассказал о тяжелом положении писателей и ученых, обращавшихся

Е. П. Ковалевский во время путешествия по Африке в 1848 г.

за помощью. Многих из них он посетил на дому и видел "нужду потрясающую". "Еще долго, — писал он, — положение литераторов и их семейств не будет достаточно обеспечено; еще долго девизом их существования будут слова: работы и хлеба.

Что же касается до литературы, — продолжал он, — то она навсегда сохранит для общества то значение, какое имела прежде, какое имеет и теперь. Всегда будет она следовать за движением науки и жизни, выражая истины, добытые первою, и потребности, обнаруженные последнею, выражая в своей общедоступной форме, передавая новые идеи массе общества и чрез то возвышая уровень его образования, из которого мало-помалу, должно возникнуть просвещенное общественное мнение" [13].

В состав комитета на годовом собрании были избраны: Е. П. Ковалевский, Н. Г. Чернышевский, П. В. Анненков, И. С. Тургенев, П. М. Ковалевский, А. П. Заболоцкий-Десятовский, А. В. Дружинин, Е. И. Ламанский, С. С. Дудышкин, И. Н. Березин, П. Л. Лавров и Н. В. Калачев. Председателем на второй срок был избран Е. П. Ковалевский.

Активное участие в работе комитета принимал Н. Г. Чернышевский. Через него многие литераторы получали материальную помощь из Литературного фонда. Так, например, в апреле 1861 г. Н. Г. Черны-

шевский предложил оказать помощь бывшему отставному солдату Семену Макашину, автору двух повестей, напечатанных в "Русском вестнике" и "Современнике". Деньги необходимы были Макашину для переезда из Саратова в Москву.

В Архиве Литературного фонда сохранилось большое письмо Макашина Н. Г. Чернышевскому, из которого видно, что, переехав в Москву, Макашин "для поддержания жизни был вынужден заниматься перепиской чужих деловых бумаг" (10 к. с листа). "Эта работа, — писал С. Макашин, — мне не по сердцу и отвлекает меня от литературы". Он снова просил оказать ему помощь. 12 мая 1861 г. комитет постановил выдать С. Макашину 75 рублей. Деньги С. Макашину были переданы через Н. Г. Чернышевского и поэта-петрашевца А. Н. Плещеева.

В августе 1861 г. Н. Г. Чернышевский сообщил комитету о болезни молодого литератора В. Н. Елагина, "сделавшегося известным многими журнальными статьями и повестями, которые в недавнее время обратили на себя внимание". Комитет постановил выдавать В. Н. Елагину пособие в сумме 40 рублей в месяц "впредь до облегчения, которое позволило бы ему возвратиться к занятиям". По представлению Н. Г. Чернышевского было также выдано единовременное пособие Маркову, "одному из трудолюбивых сотрудников" журналов, для переезда в деревню для лечения.

Лица, получавшие субсидии от Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым видели в них нечто большее, чем материальную помощь. Так, например, декабрист М. А. Бестужев, получив 26 мая 1861 г. письмо от Е. П. Ковалевского и 1000 рублей на возвращение из Сибири, после отбытия наказания, писал М. И. Семевскому: "Не стану распространяться о чувствах благодарности моей к горячему сочувствию гг. членов комитета к моему положению: литературные заслуги двух моих покойных братьев, без сомнения, было только предлогом чтоб сделать мне добро, тем не менее это сочувствие для меня лестно, как выражение образа мыслей, как взгляд молодого, просвещенного поколения на наше дело. Это уже не желчь, а отрадное питье, освежающее запекшиеся уста распятого за истину мученика" [7, с. 439—440].

Желая использовать трибуну Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым для пропаганды своих взглядов, Н. Г. Чернышевский хотел прочесть курс публичных лекций по политической экономии в Пассаже. О том, какие мытарства ему пришлось испытать для получения разрешения цензуры, видно из его письма к Н. А. Добролюбову от 27 апреля 1861 г. "Итак, — писал Н. Г. Чернышевский, — в понедельник, 3 апреля, я устремляюсь на Певческий мост, в квартиру Е. П. Ковалевского, председателя фонда литер., и объявляю

желание читать лекции в Пассаже; он согласен. 4 апреля я пишу программу, 5 апреля программа отправляется от Ковал. к Делянову за решением, от Делянова к Горлову на рассмотрение. 6-го я устремляюсь к Делянову за справкою и затем же устремляю Пыпина к Горлову. Дел. говорит, что не будет препятствий. Горлов в восторге от экономической ортодоксальности программы и выражает живейшее сочувствие ее автору" [29, с. 426].

Однако, Н. Г. Чернышевскому не удалось прочесть задуманный курс лекций, так как чиновники из цензурного комитета только тогда дали разрешение на чтение лекций, когда из-за наступления летнего сезона их уже невозможно было организовать.

Особенно активное участие в работе комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым Н. Г. Чернышевский стал принимать в период студенческих волнений в 1861 г., когда по всей стране началось движение протеста против реформы 1861 г., в результате которой крестьяне оказались ограбленными и поставленными в еще более бесправное положение. Студенческие волнения в Петербургском университете охватили более широкую массу студенчества, чем в период 1857—1858 гг. Фридрих Энгельс по поводу студенческих волнений в Петербурге в 1861 г. писал, что это было "первое серьезное движение среди студентов, тем более опасное, что народ повсюду был в сильном возбуждении, вследствие освобождения крепостных крестьян" [1, с. 554].

Студенческие волнения вызвали сильное беспокойство со стороны царского правительства. В связи с этим Совет министров назначил комиссию по ревизии деятельности университетов в составе: графа С. Г. Строганова, барона М. А. Корфа и петербургского генерал-губернатора П. Н. Игнатьева.

Министра народного просвещения Евграфа Петровича Ковалевского обвинили в "потворстве открытым беспорядкам", в том, что он мало обращал внимания на "нравственную часть" университетов, не придавал серьезного значения студенческим волнениям, допускал существование университетского студенческого суда, который подвергал разбору "не только поступки товарищей, но даже распоряжения начальства и действия профессоров". А главное, Евграф Петрович, по мнению комиссии, не принимал решительных мер против революционно-настроенной молодежи.

13 апреля 1861 г. на заседании комитета министров Александр II поставил вопрос о закрытии университетов. Евг. П. Ковалевский решительно высказался против репрессивных мер и призвал "усилить финансовые средства университетов, и дать им возможность развиваться в научном отношении соответственно потребностям времени и успехам знания в Западной Европе". Евг. П. Ковалевский также отста-

ивал принцип широкого доступа в университеты представителей разных сословий [24, с. 98, 113].

А. В. Никитенко в своем дневнике писал, что Евг. П. Ковалевский "встретил страшные нападки на беспорядки, производимые студентами. Он ссылался на дух времени, но это не помогло". Вскоре была создана комиссия в составе: гр. В. Н. Панина, С. Г. Строганова и князя В. А. Долгорукова.

А. И. Герцен в "Колоколе" писал, что граф С. Г. Строганов, "заявивший себя врагом освобождения и врагом воскресных школ, натолкнул государю о необходимости принять деятельные меры ПРОТИВ университетов. Государь велел Ковалевскому составить проект. Ковалевский поступил как честный человек и написал проект улучшений, не вовсе вредных для университетов. Но новой тайной полицией, под генерал-инквизиторством Строганова, это не понравилось, и 13 апреля, в Совете министров, поднялась буря против Ковалевского. Буря эта окончилась учреждением комиссии ТРЕХ. Эти трое составившие ВТОРОЕ ТРЕТЬЕ отделение, назначенное исключительно против университетов и просвещения, которым поручено разобрать и дополнить проект Ковалевского: жандарм — Долгорукий, экс-юстиция Панин и экс-куратор Строганов. Не унести вам честного имени в гроб после таких проделок и таких товарищей" [8, с. 99].

Эта комиссия отвергла все предложения Евг. П. Ковалевского и издала новые правила для поступления и обучения в университетах, по которым прекращался доступ в университеты малообеспеченной молодежи, устранилась студенческая корпорация, касса и библиотека, воспрепятствовались сходки и публичные лекции. Все это вынудило Евг. П. Ковалевского в июне 1861 г. выйти в отставку. Министром народного просвещения был назначен Е. В. Путятин, которому поручалось срочно положить конец беспорядкам.

Через несколько месяцев и Е. П. Ковалевский вынужден был уйти в отставку с должности директора Азиатского департамента. М. И. Венюков в своих воспоминаниях писал, что "вследствие удаления брата его Евграфа, от должности министра народного просвещения и его спровадили из директоров Азиатского департамента в Сенат. В этом случае его непосредственный начальник, князь Горчаков, поступил по моему мнению не только несправедливо, но непатриотично, и отчасти даже неблагоприятно. Лучшего направителя азиатской политики России, как Егор Ковалевский не было во все время существования министерства иностранных дел. И если его не жаловали посредственности, в роде какого-нибудь консула Скачкова, то все умные и любящие отечество сохраняют о нем добрую память". Основной причиной удаления Е. П. Ковалевского, по мнению М. И. Венюкова, было "чувство зависти к превосходству сотрудника, которое едва-ли было извинительно в

том случае, если Ковалевский иногда посмеивался над "людьми белой кости", т. е. над аристократами, к которым Горчаков, конечно, себя причислял. Во-вторых, минута удаления полезного, хотя и неприятного подчиненного была выбрана "аристократом" вовсе не по-барски, не по-княжески, а по-подьячески, именно, когда брату Егора Петровича пришлось сойти со сцены при защите либерального университетского устава от нападков таких защитников мракобесия, как Панин, Долгоруков и К^о" [6, с. 246—247].

"Новые правила" обучения в университете были напечатаны в студенческих матрикулах. Всем студентам предложили получить матрикулы и подать прошение о том, что они желают остаться в университете и выполнять эти правила. В знак протеста против нового устава студенты отказывались брать матрикулы. Они собирались на сходки и митинги, распространяли прокламации, в которых выражали свой протест против наступления реакции.

В начале сентября 1861 г. по Петербургу распространилась прокламация "К молодому поколению", написанная Н. В. Шелгуновым при участии М. И. Михайлова, напечатанная в лондонской типографии А. И. Герцена. Прокламация требовала "немедленной революции, революции кровавой и неумолимой, революции, которая должна изменить радикально все, все без исключения основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка". В прокламации ставился вопрос о бесплатном обучении, равноправии женщин, социализации земли и уничтожении частной торговли. 14 сентября 1861 г. М. И. Михайлов был арестован. На следующий день 30 литераторов написали протест против его ареста.

24 сентября университет был закрыт "на непродолжительное время". 25 сентября студенты организовали многолюдную демонстрацию и двинулись по направлению к Колокольной улице, где помещалась квартира попечителя С.-Петербургского учебного округа Г. И. Филиппова. После демонстрации начались повальные аресты. 26 сентября было арестовано 26 студентов "зачинщиков демонстрации", а потом еще 300 студентов. 27 сентября было опубликовано новое распоряжение "высшего начальства" о том, что "вследствие повторившихся в Санкт-Петербургском университете беспорядков, лекции прекращены и вход в университет закрыт, впредь до дальнейших распоряжений". На состоявшейся в этот день сходке выступил П. Л. Лавров.

Вскоре начались новые аресты и избиения студентов. Тюрьмы Петербурга были переполнены. Арестованных отправляли в кронштадтскую тюрьму. 9 октября был закрыт и Казанский университет.

В это тяжелое для учащейся молодежи время Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым организовало сбор средств в пользу студентов. 16 октября 1861 г. на заседании комитета под пред-

седательством Е. П. Ковалевского обсуждался вопрос о "необходимости оказать пособие многим молодым людям на продолжение их образования". На основании пятого параграфа устава Общества комитет признал необходимым назначить 500 рублей для пособия тем "молодым людям, которые по определению профессорского комитета, составленного для разбора нужд учащегося юношества, будут выбраны, как лица, требующие немедленного вспомоществования".

Особенное беспокойство и заботу о судьбе арестованных студентов проявил Н. Г. Чернышевский. В письме к П. Л. Лаврову он писал: "Михаил Алексеевич Воронов, мой старинный приятель, покажет Вам телеграмму, полученную мной из Кронштадта. Мне кажется, что надобно было бы отправить в Кронштадт с кем-нибудь (например, Мих. Ал. Вор., или студентом Ламанским, или бы с другим поверенным) до 500 или 600 р. из фонда на переезд освобождаемых в Пет., а в Петерб. позаботиться о размещении их до устройства их дел по квартирам порядочных людей. Ваш Н. Чернышевский". Из этого письма видно, что Н. Г. Чернышевский поддерживал связь с арестованными в Кронштадте и своевременно был поставлен в известность о необходимости оказать им помощь.

В ответ на это письмо казначей комитета П. Л. Лавров писал 1 декабря 1861 г.: "Я, со своей стороны, Николай Гаврилович, совершенно согласен на выдачу 500 рублей в помощь кронштадтским заключенным, тем более, что там большинство. Если составится голосов 5 в пользу этого мнения, то решение комитета обязательно. Кажется в прошлом заседании говорилось о 1000 рублей, которые надо бы назначить студентам. Теперь пора перейти к действию. Вполне преданный Вам П. Лавров".

Были собраны подписи членов комитета, необходимые для выдачи пособия арестованным студентам. Известный археолог, академик Н. В. Калачев, историк русского языка, подписал: "Вполне согласен". Далее следовала приписка Н. Г. Чернышевского: "Совершенно согласен. Н. Чернышевский. Г-н Березин изустно уполномочил меня засвидетельствовать, что он также согласен. Н. Чернышевский" [12, с. 104].

Вскоре состоялось решение комитета об оказании необходимой помощи студентам. 12 декабря 1861 г. Е. П. Ковалевский сообщил комитету, что во исполнение решений комитета об ассигновании средств на помощь учащимся сверх 500 рублей, он, как председатель комитета, предлагает установить новую сумму для раздачи молодым людям. Комитет постановил выдать казначею по распоряжению председателя еще 1000 рублей серебром для распределения их между нуждающимися юношеством.

В тот же день бывший вольнослушателем университета Егор Южиков обратился к П. Л. Лаврову с просьбой о помощи. "Деньги, соб-

ранные заключенным студентам, — писал он, — уже все розданы; поэтому я позволю себе, при своих затруднительных обстоятельствах, обратиться к Вам с покорнейшей просьбой доложить о моей просьбе вспомоществования комитету Общества Литературного фонда. Позвольте уверить Вас, что только крайние затруднения заставляют меня просить вспомоществование при столь малом праве на это, какое дают мне две помещенные мною в "Современнике" статьи. Позволю себе надеяться, что комитет признает за мной это право, по крайней мере, уважая трудные мои обстоятельства" [34, ф. 438, № 9, л. 365].

Л. Ф. Пантелеев в статье "Из истории первых лет существования Литературного фонда" сообщает, что в 1861 г. в Петербурге организовался кружок для помощи заключенным, с такой организацией, чтобы молодежь сама могла войти в его состав. "Я теперь не припоминаю, — писал он, — откуда впервые появилась идея такого Общества, но судя по тому, с каким живейшим интересом к этому делу относился Чернышевский, очень возможно, что она пошла от него" [20, с. 89].

В конце 1861 г. несколько молодых людей обратилась к Е. П. Ковалевскому с просьбой учредить при Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым особое отделение для помощи нуждающимся учащимся. Л. Ф. Пантелеев указывает, что основатели этого отделения хотели подать непосредственно А. В. Головнину специальный адрес с подписями с просьбой разрешить это отделение, но Чернышевский их отговорил от этого. "Если вы откажетесь от адреса, — сказал он, — то могу вам наверное сказать, что будет разрешено второе отделение" [21, с. 226].

Для сбора средств в пользу бедных студентов Литературный фонд наметил провести вечер памяти Н. А. Добролюбова и цикл лекций Н. Г. Чернышевского по политической экономии. Н. А. Некрасову было поручено подготовить посмертные стихи Н. А. Добролюбова к чтению на вечере. 27 ноября 1861 г. он писал Е. П. Ковалевскому: "Пожалуйста извините, Егор Петрович, я не успел приготовить стихотвор. Добролюбова к сегодняшнему вечеру. В четверг в 11 ч. утра я привезу их Вам для представления в цензуру, и привезу еще очень хороший рассказ Успенского (в пол-листа печатных). Этот рассказ прочтет сам автор, разумеется, если рассказ Вам понравится" [18, с. 289].

Из объявления, опубликованного в петербургских газетах, видно, что программа этого вечера была очень обширной. Н. И. Костомаров читал "Тысячелетие", А. В. Лохвицкий — "Эпизод из истории России (1862)", В. И. Водовозов отрывок из поэмы Генриха Гейне "Германия", М. И. Семевский — "Самоучка — Зарубин", А. Н. Майков стихотворение "Поле", П. И. Мельников-Печерский — "Эпизод из истории раскола" и И. Ф. Горбунов — "Сцены из народного быта".

В 1862 г. в первой книге "Современника" Н. А. Некрасов опубликовал "Посмертные стихи Н. А. Добролюбова" и свое вступительное и заключительное слово, сказанное на этом вечере. В этом же номере "Современника" напечатан и рассказ Успенского "Из дневника неизвестного", о котором Н. А. Некрасов упоминает в своем письме к Е. П. Ковалевскому.

В марте 1862 г., вскоре после выхода в свет этого номера "Современника", статья Н. А. Некрасова о Н. А. Добролюбове была уже прочитана на литературных чтениях в Казани. Чтение было организовано другом Н. Г. Чернышевского П. А. Ровинским, недавно возвратившимся из Чехии и уже находившимся под надзором полиции.

Вот что было опубликовано в "Казанских губернских ведомостях" по поводу этих литературных чтений: "Первая мысль об устройстве литературных вечеров, сбор с которых назначен на сооружение памятника Белинскому и Добролюбову и на благотворительные цели, принадлежит молодому поколению студентов. Эта мысль нашла сочувствие в г-не Ровинском, кандидате здешнего университета, недавно возвратившегося из-за границы... Первый вечер открылся чтением г-на Ровинского о Добролюбове (из "Современника", 1862, № 1), серьезное содержание этой статьи с прибавлением к ней чтения об Инсарове из "Накануне" г. Тургенева произвело на слушателей сильное впечатление, и хотя публика не наградила чтеца аплодисментами, однако, каждый слушатель был благодарен г. Ровинскому за этот выбор статьи". На пути в Казань из славянских стран П. А. Ровинский посетил Петербург и конечно встречался там с Н. Г. Чернышевским и студентами Петербургского университета.

В это время активные деятели студенческого движения в Петербурге готовились к открытию в Городской думе "вольного университета". К чтению лекций в этом университете были привлечены Н. И. Костомаров, И. Я. Горлов, Д. И. Менделеев, С. А. Советов, А. Н. Бекетов и другие. "Недостаточные из бывших студентов" должны были обращаться за билетами к А. Герду, В. Гогоберидзе, С. Ламанскому, Л. Пантелееву, В. Печаткину и Н. Утину.

Сбор средств для студентов быстро увеличивался и деятельность учащейся молодежи при Литературном фонде также. В связи с этим 1 февраля 1862 г. Е. П. Ковалевский обратился к новому министру народного просвещения А. В. Головнину с просьбой разрешить открыть при Обществе помощи нуждающимся литераторам и ученым специальное отделение для сбора средств и их распределения среди учащейся молодежи.

"Имею честь, — писал Е. П. Ковалевский, — препроводить на усмотрение Вашего превосходительства письмо ко мне нескольких молодых людей преимущественно из учащих и учащихся. Долгом постав-

ляю присовокупить к нему свое мнение: в настоящее время собирается довольно значительная сумма денег этими молодыми людьми для бедных учащихся и такая помощь последним необходима, без нее едва ли могли они существовать, потому что ни Общество для пособия литераторам, ни правительство не в состоянии вполне обеспечить их. Но эти суммы собираются и распределяются без правильной отчетности, без проверки со стороны жертвователей, потому что те, которые собирают эти пожертвования, не имеют права отдавать отчет в распределении денег и самые действия их происходят вне всякого сведения со стороны правительства, а потому казалось бы вполне естественно присоединить к какому-либо правительственному учреждению и всего ближе к Обществу для пособия нуждающимся литераторам и ученым, находящимся под непосредственным ведением Вашего превосходительства и, между прочим, имеющему отчасти целью заботиться о воспитывающихся молодых людях..." [34, ф. 438, № 11, л. 53].

Это обращение было одним из важных мероприятий, проведенных Е. П. Ковалевским накануне выхода его по жребию из состава комитета¹.

11 февраля 1862 г. Е. П. Ковалевский, отчитываясь о работе комитета, говорил о росте доверия к Обществу, выразившемся в том, что к нему решили присоединиться и учащиеся. "Остаюсь в том убеждении, — сказал Егор Петрович, — что Общество, не упуская из виду главную свою цель — удовлетворение нужд бедных литераторов и ученых, должно иметь и важное нравственное значение. Действительно, кто может ближе знать людей из среды литераторов, ученых, учащихся, как не комитет Общества?

К кому, следовательно, могут скорее всего обратиться отцы семейств для выбора наставников, учителей для детей? К кому может всего удобнее обратиться правительство для выбора редакторов своих ученых изданий, своих журналов, для отыскания исполнителей различных ученых предприятий, как не к комитету Общества, действующему добросовестно и имеющему в виду одну цель — пользу самого дела?

К кому могут обращаться литераторы, ученые, учащиеся не только для пособия, но и в других случаях жизни, для разрешения взаимных недоразумений, несогласий, для совета по различным научным предприятиям, как не к лицам, ими самими избранными и составляющими комитет?" Е. П. Ковалевский высказал уверенность, что Общество воскресных школ тоже присоединится к Литературному фонду и "круг его деятельности будет все более и более расширяться" [25, 27 февраля 1862 г.].

---

¹ По уставу Литературного фонда каждый год из состава комитета выбывало по два человека, взамен которых выбирались новые члены. В первые годы выбывали по жребию, а потом стали выбывать по очереди.

Ревизионная комиссия предлагала привлечь членов Общества к активному участию в его делах, возбуждать и вызывать прения по спорным вопросам, вызывать членов Общества "словесно, в собраниях и посредством печати" заявлять свои неудовольствия на сделанные комитетом распоряжения, посредством печати придать действиям комитета широкую гласность, и критическим разбором деятельности комитета вызвать полезную полемику.

Вместе с Е. П. Ковалевским из состава комитета в феврале 1862 г. выбыли Н. Г. Чернышевский, П. В. Анненков, Е. И. Ламанский, А. В. Дружинин. Вновь были избраны: председателем комитета Г. А. Щербатов, секретарем В. П. Гаевский и казначеем востоковед И. Н. Березин. В состав комитета вошли также: Н. А. Некрасов, А. Д. Галахов, К. Д. Кавелин и А. П. Заболоцкий-Десятовский. В связи с уходом Е. П. Ковалевского комитет постановил: в воспоминание председательства Егора Петровича и в знак благодарности за оказанные им Обществу услуги открыть имени его подписку на стипендии для детей литераторов и ученых "недостаточного состояния", выставить в зале его портрет и просить присутствовать на заседаниях комитета.

В феврале 1862 г. на заседании комитета вновь обсуждался вопрос об организации чтений лекций Н. Г. Чернышевского в течение Великого поста. Н. А. Некрасову, П. Л. Лаврову и С. С. Дудышкину было поручено организовать эти лекции в зале Бенардаки. "Для доставления недостаточным людям" возможности посещать эти лекции было решено снизить цены на входные билеты. Но рукопись Н. Г. Чернышевского не была разрешена цензурой, и потому чтение не состоялось. В летописи Общества помощи нуждающимся литераторам и ученым по поводу этого было написано, что в 1862 г. "не состоялось одно чтение за неразрешением прочесть подготовленную рукопись" [23, с. 40].

2 марта 1862 г. в Обществе помощи нуждающимся литераторам и ученым состоялся большой литературно-музыкальный вечер для сбора средств в пользу бедных студентов и поэта-революционера М. И. Михайлова, сосланного 15 декабря 1862 г. на каторгу в Сибирь.

На вечере Н. Г. Чернышевский читал "Знакомство с Добролюбовым", Ф. М. Достоевский отрывки из "Мертвого дома", Н. А. Некрасов и В. С. Курочкин стихотворения из Беранже, профессор П. В. Павлов прочел лекцию на тему "Тысячелетие России". В заключение Г. Венявский, А. Г. Рубинштейн и М. И. Глинка исполнили свои произведения. Концерт-чтение дал небывалый сбор, более двух тысяч рублей. По желанию распорядителей вечера А. А. Серно-Соловьевича и Н. А. Тиблена половина сбора была передана ими для "раздачи по их усмотрению".

В секретном донесении по поводу вечера князь В. А. Долгоруков писал: "В минувшем году литераторы предлагали свое ручательство и за невиновность арестованного Михайлова, который несмотря на изобличение в его преступлении государственном, по-видимому, и ныне еще близок их сердцу, ибо доход с литературного вечера 2 марта, простирившийся до 2400 рублей, предназначался, по дошедшим сведениям, в пользу его, Михайлова" [22, с. 14].

Н. В. Шелгунов в своих воспоминаниях писал, что выступление П. В. Павлова вызвало бурный восторг в зале. В это время к сидевшим за сценой Н. А. Некрасову и Н. В. Шелгунову прибежал "взволнованный Егор Петрович Ковалевский и, обращаясь к нам, — писал Шелгунов, — говорит: — Удержите его, удержите! Завтра его сошлют! На-завтра пророчество Ковалевского сбылось, в двенадцать часов дня Павлов уехал с провожатым в Кострому" [33, с. 187].

Вскоре А. И. Герцен в "Колоколе" опубликовал заметку о событиях, последовавших за чтением-концертом. Революционный демократ П. В. Павлов, доктор исторических наук, политической экономии и статистики был организатором первых в России воскресных школ. Он был арестован и сослан за то, что закончил свою лекцию следующими словами: "Россия стоит теперь над бездной, в которую мы и повергнемся, если не обратимся к последнему средству спасения, к сближению с народом, имеющий уши слышать, да слышит".

После ареста П. В. Павлова министерство народного просвещения установило новые правила для проведения литературных вечеров, по которым вводилась строгая цензура лекций, читаемых в Литературном фонде. 14 марта 1862 г. комитет специально занимался обсуждением этих правил. На заседании присутствовал Н. Г. Чернышевский, который рекомендовал в члены Общества М. Д. Поздняка.

В это время революционные демократы часто обращались в Литературный фонд с просьбами о помощи. 28 марта 1862 г. Н. А. Серно-Соловьевич, соратник Н. Г. Чернышевского и А. И. Герцена, писал в Литературный фонд, что П. П. Пятковский, переведивший книгу "Теория финансов" Прудона "крайне нуждается в средствах существования". Через два дня П. П. Пятковскому было выдано пособие. 12 апреля 1862 г. Н. Г. Чернышевский сообщил о тяжелом положении родственника В. Г. Белинского, которому была оказана материальная помощь.

Наконец, после долгих колебаний, правительство разрешило открыть отделение для помощи учащейся молодежи. 29 апреля 1862 г. А. В. Головин, министр народного просвещения, писал Е. П. Ковалевскому: "Надеюсь, почтеннейший Егор Петрович, что Ваше желание исполнено во время и что Вы получили уже проект устава Вашего отделения. Имейте, пожалуйста, в виду, что после сегодняшнего собра-

ния мне необходимо получить полный именной список учредителей, всех членов отделения и лиц, которые будут сегодня избраны в комитет. Мне нужно будет также получить план действий комитета, чтобы послать ему некоторую сумму от министерства просвещения" [34, ф. 356, № 183, л. 27].

Истинные мотивы, которыми министерство руководствовалось давая подобное разрешение, были опубликованы А. И. Герценом в "Колоколе". А. И. Герцен также опубликовал список членов комитета для пособия нуждающейся молодежи. "Сегодня, — писал министр народного просвещения А. В. Головнин шефу жандармов В. А. Долгорукову, — я докладывал государю прилагаемый список и теперь препровождаю оный Вашему сиятельству, надеюсь на днях доставить более полный и подробный. Это — состав комитета, избранного в прошлое воскресенье отделением для пособия учащимся. В нем находятся люди, говорят, умные, но самые КРАЙНИЕ. Президентом они выбрали сенатора Ковалевского, и у него на дому уже было два заседания, как он удостоверяет, весьма приличные. Польза этого учреждения следующая: 1) прежние тайные сборища заменены гласными; 2) постановления комитета и расходы известны. Ведутся протокол и расходные книги; 3) студенческая касса передана казначею Общества; 4) известны имена всех, принадлежащих к этому разряду лиц; 5) устроен громоотвод от университета, ибо члены отделения уже не будут действовать как студенты, и, вероятно, оставят университет в покое, а это и нужно, чтоб не мешать другим учиться; 6) Ковалевский, имея на этих лиц большое влияние, будет удерживать их от крайностей" [9, с. 325—326].

25 апреля 1862 г. новый председатель комитета Литературного фонда Г. А. Щербатов попросил Е. П. Ковалевского "открыть действия" отделения для помощи учащимся, а через 3 дня уже состоялось первое общее собрание нового отделения; на нем присутствовало 100 человек. На собрании был утвержден устав отделения, составленный племянником Егора Петровича — П. М. Ковалевским, и избран комитет, в состав которого вошли активнейшие деятели организованного в 1861 г. тайного общества "Земля и воля": Н. А. Серно-Соловьевич, Н. И. Утин, Л. Ф. Пантелеев, Е. П. Печаткин, В. Г. Гогоберидзе, Н. И. Корсини, А. А. Жук, П. Ф. Моравский, М. А. Богданов, Ф. Дозе, М. С. Гулевич, С. Гудевский. Кандидатами были избраны: С. Ламанский, Фан-дер-Флит, Н. Г. Чернышевский, Хорошевский, Герд и М. Островский, секретарем комитета В. Г. Гогоберидзе. Председателем и казначеем по уставу нового отделения состояли те лица, которые занимали эти должности в комитете Литературного фонда. Ввиду того, что с 9 мая 1862 г. по 13 сентября этого же года Е. П. Ковалевский заведовал делами Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, то он и возглавил новое отделение.

25 апреля 1862 г. произошло слияние отделения для помощи учащимся с временной студенческой кассой, созданной в Петербургском университете в период студенческих волнений в октябре 1861 г.

Л. Ф. Пантелеев в своих воспоминаниях писал, что учредители отделения для помощи учащимся хотели избрать Н. Г. Чернышевского членом комитета. Но он категорически отказался, мотивируя свой отказ тем, что его избрание могло привлечь "ненужное внимание начальства к отделению" [21, с. 227]. Н. Г. Чернышевского избрали кандидатом в члены комитета. Это не помешало ему принимать самое активное участие в работе комитета. В своих воспоминаниях он писал, что тех членов комитета студентов, которые были в нем руководящими людьми, видел в те дни часто. Такое внимание к деятельности комитета отделения для помощи бедным студентам, по свидетельству Н. Николадзе, объясняется тем, что Н. Г. Чернышевский "придавал огромное значение студенческому движению в том смысле, что рассчитывал на безостановочность пропаганды студентов в среде, в которую они попадут после окончания курса".

Первое заседание комитета для помощи учащимся состоялось в понедельник 2 мая 1862 г. под председательством Е. П. Ковалевского у него на квартире, в доме Кочубея, на Мойке, у Певческого моста. На заседании присутствовали: востоковед И. Н. Березин, М. А. Богданова, В. Л. Гогоберидзе, М. С. Гулевич, С. Р. Издебский, Н. И. Корсини, П. Ф. Моравский, Н. А. Серно-Соловьевич, Л. Ф. Пантелеев, Е. П. Печаткин и Н. И. Утин.

Е. П. Ковалевский сообщил о средствах, поступивших из временной студенческой кассы и от членов Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Комитет вынес важное решение: "1) обратить особенное внимание на доставление нуждающимся молодым людям возможности самим зарабатывать себе средства к существованию и для этой цели публиковать в газетах, что нуждающиеся в учителях и учительницах, гувернерах и гувернантках, также в переводчиках и управляющих домами и пр., могут обращаться в комитет, который по возможности добросовестно будет исполнять их требования; 2) обратиться ко всем сочувствующим положению недостаточных учащихся, с просьбой о содействии цели отделения пожертвованиями, так и постоянными взносами, лиц, которые желают быть членами-соревнователями отделения" [25, 10 мая 1862 г.].

На втором заседании комитета отделения для помощи бедным учащимся присутствовали все те, кто был на первом заседании, кроме Л. Ф. Пантелеева, вместо него был М. С. Островский. На заседании комитета было доложено о поступивших средствах; было решено выдать пособия 39 лицам, 7 лицам было отказано в пособии, о 6 лицах членам комитета было поручено собрать более подробные сведения.

"Вследствие убеждения, что мелочные пособия, при всей значительности общей суммы выдаваемых пособий, не вполне достигли цели, — комитет пришел к выводу, что одним из существенных средств к выполнению назначения отделения было бы доставление молодым людям возможности иметь дешевые квартиры и стол". Одному из членов комитета было поручено составить проект "об артельных квартирах и артельном столе".

На третьем заседании комитета отделения для помощи учащимся Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым Е. П. Ковалевский сообщил сведения о собранных средствах. 250 рублей было собрано в четвертой и шестой артиллерийских бригадах. Комитет постановил выдать пособие 22 лицам; четырем было отказано в пособии, о троих было решено собрать более подробные сведения. Одному больному было выдано 60 рублей, другому 150 рублей для поездки на кумысное лечение в Самарскую губернию. Активное участие в работе комитета принимал врач П. И. Боков², который присутствовал на заседаниях, чтобы "оказывать содействие в случаях, требуемых помощи доктора". Члены комитета горячо благодарили П. И. Бокова за его "готовность разделять труды комитета".

На этом заседании Е. П. Ковалевский довел до сведения членов комитета о том, что неизвестный автор прислал проект основания школы "для среднего класса". Для его рассмотрения была избрана особая комиссия. Затем был прочитан "проект об артельных квартирах и артельном столе для нуждающихся учащихся". Было решено отдать проект на суд публики и напечатать в газетах. Можно предположить, что эти проекты были написаны друзьями Н. Г. Чернышевского и впоследствии были использованы как материал для написания романа "Что делать?".

28 мая 1862 г. состоялось четвертое заседание комитета, на котором присутствовали: В. П. Гогоберидзе, М. С. Гулевич, С. Р. Издебский, Н. И. Корсини, П. Ф. Моравский, М. А. Островский, Е. Н. Печаткин, Н. А. Серно-Соловьевич, Н. И. Утин. Е. П. Ковалевский сообщил о средствах, поступивших в отделение. Лукин из Муром и Власов из Тверской губернии обратились в комитет с просьбой рекомендовать им на летний период учителей. Комитет рекомендовал студентов Николая Валуева и Кудиновича, исключенных из университета и находившихся под надзором полиции.

По просьбе Е. П. Ковалевского петербургский генерал-губернатор князь Суворов освободил их из-под надзора. На следующий день они были арестованы за распространение в казармах прокламаций. Оба

---

² П. И. Боков (1835—1915) — друг и последователь Н. Г. Чернышевского. Привлекался к суду по делу о революционной организации "Великорусс". Послужил Н. Г. Чернышевскому прототипом образа Лолухова в романе "Что делать?".

они были связаны с вожаком студентов Алексеем Яковлевым, который 10 мая 1862 г. был арестован и осужден на каторжные работы за распространение среди солдат "Колокола".

4 июня 1862 г. состоялось пятое заседание комитета. Было принято пожертвований на сумму 50 рублей, выдано пособий 16 лицам. Впоследствии агент Третьего отделения В. В. Александрова писала в докладе, что ей было известно о том, что "существовала когорта праздничношатающейся молодежи, ходившая по России с целью нарушения существующего порядка в России. Содержалась она на средства, собираемые 2-м отделением Литературного фонда, где люди революционного направления успели свить гнездо" [15, с. 61].

7 июня 1862 г. министр внутренних дел П. Валуев сообщил управляющему Третьим отделением следующее: "Сегодня решено, что университет не будет открыт, кроме математического факультета, воскресные школы закрыты по всей империи до преобразования их, отделы помощи студентам будут закрыты и журналы "Современник" и "Русское слово" приостановлены на 8 месяцев" [22, с. 36].

11 июня 1862 г. министр народного просвещения А. В. Головнин писал Е. П. Ковалевскому: "Государь император, 10 сего июня высочайше повелеть соизволил: ныне же закрыть учрежденное при Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым особое отделение для вспомоществования учащимся, поручив комитету, управляющему делами означенного отделения, передать в ведение Общества все имеющиеся денежные суммы" [34, ф. 356, № 183, л. 2].

В этот же день состоялось последнее шестое заседание комитета отделения для помощи учащимся. Объявив комитету о закрытии, Е. П. Ковалевский сказал: "«Не думал я, господа, что на старости лет окажусь во главе тайного общества». «Что вы, что вы, Егор Петрович, да разве тайное общество устроилось бы с гласным комитетом, и таким же списком членов? Это только пустой предлог». «И я то же думаю», — добродушно отвечал Ковалевский" [21, с. 227].

Л. Ф. Пантелеев не случайно приводит этот эпизод в своих воспоминаниях. Основная часть петербургской организации "Земля и воля" состояла из членов комитета отделения для помощи учащимся.

В связи с закрытием отделения Н. И. Утин, Н. Н. Серно-Соловьевич, Н. Моравский, Е. Печаткин, С. И. Издебский, В. Гогоберидзе выразили искреннюю благодарность председательствовавшему в комитете Евг. Ковалевскому, который так "живо принял к сердцу истинные интересы просвещения, посвящал труд и время частным целям отделения, горячо содействовал облегчению тягостной участи сотен бывших студентов, теперь пролетариев, и в короткое время снискал наше безграничное доверие и уважение. Мы смело можем заявить убеждение,

что все члены отделения разделяют высказанные здесь чувства Егору Петровичу" [20, с. 92].

Обещанную сумму денег — тысячу рублей министерство просвещения пожертвовало уже после закрытия отделения. Во всех газетах было опубликовано объявление о закрытии отделения с просьбой доставить на квартиру заведующему временно делами Общества Е. П. Ковалевскому подписные листы и собранные деньги.

В объявлении указывалось, что с 14 октября 1861 г. до 29 апреля 1862 г. в Петербургском университете существовала временная студенческая касса, в которую поступило 15886 рублей. Из этой суммы на единовременное пособие 364 лицам было израсходовано 12410 рублей, на покупку одежды было выдано 2757 рублей. "Студенты университета постоянно заботились об участии своих товарищей, из которых многие погибли бы от нищеты без их пособия".

Деньги, оставшиеся от студенческой кассы, были переданы в отделение для пособия бедным учащимся, а после закрытия его в Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Закрытие отделения, как отмечалось в истории Литературного фонда, имело печальное последствие. "Часть публики, под влиянием тогдашних происшествий, отвернулась от Общества или стала смотреть на него косо".

К. Д. Кавелин писал, что благодаря этому отделению "блестящая служебная карьера Егора Петровича была окончательно испорчена".

Вскоре после закрытия отделения для помощи бедным учащимся были арестованы Н. Г. Чернышевский и Н. А. Серно-Соловьевич. В материалах процесса над Н. Г. Чернышевским указывается, что внимание правительства было обращено на Чернышевского после беспорядков, происходивших в С.-Петербургском университете. Непосредственным предлогом ареста Н. Г. Чернышевского послужило письмо Н. П. Огарева Н. А. Серно-Соловьевичу, задержанное III-м отделением, на котором А. И. Герцен сделал приписку: "Мы готовы издавать "Современник" здесь с Чернышевским или же в Женеве — печатаем предложение об этом" [22, с. 80].

После ареста Н. А. Серно-Соловьевича А. И. Герцен в "Колоколе" писал, что "человек этот был так чист, что даже "Московские ведомости" не обругали его, не донесли на него во время следствия, не сделали намека, что он поджигатель и вор. Это был один из лучших весенних провозвестников нового времени в России" [26а, с. 329]. Организация отделения для помощи бедным учащимся почти совпала с организационным периодом тайного общества "Земля и воля", возникшего в кругу революционных демократов близких к "Современнику". И в той, и в другой организации активное участие принимали Н. Г. Чернышевский, братья Серно-Соловьевичи, Н. И. Утин, Л. Ф. Пантелеев, А. А. Слепцов и др. Это вызвало подозрения у

правительства, закрытие отделения для помощи бедным учащимся и аресты. Общество "Земля и воля" пыталось использовать легальные возможности отделения для развертывания пропаганды революционных идей среди молодежи и как материальную базу.

Надежды министра народного просвещения А. В. Головнина на то, что отделение для помощи бедным учащимся станет "громоотводом" от университета и "тайные общества" будут заменены "гласными", а Е. П. Ковалевский будет удерживать исключенных из университета студентов от "крайностей", не оправдались. Правительство закрыло это отделение и стало преследовать его организаторов.

2 мая 1863 г. член Центрального комитета Общества "Земля и воля" и член комитета Отделения для помощи учащимся при Литературном фонде Н. И. Утин, предупрежденный об аресте, совершил побег за границу. Из России он отправился в Турцию, а оттуда в Лондон.

15 августа в "Колоколе" было опубликовано письмо Н. И. Утина в комитет Общества "Земля и воля". "Прибыв, наконец, в Англию, — писал он, — считаю первым главным своим делом уведомить печатно комитет Общества "Земля и воля" об успешном исходе моего путешествия, длящегося так долго благодаря моей случайной тяжелой болезни. Благодарю публично комитет за своевременное предупреждение меня о грозившей опасности; благодарю за снабжение меня всем нужным для выхода из России, за средства, как денежные, так и все другие, за пути, которые мне были указаны.

Комитет ко мне выказал все то бдительное внимание, с которым он отнесился к каждому из близких к нему, хотя бы близость заключалась в одной и той же ненависти к царскому правительству. Считаю нужным также заметить для сведения комитета, что все лица, к которым я должен был обращаться во время своего пути по указанию комитета, вполне оправдали его доверие" [26а, с. 455].

Л. Ф. Пантелеев в своих воспоминаниях писал, что организацией побега Н. И. Утина за границу занимался выдающийся член Общества "Земля и воля" П. А. Ровинский, который в конце 1862 г. переехал в Петербург. "По совету П. А. (Ровинского), — писал Пантелеев, — решено было отправить Утина на юг России и там из какого-нибудь порта препроводить за границу. Эту операцию взял на себя П. А. и благополучно выполнил ее".

В начале июля 1862 г. Е. П. Ковалевский выехал в Баден-Баден для лечения, так как здоровье его резко ухудшилось. 7 (19) июля он был в Карлсруэ, где встретился с К. Д. Кавелиным и Б. И. Утиным. Е. П. Ковалевский рассказал К. Д. Кавелину о петербургских новостях: о прокламациях, поджогах, недружелюбном отношении правительственных сфер к прессе и литературе, об успехах революционного движения в Польше [16, с. 39].

В июле 1862 г. Е. П. Ковалевский в Лондоне встретился с А. И. Герценым. Дело "о лицах, заподозренных в сношениях с изменником Герценым", начинается запиской агента охранки, в которой написано следующее: "На прилагаемом листочке записаны мной имена нескольких лиц, которые по сведениям, полученным в Лондоне, служат корреспондентами Герцена. 27 июля". Агент сообщает, что Герцена в Лондоне посещали: Ковалевский, Владимир Стасов, Сергей Боткин, Писемский, Николай Жемчужников, Загоскин, Федор Достоевский, Рубинштейн "брат Антона".

Для того, чтобы выяснить, какой именно Ковалевский посетил в 1862 г. А. И. Герцена, III отделение потребовало список лиц, которым в 1861—1862 гг. были выданы заграничные паспорта. Среди таковых оказалось три Ковалевских: Оскар, Юлиан и Петр. В августе 1862 г. во многих заграничных газетах был опубликован список лиц, которые "должны быть арестованы по возвращению в Россию". Среди других в списке были и упомянутые выше Ковалевские. Оскар и Юлиан категорически отвергли обвинения в посещении Герцена и полностью оправдались.

Вскоре в III отделение поступило новое донесение, в котором указывалось, что "по дошедшим сведениям нижепоименованные лица подозреваются в сношениях с Герценым и распространении возмутительных сочинений: Егор Ковалевский и Голубь, помещики Ахтырского уезда Харьковской губернии". Но III-му отделению так и не удалось напасть на след Егора Петровича, может быть это произошло потому, что для III-го отделения сенатор Е. П. Ковалевский был вне подозрения.

2 февраля 1863 г. Е. П. Ковалевский в третий раз был избран председателем Литературного фонда, секретарем избрали Ф. М. Достоевского³. С этого времени связь между Ф. М. Достоевским и Е. П. Ковалевским становится более тесной и переходит почти в дружбу, которая продолжалась до самой смерти Е. П. Ковалевского.

Обсуждение итогов деятельности Общества за 1862 г. происходило 10 марта 1863 г. Член ревизионной комиссии Б. И. Утин в докладе отметил, что "задача комитета в минувшем году была нелегкой". К литературным чтениям "можно было прибегать несравненно реже, чем в прошлые годы". Журналист Г. Скарятин предложил внести изменение в 20 параграф устава Литературного фонда, согласно которому новых членов комитета предлагает сам комитет. "При теперешнем порядке в избрании новых членов комитета, — сказал он, — какая-нибудь лите-

---

³ Протоколы заседаний комитета Литературного фонда, написанные Ф. М. Достоевским, в 1987 г. опубликовала Т. И. Орнатская [19].

ратурная партия, раз засевавшая в него, легко могла предлагать в члены исключительно своих сторонников".

О какой литературной партии, заседавшей в комитете, говорил Скарягин? С конца 1859 до начала 1862 г. членом комитета был Н. Г. Чернышевский. В 1862 г. вместо него был избран Н. А. Некрасов. А в 1863 г. вместо Н. А. Некрасова был избран А. Н. Пыпин.

"О партии Чернышевского и Некрасова", господствовавшей в Литературном фонде, позднее писал и М. П. Погодин. Предложение Скарягина было отвергнуто.

10 апреля 1863 г. в зале Благородного собрания состоялся музыкально-литературный вечер Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Сбор средств предназначался в пользу студентов Медико-хирургической академии. На вечере выступили: В. С. Курочкин, В. В. Крестовский, Ф. М. Достоевский и Н. Г. Помяловский. В архиве Литературного фонда сохранился отчет об этом вечере в форме доноса, в котором указывается, что во втором отделении В. В. Крестовский прочел два стихотворения: "Сгон земли" и "Полосу". "В первом стихотворении поэт рисует картину земли, УПИТАННОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ КРОВЬЮ И ПОЛИТОЙ КРЕСТЬЯНСКИМИ СЛЕЗАМИ, и молит, чтобы на ней выросла наконец свобода. Во втором, представив полосу, запущенную, он задумывается, отчего она заброшена. Запил ли мужик или умер с горя? Иль быть может и то: в кандалах по Владимирке пахаря гонят; ЗА ШИРОКИЙ И ВОЛЬНЫЙ РАЗМАХ БОГАТЫРСКУЮ СИЛУ ХОРОНЯТ. И снова рукоплескания, снова вызовы и повторения "Полосы" [34, ф. 438, № 12, л. 194—196].

Автор отчета-доноса приходит к выводу, что "подобные литературные вечера в случае невозможности или неудобства запрещать их, должны быть допускаемы гораздо реже".

После расправы с вождем революционной демократии Н. Г. Чернышевским и его товарищами начался поход реакции против демократии. В это время моральная и материальная поддержка Литературного фонда была особенно важна. В мае 1863 г. Н. А. Некрасов просил Е. П. Ковалевского оказать материальную помощь писателю М. А. Воронову, ученику Н. Г. Чернышевского. 6 мая 1863 г. комитет постановил выдать М. А. Воронову 125 рублей. 7 октября 1863 г. Н. А. Некрасов опять просил Е. П. Ковалевского об оказании помощи. На этот раз — матери писателя Н. Г. Помяловского.

В 1863 г. известный историк, впоследствии академик П. П. Пекарский обратился к Е. П. Ковалевскому с просьбой защитить его от преследований царских чиновников за помощь, оказанную им в свое время ссыльному поэту М. Л. Михайлову. "Когда в 1861 г. отправили Михайлова в ссылку, то я писал в Тобольск к одному товарищу сво-

ему по университету Андронникову оказать Михайлову, с которым вместе росли, возможное участие в его судьбе".

Письмо П. П. Пекарского вместе с делом Андронникова было представлено на рассмотрение Первого департамента Сената. "Пример Афанасьева, — писал Пекарский, — скромного труженика, занимавшегося изданием народных сказок, у меня перед глазами: прежде удостоверения о его невинности, ему дали отставку без прощения... Что мне останется делать, если и меня, без дальних справок, лишат места? Я привык к серьезной деятельности, к журнальной срочной работе не способен, а с замазанным формуляром меня никуда не примут. У меня нет никакой поддержки, никаких милостивцев, и в таком то положении я ничего не мог придумать, как передать эти обстоятельства Вашему превосходительству" [34, ф. 356, № 300, л. 12].

Прогрессивная деятельность Литературного фонда вызвала враждебное отношение не только со стороны правительства, но и реакционных литераторов. "Деятельностью вашего общества, — писал М. П. Погодин Е. П. Ковалевскому в ноябре 1863 г., — (между нами), я был недоволен и видел в нем действие партии в Петербурге господствовавшей..." В письме от 31 декабря 1863 г. М. П. Погодин уже более определенно пишет о господствовавшей в Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым партии. "Московские, сколько мне случалось слышать, приписали Петербургское общество партии Чернышевского и Некрасова, которые делают, что хотят..."

Нападки на Литературный фонд вынудили Е. П. Ковалевского уйти с поста председателя комитета. В отчете об общем собрании членов Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым от 2 февраля 1864 г. сообщалось, что Е. П. Ковалевский "по собственному желанию сложил с себя звание председателя, после продолжительных и усердных трудов на пользу Общества, которое в лице присутствующих выразило ему свою полную признательность" [25, 4 июля 1864 г.].

Председателем комитета был избран барон М. А. Корф, членами его П. П. Пекарский, Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, приехавший в Петербург в связи с вызовом его в Россию для объяснений о своих сношениях с русскими эмигрантами. 31 января 1864 г. сенат закончил разбирательство дела И. С. Тургенева, и ему было разрешено жить за границей.

2 февраля 1864 г. Е. П. Ковалевский выступил с речью, в которой призвал усилить средства Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. "Основанием нашего Общества, — сказал он, — должны служить проценты с труда литературного и ученого. Пусть каждый из нас обяжется с каждой книги, с каждой статьи, с каждого листа вносить известный процент в кассу Общества; но пусть это обязательство будет действительно обязательством, пусть оно сделается

насушной потребностью, без которой никто не должен браться за перо" [25, 15 февраля 1864 г.].

Член ревизионной комиссии Б. И. Утин указал на большие финансовые трудности Общества, которые объяснялись отчасти запрещением правительства проводить литературные чтения. На собрании было вынесено решение: вместо "частных и маловажных пособий", которые выдавались бедным учащимся, "постоянно и ежегодно платить в университет за 10 неимущих воспитанников".

Скоро М. А. Корф отказался от обязанностей председателя, и Е. П. Ковалевский по просьбе Ф. М. Достоевского, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, А. Н. Пыпина, Б. И. Утина, В. П. Гаевского и А. Д. Галахова согласился вновь возглавить комитет Литературного фонда.

11 февраля 1864 г., двоюродный брат Н. Г. Чернышевского — А. Н. Пыпин сообщил Е. П. Ковалевскому, что В. А. Слепцов желает участвовать в литературных чтениях. Е. П. Ковалевский сразу написал В. А. Слепцову приглашение. В Институте русской литературы (Пушкинском доме) в Ленинграде сохранилась записка В. А. Слепцова, являющаяся ответом на это приглашение. "Я никак не виновен, уважаемый Егор Петрович, — писал В. А. Слепцов, — что до сих пор не ответил на Вашу бумагу. Она лежала в конторе "Современника" до вчерашнего вечера, и только вчера поздно вечером я ее получил. Очень жалко, что не могу Вас видеть. Мне бы хотелось посоветоваться относительно того, что читать. Кроме этого, еще нужно бы условиться, кому после кого читать. Для меня это очень важно. Мне сказали, что через 2 часа я могу застать Вас. Теперь 2, а потому в 4 я опять зайду" [35].

18 февраля 1864 г. в Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым состоялся большой литературный вечер под председательством Е. П. Ковалевского. Непосредственным организатором вечера был друг Е. П. Ковалевского — петрашевец А. И. Пальм, а участниками его: Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, А. Н. Майков, В. А. Слепцов. И. С. Тургенев читал повесть "Призраки", а В. А. Слепцов рассказ "Питомка".

10 марта устроили еще один литературный вечер, в котором участвовали М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. А. Некрасов, В. Г. Бенедиктов и другие. Газета "Голос" обвинила Литературный фонд в том, что участники этого вечера читали уже опубликованные произведения. Е. П. Ковалевский опроверг это и пояснил, что из шести произведений были напечатаны только два.

Весной 1864 г. Е. П. Ковалевский приступил к подготовке музыкального и литературного вечера, посвященного 300-летию со дня рождения У. Шекспира. В состав комитета по подготовке этого вечера

были привлечены выдающиеся артисты: М. П. Садовский, лучший исполнитель произведений У. Шекспира и его почитатель, В. В. Самойлов, который написал Е. П. Ковалевскому, что он "за особое счастье и честь считает участвовать в комитете, где будет составляться план торжеств покойного, но бессмертного Шекспира".

Вечер памяти У. Шекспира состоялся 23 апреля 1864 г. П. П. Пекарский прочел речь И. С. Тургенева, посвященную У. Шекспиру, затем с докладом "Шекспир в России" выступил А. Д. Галахов.

В начале 1864 г. в петербургских газетах началась дискуссия о деятельности Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым.

И. Говоров в "С.-Петербургских ведомостях" писал: "Одни говорят, что Литературный фонд падает, Литературный фонд при последнем издыхании, его погубили нигилисты". Другие говорят, что "Литературный фонд копит деньги и блаженствует, он равнодушен к бедствиям пишущей братии, в него засели все такие достопочтенные господа, что нельзя от него прока ждать". И. Говоров не согласился ни с тем, ни с другим обвинением. Главным недостатком Литературного фонда он считал его финансовую слабость и равнодушные многих членов к его деятельности [25, 6 февраля 1864 г.].

После этой статьи на Литературный фонд начались нападки со стороны газеты "Голос", редактируемой А. А. Краевским. Е. П. Ковалевский опроверг все нападки "Голоса", а П. В. Анненков 29 марта 1864 г. сказал, что Литературный фонд "всегда был доступен всякому истинному голосу нужды, откуда бы он не раздавался".

2 февраля 1865 г. Е. П. Ковалевский в пятый раз был избран председателем комитета Общества помощи нуждающимся литераторам и ученым; членами комитета были избраны: Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов. Ф. М. Достоевский оставался членом комитета недолго и весной 1865 г. перестал посещать заседания комитета, и выбыл из его состава. На причинах выбытия Ф. М. Достоевского из комитета и его взаимоотношениях с Е. П. Ковалевским необходимо остановиться подробнее.

В начале июня 1863 г. в "С.-Петербургских ведомостях" было опубликовано сообщение о прекращении выхода в свет журнала "Время", который издавал Ф. М. Достоевский вместе со своим братом. Журнал был закрыт за то, что в четвертом номере была помещена статья "Роковой вопрос" о польских делах, направленная "наперекор всем патристическим чувствам и заявлениям, вызванным здешними обстоятельствами, а тем вместе и всеми действиями правительства до них относящихся".

Ф. М. Достоевский оказался в очень тяжелом материальном положении. В связи с этим он обратился к Е. П. Ковалевскому с двумя письмами, следовавшими одно за другим. 20 июля 1863 г. он просил

снять с него звание члена комитета Литературного фонда, а 23 июля написал, что собирается отправиться на три месяца за границу для поправления здоровья и для совета с европейскими врачами-специалистами по падучей его болезни. Ф. М. Достоевский просил Е. П. Ковалевского ходатайствовать перед комитетом Литературного фонда о предоставлении ему ссуды в сумме 1500 рублей сроком до 1 февраля 1864 г.

24 июля 1863 г. Ф. М. Достоевский получил из Литературного фонда просимую сумму, с уплатой 5% годовых, и уехал за границу. В декабре 1863 г. он возвратил в Литературный фонд 1000 рублей, а в январе 1864 г. внес в кассу фонда еще 545 рублей, через своего брата М. М. Достоевского.

14—15 января М. М. Достоевский писал Федору Михайловичу: "Егору Петровичу еще не мог отдать твоего долга: три раза был у него (нынче два раза) и не заставлял его дома. Авось завтра буду счастливее" [10, с. 545].

Весной 1864 г. Ф. М. Достоевский вновь обратился к Е. П. Ковалевскому с письмом, в котором решительно отказывался от звания члена комитета Литературного фонда. Вскоре после этого, в связи с тяжелой болезнью брата и смертью жены Марии Дмитриевны, он просил Е. П. Ковалевского исходатайствовать для него в комитете Литературного фонда вторично деньги займа в сумме 1500 рублей. Просьба Ф. М. Достоевского была удовлетворена.

В июле 1864 г. Ф. М. Достоевский хотел опять поехать за границу для лечения. Е. П. Ковалевский по просьбе писателя обратился к сотруднику русской миссии в Константинополе А. С. Энгельгарту оказать покровительство Ф. М. Достоевскому, в котором он уже некогда принимал горячее участие. "Вы крайне меня обяжете, — писал Егор Петрович, — если обставите его путешествие своим дружеским участием". Эта поездка Ф. М. Достоевского не состоялась в связи со смертью брата.

В 1865 г. Ф. М. Достоевский опять оказался в тяжелом материальном положении, вследствие запрещения издававшегося им журнала "Эпоха". В мае на заседании комитета Литературного фонда разбиралось письмо Достоевского о том, что "расстройство здоровья делает для него продолжение комитетских занятий невозможным. Комитет принял с сожалением это известие, которое положил довести до сведения Общества в годовом собрании" [25, 9 июня 1865 г.].

На 5 июня была назначена опись имущества писателя. 6 июня Ф. М. Достоевский писал Е. П. Ковалевскому: "Тяжелые обстоятельства принуждают меня еще раз прибегать к пособию Литературного фонда". 7 июня 1865 г. русскому писателю была оказана просимая материальная помощь. Вот что было написано по этому поводу в "С.-Пе-

тербургских ведомостях": "Комитет слушал письмо одного из заслуженных наших литераторов, который при тяжелой болезни, по непредвиденным обстоятельствам потерял свое последнее достояние, и поставлен в безвыходное положение. Председатель комитета, на имя которого адресовано означенное письмо, словесно представил комитету собранные им сведения, подтверждающие действительность означенного положения. Комитет, имея в виду, с одной стороны, весьма значительные заслуги и почетное имя означенного лица в нашей литературе, а с другой необходимость немедленного ему пособия, чтобы вывести его из настоящего безвыходного положения и тем дать ему возможность продолжать полезную для него и общества деятельность на литературном поприще, положил выдать ему 600 рублей" [25, 29 июня 1865 г.].

Следует отметить, что Е. П. Ковалевскому не легко было оказывать Ф. М. Достоевскому материальную помощь через Литературный фонд.

На годовом собрании 2 февраля 1864 г. ревизионная комиссия специально рассмотрела вопрос о том, имел ли право комитет давать ссуды. Докладывая об этом, П. В. Анненков сказал, что комиссия старалась найти решение, которое оградило бы комитет от "упреков в произволе и превышении власти, с одной стороны, недоброжелательстве и бездействии, с другой". Комиссия, в частности, занялась вопросом, имел ли право комитет выдать Ф. М. Достоевскому две ссуды в сумме 1500 рублей в 1863 и 1864 годах.

Ревизионная комиссия пришла к выводу, что комитет имел право выдавать срочные ссуды членам Общества нуждающимся литераторам и ученым, но члены комитета не имели права ни на ссуды, ни на пособия. Член ревизионной комиссии П. Л. Лавров сказал, что выдав Ф. М. Достоевскому две ссуды в 1863 и 1864 годах по 1500 рублей, комитет "превысил свою власть". Решение о выдаче ссуды Ф. М. Достоевскому было вынесено не единогласно, по незначительному большинству голосов. Повторная ссуда Ф. М. Достоевскому, по мнению П. Л. Лаврова, должна была встретить порицание, тем более, что "это лицо было в то же время членом комитета".

Признавая, что при выдаче ссуды Ф. М. Достоевскому, комитет руководствовался благородным стремлением и "убеждением в значительности литературных заслуг одного из лучших наших беллетристов 40-х и 50-х годов и действительную необходимость ему" ссуды, П. Л. Лавров, однако, считал эти действия незаконными.

Отвечая П. Л. Лаврову, Е. П. Ковалевский сказал: "Было бы довольно странным отказывать в пособии литератору вполне заслуживающему этого пособия и по своим литературным трудам, и по положению, до которого он доведен случайными обстоятельствами, потому только, что он не желает принять это пособие БЕЗВОЗМЕЗДНО, обя-

зуюсь возвратить его в известный срок, и потому еще, что буква устава не ясна, таковою осталась и после долгих прений.

Опыт показал, что обязательства эти исполняются в точности, а если бы и не исполнялись, то Общество ничего не теряет, потому что члены комитета обязаны уплатить недостающую сумму".

Ввиду того, что обвинение комитета в превышении власти выражало недоверие к нему, Е. П. Ковалевский попросил поставить на голосование вопрос о доверии. П. Л. Лавров предложил поставить на голосование предложение: "Превысил ли комитет свою власть или нет?" Собрание решило голосовать предложение Е. П. Ковалевского: "Заслуживает ли комитет доверия?" В результате голосования: при 21 голосе "за" и 2 голосах "против" — собрание выразило комитету полное доверие [25, 20 мая 1865 г.].

В Летописи Литературного фонда отмечалось, что "самое большое денежное пособие было выдано известному писателю и объяснялось оно, как заслугами его, так и его безвыходным положением, грозившим лишить литературу одного из замечательных ее деятелей".

Е. П. Ковалевский высоко ценил талант Ф. М. Достоевского и деятельность его в Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Каждый раз, когда Ф. М. Достоевский подавал заявление о выходе из комитета, чтобы иметь право на получение материальной поддержки в виде ссуды, Егор Петрович, как председатель комитета, отклонял его просьбу. Только в 1865 г. после замечаний ревизионной комиссии он согласился с уходом Ф. М. Достоевского из комитета.

Ф. М. Достоевский относился к Е. П. Ковалевскому с большим уважением и симпатией. Позднее он писал, что Е. П. Ковалевский "добрый и полезнейший был человек, так полезен, что может быть только по смерти его это совершенно почувствуется" [11, с. 145].

Положение арестованных Н. Г. Чернышевского и Н. А. Серно-Соловьевича продолжало ухудшаться. 18 мая 1864 г. над Н. Г. Чернышевским был произведен дикий обряд "гражданской казни", и он был осужден на каторжные работы в Сибирь.

19 мая, за день до отправления Н. Г. Чернышевского в ссылку, в Петропавловской крепости состоялось свидание Н. Г. Чернышевского с Е. П. Ковалевским. Генерал-лейтенант Анисимов сообщил коменданту крепости, что петербургский военный генерал-губернатор разрешил сенатору, генерал-лейтенанту Е. П. Ковалевскому "иметь в течение сегодняшнего дня свидание с бывшим титулярным советником Чернышевским". Свидание состоялось в 4 часа дня [31, с. 297].

В. Н. Никитин, служащий канцелярии петербургского обер-полицеймейстера И. В. Анненкова, в своих воспоминаниях писал: "по делу Чернышевского почти ежедневно ходил к Анненкову Е. П. Ковалевский, хлопотавший о разрешении свидания его жене и отцу, почтен-

ному на вид, седому протонерю, приехавшему из Саратова. Хождения Ковалевского и протонеря поражали многих сослуживцев: они решительно не в состоянии были понять, как сын такого отца мог совершить преступление (какое именно, никто решительно не знал), за которое его осудили на площади, и как генерал-лейтенант мог хлопотать за такого человека" [30, с. 42].

В феврале 1865 г. в комитете Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым по инициативе П. Л. Лаврова был поднят вопрос об оказании помощи Н. Г. Чернышевскому. Но К. Д. Кавелин помешал поставить этот вопрос на заседании комитета. Вот, что по этому поводу он писал Е. П. Ковалевскому: "Вести о Чернышевском крайне печальные. Он крайне безнадежно болен и находится в таком месте, где нет ни помещения, ни пищи, ни ухода, нужных для больного. В 50-ти верстах от теперешнего места его ссылки все это есть. Не можете ли Вы попросить князя Долгорукова, чтоб его перевели, несчастного, в это последнее место? Вопрос этот хотят предложить сегодня, в общем заседании старого и нового комитета и ревизионной комиссии Литературного фонда. Мне бы казалось это неловким, потому что вопрос совсем не комитетский. Но тем энергичней, тем сильней можно и должно просить об этом снисхождении к несчастному Чернышевскому частным образом и никто лучше и успешнее не в состоянии этого сделать, как Вы. И Ваше положение в Обществе и служба, и Ваш характер, так сказать литературного старосты, дают Вам полную возможность просить о смягчении страданий, может быть последних, человека, которого Вы знали. Просить Вас об этом нечего, потому что в такого рода делах никому не приходится побуждать Вас. Вы всегда сами слушаетесь Вашего доброго сердца, идете вперед всякой просьбы. Я только заявляю, что знаю о судьбе страдальца, о котором Вас будут просить сегодня вечером" [2, с. 175].

В это время Н. Г. Чернышевский находился в Кадаинском руднике Нерчинского горного правления. В сентябре 1866 г. он был переведен на Александровский завод; условия жизни, как он сам писал, улучшились по сравнению с тем, что было в Кадае. 28 октября 1866 г. срок каторги Н. Г. Чернышевскому был сокращен на одну треть, а в июне 1867 г. он был освобожден из острога с разрешением жить на вольной квартире.

Литературный фонд сделал попытку оказать помощь Н. А. Серно-Соловьевичу, который томился в Петропавловской крепости. 10 мая 1865 г. А. А. Серно-Соловьевич довел до сведения комитета о бедственном положении своего брата, арестованного по делу о "лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами". Н. А. Серно-Соловьевич был выдающимся революционным демократом, соратником Н. Г. Чернышевского. Он критиковал основные положения

крестьянской реформы 1861 г., когда был "отменен один призрак, уничтожено только название. Существо, права, последствия крепостного права остались" [26, с. 66].

Учитывая большие заслуги Н. А. Серно-Соловьевича в науке, в "особенности по финансовой части", комитет назначил ему пособие в сумме 300 рублей. Вот что было написано в "Санкт-Петербургских ведомостях" 10 мая 1865 г.: "Брат одного литератора, известного своими учеными статьями, преимущественно о финансах, своею издательской деятельностью, просит комитет оказать этому литератору пособие для излечения болезни, на что он не имеет никаких средств. Комитет постановил выдать 300 рублей".

Деньги были переданы петербургскому генерал-губернатору для последующего вручения, "если он признает возможным", Н. А. Серно-Соловьевичу. 24 мая 1865 г. на заседании комитета рассматривался один вопрос: о передаче петербургским генерал-губернатором денег Н. А. Серно-Соловьевичу. Сведения о помощи, оказанной этому ученому, были внесены в отчет Общества, который был передан министру народного просвещения Д. А. Толстому. 1 июня 1866 г., как писал Я. К. Грот, "министр, прочитав отчет, обратил особенное внимание на имя Серно-Соловьевича и надеется, что впредь в отчетах наших не будет встречаться подобных имен".

Так же как поэт М. И. Михайлов, Н. А. Серно-Соловьевич погиб в ссылке в 1866 г.

2 февраля 1866 г. издатель "Искры" В. С. Курочкин выступил на собрании Литературного фонда с предложением оказать помощь карикатуристу А. Ивлеву. Это предложение было горячо поддержано Е. П. Ковалевским, против выступил А. В. Никитенко, который питал враждебные чувства к этому журналу, и предложение В. С. Курочкина было отвергнуто.

Позднее в Юбилейном сборнике Литературного фонда сообщалось, что этот отказ в пособии "произвел в литературной среде впечатление, и даже некоторую досаду в одном из литературных кружков. В январе 1866 г. представитель этого кружка просил пособие умирающему молодому человеку, занимавшемуся составлением карикатур для юмористических журналов; но комитет затруднился причислить карикатуристов, по одним только надписям к карикатурам, к числу литераторов, имеющих по уставу право на пособие от Общества и перенес дело в общее собрание, которое тоже не признало карикатуристов имеющими право на пособие Общества" [23, с. 58].

На этом собрании Е. П. Ковалевский уже не был избран в члены комитета Литературного фонда, так как он по очереди выбывал из его состава. Председателем комитета был избран академик, филолог Я. К. Грот, который сразу обратился к Е. П. Ковалевскому с просьбой

разрешить собирать заседания комитета на квартире у Егора Петровича, чтобы члены комитета могли воспользоваться его советами и опытом. С февраля 1866 г. заседания комитета по-прежнему проходили в присутствии Е. П. Ковалевского, у него на квартире на Мойке, у Певческого моста.

В связи с официальным уходом Е. П. Ковалевского с должности председателя комитета, состоялось постановление общего собрания об объявлении Егора Петровича почетным членом и бессменным председателем комитета Литературного фонда.

Комитет обратился в Министерство народного просвещения с просьбой разрешить внести в устав Общества дополнительные правила, связанные с учреждением должности почетного председателя. Этот вопрос рассматривался в комитете министров, который признал нежелательным учреждение должности почетного председателя, наделенного властью настоящего председателя, и предложил Обществу сделать другое представление, с учетом мнения комитета министров.

Такое решение комитета министров нельзя признать случайным. Деятельность Е. П. Ковалевского в Литературном фонде не нравилась правительству. Он организовал отделение для помощи бедным учащимся, которое сразу же было закрыто. Он рекомендовал на должность учителей студентов, которые были арестованы за распространение среди солдат прокламаций, и, наконец, он старался помочь революционным демократам: Н. Г. Чернышевскому, Н. А. Серно-Соловьевичу, М. И. Михайлову, а за это правительство вообще хотело закрыть Литературный фонд.

Не занимая никакой должности в Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым, Е. П. Ковалевский по-прежнему принимал активное участие в его работе. 18 марта 1866 г. он выступил на литературном вечере с чтением: "Политические деятели в царствование Александра I". В программе вечера были выступления Я. К. Грота "О значении университетского образования", П. П. Пекарского "О чародействе в России". Н. А. Некрасов читал "Девятую сатиру" из "Балета", Полонский отрывок из поэмы "Братья", а Ф. М. Достоевский отрывок из романа "Преступление и наказание". Литературный вечер прошел с большим успехом и дал значительный доход.

4 апреля 1866 г. в Петербурге произошло событие, имевшее самое непосредственное влияние на деятельность Литературного фонда. В этот день у Летнего сада студент Московского университета Каракозов совершил покушение на Александра II. До поступления в Московский университет он обучался в Казанском университете, откуда за участие в студенческих волнениях в 1861 г. был исключен и затем вновь восстановлен в 1863 г. В 1864 г. Д. В. Каракозов перевелся в Московский университет, где вскоре стал членом кружка Николая Ишутина,

своего двоюродного брата. В состав этого кружка входили также: Николай Странден, Дмитрий Юрасов, Максимилиан Загibalов, Вячеслав Шаганов, Петр Николаев, Орест Малинин, Максимилиан Маркс, Павел Маевский, Виктор Федосеев и другие, осужденные царским правительством после покушения на Александра II. 3 сентября 1866 г. Д. В. Каракозов был казнен.

После покушения на царя начался свирепый террор, который распространился и на Литературный фонд, из состава которого был арестован П. Л. Лавров. Лекции и литературные чтения почти полностью прекратились.

После покушения Д. В. Каракозова на Александра II Е. П. Ковалевский сразу уехал за границу, где встретился с русскими писателями и организовал за пределами России литературные чтения. В апреле 1866 г. И. С. Тургенев писал Е. П. Ковалевскому из Баден-Бадена, что на этих чтениях он прочтет "какую-нибудь статейку из "Записок охотника". Стихи непременно нужны" [27, с. 72].

12 апреля 1866 г. комитет Литературного фонда решил не возобновлять ходатайства об учреждении должности почетного председателя Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Ковалевский в это время находился за границей, а в "его отсутствие и без совещания с ним, — как указывалось в протоколе, — было бы неудобно предпринимать какие-либо решения по делу столь важному, которое ближайшим образом его касается". До новых выборов оставалось не более полугода, и комитет постановил подождать еще полгода, а "затем не будет никакого препятствия и при ныне действующем уставе ежегодно избирать его председателем Общества в течение трех лет сряду".

Во время пребывания за границей Е. П. Ковалевский часто встречался с И. С. Тургеневым, С. П. Боткиным, И. А. Гончаровым. Об этом писал И. С. Тургенев 12 июня из Баден-Бадена О. А. Новиковой. "Каждый день вместе завтракаем, гуляем за городом, сидим у развалин — все это по утрам". Вдали от родины Ковалевского живо интересовали дела Общества. В июне 1866 г. он получил письмо от П. В. Анненкова с сообщением об открытии в Саратове агентства. Агентом Общества был избран студент Казанского университета Л. С. Синцов.

По возвращению из-за границы 3 декабря 1866 г. Е. П. Ковалевский принял участие в литературном вечере, посвященном 100-летию со дня рождения Н. М. Карамзина, и прочел отрывок из своей книги "Граф Д. Н. Блудов и его время". На вечере также выступили: Н. И. Костомаров с чтением неопубликованной работы "Тушинский табор и Сигизмунд", А. К. Толстой, прочитавший "Царя Федора Иоанновича", А. Н. Майков прочитал драматическую сцену "Странники" из

поэмы "Жаждающий". Вечер привлек обширную аудиторию и дал большой сбор.

2 февраля 1867 г. Е. П. Ковалевский в шестой раз был избран председателем комитета Литературного фонда. Вскоре после избрания он обратился к жившему в Москве А. Н. Островскому с просьбой выступить с чтением в пользу Литературного фонда. Чтение состоялось 25 марта. А. Н. Островский прочел "Новейшую драматическую хронику — Дмитрий-самозванец и Василий Шуйский".

3 апреля 1867 г., накануне выхода в свет романа "Дым", приехавший из-за границы И. С. Тургенев прочитал несколько глав из этого романа. Доход с вечера в сумме 755 рублей поступил в пользу Литературного фонда. Е. П. Ковалевский горячо поблагодарил И. С. Тургенева за выступление. В ответ на это 17 апреля 1867 г. Иван Сергеевич писал, что он глубоко тронут дружеским сочувствием к его трудам. "Я горжусь, — писал он, — своим участием в основании нашего Общества и дорожу моей тогдашней деятельностью, как одним из лучших моих литературных воспоминаний; мне особенно приятно заявить это чувство теперь, когда самые имена членов комитета в настоящем составе, живо переносят меня в ту прекрасную эпоху, о которой вы говорите. Почитаю себя счастливым, что мог моим чтением принести посильную помощь Литературному фонду, и прошу комитет, а равно вас, достойного его председателя, быть уверенным, что и впредь я с особенным удовольствием готов буду делать все от меня зависящее для возвышения значения нашего Общества и усиления его средств" [34, ф. 438, № 5, л. 203].

2 февраля 1868 г. Е. П. Ковалевский в седьмой раз был избран председателем комитета Литературного фонда. Помощником его был избран А. П. Заболоцкий-Десятовский, секретарем К. Д. Кавелин, назначаем Ф. И. Тютчев. 3 февраля Е. П. Ковалевский председательствовал на вечере, посвященном 100-летию со дня рождения И. А. Крылова, где с докладом о выдающемся русском баснописце выступил Я. К. Грот. Это было последнее большое заседание в Литературном фонде, при котором присутствовал Е. П. Ковалевский перед смертью, которая последовала через 7 месяцев.

"На нашем литературном вечере, — писал Е. П. Ковалевский Я. К. Гроту 6 февраля 1868 г. от имени всех членов комитета, — публика оценила голос ученого, академика и честного писателя. У нас к этой правильной оценке присоединилось еще признательное чувство к бывшему нашему сочлену, горячо принимавшему к сердцу интересы Общества и оказавшему ему не одну услугу в качестве помощника председателя и председателя" [36].

Многое из этого письма можно отнести к самому Е. П. Ковалевскому, которого общественность давно оценила как ученого и путе-

пешественника, и как честного писателя и гражданина, горячо принимавшего к сердцу интересы Общества и тоже оказавшего ему неоценимые услуги.

Егор Петрович Ковалевский скончался в расцвете творческих сил 20 сентября 1868 г. М. Е. Салтыков-Щедрин и Н. А. Некрасов писали, что в лице Е. П. Ковалевского литература понесла "одну из самых чувствительных потерь".

Заседание памяти Е. П. Ковалевского состоялось в Литературном фонде 27 октября 1868 г. П. В. Анненков прочитал очерк о жизни и деятельности Егора Петровича, который до сих пор остается его лучшей биографией [25, 10 ноября 1868 г.].

А. П. Заболоцкий-Десятовский в речи, посвященной памяти Е. П. Ковалевского, сказал, что Общество помощи нуждающимся литераторам и ученым и имя Е. П. Ковалевского "слились в публике в одно". И это он объяснил не видным служебным и общественным положением Е. П. Ковалевского и его связями с Министерством народного просвещения, а тем, что Егор Петрович соединял в себе "как немногие — служебные заслуги и видное положение с именем известного писателя, и репутацией безукоризненной чести".

"Россия, — писал он, — знала Егора Петровича, как неутомимого путешественника и замечательного писателя, мы же знали и другую его сторону, знали его душу, знали доброту его сердца, привязанность к друзьям, счастливую особенность радоваться успехам других и забывать самого себя там, где дело шло о помощи другим".

Его благородное сердце было полно любви ко всему доброму, прекрасному, честному. Он ненавидел и презирал все низкое и недостойное. Патриотизм и любовь к родине он соединял с живым и оригинальным умом, глубокой образованностью и большим умением жить с людьми, что делало общение с ним "в высшей степени привлекательным". Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым его уважало и любило, около него группировалось и им гордилось. Он был лучшим представителем и достойным образцом русских литераторов и ученых.

Литература

1. *Энгельс Ф.* За Польшу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 18.
2. *Вальская Б. А.* Путешествия Егора Петровича Ковалевского. М., 1956.
3. *Вальская Б. А.* Путешественник Е. П. Ковалевский и петербургские литераторы (1848—1860) // Доклады Восточной комиссии Географического общества СССР. В. 3, Л., 1966.
4. *Вальская Б. А.* Е. П. Ковалевский и русские востоковеды // Доклады Восточной комиссии Географического общества СССР. В. 1/2. Л., 1965.
5. *Вальская Б. А.* "Накануне" и "Путевые записки о славянских землях" Е. П. Ковалевского // Тургеневский сборник. В. 5. Л., 1969.

6. Веников М. И. Из воспоминаний. Кн. 1. 1832—1867. Амстердам, 1895.
7. Воспоминания Бестужевых. М.-Л., 1951.
8. Герцен А. И. Собрание сочинений. Т. 15. М., 1958.
9. Герцен А. И. Полное собрание сочинений и писем. Т. 15. Пг., 1920.
10. Достоевский Ф. М. Материалы и исследования. Л., 1935.
11. Достоевский Ф. М. Письма. Т. 2. М.-Л., 1930.
12. Книжник-Ветров. Ив. Лавров о Н. Г. Чернышевском // Литературное наследство, 7—8, М., 1933.
13. Ковалевский Е. П. Годовой отчет о работе Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым за 1861 г. // Санкт-Петербургские ведомости. 1861. 9 февраля.
14. Ковалевский Е. П. Годовой отчет о работе Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым за 1862 г. // Санкт-Петербургские ведомости. 1862. 27 февраля.
15. Козьмин Б. К истории "Молодой России" // Каторга и ссылка. 1930. № 5.
16. Корсаков Д. А. Из жизни К. Д. Кавелина // Русская мысль. 1899. № 5.
17. Никитенко А. В. Дневник. Т. 2. М., 1955.
18. Некрасов Н. А. Собрание сочинений. Т. 8. М., 1967.
19. Орнатская Т. И. Деятельность Достоевского в Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым (1859—1866) // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1987.
20. Пантелеев Л. Ф. Из истории первых лет существования Литературного фонда // Юбилейный сборник литературного фонда. 1859—1909. СПб., 1909.
21. Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний прошлого. М., 1905, т. 1.
22. Процесс Н. Г. Чернышевского. Архивные документы. Саратов. 1939.
23. Репинский Г. К., Скобичевский А. М. Летопись Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым с 1859 по 1884 гг. XXV лет // Сборник, изданный комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884.
24. Родзевич Н. Н. Отставка Евг. П. Ковалевского // Исторический вестник, 1905, № 1.
25. Санкт-Петербургские ведомости.
26. Серно-Соловьевич Н. А. Окончательное решение крестьянского вопроса. Берлин, 1861.
- 26а. Слепцова М. Штурманы грядущей бури // Звенья. № 2. М., 1933.
27. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. Письма. Т. 6. М.-Л., 1963.
28. Тютчев Ф. И. Памяти Е. П. Ковалевского. Лирика. Т. 2. М., 1965.
29. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений. Т. 14. М., 1949.
30. Чернышевский Н. Г. в воспоминаниях современников. Саратов, 1959.
31. Чернышевский Н. Г. Статьи, исследования и материалы. Т. 3, Саратов. 1962.
32. Чернышевская Н. М. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953.
33. Шелгунов Н. В. Воспоминания. Т. 1. М., 1967.
34. Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Рукописный отдел.
35. Институт русской литературы Академии Наук СССР (Пушкинский дом). Рукописный отдел. Ф. 67, 18080/СХV66.
36. Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР. Ф. 137, оп. 3, № 446.

Т. М. Девель

АЛЬБОМ ФОТОГРАФИЙ МИССИИ ПОЛКОВНИКА Н. П. ИГНАТЬЕВА В ХИВУ И БУХАРУ 1858 ГОДА *

В собрании фотоархива Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР долгое время оставался неопознанным альбом фотографий (инв. № 62433—62460, шифр Q 211), поступивший в 1925 г. как происходящий из библиотеки Мраморного дворца в Ленинграде.

Папка размером 38 × 30 см, обтянутая коричневой кожей, содержит 28 фотографий, наклеенных на 27 отдельных листах тонкого картона¹. На лицевой стороне папки помещена тисненая золотом надпись: "От Оренбурга через Хиву до Бухары. Светопись артиллерии подпоручика Муленко". Фотографии в виде овалов и прямоугольников разных размеров, иногда с закругленными углами, обведены узкой, исполненной черными чернилами рамкой, повторяющей форму снимка. Под фотографиями — краткая аннотация, нанесенная теми же чернилами каллиграфическим почерком².

---

* Автор статьи Т. М. Девель (1888—1980 гг.) работала в фотоархиве ГАИМК—ИИМК—ЛОИА с 1921 по 1956 гг. С 1930 г. была заведующей фотоархивом. Т. М. Девель — автор работы по технике ведения фотоархива при научно-исследовательских учреждениях и ряда работ по раскрытию фондов фотоархива ЛОИА.

Настоящая статья написана в 1957 г., переработана автором в 1970 г.

Статья подготовлена к публикации заведующей фотоархивом ЛОИА Э. С. Доманской.

¹ Первоначально в альбоме было 29 снимков: одна фотография (№ 62446) была передана в Ленинфотоархив по акту от 27.6.1938 г.

² Перечень аннотаций следующий: № 62433. Караван-сарай в Оренбурге; № 62434. Стена г. Кунграда на Амударье; № 62435. Пароход "Перовский" и баржа у стен Кунграда на Амударье; № 62436. Пароход на зимовке на Сырдарье; № 62437. Глиняный дом в форте № 1 на Сырдарье; № 62438. Загородный ханский дом близ Хивы, в котором жила миссия; № 62439. Юламейка (малая кибитка); № 62440. Походная киргизская кибитка; № 62441. Яхши Мурат, дарга (министр двора), узбек; № 62442. Дети Ходжеш Мехрема, любимца хана; № 62443. Сеид, хивинский солдат на часах; № 62444. Эршания, художник с сыном; № 62445. Бек-Мурат Нур-Нияз, 15-летний мальчик; № 62447. Батыршин, переводчик, татарин; № 62448. Два киргиза Табынского рода; № 62449. Киргизка, 15 лет, Табынского рода; № 62450. Назар, сын Исета; № 62451. Себя-Зали, пленник в Хиве, перси-

Снимки представляют главным образом различные типы местного населения и их кочевые жилища, в силу чего альбом рассматривался в фотоархиве как содержащий этнографический материал и представлялся для просмотра этнографам, искавшим иллюстрации по Хиве и Бухаре.

В настоящее время принадлежность этого альбома удалось установить. Отправными точками послужили как сама вышеприведенная надпись на папке, явно свидетельствовавшая о каком-то путешествии и ограничивавшая его район, так и аннотация на одной из фотографий (№ 62453) — "Русские пленные в Бухаре, освобожденные правительством в 1858 году", дававшая ориентацию возможной датировке. Термин "светопись" и сами снимки с точки зрения техники фотографирования не противоречили такой ранней дате.

Просмотр литературы о русских путешествиях, предпринимавшихся около указанного времени в данный район, позволил предположить связь нашего альбома с дипломатической миссией полковника Н. П. Игнатьева в Хиву и Бухару в 1858 году. Как известно, сборным пунктом миссии был Оренбург, откуда она выступила 15 мая 1858 г. в составе (с конвоем) 117 человек. Ее путь лежал через Хиву в Бухару с возвращением через форт № 1 на Сырдарье. В распоряжение миссии был предоставлен отряд Аральской флотилии под начальством капитана I-ранга А. И. Бутакова. С пароходом "Перовский" и сопровождавшей его баржей А. И. Бутаков достиг города Кунграда и после кратковременного пребывания в нем был вынужден спуститься обратно к устью Улькун-Дарьи, а затем в сентябре вернуться на стоянку Аральской флотилии в форте № 1 на Сыре.

Самые первые известия о миссии Игнатьева еще во время ее похода стали поступать в печать в виде корреспонденций одного из участников экспедиции штабс-капитана Н. Г. Залесова в редакцию Военного сборника. Всего им было направлено из похода пять писем³.

янин; № 62452. Фазыл Джав, бухарец; № 62453. Русские пленные в Бухаре, освобожденные правительством в 1858 г.; № 62454. Сегюр-Магзум-Мухаммеджанов из шайки Исета, киргиз Чиклинского рода; № 62455. Ибрагим Байдусов, киргиз Табынского рода; № 62456. Группа киргизов, кочующих у предгорий Усть-Урта; № 62457. Могаммед Керим (диван-баба), находившийся приставом при Миссии; № 62458. Исет Кутебаров, Чиклинского рода киргиз, богатырь, известный во всей зауральской степи; № 62459. Группа хивинцев; № 62460. Джугара. *Holcus Sorghum* (сахарное сорго) из Бухары, растет и на Сырдарье в наших пределах, могла бы быть разводима с выгодой. Гнездо ремеза. Гнездо это ремез свивает из пухового цвета туранги (*populus diversifolia*) и из камышовых волокон.

³ Из них № 1, 2, 4 и 5 были опубликованы в следующих томах Военного сборника: за 1858 г., т. III, стр. 487—491 и т. IV, стр. 491—495; за 1859 г. т. V, стр. 273—295; за 1860 г. т. XII, стр. 335—348. Письмо № 3 (из Кунграда в Хиву) по каким-то соображениям редакции не было опубликовано: (см. Воен. сборник, 1859 г. Т. V. С. 273, примеч.).

В них изложены путевые наблюдения автора в виде дневника в соответствии с главными этапами похода (№ 1 — по киргизской⁴ степи до Усть-Урта; № 2 — от Усть-Урта до Кунграда; № 4 — пребывание в Хиве; № 5 — пребывание в Бухаре). Написанные во время похода, эти письма содержали упоминания о незначительных фактах каждодневной жизни миссии, чем в значительной мере помогли опознанию интересующих нас фотографий. Позднее тот же Н. Г. Залесов опубликовал отдельную статью [7, с. 421—474 (№ 2); с. 42—82 (№ 3)], в которой, исходя как из записей дневника, так и из прочей документации миссии, уделяет главное внимание характеристике политических условий, в которых протекала работа миссии, и оценке достигнутых ею результатов. Наиболее полное описание (начиная с выступления из Оренбурга и кончая прибытием в форт № 1 на Сырдарье) мы находим в книге Н. П. Игнатьева [8, с. 275]. Естественно, что основное внимание здесь уделено переговорам в Хиве и Бухаре. Много места отведено изложению причин отклонения от первоначально намеченного плана действий миссии и разногласиям с А. И. Бутаковым. Однако и в этой книге кое-какие мелкие факты оказались полезными для наших целей. Равным образом нами были использованы описания похода на отрезке Оренбург — Хива, имеющиеся в статьях Е. Я. Килевейна (секретаря миссии) [9, с. 95—188], М. Н. Галкина (прикомандированного к миссии дипчиновника оренбургского генерал-губернатора) [2, с. 164—189] и П. Назарова (офицера Уральского казачьего войска из состава почетного конвоя миссии) [13, с. 375—390]. Прочая имеющаяся литература [11, с. 32—36] или подтверждала уже известное, или вовсе не отвечала нашим задачам.

Основным вопросом, требовавшим подтверждения для опознания нашего альбома, был вопрос о наличии при миссии фотографа. Хотя 1850-е годы и казались слишком ранним периодом для применения фотографии в экспедиционных целях, однако пример хорезмской экспедиции Ханыкова, отправлявшейся, кстати сказать, в том же 1858 году в Афганистан и хлопотавшей о включении в свой состав дагерротиписта [10, с. 29], допускал наличие фотографа и при миссии Игнатьева.

Любопытно отметить, что представление фотографического аппарата для ханыковской экспедиции испрашивалось в Военном министерстве [1, л. 33].

Обстоятельный перечень состава миссии Игнатьева, приводимый М. Н. Галкиным [2, с. 164], дал положительный ответ — фотографом миссии был артиллерии подпоручик Муренко, упомянутый на обложке

---

⁴ "По киргизской" следует читать "по казахской". Под киргизами следует понимать современных казахов.

нашего альбома. В искусстве Муренко как фотографа Н. П. Игнатьев не был уверен, судя по письму отцу от 11 мая, посланному еще из Оренбурга: "...вряд ли придется Вам присылать фотографии. Я очень плохо надеюсь на своего фотографа (Муренко)" [8, с. 41]. Сомнения Н. П. Игнатьева, пожалуй, были преждевременны. Учитывая технический уровень фотографий того времени и более чем столетнюю жизнь наших снимков, следует признать, что некоторые из них могут с успехом соперничать с образцами современной техники. Забота о фотографе и его оснащении не выпадала из поля зрения начальника миссии и в дальнейшем. В его предписании А. И. Бутакову от 20 июня 1858 г. о принятии на борт "Перовского" некоторых членов миссии упоминается среди прочих и "фотограф подпоручик Муренко, долженствующий следовать на судах по Амударье впредь до нового распоряжения", а относительно принятия груза — "на пароходе имеют быть помещены также шесть выюков с фотографическими инструментами" [7, с. 467]. По-видимому, как это явствует из дальнейшего, Н. П. Игнатьев рассчитывал этим "дикинным" в ту пору изобретением при случае поражать умы представителей местного населения и завязывать с ними дружеские отношения.

После того как связь нашего альбома с миссией Игнатьева была таким образом установлена, опознание отдельных заключенных в нем снимков не представляло, за немногими исключениями, трудности.

Ко времени пребывания миссии в Оренбурге относится портрет драгомана Батыршина (№ 62447) и вид Караван-сарая (№ 62433). Здание это, построенное в 1830-х годах, вопреки своему наименованию никогда не служило торговым целям. В бытность миссии в Оренбурге оно было занято казармами башкирского конного полка, а вокруг него простирался обширный сад [14, с. 114—116]. Об иллиминации как самого здания, так и сада незадолго до выступления миссии в поход упоминает Н. П. Игнатьев в письме к отцу от 11 мая [8, с. 40]. Возможно, наличие нашего снимка в альбоме объясняется желанием сохранить в памяти это событие.

Следующие девять снимков связаны со степным походом миссии. Два из них отображают бытовые условия походной жизни. На одном (№ 62440) мы видим часть бивуака с большой киргизской кибиткой в центре (*фото 1*). То тут, то там среди сложенных на земле выюков, виднеются нижние чины конвоя. На втором (№ 62439) снята одна из юлаемек⁵, в которых размещались члены миссии (по два в каждой). Обстоятельное описание этого кочевого жилища у П. Назарова полностью совпадает с нашим изображением вплоть до такой отмеченной

---

⁵ Юламейка — малая кибитка.

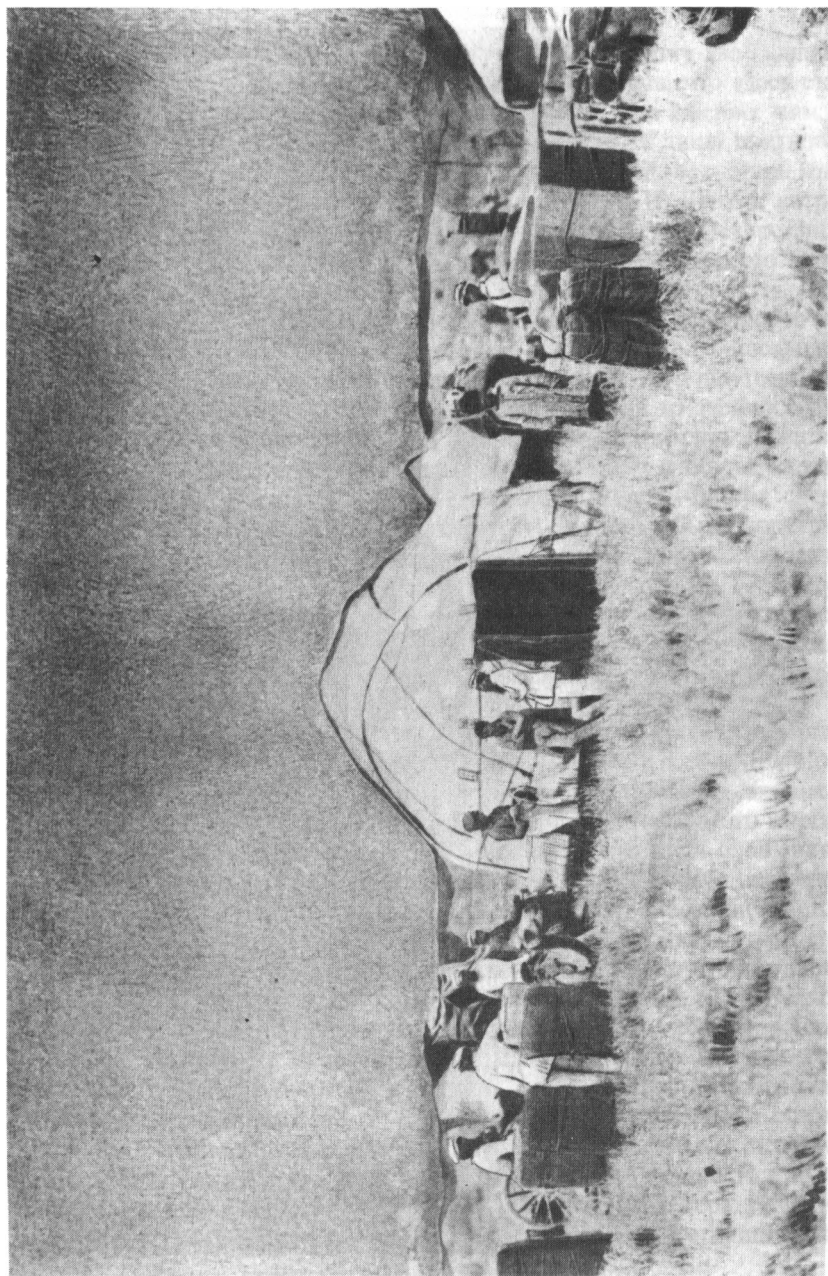

Фото 1. Члены миссии у походной палатки

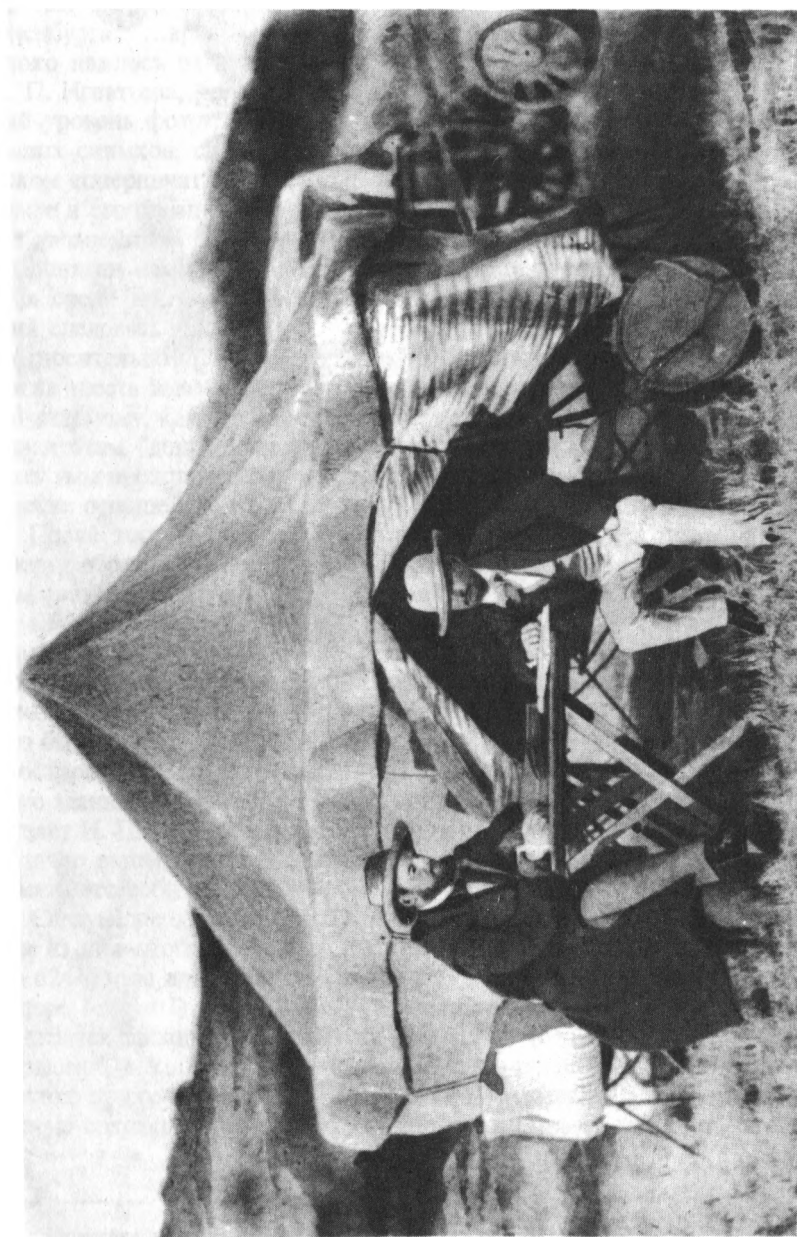

Фото 2. Юламейка (малая кибитка) и сидящие перед ней два члена миссии

детали, как завернутый сверху низ кошмы "для свободного течения воздуха" [13, с. 382].

На этом же снимке мы видим перед входом в кибитку две сидящие за складным столиком фигуры (*фото 2*). Нет сомнения, что здесь сняты два гражданских члена миссии, но уточнить — кто именно, нам, к сожалению, не удалось, и приходится ограничиваться лишь предположением. Всего при миссии было пять гражданских лиц: секретарь миссии (Е. Я. Килевейн), двое ученых (ориенталист П. И. Лерх и астроном К. В. Струве) и два медицинских работника (доктор Пекарский и второй — лекарь Батыршин). Наши поиски иконографического материала остались безрезультатными. Относительно внешности П. И. Лерха мы нашли лишь косвенные указания на впечатление низкорослости, которое П. И. Лерх производил на своих современников. В посвященном ему некрологе говорится: "Память у Лерха, этого неутомимого "маленького Курдика", как в шутку называл его один из здешних ученых, была удивительной" [15, с. 65]. Так как на нашем снимке первая фигура действительно поражает своим малым ростом и общей миниатюрностью, мы и решаемся видеть в ней П. И. Лерха. Фигура слева, возможно, представляет доктора Пекарского, которому были поручены кроме ведения медицинского журнала и лечения членов миссии также "наблюдения по части естествознания" [8, с. 33]. О нем Н. Г. Залесов в "Письме из степи" сообщает: "В особенности нравится эта местность нашему любознательному доктору Пекарскому, которого всегда можно увидеть в шляпе с огромными полями, пробирающегося между скал и камней и отыскивающего скорпионов и фаланг" [3, с. 490].

Со степным походом связаны и наши снимки, представляющие портреты встречавшихся по пути табынцев (№ 62455, 62448, 62449) и киргизов, кочевавших у предгорий Усть-Урта (№ 62456). Так как в степи было беспокойно из-за враждебных действий известного киргизского батыра Исета Кутебарова, Н. П. Игнатьев завязывал сношения с местным населением, стремясь добыть полезные для себя сведения. Предвидя, что во время следования по Усть-Урту, миссия неизбежно приблизится к кочевью Исета, Н. П. Игнатьев задумал выслать вперед одного из киргизов, проживающего в ауле близ р. Эмбы, чтобы удостоверить в намерениях Исета и в случае благоприятных обстоятельств уговорить его пойти на мировую. "Самым способным и расторопным из числа посетивших меня чиклинцев, благоприятелей Исета, — пишет П. Н. Игнатьев, — показался мне мулла Сегюр-Мухаммеджанов" [8, с. 61]. Портрет этого муллы и представлен на нашем снимке (№ 62454) — он сидит в халате и мерлушковой шапке, поджав под себя ноги. Наш альбом сохранил также изображение самого Исета Кутебарова (№ 62458; *фото 3*), явившегося 4 июня в лагерь Н. П. Игнатьева при р. Джаннды. Об этом посещении говорят все наши источ-

Фото 3. Исат Кутебаров

ники. На редкость точное описание наружности Исета у П. Назарова, полностью совпадающее с нашим изображением, заслуживает быть приведенным. "Я с любопытством смотрел на этого человека: представьте себе мужчину громадного роста с весьма выразительными чертами лица, с выдавшимися скулами и глазами полными жизни и энергии. Он был одет со вкусом и в костюме его не было видно тех ярких цветов, какими любят украшать себя азиаты: на нем был белый шелковый халат, опоясанный зеленым кушаком, а сверху халат черного сукна на темном клетчатом подбое; на голове выпитая золотом тибетейка с меховым околышком; верхнюю, с высоким верхом шапку из белого войлока, Исет снял с себя еще при входе в кибитку" [13, с. 385]. Н. П. Игнатьев, описывая прием Исета, упоминает, что "портрет его фотографический снят под благовидным предлогом" [8, с. 68], каким, судя по М. Н. Галкину, явилось заверение, "что в случае о новых буйствах Исета она (фотография. — Т. Д.) будет служить как бы залогом неправдоподобности этих слухов" [2, с. 174].

В нашем альбоме имеется также изображение Назара, сына Исета (№ 62450). На его голове такая же остроконечная тибетейка, хотя и менее богато расшитая золотом, но, подобно отцовской, отороченная мехом. Этого Назара Н. П. Игнатьев взял с собой в Хиву "в качестве вожака, с тем, чтобы он служил живым свидетелем покорности отца" [8, с. 78].

Намеченная встреча Н. П. Игнатьева с отрядом флотилии А. И. Бутакова в Кунграде не состоялась. Под нажимом хивинцев миссия была вынуждена отплыть 1 июля на туземных лодках вверх по Амударье на Хиву. А "3 июля, — пишет Н. Г. Залесов, — суда наши ("Перовский" с баржей) наконец стали на якорь против Кунграда" [7, с. 442—445]. Это событие первого проникновения русских судов на Амударью запечатлено на нашем снимке (№ 62435). Иллюстрацией к описанию стен Кунграда, которое мы находим у Е. Я. Килевейна [9, с. 99] и у М. Н. Галкина [2, с. 183], служит снимок (№ 62434), отображающий развалины берегового их участка.

Девять фотографий относятся к пребыванию миссии в Хиве. О впечатлении, которое фотография производила на хивинцев, любопытные сведения дает Н. Г. Залесов: "Сначала по приезде нашем сюда они почти с ужасом смотрели на камеру, а самого фотографа, в особенности когда он при установке инструмента накрывал себе голову черной клеенкой, считали чисто за волшебника; впоследствии же, не видя тут для себя никакого вреда и получая почти мгновенно свои изображения, хивинцы не только привыкли к камере, но даже сами напрашивались на свои портреты. Первый пример в этом отношении был подан диван-бабой, хотя и принявшим сначала предметное стекло за дуло пушки и боявшимся выстрела из него; за ним последовал дарга, сняв-

пийся не без страха, и, наконец, в один прекрасный день хан прислал для снятия портретов несколько мальчиков из своего гарема и любимую собаку, которые тот час и явились на бумаге" [5, с. 294]. Все три упомянутые Н. Г. Залесовым снимки фигурируют в нашем альбоме. Диван-баба Могаммед-Керим (№ 63457) состоял приставом при миссии, о чем упоминают и Е. Я. Килевейн [9, с. 98], и М. Н. Галкин [2, с. 182]. Дарга Якши-Мурат (№ 62441) пользовался, по словам Е. Я. Килевейна, большим уважением у хана, "что доказывает его почетный халат из кашемировой шали и кинжал, украшенный драгоценными камнями" [9, с. 100—101]. По-видимому, с этим кинжалом дарга не расставался, так как и на нашем снимке украшенная камнями рукоять кинжала виднеется торчащей из-за пояса. Три любимца хана — дети Ходжи-Мехрема (№ 62442) сняты, правда, не с одной, а с двумя собаками — одна белая, другая пятнистая. Последняя крепко связана веревкой, чтобы выдержать экспозицию.

Ряд других портретных снимков — группа из трех почтенных хивинцев (№ 62459, *фото 4*), художник Эршнияз с сыном (№ 62444), бек Мурат-Нур-Нияз, 15-летний мальчик (№ 62445) — не упоминаются в источниках. Они, возможно, представляют тех отважных хивинцев, которые "напрашивались" на портреты. Сеид, хивинский солдат на часах (№ 62443), снятый в довольно печальной позе — стоя на коленях, в халате и с ружьем на плече, может с успехом иллюстрировать невоинственный вид воинов тогдашней Хивы, о чем неоднократно упоминает Н. Г. Залесов [4, с. 493; 5, с. 277]. Наконец, портрет Себя-Зали, персидского пленного (№ 62451), возможно, представляет "главного садовника из пленных персиян" [5, с. 275], который обслуживал сад загородного ханского дома, предоставленного для жительства миссии.

Этот дом был расположен на канале Полван-Ата. Самое подробное его описание мы находим у М. Н. Галкина. На большом садовом участке было расположено три глинобитных строения. Из них два — со внутренними дворами, куда выходили окаймлявшие их помещения. О третьем мы читаем: "Калитка вела в большой тенистый сад, в котором за ветвистыми ивами, ветлой и вязью укрывался небольшой кокетливой наружности глиняный дом, општукатуренный и выбеленный под глянec, с крытой с трех сторон галереей с резными колоннами" [2, с. 189]. Этот павильон и представлен на нашем снимке (№ 62438), равно как и на литографии Н. Соколова (по фото Муренко), воспроизведенной в работе М. Н. Галкина. Одна любопытная деталь на нашем снимке позволяет уточнить дату съемки — 22 августа. В этот день миссия устраивала в своей резиденции ответный праздник хивинцам, подробно описанный Н. Г. Залесовым [5, с. 291—294]. Кроме обильного угощения, праздник сопровождался илпоминанием сада, запуском

Фото 4. Группа хивинцев

воздушного пара и фейерверком. Организация увеселительной части была поручена члену миссии лейтенанту морского флота А. Ф. Можайскому, будущему создателю первого русского самолета. Была проявлена большая изобретательность, чтобы скудными средствами соорудить разноцветные фонарики, которые подвешивались на камышовых жердях. На нашем снимке отчетливо виднеется гирлянда фонариков, протянутая от дерева к дереву вокруг всего павильона.

31 августа миссия выступила из Хивы и, переправившись у крепости Ханки на правый берег Амударьи, направилась в Бухару. Весь переход занял около трех недель. На подступах к Каракулю, как об этом пишет Н. Г. Залесов [6, с. 345], миссию встретил бухарский чиновник Мирза Фазиль, высланный эмиром для встречи и сопровождения посольства до города Бухары. Наш снимок (№ 62452) сохранил изображение этого бухарца с изящно повязанной чалмой.

Переговоры в Бухаре протекали успешно: разрешился также и вопрос об освобождении русских пленных. Н. П. Игнатьев упоминает одиннадцать человек из освобожденных, которых он решил взять с собой [8, с. 226]. На нашем снимке (№ 62453) представлена группа из шести человек. Возможно, что в них следует признать тех шесть освобожденных русских пленных, о которых сообщает М. Н. Галкин [2, с. 213 и сл.], а именно: Иван Ненилов, 60-ти лет, Павел Ярков, 36-ти лет, Иван Марченко, 45-ти лет, Василий Пшеничников, 63-х лет, Корнил Суворов, 45-ти лет и Федор Федотов, 50-ти лет.

По окончании переговоров миссия в сопровождении бухарского посланника отправилась в обратный путь через Кызыл-Кумы на Сырдарью и прибыла в форт № 1 23 ноября. Два снимка нашего альбома относятся к этому завершающему периоду похода: изображение глинобитного дома форта № 1 (№ 62437) и знакомый нам пароход "Перовский" на замерзшей Сырдарье (№ 62436). Как пишет Н. П. Игнатьев, пароход был тогда продемонстрирован бухарскому посланнику [8, с. 253].

* * *

В заключение мы хотели бы отметить, что в результате проделанной работы значение нашего альбома расширилось: наряду с этнографическим, он содержит и исторический материал и, кроме того, представляет значительный интерес для истории отечественной фотографии, являя образцы одних из самых ранних экспедиционных снимков, исполненных в условиях крайнего юга. Их автор, Антон Степанович Муренко, был удостоен в 1860 году за снимки в Хиве и Бухаре серебряной медали Русского Географического общества [16, с. 112]. В

дальнейшем, занимаясь портретной⁶ и видовой съемкой, он открыл собственное фотографическое заведение в Саратове, на Немецкой ул., в доме Пукшверт. В отделе редких изданий Библиотеки им. В. И. Ленина в Москве хранится альбом снятых им видов г. Симбирска, датированный 1867 годом [12, с. 16].

Литература

1. Архив Географического общества, ф. 1—1857, оп. 1, № 24.
2. Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868.
3. Залесов Н. Г. Письмо из степи // Военный сборник. 1858. Т. 3.
4. Залесов Н. Г. Письмо из Хивы // Военный сборник. 1858. Т. 4.
5. Залесов Н. Г. Письмо из Хивы // Военный сборник. 1859. Т. 5.
6. Залесов Н. Г. Письмо из Бухары // Военный сборник, 1860, т. 12.
7. Залесов Н. Г. Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 г. // Русский вестник. 1871. № 2, 3.
8. Игнатьев Н. П. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта, полковника Н. Игнатьева. СПб., 1897 г.
9. Килевейн Е. Я. Отрывок из путешествия в Хиву и некоторые подробности о ханстве во время правления Сейд-Мухаммед-хана 1856—1860 гг. // ЗРГО. 1861. № 1.
10. Крачковская В. А. Из архивного наследия Ханькова и Дорна. // Этнография Востока. Т. 4.
11. Материалы к библиографии, вып. II. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию, ч. 2 (1856—1869 гг.). // САГУ. Ташкент, 1956.
12. Морозов С. А. Русские путешественники-фотографы. М., 1953.
13. Назаров П. Воспоминания о степном походе в ханства Хиву и Бухару. // Военный сборник, 1864, № 4.
14. Столянский П. Н. Город Оренбург, материалы к истории и топографии города. Оренбург, 1908.
15. Тизенгаузен В. Г., Веселовский Н. И. П. И. Лерх (некролог). // Журнал министерства просвещения. СПб., 1884, ноябрь.
16. Изв. РГО. Т. 12. 1876. Отчет РГО за 1875 г. Список лиц, удостоенных наградами РГО со времени его основания по 1875 г.

---

⁶ В отделе эстампов Публ. библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в разделе фото-портретов формата "0" имеется образец портретной съемки А. С. Муренко со штампом его фотографического заведения.

Архимандрит Августин (Никитин)

АРМЯНСКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ОБЩИНА В ПЕТЕРБУРГЕ

Предисловие. Армянские христиане бывали на берегах Невы еще задолго до основания С.-Петербурга. Распиряя свои торговые связи и стремясь к городам Европы, армяне, помимо южных путей, старались упрочить свои деловые контакты с Амстердамом и другими торговыми городами через московские земли. В XVI в. из Москвы был налажен постоянный путь, частично пролежавший через чужеземные страны; он шел на Тверь, Новгород, Ладогу, далее до Риги или Ревеля (Таллинн), а затем морем на Любек, Гамбург и Амстердам.

Другой, более излюбленный армянами путь проходил из Астрахани вверх по Волге и далее, через костромские земли, достигал Белого моря, а затем морем или по суше шел через Скандинавию на запад. Это была большая торговая дорога, издавна называвшаяся "армянской", то есть по которой ездили торговцы-армяне. Путь этот был известен армянам гораздо раньше, чем русский царь Иван Грозный (1547—1584) открыл доступ англичанам в Белое море и в Московское государство. С основанием города Архангельска (1584 г.) дорога эта еще более оживилась; по ней стали ездить также англичане и голландцы, часто в сопровождении армян, хорошо знакомых с местными условиями¹.

Во время царствования Алексея Михайловича (1645—1676) русско-армянские связи еще более упрочились: армяне начали вести торговлю в России, основываясь на заключенном с ними договоре от 31 мая 1667 г., дополненном 8 февраля 1673 г.² Армянские купцы часто бывали в Новгороде и, по пути в Европу, по-прежнему посещали невские берега³. И вполне естественно, что когда Петр I, "прорубив

---

¹ См. *Ерицов А. Д.* Первоначальное знакомство армян с Северо-Восточной Русью до воцарения дома Романовых в 1613 г. // "Кавказский вестник". 1901. № 12. С. 56.

² См. *Собрание актов, относящихся к истории армянского народа.* Т. II. М., 1838. С. 76.

³ Там же. Т. I. М., 1833. С. 342: Приезд из Астрахани и отпуск через Новгород за границу армян: Петра Амирева, Якуба Сергеева, Ампрхана Ефремова с товарищами для купеческого промысла. 1689 г.; Там же. С. 345: отпуск через Новгород за шведскую границу торговых армян Ягуба Сергеева с товарищами; и др.

окно в Европу", основал в устье Невы новый город — Санкт-Петербург (1703 г.), армяне начали селиться здесь, продолжая развивать торговлю с западом.

Эпоха Петра I (1696—1725). Различия в вероучении Армянской Апостольской и Русской Православной Церквей не препятствовали армянским христианам селиться среди русских жителей. Важным событием в жизни всех инославных христиан, живших в России, явился "Манифест Петра Великого" от 16 апреля 1702 г., в котором провозглашался принцип веротерпимости. "И понеже здесь в столице нашей, — говорилось в "Манифесте", — уже введено свободное отправление богослужения всех других, хотя и с нашей Церковью не согласных христианских сект, того ради и оное сим вновь подтверждается таким образом, что по дарованной нам от Всевышнего власти, совести человеческой приневоливать не желаем и охотно предоставляем каждому христианину на его ответственность пещись о блаженстве души своей. И так мы крепко того станем смотреть, чтобы по прежнему обычаю никто как в своем публичном, так и в частном отправлении богослужений обеспокоен не был, но при оном содержании противу всякого помешательства защищен был. Буде же случится, что в каком-либо месте нашего государства или при наших армиях и гарнизонах, не будет настоящего духовного чину проповедника или церкви, то каждому позволено будет не только в доме своем самому и с домашними своими службу Господу Богу совершать, но и принимать к себе тех, которые пожелают у него собраться, для того, чтобы по предписанию всеобщего постановления христианских церквей, единогласно восхвалять Бога и таким образом отправлять богослужение"⁴.

Сам Петр I проявлял веротерпимость к инославным; во время персидского похода (1722—1723) он "присутствовал в храмах армянского исповедания, устаивал и знатное духовенство своим посещением, приглашая армян к водворению в Россию"⁵. Первая армянская церковь была построена при Петре I в Астрахани; первоначально она была деревянной, а в 1706 г., согласно прошению армянина Богдана Готова, русский царь повелел "вместо деревянной церкви на том же месте построить каменную". Вскоре армянам было разрешено совершать богослужения в Москве: здесь им была определена для этого церковь на посольском дворе, "на время, чтобы приходить им туда на молитву"⁶.

Петр I был заинтересован в расширении торговых связей как с Персией, так и с Западной Европой, и в армянах он видел хороших помощников в этом деле. 11 марта 1707 г. в Посольский приказ было

---

⁴ Полный свод законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). Т. 4. (1700—1712). СПб., 1830. С. 28.

⁵ Собрание актов. Т. 2. С. 292.

⁶ Лебедев А. Вероисповедное положение армян в России. М., 1909. С. 7.

направлено распоряжение о "дозволении торговым армянам ездить из Москвы через Рутодив (Нарву) и С.-Петербург за границу, на каких судах они пожелают"⁷. Это благожелательное отношение русского правительства побуждало армян селиться в России, и в частности, в Санкт-Петербурге. 2 марта 1711 г. в С.-Петербурге был дан указ Сенату, в котором предписывалось: "Армян как возможно приласкать и облегчить, в чем пристойно, дабы тем подать охоту для большего их приезда"⁸.

В те годы одним из активных деятелей в борьбе за освобождение армянского народа от персидского ига был вардапет Минас. Впервые он прибыл в Россию в 1701 г.⁹ и в дальнейшем осуществлял периодические связи России с Эчмиадзином, Персией, Западной Европой и с Папой Римским. Он обращал внимание Петра I на необходимость возвести на берегу Каспийского моря большой монастырь, который мог бы также служить и крепостью. Одновременно он просил разрешения соорудить армянскую церковь в С.-Петербурге¹⁰. В обращении к русскому правительству от 20 ноября 1714 г. вардапет Минас писал: "Всепокорно прошу, чтобы позволено было построить церковь армянскую в Петербурге, которая, по милостивому его величества соизволению, уже было и позволена была строить, ибо из того будет всем вид, что мое старание не о иных делах (политических. — *Авт.*), но только о строении церквей, чем могу и армянский народ к себе в приязнь усерднее превращать (расположить. — *Авт.*)"¹¹.

Еще один исторический документ свидетельствует о стремлении Петра I привлечь армян к приезду в С.-Петербург. В 1715 г. в Персию с дипломатической миссией был отправлен сподвижник царя Артемий Петрович Вольнский. Послу Вольнскому предписывалось, в частности, "склонять шаха, чтобы повелено было армянам весь свой торг шелком сырпом обратить проездом в Российское государство более удобным водным путем до самого Петербурга, вместо того, чтобы возить в турецкие земли на верблюдах. Разведывать об армянском народе, много ли его и в которых местах живет, и есть ли из них какие знатные люди из шляхетства или из кушцов и каковы они к стороне царского величества; обходиться с ними ласково и склонять к приязни"¹².

---

⁷ Собрание актов. Т. 1. С. 354 (Опись армянским делам новых лет с 1701 по 1809 гг.).

⁸ ПСЗРИ. Т. 4. СПб., 1830. С. 643. № 2329.

⁹ См. Эзов Г. А. Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб., 1898. С. 69. № 28.

¹⁰ Там же. С. 312; см. также: Братская помощь пострадавшим: Сборник. М., 1897. С. 634—635.

¹¹ Цит. по: Эзов Г. А. Указ. соч. С. 313. № 202, пар. 5.

¹² Цит. по: Кананов Г. К. Армяне в России. // Братская помощь. С. 632.

Армянская община в С.-Петербурге стала постепенно увеличиваться; Петр I по-прежнему призывал армян в Россию для расширения в стране торгового и промышленного дела, обещая "честный армянский народ ради христианства содержать в особливой милости"¹³. Но, несмотря на такое благорасположение Петра I, армянские общины в С.-Петербурге и Москве по-прежнему не имели возможности на строительство каменных храмов. Это видно из письма вардапета Минаса от 8 марта 1722 г. в Государственную Коллегию иностранных дел, где он, в частности, сообщал: "И тому де лет с десять (в 1714 г. — *Авт.*) по его прошению, его императорское величество изволил было повелеть в С. Петербурге дать место под церковь их армянскую и на слободу, однако же того по се время не учинено, и он, Минас вардапет, сим просит о том же и дабы ныне вскоре повелено ему было отвести здесь в Москве места на сто дворов, а в Санкт-Петербурге на 50 дворов и под церкви и под кладбища к таким слободам пристойные места"¹⁴.

Но при Петре I армяне, жившие в Москве и в С.-Петербурге, так и не смогли получить разрешения на постройку храмов, так как Св. Синод Русской Православной Церкви в те годы препятствовал возведению армянских церквей в этих главных городах России.

Послепетровская эпоха (1725—1740). Ситуация несколько улучшилась во время краткого царствования преемницы Петра I Екатерины I (1725—1727). В 1725 г. вардапет Минас в очередной раз посетил С.-Петербург, где он вел переговоры о приведении армянского народа под защиту и покровительство России. 15 сентября того же года вардапет Минас вместе с местными армянами обратился в Св. Синод с ходатайством о том, чтобы выстроить в С.-Петербурге молитвенный дом. Рассмотрев эту просьбу, Синод указом от 29 сентября определил: "...дом молитвенный иметь в Петербурге армянам дозволить и в службе их по своему закону запрещенія не чинить (не делать. — *Авт.*), только вновь костела (церкви) с отменой от домового строения им не чинить, и из благочестивых российского народа христиан по оному своєю веры мудрованию не превращать и никакого соблазна и церкви Божией уничижения не творить под великим штрафом и жестоким наказанием"¹⁵.

---

¹³ ПСЗРИ. Т. 7 (1723—1727). 10 нояб. 1723 г. № 4357. С. 157.

¹⁴ Дело Московского главного архива министерства иностранных дел от 8 марта 1722 г. Цит. по: *Эзов Г. А.* Указ. соч. С. 86 (предисловие). В 1740 г. вардапет Минас ходатайствовал "о принятии его к Православной Восточной Греко-российского исповедания Церкви и о постановлении его в архиепископы по данной от армянского патриарха грамоте", см. там же, с. 87 (предисловие).

¹⁵ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания. Т. 5. № 165. С. 189. Цит. по: *Лебедев А.* Указ. соч. С. 8.

Таким образом вероисповедное положение петербургских армян улучшилось. Теперь им разрешалось иметь молитвенный дом для совершения богослужения, но разрешалось это, правда, со значительными ограничениями.

Более благоприятное отношение к армянским христианам, жившим в России, наступило во время правления императрицы Анны Ивановны (1730—1740). Ее ближайшим помощником по управлению государством стал немец-лютеранин Бирон, который не находил нужным учитывать мнение Св. Синода Русской Православной Церкви в решении вероисповедных вопросов. 22 февраля 1735 г. был издан правительственный манифест "о дозволении свободного богослужения всем христианским исповеданиям в России"¹⁶. А вскоре армяне, жившие в С.-Петербурге и в Москве, возобновили свои просьбы о разрешении на постройку храмов.

Обе общины свои ходатайства мотивировали тем, что "для совершения божественной службы прочие инославные христиане в Москве и С. Петербурге церкви своего закона имеют, армянского же вероисповедания церквей, несмотря на множество обретающихся в России армян, нет" и что это обстоятельство удерживает многих армян от переселения в Россию: "а если бы свобода армянского богослужения была обеспечена, то число армян, выезжающих в Россию, весьма увеличилось бы, а через то и купечество в России распространилось бы, и казна императорского величества умножилась бы"¹⁷.

О постройке церкви "армянского закона" в С.-Петербурге хлопотал Лука Ширванов, указывавший, что у него имеется на Васильевском острове, на Малом проспекте, по 3-й линии двор, где удобно выстроить церковь. На это ходатайство в 1740 г. было дано императорское разрешение: "по сему прошению позволяется"¹⁸. Одновременно с этим в Москве купец Богдан Христофоров с другими членами общины просил разрешения на постройку в Москве армянской церкви. И это ходатайство также было удовлетворено 3 августа 1740 г., спустя 6 месяцев после того, как Л. Ширванову была разрешена постройка армянской церкви в С.-Петербурге¹⁹.

Оба эти разрешения были даны императорским двором совершенно самостоятельно — без переписки со Св. Синодом и без учета его мнения. Таким образом казалось, что с 1740 г. духовные запросы армян, живших в России, должны были полностью быть обеспечены, так как,

---

¹⁶ ПСЗРИ. Т. 9. (1733—1736). СПб., 1830. С. 482. № 6693.

¹⁷ См. *Лебедев А.* Указ. соч. С. 8—9. См. также: ПСЗРИ. Т. 11. (1740—1743). СПб., 1830. С. 11. № 8007 (от 18 янв. 1740 г. прошение армянина Ширванова "О построении церкви армянского закона в С. Петербурге").

¹⁸ Там же. № 8007. См. также: *Собрание актов.* Т. 1. С. 15.

¹⁹ Там же. № 8194.

согласно указам 1740 г. в Петербурге и Москве армяне могли иметь свои церкви и совершать в них богослужения. Но смерть Анны Иоанновны, последовавшая в том же 1740 г., осложнила дальнейшую жизнь армянских общин в обеих столицах Российской империи.

Правление Елизаветы Петровны (1741—1761). При императрице Елизавете позиции Св. Синода Русской Православной Церкви существенно укрепились, и это вскоре сказалось не лучшим образом на положении армянских общин. 8 января 1742 г. в Синоде было определено: "Подать ее императорскому величеству от Синода доношение и просить ее императорского величества указа, не соизволит ли ее императорское величество имеющуюся в Китае-городе (в Москве. — *Авт.*) армянскую церковь (только что построенную), яко она не есть православная, но еретическая, диоскорова злочестия, упразднить, ибо ежели оной быть, то не безопасно, чтобы от простолуднинов не причинилось кому от армянских учителей каким-либо образом в армянскую веру какого прельщения и от того в Церкви Божией какой тщеты" ²⁰.

Это желанное для Синода распоряжение незамедлительно явиться: 16 января того же 1742 г. именным указом было повелено: "Церкви армянские кроме одной каменной в Астрахани, все, как здесь (в Петербурге. — *Авт.*), так и в Москве и в Астрахани недавно построенные, упразднить и впредь позволения о строении оных не давать" ²¹. Таким образом, только что возрождавшееся церковное объединение армян, живших в России, и удовлетворение их духовных запросов снова было ограничено указом 1742 г.

Несмотря на такой запретительный указ, армяне, однако, не переставали настойчиво ходатайствовать о разрешении им строить церкви, по примеру других инославных христиан, живших в России. Они подавали, одно за другим, прошения по этому вопросу в Коллегию иностранных дел, но все просьбы их оставались без удовлетворения вследствие противодействия со стороны Синода, обыкновенно ссылавшегося в таких случаях на состоявшееся уже по этому вопросу решение — указ от 16 января 1742 г. Так, в 1745 г. Луке Ширванову было отказано в достройке начатой им в С.-Петербурге каменной церкви ²².

В конце концов Коллегия иностранных дел сочла необходимым вступить за армян, и 16 марта 1754 г., минуя Синод, непосредственно обратилась по этому вопросу с докладом к Елизавете, в котором объяснялось, что, так как "в Российской империи всех других наций людям костелы и кирхи свои, а магометанам и мечети, иметь позволено, то нужно, видится, допустить и им, армянам, свободно в том пользоваться, особливо же в рассуждении того, что по высокому наме-

²⁰ Цит. по: Лебедев А. Указ. соч. С. 9.

²¹ ПСЗРИ. Т. 11. СПб., 1830. С. 559. № 8500.

²² См. Собрание актов. Т. 1. С. 172.

рению блаженной памяти государя императора Петра I, они, армяне, к выезду в Россию для жития и распространения купечества через Коллегию иностранных дел нарочно призваны и в изданных тогда для такого призвания их грамотах именно включено, что его императорское величество честной армянский народ в особливой милости содержать изволит, и как потому, так и для происходящей от купечества их государственной пользы, не безпотребно признается к вящему одобрению и приласканию их, армян, свободное отправление божественной службы им позволить" ²³.

Но императрица Елизавета не решилась предпринять какие-либо действия по вероисповедному вопросу без согласия Св. Синода Русской Православной Церкви. Поэтому, рассмотрев представленный доклад, она повелела этот вопрос "предложить на рассмотрение Св. Синода, чтобы по рассмотрению доложено было ей о разностях веры армянской, которые отлучают ее (Армянскую Церковь. — Авт.) от православной Греко-российской Церкви, для решения вопроса — можно ли армянам разрешить содержание церквей для отправления служб по их закону, как прочим, живущим в России, иноверцам" ²⁴.

Но позиция Синода была неизменной, отрицательной, и это повеление долгое время оставалось неисполненным. Впоследствии Коллегии иностранных дел снова приходилось защищать интересы армянских христиан, но на этом пути неизменно возникали новые препятствия, о чем свидетельствует дальнейший ход дела Л. Ширванова. 16 мая 1760 г. из Коллегии иностранных дел в адрес Св. Синода было отправлено письмо, в котором снова упоминалось про "небольшую каменную церковь на дворе Ширванова, состоящем на Васильевском острове третьей линии" ²⁵. "Та церковь, — говорилось в письме, — каменная на дворе его, Ширванова, в пристойном месте. под надзиранием архитектора Трезини строить начата и построена сверх фундамента в вышину близ половины, но строением остановилась за тем, что в 1742 г. высочайшим ее императорского величества именным указом повелено церкви армянския, кроме одной каменной в Астрахани, все недавно построенные упразднить" ²⁶.

Далее в письме сообщалось о трудном положении армянской общины, не имеющей духовного окормления, и о просьбе Ширванова разрешить достройку храма: "А понеже де он, Ширванов, будучи при глубокой старости, со своими домашними, так, как и другие живущие здесь армяне, не имея прибежища по своему христианскому воспита-

---

²³ Цит. по: *Лебедев А.* Указ. соч. С. 10.

²⁴ См. *Лебедев А.* Указ. соч. С. 10.

²⁵ Там же. С. 25.

²⁶ Там же. С. 25. (Довошение Коллегии иностранных дел Св. Синоду. 1760 г. 16 мая.

нию и закону к Церкви во всегдашнем прискорбии пребывают... и потому он, Ширванов, как для себя с домашними, так и для тех живущих здесь армян, всенижайше просит, чтобы повелено было выпеш-означенную начатую на дворе его армянскую каменную церковь, которая близко половины уже построена и напрасно пропадает, достроить и службу Божию по их закону исправлять дозволить"²⁷.

Это письмо в адрес Св. Синода, содержащее просьбу армянской общины, было направлено при участии графа М. И. Воронцова (1714—1767), исполнявшего в то время должность государственного канцлера (1758—1763). Это письмо вскоре было дополнено рекомендацией, которую граф М. И. Воронцов считал нужным направить Св. Синоду: "По таким обстоятельствам видится, можно бы им, армянам, так, как и другим, в здешней империи обретающимся иностранным народам, свободное отправление службы Божией по закону их дозволить, по меньшей мере в дома их, на которых бы внешних знаков церквей не было"²⁸.

Следует отметить, что эта рекомендация не являлась для Св. Синода обязательной к исполнению. Это отчетливо сознавало руководство Коллегии иностранных дел, о чем красноречиво свидетельствует черновой вариант текста рекомендации М. И. Воронцова. В черновом варианте текста письма после слова "дозволить" следовали слова: "и для того, как здесь начатую в дому Ширванова церковь строением докончать, так и в Москве в пристойном месте новую построить, а именно на Пресне, где у них кладбище мертвым бывает, а кроме того в Китае (городе) для собрания на молитву хотя в одном доме и без церковных знаков особливые покои содержать и в них Божию службу отправлять не препятствовать". Но эти слова в черновике были затем отчеркнуты красным карандашом и рядом с ними на полях другим почерком отмечено: "N.B. О построении в С. Петербурге и Москве публичных церквей Синод, конечно, не согласится, а требовать только, чтобы отправление службы по их закону не возбранено было иметь в их домах". Согласно этой пометке, отчеркнутые слова и были заменены в окончательном варианте вставкой: "...по меньшей мере в домах их, на которых бы внешних знаков церквей не было"²⁹.

Эпоха Екатерины II (1762—1796). Вступив на русский престол, Екатерина II (немка-лютеранка по своему первоначальному вероисповеданию) издала манифест от 4 декабря 1762 г. "О позволении иностранцам выходить и селиться в России"³⁰. Но этот манифест требовал конкретных гарантий, и поэтому 9 июня 1763 г. был издан указ "О

²⁷ Цит. по: *Лебедев А.* Указ. соч. С. 25—26.

²⁸ Там же. С. 27. От 26 июня 1760 г.

²⁹ Там же. С. 27 (примечание).

³⁰ ПСЗРИ. Т. 16. СПб., 1830. С. 126. № 11720.

позволении всем иностранцам, выходящим в Россию, строить и содержать по их законам церкви в тех местах, где они селиться пожелают"³¹. Указ предоставлял всем колонистам, обосновавшимся в России, большие льготы и свободу вероисповедания.

Первой благотворные перемены ощутила на себе армянская община в Астрахани. Тем же указом Сенат удовлетворил просьбу астраханских армян во главе с Иоанном Асатуровым и разрешил им "построить в Астрахани христианского исповедания 2 церкви сверх имеющейся там деревянной"³². Это решение Сената явилось основой для ходатайств петербургских и московских армян по этому же вопросу.

На благоприятное решение давней проблемы повлияло и установление связей Эчмиадзинского патриаршего престола с русским правительством. В 1768 г. католикос Симеон I (1763—1780) отправил в С.-Петербург архимандрита Давида с благословительной грамотой. Императрице Екатерине II были также посланы в дар Св. мощи Иоанна Крестителя, Св. девы Рипсима, Св. Георгия Победоносца и частица от Ноева ковчега³³. Одновременно с этим католикос Симеон обращался к проживавшим в С.-Петербурге и Москве армянам, прося их оказать содействие миссии архимандрита Давида. Посольство из Эчмиадзина было радушно принято в С.-Петербурге. Екатерина II повелела Комиссии иностранных дел заготовить ответную грамоту на имя католикоса и вручить ее архимандриту Давиду для передачи святейшему Симеону I.

В грамоте от 30 июля 1768 г. было сказано о том, что по примеру предков "равномерно соизволяем, как настоящего честнейшего патриарха Симеона, так и будущих преемников его патриаршего престола, также же юзбашей и весь честной армянский народ в нашей императорской милости и благоволении содержать"³⁴. С этого времени не только армянский народ, но и Церковь и патриарший престол могли рассчитывать в трудную для них минуту на покровительство и защиту русского правительства.

Поэтому вполне закономерно, что вскоре был дан благожелательный ответ Екатерины II на прошение, поданное петербургской армянской общиной во главе с придворным ювелиром И. Лазаревым, "дозволить построить им в Петербурге, для отправления по их вере службы церковь, и под оную отвести им место". 2 мая 1770 г. последовал указ, объявленный генерал-полицимейстером Чичериным: "...армянам те цер-

---

³¹ ПСЗРИ. Т. 16. С. 287. № 11853.

³² Там же. С. 287.

³³ См. Эзов Г. А. Начало сношений Эчмиадзинского патриаршего престола с русским правительством // Кавказский вестник. 1901. № 10. С. 6 (приложение). См. также: Собрание актов. Т. 1. С. 175.

³⁴ Эзов Г. А. Указ. соч. С. 6.

кви как здесь (в Петербурге. — *Авт.*), так и в Москве построить дозволишь, на таком же основании, как и католические стоят; для построения оных церквей здесь (в Петербурге. — *Авт.*) и в Москве отвести от полиции способные места"³⁵.

К этому указу генерал-полицимейстер Чичерин 22 мая сделал дополнение, сообщив, что он "для построения оной армянской церкви место за способное нашел на Невской перспективе, где малая собственная (придворная. — *Авт.*) конюшня". Конюшенная контора, которую запрашивал об этом Чичерин, ответила, что не имеет надобности в месте "по перспективе" (Невскому проспекту. — *Авт.*) до Казанской церкви, "от двора умершего камергера Возжинского, по улице поперечнику 31 сажень, в длину во двор, под дворы смежные купцов Бока и Пучкова 41 сажень"³⁶.

Возведение армянского храма в Петербурге тесно связано с именем Ованеса Лазаряна (Ивана Лазарева) (1735—1801) — одного из прогрессивных деятелей армянского освободительного движения в XVIII веке, направленного на свержение турецкого ига. Отец И. Л. Лазарева — Лазарь Лазарев прибыл в Россию из Джульфы (близ Исфахана). Семья Лазаревых в течение ста лет, до самого ее прекращения в 1871 г. по мужской нисходящей линии, отличалась благочестием, благотворительностью и любовью к просвещению. Они построили для своих единоверцев храмы в Петербурге и Москве, основали в Москве для образования своих соотечественников Армянское училище (1815 г.), переименованное впоследствии в Лазаревский институт, учредили армянскую типографию, издавали религиозные и исторические памятники древней армянской литературы и участвовали во всех начинаниях, имевших целью религиозно-правственное просвещение своих единоверцев³⁷.

Строительство армянской церкви в С.-Петербурге началось в 1771 г. по инициативе и отчасти на личные средства И. Лазарева. На строительство церкви он пожертвовал 30 тысяч рублей. Неподалеку от места строительства был возведен ими дом Лазарева, который он впоследствии подарил церковной общине³⁸. В эти годы произошло событие, важное для армян, живших в России. В 1773 г. католикос Симеон назначил армянским архиепископом в Россию князя Иосифа Аргутин-

³⁵ ПСЗРИ Т. 19. (1770—1774). СПб., 1830. С. 59. № 13457.

³⁶ ПСЗРИ. Т. 19. СПб., 1830. С. 65. № 13464, от 22 мая 1770 г. Именной указ, объявленный Чичериным, "Об отводе места в С. Петербурге на Невской перспективе для построения армянской церкви". См. также: Выписка из именных указов об отводе места для армянской церкви на Невском пр. Копия 1856—1880 гг. (1770 г.) ЛГИА, ф. 2263, оп. 1, д. 34, л. 50.

³⁷ О Лазаревых см.: Собрание актов. Т. 2. С. 298—299, 313—314.

³⁸ См. *Божерянов И. Н.* Невский проспект. Т. 2. СПб., 1903. С. 231.

ского-Долгорукого. Благодаря дружескому расположению к нему главных иерархов православного духовенства — митрополита Московского Платона (Левшина) и митрополита С.-Петербургского Гавриила и других, нужды Армянской Церкви и армянского народа нашли в архиепископе Иосифе сильного и авторитетного заступника. Ближайшим сотрудником архиепископа Иосифа стал И. Л. Лазарев: он сопровождал его в поездках по России и служил для него переводчиком.

В начале 1780 г. строительство армянской церкви в С.-Петербурге было завершено. Возведенная по проекту русского архитектора (немецкого происхождения) Ю. М. Фельтена (1730—1801), эта однокупольная церковь явилась замечательным памятником архитектуры русского раннего классицизма. В убранстве ее фасадов была широко использована скульптура. Главный вход в храм был отмечен портиком, увенчанным треугольным фронтоном.

18 февраля 1780 г. архиепископ Иосиф освятил петербургскую армянскую церковь³⁹. Это освящение происходило в торжественной обстановке: на нем присутствовал князь Г. А. Потемкин (1739—1791) и многие высокопоставленные лица. Архиепископ сказал на армянском языке проповедь, печатный перевод которой был роздан всем присутствовавшим. Текст сказанной архиепископом Иосифом речи, в двух экземплярах и в особых роскошных перешлесах, был поднесен князем Потемкиным как императрице, так и великому князю. Екатерина II, в знак благоволения к архиепископу, 23 февраля прислала ему богатую панагию и крест, украшенный драгоценными камнями, а 3 мая того же 1780 г. он был принят ею и поднес ей чин молебствия за российский царствующий дом, составленный скончавшимся к тому времени католикосом Симеоном (1780).

В эти годы число армян, обосновавшихся на жительство в С.-Петербурге, росло⁴⁰, хотя в конце XVIII в. армянская община была все же сравнительно небольшой, но духовно сплоченной. "Армянский народ состоит не более как из ста человек, но имеет 2-х священников", — отмечал в 1794 г. один из тогдашних бытописателей С.-Петербурга⁴¹. Пожилые прихожане умирали, и, согласно тогдашним традициям, их следовало хоронить на отдельном кладбище. Поэтому местный армянский священник — протоиерей Стефан подал прошение "об

---

³⁹ Освящение армянской церкви Св. Креста в Москве состоялось несколько позже — 9 сентября 1781 г. (*примеч. авт.*).

⁴⁰ См., например: Собрание актов. Т. 1. С. 378. 16 нояб. 1778 г. Копия с данного Сенату именного указа о принятии в вечное России подданство армянина Манвела Назаретова с родными его братьями Артемием, Богданом и Никитою Назаретовыми, о пожаловании их в с.-петербургские мещане и о позволении торговать оным наравне с российскими купцами.

⁴¹ *Георги И. Г.* Описание российско-императорского города Санкт-Петербурга. СПб., 1794. С. 282.

отводе на Васильевском острове при кладбище иноверных особого для их нации места, на коем коллежский советник Лазарев желает построить для помещения и призрения бедных каменное жилище, а для погребения умирающих армян каменную небольшую церковь" ⁴².

На это прошение последовала резолюция Екатерины II: "Как просящее место ради выпесказанной надобности отвести, так и желаемое на нем строение произвести дозволить" ⁴³. Как следует из содержания этого документа, строительство армянской кладбищенской церкви было начато на средства того же И. Л. Лазарева; оно началось на территории, отведенной армянам рядом со Смоленским православным кладбищем, которое существует с 1756 г.

Армянская община в С.-Петербурге обладала и недвижимой собственностью. Одновременно со строительством храма на Невском проспекте, рядом с ним в 1771—75 гг. был возведен и жилой дом по проекту того же архитектора Ю. М. Фельтена (нынешний адрес — Невский пр., д. 42). Позднее — в 1794—1798 гг. был построен второй жилой дом армянской общины (Невский пр., д. 40) (предположительно — архитектор Е. Т. Соколов), и таким образом храм оказался в глубине двора в эффектном обрамлении двух старинных построек.

Конец XVIII—XIX в. Во время правления императора Павла I (1796—1801) было закончено строительство храма на армянском кладбище в С.-Петербурге. Его освящение состоялось в 1797 году; он был назван в честь Воскресения Христова ⁴⁴.

Архиепископ Иосиф продолжил свою активную деятельность на ниве духовного просвещения. Проявляя большой интерес к древнеармянской литературе, особенно к литературе духовной, и стремясь распространять ее среди народа, он основал армянские типографии в С.-Петербурге, Новой Нахичевани и Астрахани, в которых был издан ряд богослужебных книг, важнейшие труды Нерсеса Благодатного (Шнорали), некоторые исторические сочинения, а также русский перевод чина священной литургии Армянской Церкви и другие богослужебные тексты. В 1799 г. в С.-Петербурге была напечатана книга под названием: "Исповедание христианской веры Армянской Церкви, переведенное с армянского на российский язык и изданное тпанием преосвященного Иосифа, архиепископа всего армянского народа, обитающего в России, и кавалера князя Аргутинского-Долгорукого".

---

⁴² ПСЗРИ. Т. 23. С. 215. № 16945, от 15 февр. 1791 г. СПб., 1830 (Указ с.-петербургскому губернатору Коновницину).

⁴³ Там же. № 16945.

⁴⁴ См. Петербург с окрестностями / Составил Ф. Раевский. СПб., 1902. С. 201. Этот храм был возведен как часовня-усыпальница в память единственного сына И. Л. Лазарева — Артема (Аругюна), погибшего на русско-шведской войне. (Примеч. автора)

В том же 1799 г. повелением Павла I в Астрахани была учреждена Армянская Духовная консистория. "В управлении сей консисторией быть церквам, приходам и мирским людям, пребывающим в С.-Петербурге, Москве, — говорилось в указе, с дальнейшим перечислением целого ряда российских городов, где в то время жили армяне. — ...да будут по правилам их церковным в непосредственном управлении пребывающего в России архиепископа Иосифа и его наместника под зависимостью араратского патриарха"⁴⁵.

Архиепископ Иосиф продолжал пользоваться благорасположением русского правительства. Еще в 1793 г. Екатерина II подарила ему бриллиантовый крест на клобук, богатую мантию; император Павел I наградил его орденом Св. Анны I степени⁴⁶. В 1800 г. он был избран Верховным католикосом, но, к сожалению, недолго возглавлял престол Армянской Апостольской Церкви и в 1801 г. скончался.

Процесс объединения армян, появление в разных русских городах армянских храмов, учреждение Духовной консистории и духовных правлений — все это свидетельствовало об укреплении позиции Армянской Церкви в России. Но, несмотря на это, вплоть до начала XIX в. Армянская Церковь в России не была признана юридическим лицом, за которым признавались бы официальные имущественные права. Начало этому процессу было положено в армянской петербургской общине.

Как уже было отмечено, постройка армянских церквей в С.-Петербурге была делом придворного ювелира Ивана Лазарева, за потомством которого признавалось право управления ими. Однако жена и дети Ивана Лазарева, скончавшегося в 1801 г., отказались от управления обеими церквами в 1804 г., и к армянской общине перешли в полную собственность дома, "в пользу церкви армянской первым учредителем устроенные"⁴⁷. При этом с согласия наследников Ивана Лазарева был подробно указан порядок управления церковными доходами⁴⁸. В именном указе, направленном с.-петербургскому военному губернатору, говорилось "о дозволении и разрешении наследникам действительного статского советника Лазарева, согласно их желанию и воле первого завещателя, привести в исполнение статьи постановления об управлении армянских церквей и их собственностей и об освобождении принадлежащих к оным домов от полицейских повинностей"⁴⁹. К этому указу были приложены соответствующие постановления епархиальных

---

⁴⁵ Собрание актов. Т. 1. С. 205.

⁴⁶ См. Эзов Г. А. Начало сношений. С. 11 (приложение).

⁴⁷ ПСЗРИ. Т. 28. СПб., 1830. С. 459. № 21406, от 19 июля 1804 г.

⁴⁸ См. Кусиков А. Армянская Церковь в России как юридическое лицо // Кавказский вестник. № 2. 1905. С. 74.

⁴⁹ ПСЗРИ. Т. 28. С. 458. № 21406.

армянских архиепископов и Верховного Эчмиадзинского патриарха и католикоса.

Опыт армянской петербургской общины в 1806 г. был успешно применен и на других инославных приходах. На основании приведенного указа от 19 июля 1804 г. было решено, что и другие инославные общины "должны по примеру состоящей в С. Петербурге армянской церкви... быть освобожденными от полицейских повинностей во всем, на том основании, как постановлено вообще о домах и имуществах, к церквам других армянских исповеданий принадлежащих"⁵⁰. А еще через несколько лет, по указу от 17 ноября 1810 г., имущественные интересы Армянской Церкви были ограждены теми же самыми законами, как имущества Русской Православной Церкви. Эти права впоследствии были закреплены и расширены указами 1831 и 1836 гг.⁵¹

К этому времени квартиры жилых домов армянской общины (Невский пр., 40, 42) сдавались внаем; в 1823—1825 гг. в одном из них жил будущий декабрист Г. С. Батеньков. Впоследствии оба дома неоднократно перестраивались⁵². Изменялась и отделка армянского храма на Невском проспекте. В 1822 г. архитектор Е. Т. Соколов составил смету на ремонт храма с существенными изменениями его интерьера. Ее сохранившаяся отделка, по-видимому, отличается от первоначальной⁵³.

После кончины католикоса Иосифа (1801), дело духовного просвещения армян, живших в России, продолжили его последователи, подвизавшиеся в С.-Петербурге, Москве и Астрахани. Все они были в священном сане: о. Иосиф Иоаннесов, о. Артемий Аламдаров, епископ Михаил Салангян, Гавриил Патканян и др. О. Иосиф Иоаннесов известен как переводчик "Истории Армении" Моисея Хоренского (Мовсеса Хоренаци) на русский язык (СПб., 1809).

Русское правительство по достоинству оценивало духовно-просветительскую деятельность армянских пастырей. Так, 21 августа 1825 г. от министра народного просвещения и главного управляющего духовными делами иностранных исповеданий А. С. Шишкова (1754—1841)

---

⁵⁰ Цит. по: Собрание актов. Т. 1. С. 252.

⁵¹ См. Кузиков А. Указ. соч. С. 75.

⁵² Дело Департамента искусственных дел о разрешении Лазареву произвести разные пристройки к домам армянской церкви на Невском проспекте. 1845 г. ЦГИА СССР, ф. 218, оп. 3, д. 522, л. 21.; Чертежи домов, принадлежащих армянской церкви, с проектом размещения в первых двух этажах дома № 42 русско-французского коммерческого банка. Архитектор В. А. Шретер. 1823—1915 гг. ЛГИА, ф. 513, оп. 102, д. 9809, л. 210. На балконе дома армянской церкви, где помещался книжный магазин "Нового времени", вплоть до начала XX в. сохранялись инициалы фамилии Лазаревых, а внутри квартиры, которую занимал князь Семен Семенович Абамелек-Лазарев, была отделка екатерининской эпохи (см. Божерянов И. Н. Невский проспект. Т. 2. СПб., 1903. С. 231).

⁵³ См. Коришкова М. Ф. Юрий Фельтен. Л., 1988. С. 100.

последовало предложение с.-петербургскому Армянскому духовному правлению, "по засвидетельствованию преосвященного архиепископа Иоаннеса о ревностном служении наместника армянских церквей в С. Петербурге и Москве архимандрита Серафима... сопричислить его к ордену Св. Владимира IV степени"⁵⁴.

В 1830 г. в лоне Армянской Церкви в России была произведена административная реформа; в связи с этим петербургский и московский армянские приходы перешли в юрисдикцию архиепископа Нерсеса, возглавившего новоучрежденную Нахичевано-Бессарабскую епархию. (Впоследствии он был избран Верховным патриархом и католикосом всех армян; 1842—1857 гг.). В указе Сенату от 23 апреля 1830 г. предписывалось: "Учредить новую армянскую епархию под наименованием Нахичеванской и Бессарабской, включив в оную все церкви сего исповедания, находящиеся в С. Петербурге, Москве, в губерниях Новороссийских и в области Бессарабской. Начальником сей епархии... быть грузинскому архиепископу Нерсесу, увольняя его от прежней должности"⁵⁵.

К этому времени число армян, живших в С.-Петербурге, значительно увеличилось; в 1831 г. было решено начать здесь преподавание "в казенном заведении армянского языка"⁵⁶. Территория армянского кладбища значительно выросла: оно было местом упокоения представителей различных сословий. Здесь при кладбищенской церкви был похоронен протоиерей Мартын Иванович Челабов (1834); здесь нашли последнее пристанище потомки известного рода Лорис-Меликовых, здесь покоится прах профессора турецкого языка Ованеса Амиди (1798—1849).

На Смоленском армянском кладбище похоронены известные деятели, внесшие большой вклад в развитие национальной культуры. К их числу принадлежит Александр Макарьевич Худобашев (1780—1869), опубликовавший "Армяно-русский словарь, составленный по лексикону, изданному в Венеции" (Ч. 1—2. М., 1838), а также "Исторические памятники вероучения Армянской церкви, относящиеся к XII веку" (перевод с армянского) (СПб., 1847). Следует сказать и о профессоре С.-Петербургского университета Керопе Петровиче Патканове (1833—1889), чье надгробие также сохранилось. Он родился в Ставрополе в семье священника, занимался научной деятельностью на кафедре армянского языка при Восточном факультете С.-Петербургского университета; в 1864 г. стал профессором. Его магистерская работа была написана на тему: "Опыт истории династии Сасанидов по армянским источникам" (СПб., 1863), а его докторская работа носит название

⁵⁴ Собрание актов. Т. 1. С. 262. № 1142 от 21 авг. 1825 г.

⁵⁵ ПСЗРИ. Т. 5. (Собрание 2-е). СПб., 1831. Отд. 2. С. 355. № 3620.

⁵⁶ Собрание актов. Т. 1. С. 64.

"Исследование о составе армянского языка" (СПб., 1864). Общее число его печатных трудов насчитывает около 40 наименований, некоторые из них были переведены на французский и немецкий. Он состоял членом многих научных обществ, присутствовал на нескольких съездах ориенталистов, собиравшихся в западноевропейских странах⁵⁷.

Представители петербургской армянской общины проявляли себя в различных сферах деятельности: это и химик Карп Никитич Гайрабетов (1906), и генерал от кавалерии Агаси бек Авшаров (род. в Шемахе в 1834 г., скончался в С.-Петербурге в 1907 г.), и инженер путей сообщения Христофор Аветович Ярамышев (из г. Шуши, скончался в 1918 г.), и многие другие. Даже те немногие имена, которые были упомянуты, дают основание говорить о Смоленском армянском кладбище как о национальном мемориале, который нуждается в срочном благоустройстве и постоянном надзоре и уходе.

В 1891 г. армянский храм на Невском проспекте подвергся некоторой перестройке⁵⁸. А в 1908 г. здание церкви подверглось реставрации под наблюдением архитектора А. И. Таманяна. По его рисунку были исполнены металлические створы решетки входных дверей⁵⁹.

Последние годы XIX в. были тяжелым временем для армянского народа. Гонения со стороны Оттоманской империи особенно усилились с 1894 г., вследствие чего из сопредельных с Россией земель десятки тысяч армянских семейств, спасая жизнь, устремились в Россию. Перенося лишения, они оседали не только в южной России, но добирались даже до Москвы и С.-Петербурга⁶⁰. Российская общественность осуществляла массовый сбор средств в пользу этих беженцев. Силами русских прогрессивных кругов был издан сборник под названием "Братская помощь пострадавшим в Турции армянам" (М., 1897), доход от продажи которого направлялся в помощь жертвам гонений. Сборник завершался стихотворением Ф. И. Тютчева (1803—1873), которое в те годы оказалось очень актуальным:

Не в первый раз волнуется Восток,
Не в первый раз Христа там распинают,
И от "креста" луны поobleкший рог
Щитом своим державы прикрывают.
Несется клич: "Распни, распни Его!"

---

⁵⁷ См. Г. Х. [инициалы автора]. Профессор К. П. Патканов // Братская помощь пострадавшим в Турции армянам: Сборник. М., 1897. С. 599—607.

⁵⁸ См. Доклад министра внутренних дел об утверждении проекта перестройки здания армянской церкви на Невском проспекте. 1891. ЦГИА СССР, ф. 1293, оп. 170, 1891, д. 51, л. 31. См. также: Дело об устройстве ворот с двумя подъездами в здании армянской церкви на Невском проспекте. 1858. ЦГИА СССР, ф. 218, оп. 4, д. 842, л. 14.

⁵⁹ См. Памятники архитектуры Ленинграда. Л., 1976. С. 172.

⁶⁰ См. Эзов Г. А. Свояения Петра Великого с армянским народом. СПб., 1898. С. 143 (предисловие).

Предай опять на рабство и на муки!
— О Русь, ужель не слышишь эти звуки
И, как Пилат, свои умоешь руки?
Ведь это кровь из сердца твоего! ⁶¹

В это трудное время, в 1895 г., Петербург посетил Верховный католикос Мкртич I (Айрик) (1893—1907). Здесь он был принят императором; он несколько раз присутствовал за богослужениями в армянском храме и проповедовал при стечении многочисленных прихожан. В одной из своих проповедей, касаясь бедственного положения армянских беженцев, он сказал: "Когда израильский народ был уведен в Вавилон, у прибывавших из Иерусалима он спрашивал о здоровье и целости Иерусалима. Вы — тоже переселившиеся на берега Невы, братья, знаю, и вы тот же вопрос задаете мне: "Айрик, ты откуда был, скажи нам, здрава ли наша родина-мать — Армения, живы ли ее дети?" Я знаю, и между вами есть люди со слабой верой, которые потеряли надежду, которые в отчаянии говорят: Армения погибла или полупогибла. Но я оповещаю вас: Армения еще жива и останется жива. Если Армения много потеряла, все-таки под охраной Божией вот 4 тысячи лет живут ее дети. Вы хорошо знаете, что Армения ныне разделена между двумя соседними государствами. Вы счастливы, вам выпал удел под мощной охраной великой России свободно исповедовать свою христианскую веру и, при условии честного труда, пользоваться всеми правами земной жизни; но братья наши в другой части Армении, подпавшей под власть турок, ныне стонут от всевозможных лишений и страданий. Отчаиваться, однако, не надо. Ничто на свете не вечно. Наступил, по-видимому, час, когда суждено прекратиться и мучениям многострадального гайканского народа" ⁶².

Заключение. К началу нынешнего столетия армянская община в С.-Петербурге продолжала расширять свою деятельность. При кладбищенском храме имелась богадельня (ныне — Набережная реки Смоленки, д. 29). Социальные изменения, последовавшие в России после 1917 г., ограничили имущественные права религиозных объединений, в том числе и армянской общины. В начале 1920-х гг. богадельня при Смоленском армянском кладбище стала жилым домом (потом — конторой ремонтно-строительного управления). Но богослужения в обоих армянских храмах Петрограда продолжали совершаться.

1930-е годы явились тяжелым периодом для верующих нашей страны, в том числе и для членов Армянской Апостольской Церкви. После трагической гибели католикоса Хорена Мурадбеяна (1933—1938) Эчмиадзинская кафедра вдовствовала вплоть до 1945 г., и местоблюсти-

---

⁶¹ Цит. по: Братская помощь. Отд. 3. С. 128.

⁶² Патриарх-католикос Мкртич I (Айрик). Братская помощь. С. 548.

телем патриаршего престола в эти годы был Геворк VI (с 1945 по 1954 гг. — Верховный католикос). В 1930-х гг. оба армянских храма в Ленинграде были закрыты, но церковные здания, к счастью, дошли до нашего времени. Здание армянской церкви на Невском проспекте использовалось под хозяйственные нужды. В эти годы интерьер храма был разделен перекрытием на 2 этажа. Но детали внутренней отделки: колонны коринфского ордера, облицованные искусственным мрамором, лепные карнизы, росписи в виде кессонов в абсиде алтаря — при перестройке были сохранены⁶³.

Что касается здания кладбищенской церкви, то долгое время там располагалась мастерская скульптора В. Б. Пинчука (1908—1988), народного художника СССР, творчество которого носило "гражданственный характер"⁶⁴ (работал в Ленинграде с 1948 г.). В то время как члены московской армянской общины регулярно посещали свой храм на Ваганьковском кладбище, армяне, жившие в Ленинграде, не имели возможности удовлетворять свои религиозные запросы. В начале 1980-х гг. верующие армяне, живущие в Ленинграде, возбудили ходатайство об открытии храма на Смоленском армянском кладбище. Но эта просьба не удовлетворялась в течение 5 лет, и лишь после смерти В. Б. Пинчука вопрос был разрешен положительно. 29 апреля 1988 г. Совет по делам религий при Совете министров СССР официально зарегистрировал армянскую христианскую общину в Ленинграде; одновременно был решен вопрос о передаче в распоряжение армянской общины храма на Смоленском кладбище. Старостой общины, в которой на 1988 г. было зарегистрировано более 100 человек, была избрана 79-летняя Аргения Джалаловна Никифорова-Джалалова, вдова лауреата Ленинской премии С. М. Никифорова (1900—1975), крупного специалиста в области электроники.

В настоящее время в городе и области проживает более 30 тысяч лиц армянского происхождения. Многие из них с радостью узнали о предстоящем открытии армянского храма в С.-Петербурге. Весной 1988 г. началось благоустройство территории кладбища: прокладывались бетонные дорожки, приводились в порядок уцелевшие надгробия. Работы осуществлялись молодыми энтузиастами-армянами, которые видели в этом свой патриотический долг. В их числе были не только местные уроженцы, но и иногородние армяне, обучавшиеся в различных институтах Ленинграда.

Руководство Ленинградского отделения Союза художников (ЛОСХ), в ведении которого находился армянский кладбищенский храм, обя-

---

⁶³ См. Памятники архитектуры Ленинграда. С. 172. (На 1988 г. здание храма занимала декоративная мастерская Театра музыкальной комедии).

⁶⁴ Большая Советская Энциклопедия. Т. 9. Изд. 3-е. М., 1975. С. 543. Лауреат Гос. премии — в 1950 г.; скульптура "Ленин и Сталин в Горках" (1949 г.).

залось окончательно освободить его от "творческого наследия" В. Б. Пинчука к 1 сентября 1988 г., после чего предполагалось начать там большие реставрационные работы. Завершение ремонта и освящение храма было намечено осуществить в 1989 году — спустя 192 года после его первоначального открытия. У местной армянской общины уже есть и духовный пастырь прихода — это молодой священник отец Эзрас Нерсисян, преподаватель Эчмиадзинской Духовной семинарии; в настоящее время — аспирант Петербургской Духовной академии.

Серьезному испытанию подверглась жизнеспособность общины при армянском храме в начале декабря 1988 г. Уже 8 декабря, на следующий день после землетрясения в Армении, при исполкоме Ленсовета был образован штаб помощи пострадавшим, который работал в постоянном взаимодействии с членами армянского прихода. Верующие, как и все другие добровольцы, собирали средства для пострадавших, устраивали благотворительные концерты, доставали лекарства, трудоустроивали прибывших в город на Неве из зоны бедствия⁶⁵.

В начале сентября 1988 г. в Ленинграде побывал Арпрун Галикян — главный архитектор Эчмиадзинского монастыря. Он произвел обмер храма, составил ориентировочную смету и план предстоящих реставрационных работ. Особую сложность представляет ремонт купола: во времена Пинчука здесь было пробито 4 окна для лучшего освещения изваянных им творений.

Невольно напрашивается вопрос: какова судьба другого армянского храма, расположенного на Невском проспекте (между домами 40 и 42)? Он, как и многие другие церковные здания, разделил их судьбу — в нем были склад и мастерская... Театра музыкальной комедии. Это ненормальное положение также вызывало озабоченность городской общественности. В настоящее время, в атмосфере духовного обновления, в городе на Неве создано "Общество друзей армянской культуры", и 18 февраля 1989 г. было объявлено о его регистрации при Ленинградском отделении Советского фонда культуры. Активисты этого общества в течение нескольких лет ставили вопрос о передаче армянского храма на Невском проспекте в их распоряжение⁶⁶. Здесь предполагалось проводить концерты духовных песнопений, устраивать выставки с участием армянских деятелей культуры С.-Петербурга, Армении и гостей из-за рубежа. А пока общество ведет свою работу в Доме культуры им. С. М. Кирова под председательством доктора исторических наук К. Н. Юзбашяна.

---

⁶⁵ См. Ленинградский рабочий. 8 декабря 1989. С. 13.

⁶⁶ Вечерний Петербург. № 197. 25 авг. 1992 г.: "Заместитель мэра С. Беляев подписал распоряжение о передаче до 01.03.93 г. в безвозмездное пользование целевым назначением религиозному объединению церкви Святой Екатерины здания по Невскому проспекту, 40—42, под молитвенные цели".

Но ближайшая задача — это реставрация кладбищенского храма. Для ремонта требуются немалые средства, и небольшой общине не обойтись без помощи Эчмиадзина. Могут ли члены общины рассчитывать также и на пожертвования своих соотечественников в Армении и за ее пределами? Банковский счет открыт для всех, кому дорога духовная культура армянского народа.

*Архимандрит Августин (Никитин),
доцент С.-Петербургской Духовной академии*

Н. А. Самойлов

**АЗИЯ (КОНЕЦ XIX—НАЧАЛО XX ВЕКА) ГЛАЗАМИ
РУССКИХ ВОЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

**(По материалам Л. Г. Корнилова, А. И. Деникина,
П. Н. Краснова)**

Русские военные исследователи внесли большой вклад в дело изучения стран Востока. В конце XIX—нач. XX в. исследования Азии велись в значительной мере по линии военного министерства. В то время российское военное ведомство оказалось заинтересованным в развитии научного и практического востоковедения. В Главном управлении Генерального штаба, в Туркестанском и Приамурском военном округах издавались сборники, посвященные странам Востока: их географии, экономике, истории, современному положению, велись исследовательские работы. Русские офицеры изучали восточные языки. Имена Н. М. Пржевальского, А. Е. Снесарева и др. хорошо известны отечественным востоковедам. В то же время о некоторых русских военных, исследовавших страны Азии и писавших о них, у нас долгие годы не вспоминали и обходили молчанием их имена. Дело в том, что многие из них в годы Гражданской войны сражались в рядах Белой армии, а генералы Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, П. Н. Краснов были ее создателями и крупнейшими руководителями. Только сегодня мы можем должным образом оценить вклад этих военных деятелей в изучение Востока. Хотя их исследования носили чаще всего военно-аналитический, а порой и разведывательный характер, они сегодня представляют интерес для востоковедов разного профиля, поскольку содержат обширный материал по истории, этнографии, религиям различных стран Азии, по вопросам их взаимоотношений с Россией. Безусловно, можно только сожалеть, что долгое время работы Л. Г. Корнилова, А. И. Деникина и П. Н. Краснова оставались вне поля зрения ученых. Лишь отдельные публикации этих авторов упоминались в библиографиях, при этом часто допускались неточности¹.

---

¹ В качестве примера можно привести даже такую основательную, пользующуюся заслуженным авторитетом среди востоковедов работу, какой является "Библиография Ки-

Л. Г. Корнилов — военный разведчик и исследователь Азии

О генерале Лавре Георгиевиче Корнилове написано немало книг и статей. Место и роль этого человека в истории России интерпретировались по-разному, оценки были полярными. Одни называли его "контрреволюционером", "главой военного заговора", другие — "великим русским патриотом", "творцом идеи возрождения России, начавшим борьбу против стихийного безумия, охватившего страну". Все указанные эпитеты касались прежде всего последнего, самого драматичного периода жизни Л. Г. Корнилова, его активной деятельности в 1917—1918 гг. Этот генерал в полной мере испытал чашу трагической судьбы русского офицерства, которому пришлось сделать для себя выбор во время революции 1917 года и в ходе последующей Гражданской войны. Он поступил так, как подсказывала ему совесть и честь офицера, и погиб в жестокой братоубийственной схватке.

Сосредоточившись на кульминационном периоде биографии Л. Г. Корнилова, историки и мемуаристы практически оставили без внимания большую часть его жизненного пути. Даже среди востоковедов мало кто знал, что в течение многих лет деятельность этого русского офицера была теснейшим образом связана со странами Азии. В силу объективных и субъективных причин жизнь и служба Л. Г. Корнилова изучены крайне слабо. Как советские, так и эмигрантские историки рассматривали данный этап его биографии весьма поверхностно, упоминая лишь отдельные эпизоды его службы в Азии и допуская при этом серьезные ошибки². Наиболее надежными источниками для подробного изучения биографии Л. Г. Корнилова и исследований, проведенных им в Азии, следует признать архивные материалы и некоторые работы его современников — сослуживцев и соратников Л. Г. Корнилова (при этом необходимо учесть, что личное отношение

тая" П. Е. Скачкова. Л. Г. Корнилов упоминается в ней дважды (правда, без инициалов) — как автор книги "Кашгария или Восточный Туркестан" [33, 289—290] и "Очерка административного устройства Синь-цзяна" [33, 455]. При этом его статья "Вооруженные силы Китая в Кашгарии" [6] отсутствует. Имя А. И. Деникина вообще было изъято из алфавитного указателя авторов, хотя его книга "Русско-китайский вопрос" имеется в общем перечне [33, 180]. Из работ П. Н. Краснова упомянута только книга "Борьба с Китаем" [33, 87], а авторство его обширного труда "По Азии" приписано известному ботаникогеографу и путешественнику А. Н. Краснову [33, 290].

² Например, в работах советского автора Г. З. Иоффе [22, 7] и эмигрантского исследователя Г. М. Каткова [24, 55] искажено название основной работы Л. Г. Корнилова. Употребленное в обеих книгах ошибочное название "Кашгария и Восточный Туркестан" может создать у читателя неправильное представление, что это — два совершенно разных географических региона.

этих людей к генералу Корнилову могло быть самым разным)³. И безусловно, ценнейшим источником являются работы самого Л. Г. Корнилова — его отчеты, рапорты, письма, научные публикации.

Лавр Георгиевич Корнилов родился 18 августа 1870 г. в самом сердце Азии — в Усть-Каменогорске Семипалатинской области. Отец его был казаком, дослужившимся до звания хорунжего, "пройдя всю строевую лямку" [30, 4]. К моменту рождения сына он уже вышел в отставку и служил волостным писарем. Мать Лавра Георгиевича была казачкой станицы Кокпектинской.

Детство юного казака протекало на родине — в Семипалатинской области, где жили казахи, киргизы и представители других азиатских народов. Л. Г. Корнилов с детства привык общаться с ними и находить общий язык, что, безусловно, помогло ему в дальнейшей службе, которая в основном протекала в Азии. По его собственным откровенным признаниям, он "вообще не любил Европу и лучше чувствовал себя с азиатами" [28, 13]. Генерал Е. И. Мартынов находил в нем даже признаки и черты, роднившие Л. Г. Корнилова с представителями азиатских народов⁴.

Есть сведения, что Л. Г. Корнилов свободно говорил на нескольких восточных языках и мог даже писать стихи по-таджикски [24, 57; 34, 4]. Встречаются упоминания об изучении им персидского, китайского и индийских языков [30, 16, 18]. Он сам писал о том, что беседовал с туркменами [7]. У него никогда не возникало проблем в общении с представителями азиатских народов. В войсках под командованием Корнилова было много выходцев из Азии и его популярность в их среде была огромной. "Корнилов был маленький и ловкий, держал себя просто, но был по-восточному вежлив" [24, 57]. В 1917 г., уже будучи генералом, он создал личную охрану, состоявшую главным образом из представителей среднеазиатских народов, известных в армии под названием "текинцев". Они были ему глубоко преданы и окрестили "Великим бояром" [24, 57].

Постоянно соприкасаясь с Востоком, Л. Г. Корнилов научился разбираться в психологии восточного человека, учитывать особенности

---

³ Книга В. Д. Плетнева вышла в Петрограде в 1917 г. и имела целью представить Л. Г. Корнилова сторонником демократии [30]. Н. Туземцев (Н. Т. Добровольский) был соратником Л. Г. Корнилова по Добровольческой армии [34]. Генерал Е. И. Мартынов служил вместе с Л. Г. Корниловым в Заамурском округе пограничной стражи, был его непосредственным начальником, в годы первой мировой войны они вместе оказались в австрийском плену. После революции Е. И. Мартынов перешел на сторону Советов, служил в РККА. Его книга написана с позиций критики "белого генерала", но содержит много фактов биографии Л. Г. Корнилова.

⁴ Е. И. Мартынов писал: "В Корнилове несомненно текла кровь сибирских инородцев, так как он отличался ярко выраженными чертами монгольского типа, делавшими его похожим на бурята" [28, 12].

его характера. Эти качества формировались постепенно, в длительные периоды службы на Востоке. Л. Г. Корнилову довелось побывать практически во всех сопредельных восточных странах. Его вклад в их изучение как с военно-политической, так и с научной точки зрения оказался весьма значительным.

Л. Г. Корнилов получил образование в Сибирском кадетском корпусе и в Михайловском артиллерийском училище. В 1892 г. в чине подпоручика был направлен в Туркестанскую артиллерийскую бригаду. В 1895—1898 гг. учился в Академии Генерального штаба. Затем 6 лет служил в штабе Туркестанского военного округа. Именно в это время он совершил ряд поездок по странам Азии. Будучи опытным и наблюдательным исследователем, занимался сбором не только тех данных, которые интересовали военные ведомства, но также изучал географию, историю, этнографию сопредельных стран. Сведения, имеющиеся в его книгах, статьях и отчетах, могут представлять значительный интерес для современных востоковедов различного профиля.

В начале ноября 1898 г. Л. Г. Корнилов был командирован в Термез, расположенный на границе с Афганистаном, в 4-ю Туркестанскую бригаду генерала М. Е. Ионova. На противоположном берегу Амударьи, в районе города Мазари-Шариф афганцы в спешном порядке соорудили крепость Дейдади для прикрытия перевалов и путей на Кабул. "Мне, — рассказывал М. Е. Ионов, — страстно хотелось выяснить характер работ, предпринятых афганцами, и по возможности воздвигнутых ими укреплений. Однако, крепость стояла в 50 верстах от берега, афганцы были бдительны и неумолимы к нашим разведчикам, и сведений об укреплении мы не имели" [30, 11].

Отношения с Афганистаном в те годы были очень сложными. Информация об этой стране была ограниченной. Афганистан в конце XIX—нач. XX в. был полностью "закрытой страной", и европейцам очень редко удавалось посещать ее. Лишь должностным лицам по специальному разрешению эмира Афганистана Абдуррахман-хана было позволено на короткий срок приезжать туда. Более или менее продолжительное время в Афганистане могли проживать лишь специалисты (преимущественно англичане), приглашенные самим эмиром и находившиеся у него на службе [23, 187—188].

В штабе Туркестанского военного округа были очень заинтересованы в получении информации о крепости Дейдади и об Афганистане в целом. Однако, учитывая настороженное и даже негативное отношение к иностранцам в этой стране, посылать туда кого-нибудь для сбора информации было смертельно опасно. Молодой офицер Л. Г. Корнилов взялся выполнить эту сложнейшую задачу и справился с нею блестяще, проявив незаурядные исследовательские и военно-аналитические способности. Итогом его нелегальной поездки в Афганистан явился об-

пирный, насыщенный очень ценной информацией отчет, который был опубликован в особом секретном приложении к "Сборнику материалов по Азии", издававшемся Главным управлением Генерального штаба [7].

В отчете Л. Г. Корнилов так объяснил причину своей поездки: "В начале ноября 1898 г. я был командирован в урочище Термез (Патта-Гиссар) для сбора сведений об Афганистане вообще и Афганском Туркестане по преимуществу. В отношении последнего, в ряду прочих вопросов — вопрос о крепости Дейдади был наиболее интересным и запутанным. Расспросных сведений о крепости имелось достаточно, но все они были так ненадежны и сбивчивы, — что главный вопрос — к какому типу крепости относится Дейдади — азиатская ли то Кала, или же крепость, построенная по правилам европейского инженерного искусства, — оставался открытым..." [7, 67].

Л. Г. Корнилов посчитал, что крепость вполне могла быть построена с учетом современных требований, так как, во-первых, "афганцы, в военном деле стоящие неизмеримо выше, чем прочие народы Средней Азии, несомненно значительно прогрессировали в инженерном деле", а во-вторых, первым строителем Дейдади был инженер-индус, который мог на практике ознакомить их с основными правилами европейской фортификации.

Подобное предприятие могло стоить головы русскому офицеру. Он полагался на хорошее знание обстановки, владение местными языками, удачный выбор проводников и личное самообладание. Л. Г. Корнилов подобрал двух туркменов, неоднократно переходивших границу и хорошо ориентировавшихся в районах, прилегающих к Мазари-Шарифу. Для того, чтобы проникнуть на афганскую территорию, необходимо было самому преобразиться в туркмена: "Голова выбрита, усы пострижены, полосатый халат, сутуловатые плечи, высоко подобранные стремяна и гортанный выговор были сделаны до того совершенно, что спутники-туркмены не могли сначала поверить, что в лице приехавшего к ним земляка, они видят блестящего таксыра русских войск" [30, 12—13]. Поездка была специально приурочена к мусульманскому посту (Ураза), во время которого движение по дорогам сводится до минимума.

Переправа через Амударью в ночь с 12 на 13 января 1898 г. на плоту из надутых козых бурдюков была очень сложной, но завершилась успешно.

Во время пребывания на чужой территории разведчикам несколько раз довелось столкнуться с афганскими военными, которые принимали их за нукеров из состава туркменской иррегулярной кавалерии. Корнилов описывал такой эпизод: "Один из проходивших через мост афганцев, джамадар (поручик), как сообщили потом солдаты, задал нам вопрос: "Вы назначены в караул? Отчего не едете на службу?" На

что Худай-Назар⁵ очень удачно ответил ему: "Сейчас едем". Из этого вопроса можно заключить, что от туркменской конницы действительно наряжаются посты к мостам и разезды вокруг крепости" [7, 74].

Опасная поездка завершилась 15 января, были собраны очень важные сведения о крепости Дейдади и других афганских укреплениях в приграничной области. Отвечая на основной вопрос, поставленный перед началом экспедиции, Л. Г. Корнилов сделал вывод, что Дейдади — "крепость, в начертании которой сказывается уже сильное влияние европейской фортификации: бастионные фронты, удачно примененные к местности, профиль, приближенная к европейской профили, за исключением чисто азиатского парапета, от которого еще не могли отрешиться, все свидетельствует о значительном шаге афганцев в инженерном деле" [7, 84]. Русский офицер очень высоко оценил новые фортификационные сооружения, воздвигнутые афганцами, сумел доказать, что они начали отказываться от крепостей азиатского типа и заимствуют самые современные приемы инженерного искусства [7, 90]. Л. Г. Корнилов привез с собой фотографии и чертежи афганских укреплений.

Сведения, содержащиеся в отчете Л. Г. Корнилова, представляются весьма ценными для исследователей, занимающихся историей военных реформ в Афганистане. Там же содержатся любопытные наблюдения о жизни той части Афганистана, где побывал Л. Г. Корнилов, зарисовки этнографического характера. В описаниях запечатлены основные занятия жителей приграничных районов Афганистана, их образ жизни, описаны важнейшие сельскохозяйственные культуры, выращиваемые в данной местности.

Л. Г. Корнилов сумел также зафиксировать последствия столкновений, происходивших около 60 лет назад между местным населением и афганцами, что сказывалось на экономике и традиционном укладе жизни этого края: "Всюду были видны следы разрушения и запустения: развалины кишлаков, брошенных, по-видимому, недавно, городов с остатками огромных башен, стен, минаретов и зданий со следами древней высокой архитектуры тянулись на несколько верст по сторонам пути. По рассказам туркмен, всего лишь лет 60 тому назад все эти развалины представляли цветущие города и селения, обитаемые таджиками и узбеками. С появлением в долине Амударьи афганцев, Хаджа-Нахр начала пустеть, население ее, спасаясь от притеснений и поборов, стало разбегаться, и результатом полувекового господства афганцев в Чарвилаете было полное запустение некогда цветущих, огромных городов Сиягырта, Бербер-Шахара и Балха" [7, 71].

---

⁵ Худай-Назар — один из спутников Л. Г. Корнилова.

Рискованное путешествие в Афганистан стало первым непосредственным знакомством Л. Г. Корнилова с зарубежным Востоком. Во время службы в Туркестанском военном округе он напряженно читал книги, статьи и отчеты, посвященные азиатским странам, изучал местные языки, занимался геологией. Летом 1899 г. Л. Г. Корнилов исследовал район Купки.

После завершения этой работы он был командирован в китайский Туркестан, где пробыл полтора года. В данном случае ему не пришлось прибегать к переодеванию и маскировке. Поездка была вполне легальной. В целях изучения западных районов Китая, граничивших с территорией Российской империи, капитану Корнилову в сопровождении поручиков Кирилова и Бабушкина довелось совершить несколько дальних и опасных поездок по труднодоступным районам Кунылуя и Тянь-Шаня. Однако, как отмечал сам Л. Г. Корнилов, тревожные настроения, вызванные в Кашгарии известиями о "боксерском" восстании, заставили в значительной мере сократить район путешествия и "вести сбор сведений далеко не в том объеме и тою полнотою, какая была желательна" [7, 1].

Интерес к данной части Китая в России был очень значителен. Это был район территориального размежевания между Цинской империей и Россией, которое завершилось незадолго до описываемого времени. В 60-е годы XIX в. Кашгария и долина р. Или были охвачены антицинским движением под руководством Якуб-бека, пытавшегося установить контакты с Англией. В результате этого восстания нарушилась караванная торговля, были разрушены торговые фактории. В 1878 г. маньчжуро-китайские войска подавили выступление и восстановили власть империи Цин в Кашгарии. Но отголоски этого движения ощущались еще и в 90-х гг. XIX в.

Русские военные исследователи всегда проявляли пристальное внимание к этому региону Китая. Еще в 1879 г. была опубликована книга полковника Генерального штаба А. Н. Куропаткина (впоследствии военного министра) "Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля", удостоенная медали Географического общества [25]. А. Н. Куропаткин возглавлял российское посольство к Якуб-беку.

В конце 90-х годов штаб Туркестанского военного округа принял решение направить двух опытных военных разведчиков в Кашгарию и Илийскую область. Выбор пал на капитана Корнилова и подполковника Федорова. Результатом этих экспедиций явилось появление двух объемных, насыщенных ценной информацией книг: "Опыт военно-статистического описания Илийского края" Федорова [35] и "Кашгария или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания" Корнилова [8]. Однако уровень этих работ, написанных примерно по

одному плану, оказался различным. Выдающийся российский востоковед В. В. Бартольд весьма критично отзывался о книге подполковника Федорова и в то же время дал положительную оценку работе Л. Г. Корнилова. "По количеству собранного материала и степени его разработанности, не говоря уже о чисто внешних недостатках (обилие опечаток и т. п.), труд г. Федорова значительно уступает труду г. Корнилова", — писал В. В. Бартольд (20, 0132).

Еще до появления указанной книги Л. Г. Корнилов опубликовал две статьи, посвященные отдельным аспектам современного положения Синьцзяна: "Очерк административного устройства Синьцзяна" [5] и "Вооруженные силы Китая в Кашгарии" [6]. В этот период он являлся составителем выходившего в Ташкенте издания "Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским В. О.", содержащего много полезной информации о жизни стран Азии.

Работа над книгой растянулась на несколько лет. 30 декабря 1902 г. Л. Г. Корнилов писал В. Н. Зайцеву⁶ из Ташкента: "Хотя я работу теперь на Западно-Афганском направлении, но с интересом слежу за ходом дел в Кашгарии. Месяца через 3—4 выпущу, Бог даст, даже целую книгу, 1/4 работы уже напечатана" [1, ф. 116, оп. 2, д. 38, л. 27-об.]. Л. Г. Корнилов очень беспокоился о том, какое впечатление произведет его книга на специалистов и, видя в ней определенные недочеты, объяснял их теми проблемами, которые возникли во время работы в Кашгарии. Отправив 16 августа 1903 г. свой труд В. Н. Зайцеву, он сопроводил его следующими словами: "Посылаю Вам «Кашгарию» и покорнейше прошу Вас откровенно высказать свое мнение. Промахи и недочеты в ней, конечно, есть, и я их сам чувствую. Вероятно, книга много выиграла бы в смысле полноты и точности суждений, если я пользовался бы содействием представителя нашего иностранного ведомства в Кашгарии, а не натывался постоянно на противодействие с его стороны" [1, ф. 116, оп. 2, д. 38, л. 28].

Работая над этой книгой, Л. Г. Корнилов смог проявить свои научно-исследовательские способности. Он привлек большой круг источников и научных материалов по истории, географии, этнографии, сельскому хозяйству западных районов Китая. В перечне литературы, послужившей основой для книги, значатся работы Н. М. Пржевальского, труды Тибетской экспедиции под руководством М. В. Певцова, материалы экспедиций Императорского Русского Географического общества, множество статистических сборников. Помимо отечественных

---

⁶ Зайцев Василий Николаевич (1851—1931) — российский офицер, исследователь Азии. В 1893 г. — капитан, начальник Памирского отряда, в 1895—1906 гг. — начальник Ошского уезда Ферганской области. В 1906 г. вышел в отставку. Активный член Русского Географического общества и Общества испытателей природы [1, ф. 116].

публикаций, Л. Г. Корнилов привлек работы на английском, немецком и французском языках. Китайским языком он в то время не владел, но, как показывает анализ его работы, мог достаточно хорошо ориентироваться в китайской терминологии и очень часто выбирал наиболее правильное написание китайских названий и терминов.

Первую главу своего "Описания" он посвятил изложению истории Кашгарии, начиная с рассказа о ее древних обитателях и кончая событиями последних лет. Естественно, особое внимание он уделил истории восстания в Кашгарии, анализу его причин и деятельности Якубека, а также вопросам, связанным с подписанием русско-китайских соглашений о границе, завершив этот разбор рассмотрением протокола 1894 года о Памире.

Л. Г. Корнилов представил подробное географическое описание Кашгарии (рельеф, водные ресурсы, климат), сделанное весьма профессионально. Известно даже, что его работой пользовались на занятиях студенты Горного института. Особое место автор отвел анализу этнического состава населения и вопросам его расселения на территории Кашгарии. Но наибольшее внимание было уделено вооруженным силам Китая в восточном Туркестане и важнейшим укрепленным пунктам. Л. Г. Корнилов пришел к выводу, что "в первые годы по восстановлению китайского господства в Кашгарии политическая неблагонадежность населения страны и постоянные опасения за неприкосновенность границ ее со стороны России вызывали усиленные заботы китайского правительства о развитии вооруженных сил и средств края. Наиболее рельефно деятельность правительства проявилась в указанных направлениях в 1891—1893 гг. в период обострения Памирского вопроса". За короткий срок китайцам удалось создать в Кашгарии довольно сильную группировку войск. Однако японо-китайская война 1894—1895 гг., захваты европейцами части китайской территории в приморских районах в 1898 году и восстание ихэтуаней привели к сокращению численности войск в Синь-Цзяне до сорока тысяч, из которых одиннадцать тысяч сосредоточены в Кашгарии [8, 356].

Особое место Л. Г. Корнилов отвел вопросам комплектования этих войск. Он обратил внимание на то, что, опасаясь волнения местного населения, правительство предпочитает большую часть кашгарских войск набирать путем вербовки китайцев, которых в самом Синь-Цзяне крайне мало, поэтому вербовка производится в соседней провинции Ганьсу. В армию должны были приниматься лица не моложе восемнадцати лет, хотя это правило строго не соблюдалось, и Л. Г. Корнилову часто попадались на глаза мальчишки-солдаты моложе пятнадцати лет. Срок службы не был регламентирован, и каждому было предоставлено право наниматься на такой период времени, на какой пожелает (очень часто на двадцать лет).

Однако, стремясь удешевить содержание войск, цинская администрация все же шла на привлечение в армию представителей мусульманского населения. Л. Г. Корнилов отмечал, что, несмотря на очень плохие отношения между дунганями и китайцами, дунгане все же составляют до 10% штатного расписания. Однако чисто дунганские части допускались лишь в виде редкого исключения, ибо маньчжуры и китайцы опасались новых восстаний. Л. Г. Корнилов был очень невысокого мнения относительно монгольских воинских формирований, входивших в состав частей, расквартированных в Синьцзяне, ибо, по его мнению, "искусная политика китайского правительства и распространение буддизма окончательно убили в монголах тот высокий воинский дух, который отличал армии Чингиз-хана и его ближайших преемников" [8, 363].

Заканчивая разбор боеспособности местных формирований, Л. Г. Корнилов сделал вывод, что "из всех контингентов, которые могут быть выставлены местным населением Капшгарии, серьезного внимания заслуживают лишь киргизы" [8, 362]. Киргизское население Капшгарии, освобожденное от казенных податей и налогов, было обязано поддерживать за плату почтовое сообщение по определенным линиям и выставлять пограничные караулы. Каждому беку, владения которого примыкали к границе, была поручена ее охрана на определенном участке. На каждом посту было положено содержать по десять конных джигитов, а на всех постах их должно быть пятьсот. Однако Л. Г. Корнилов заметил, что на самом деле их содержат не более трехсот, так как беки, получая денежное содержание на полное число джигитов, предпочитали держать на каждом посту по пять или семь человек, причем большая их часть не имела лошадей. Куда попадали "лишние" деньги — понятно.

Если бы власти действительно всерьез заботились об охране данной территории, они, по мнению Л. Г. Корнилова, могли бы создать из киргизов весьма приличную конницу, пригодную для сторожевых и разведывательных операций и ведения малой войны. Но цинская администрация не пыталась этого сделать, может быть в силу того, что опасалась киргизов.

Проанализировав ситуацию с комплектованием частей офицерами, русский разведчик пришел к неутешительным для китайской стороны выводам. В частях, расположенных в Капшгарии, практически не было офицеров, прошедших курс военных училищ, созданных в Китае в годы осуществления политики "самоусиления". Там было мало даже таких офицеров, которые сдали бы экзамен на получение офицерской должности. Большинство здешних офицеров выслуживались из нижних чинов, начав свою карьеру в свитах каких-либо начальников, поэтому

образовательный уровень их был крайне низким, а многие не умели даже читать.

Л. Г. Корнилов представил подробный разбор тактической организации войск, состоящих из пехоты (будуй), кавалерии (мадуй) и артиллерии (паобин). Инженерных войск в Кашгарии не было, а все работы по постройке и исправлению укреплений и коммуникаций производились самими войсками или местным населением. Артиллерия была незначительна, но в отдельных укреплениях к сильной стороне следовало отнести то, что орудия были современными, произведенными в Германии на заводах Бергера, Вагнера и Круппа. Зато крепостная артиллерия состояла из гладких, заряжаемых со ствола орудий старинного образца, изготовлявшихся на заводе в Урумчи. Л. Г. Корнилов очень обстоятельно осветил в своей работе вопрос о вооружении китайских войск в Кашгарии. Расспросив китайских офицеров, Л. Г. Корнилов узнал, что "усовершенствованное оружие в мирное время не выдается из-за опасения его порчи", и сделал вывод, что "китайские власти, находясь под постоянным опасением солдатских бунтов, считают более удобным иметь в мирное время на вооружении войск всякий хлам, чем выдавать солдатам более или менее порядочное оружие" [8, 381]. Кавалерия была вооружена несколько лучше пехоты. Помимо пик и шашек кавалеристы имели карабины Маузера образца 1873 года.

Итогом этого анализа явился совершенно убийственный вывод, сделанный подполковником Корниловым относительно состояния вооружения китайской армии: "Огнестрельное оружие, безразлично, какое бы оно ни было, хранится на складах без всякого надзора, портится, ржавеет и постепенно приходит в негодность. Выданное в части, оно портится еще быстрее, так как ни солдаты, ни офицеры не имеют ни малейшего понятия в правилах разборки, чистки и ухода за оружием... При таких условиях, большая часть пехотных ружей совершенно непригодна для боевого употребления" [8, 388].

После поездки по Кашгарии Л. Г. Корнилов пришел к заключению о крайне низком уровне дисциплины в китайской армии. По его мнению, "вербовочная система приводит к тому, что в войска попадают подонки общества, которые еще больше разлагаются в частях от безделья и курения опиума", ибо "присмотра за солдатами не существует", а служба в мирное время ограничивается нарядами в караул к городским воротам и на передовые посты. Офицеры же погрязли в казнокрадстве и постоянно обируют солдат. Субординация поддерживалась лишь страхом наказания. Любопытно, что суд вершил непосредственный начальник на основании свода военно-полевых законов. Были предусмотрены следующие наказания для нижних чинов: удары бамбуковыми палками, ссылка, наложение ножных кандалов и колодок,

смертная казнь, а для офицеров: арест, смещение с должности, разжалование, наказание палками (иногда его можно было заменить вычетами из жалования) и, наконец, смертная казнь. Казнь осуществлялась путем отсечения головы прямо в частях.

Л. Г. Корнилову удалось проникнуть в серьезные проблемы, с которыми столкнулась цинская армия в начале столетия. Глубочайший социально-экономический кризис, который переживал Китай, в полной мере затронул и вооруженные силы. Результаты были налицо: армия разлагалась, на глазах теряя боеспособность.

Общий вывод, который был сделан Л. Г. Корниловым, сводился к тому, что малочисленность и неудовлетворительные качества китайских войск в Кашгарии, недостаточно вооруженных, почти не обученных и плохо снабженных, а также практически полная изолированность последней от соседних областей Китая указывают, что здешние вооруженные силы недостаточно гарантируют безопасность и являются ненадежной защитой от внешнего вторжения.

Казалось бы, после столь однозначных оценок возможного превосходства русских войск над китайскими, учитывая ослабление Цинской империи в результате интервенции восьми держав, военный разведчик должен был дать не менее однозначную рекомендацию о целесообразности русского наступления. Однако этого не произошло.

Л. Г. Корнилов оказался не только блестящим военным аналитиком, но и дальновидным политиком. Он понял, что слабость Китая лишь временная, что китайский солдат при должной подготовке может мужественно и стойко сражаться. И если создать хороший офицерский корпус, отвечающий своему назначению, и ликвидировать имеющиеся злоупотребления, китайская армия станет более боеспособной. Но главное, что понял Л. Г. Корнилов, — нельзя, пользуясь сегодняшней слабостью великого соседа, извлекать сиюминутную выгоду. В исторической перспективе для России важнее иметь прочные дружественные отношения с Китаем. Поэтому Л. Г. Корнилов считал идею вооруженного вторжения в западные районы Китая технически осуществимой, но политически и исторически безрассудной. Он завершил свою работу многозначительными словами: "Нам нет никакого расчета стремиться к расширению наших границ присоединением Кашгарии... Нам несравненно выгоднее оставить ее во власти такого уживчивого миролюбивого соседа, как китайцы, обеспечив за собой безусловное политическое и торговое влияние в этой стране, на что мы имеем исключительное право в силу близкого соседства с восточным Туркестаном и в силу близких родственных связей его населения с населением Русского Туркестана" [8, 426].

Книга Л. Г. Корнилова получила высокую оценку специалистов. В. Н. Зайцев, прочитав ее, написал автору следующее: "Сердечно бла-

годарю Вас за высланный труд о Кашгарии. Он представляет полную картину Восточного Туркестана, и мне непонятно, почему Вы назвали свою интереснейшую работу опытом да еще отдали под редакцию начальника штаба" [1, ф. 116, оп. 2, д. 38, л. 31].

В. В. Бартольд в своей рецензии отметил целый ряд достоинств работы Л. Г. Корнилова: наличие ценных наблюдений, касающихся современной жизни, правильные суждения относительно важнейших исторических событий и даже точные замечания лингвистического характера: "Не обладая лингвистической подготовкой, г-н Корнилов, конечно, не дает нам материала для изучения диалектов страны, но сообщает те сведения, которые мы могли ждать от неспециалиста, о соотношении между собой представителей разных народов и даже некоторых особенностях произношения в той или иной местности" [20, 0136]. Очень интересными, по мнению В. В. Бартольда, были также замечания Л. Г. Корнилова по поводу религиозной ситуации в восточном Туркестане: "Любопытно наблюдение г-на Корнилова, что в Кашгарии нет никаких следов розни между суннитами и шиитами и, что представители обоих толков там «отлично уживаются друг с другом»" [20, 0136].

В. В. Бартольд был уверен, что книгой Л. Г. Корнилова "с благодарностью будут пользоваться не только военные специалисты, но и интересующиеся прошлым края" [20, 0137]. Он был удовлетворен тем, что штаб Туркестанского В. О. не включил эту работу в число "секретных" изданий, что чаще всего случалось с трудами военных исследователей, а допустил ее поступление в свободную продажу.

Книга Л. Г. Корнилова стала серьезной вехой в изучении русскими исследователями восточного Туркестана. Между тем после поездки в Кашгарию, параллельно с работой над книгой, Л. Г. Корнилов совершил еще одно путешествие.

В 1901 г. он был направлен в Персию для изучения восточных провинций этой страны (в Хорасан и Систан). Указанные районы представляли особый интерес, так как граничили с территорией Британской Индии и притягивали к себе внимание англичан.

Л. Г. Корнилов в сопровождении двух туркмен и двух казаков совершил путешествие по пустынным районам Персии. Экспедиция продолжалась около 8 месяцев. Он собирал материал о географии, природных ресурсах, климате, истории, экономике далекого края, который был мало известен в России. Экспедиция была очень тяжелой, путешественники постоянно испытывали лишения, порой единственной пищей отряда были мучные лепешки. "За отсутствием посуды муку превращали в тесто на туркменском халате и пекли потом на углях. Силы лошадей и людей убывали с каждым часом..." [30, 17].

Вернувшись в конце 1901 г. на родину, Л. Г. Корнилов занялся обработкой собранных материалов. Его особенно заинтересовали история Хорасана и некоторые вопросы отношений между Россией и Персией. В 1905 г. была опубликована написанная им "Историческая справка по вопросу о границах Хорасана с владениями России и Афганистана" [9]. Л. Г. Корнилов подробно описал историю отношений Персии с туркменами, рассказав о частых поражениях персидских войск во время походов против туркмен, рассмотрел историю отношений Персии и Афганистана в XVIII—XIX вв. Взаимоотношения России и Персии были проанализированы им с учетом позиции Англии по этому вопросу. Находясь в Персии, Л. Г. Корнилов начал собирать сведения о новой дороге, постройку которой организовали англичане. Они рассчитывали связать западные районы Британской Индии с иранской провинцией Систан, проведя дорогу через труднодоступные районы Среднего Востока. В связи с этим она могла приобрести огромное военно-стратегическое значение и способствовать проникновению англичан в Персию и Афганистан.

С целью более детального изучения новой дороги, получившей в русских изданиях название "Нупки-Сеистанская", Л. Г. Корнилов (к тому времени уже полковник) осенью 1903 г. был направлен в Индию⁷. Кроме того, он должен был собирать информацию о британских войсках в Индии, наблюдать за текущими событиями и анализировать отношения между англичанами и местным населением. По некоторым данным, ему было дано задание заниматься изучением индийских языков [30, 18; 34, 5], но в отчете об этом не упоминается.

В начале ноября 1903 г. Л. Г. Корнилов выехал из Одессы в Стамбул, где посетил российского генерального консула П. Г. Панафидина, хорошо разбиравшегося в ситуации, сложившейся в то время на Ближнем и Среднем Востоке. П. Г. Панафидин долгое время служил в азиатской Турции, Персии и участвовал в работе Памирской разграничительной комиссии в 1895 г. Он имел много знакомых из числа офицеров англо-индийской армии и мог основательно ввести Л. Г. Корнилова в курс дела. П. Г. Панафидин посоветовал Л. Г. Корнилову ехать в Индию под своей фамилией и не скрывать воинское звание, так как он уже был хорошо известен властям Британской Индии по прежним своим поездкам по китайскому Туркестану и Персии [11, 2]. Советы опытного П. Г. Панафидина оказались верными, в чем Л. Г. Корнилову

---

⁷ Отчет Л. Г. Корнилова о поездке в Индию был напечатан в секретном приложении к "Сборнику материалов по Азии" [11] и в то время был доступен лишь узкому кругу военных специалистов. В дальнейшем он практически не использовался востоковедами. В коллективной работе отечественных индологов "Россия и Индия" этот отчет упомянут лишь в сноске вместе с другими работами аналогичного характера [31, 320].

довелось вскоре убедиться: в Индии он постоянно сталкивался со знакомыми ему английскими офицерами.

Л. Г. Корнилов за время командировки проехал значительную часть Индии, побывав в Бомбее, Пуне, Агре, Канпуре, Лакхнау, Дели, Лахоре, Равалпинди, Пешаваре и других городах. Конечной точкой его пездки оказался г. Кветта, расположенный недалеко от границы с Афганистаном (территория современного Пакистана). Вблизи него начиналась та самая "Нушки-Сеистанская" дорога, к которой стремился Л. Г. Корнилов.

Однако английский генерал Смит-Дорриен заявил ему, что "дорога не открыта для иностранцев" [11, 72], имея в виду, конечно, европейцев, и прежде всего русских. Персидским подданным проезд по ней был разрешен⁸. Л. Г. Корнилов, очевидно вспомнив свою нелегальную поездку в Афганистан, попытался и здесь изучить возможность подобного путешествия, но пришел к неутешительным выводам: "Познакомившись с условиями, которыми обставлен пропуск караванов из Кветты, я убедился, что выйти отсюда незамеченным было невозможно, а без каравана, хотя бы даже в минимальном составе, идти в Сеистан было немислимо" [11, 73]. К тому же еще в Пешаваре Л. Г. Корнилов узнал о начале русско-японской войны и подумал о возвращении на родину⁹. Досаждало ему излишнее внимание со стороны британской полиции: в Пешаваре из гостиничного номера украли его чемодан, а когда он был найден, то выяснилось, что деньги целы, но исчезли фотоаппарат, фотографии, бинокль и некоторые книги. К счастью, записные книжки Корнилов всегда носил при себе.

В своем отчете Л. Г. Корнилов дал обстоятельное описание и детальную характеристику англо-индийской армии. Повсюду в Индии он старался посетить казармы, полигоны, арсеналы, крепости, присутствовал на военных смотрах и учениях. В этом смысле его заметки очень удачно дополняют наиболее известную работу того времени, написанную подполковником Генерального штаба И. К. Серебренниковым "Индо-британская армия", специально посвященную этой теме [32].

В отчете Л. Г. Корнилова давалась подробная характеристика так называемых "волонтерных войск", созданных англичанами после по-

---

⁸ Л. Г. Корнилов писал по этому поводу в отчете: "...в заключение генерал добавлял, что он не считает нужным скрывать от меня, что им получено категорическое указание не пускать меня далее Кветты" [11, 72].

⁹ Интересны замечания Л. Г. Корнилова по поводу реакции английских офицеров в связи с началом русско-японской войны и первыми неудачами русских: "Генерал и офицеры штаба выразили мне, как представителю русской армии, сочувствие несчастью, постигшему наш флот при первой атаке на Порт-Артур; однако, несмотря на всю корректность английских офицеров, видно было, что наши первые неудачи доставили им немало удовольствия" [11, 61—62].

давления восстания сипаев 1857—1859 гг. Однако, по мнению Л. Г. Корнилова, они не представляли серьезной силы: "Отсутствие при зачислении в волонтеры каких-либо определенных требований относительно физического сложения, повело к тому, что среди волонтеров, среди парсов в особенности, встречаются люди, совершенно слабые, совершенно непригодные к перенесению тягот военной службы, что и выяснилось на прошлогодних Делийских празднествах" [11, 14].

Л. Г. Корнилов указывал на то, что в волонтерных войсках очень мало англичан, а парсы и представители других национальностей, допускаемые британцами к службе, идут служить в основном из меркантильных соображений. Офицеры и унтер-офицеры не имели достаточного опыта и квалификации. В Пуне Л. Г. Корнилову довелось присутствовать на одном из занятий волонтеров. Отзыв подполковника российской армии о нем оказался негативным: "Учение закончилось рассыпным строем, которым руководил сам командир роты. Почтенный профессор литературы в одном из местных колледжей, капитан Фрезер оказался весьма плохим ротным командиром. Без всякого толка, но с большим усердием, он, в продолжении по крайней мере 1/2 часа, буквально гонял своих волонтеров по обширной Parade ground волонтерного клуба, то рассыпая их в цепь во всевозможных направлениях, то собирая, неизвестно зачем, снова в кучу. В общем все учение производило впечатление детской игры в солдатики" [11, 13].

Так называемые "туземные войска", то есть части, формировавшиеся из индусов и мусульман Индии, по мнению Л. Г. Корнилова, также не отличались надежностью. Условия, в которых жили индийские солдаты, были очень плохими, помещения — низкими, тесными, грязными и плохо освещенными. Английские офицеры не заботились о своих индийских подчиненных и считали, что улучшать условия жизни и службы сипаев не следует. Л. Г. Корнилов отмечал, что в русских частях, расквартированных в Средней Азии, ситуация значительно лучше: "Джигитские помещения в наших отрядах и постах в Туркестане отличаются несравненно большим удобством и комфортом, даже в сравнении с офицерскими помещениями индийской армии" [11, 19].

Учитывая ненадежность сипаев и слабость волонтеров, англичане, даже в случае серьезного вооруженного конфликта, должны были держать часть войск внутри Индии для обеспечения порядка и собственной безопасности — так считал Л. Г. Корнилов.

Вместе с тем ему довелось увидеть части, формировавшиеся из местного населения, но надежные с точки зрения англичан. В Лахоре он наблюдал за действиями 11-го Бенгальского уланского полка, состав которого был укомплектован сикхами, пенджабскими мусульманами и патанами [11, 35].

Особенно высокой оценки Л. Г. Корнилов удостоил части, сформированные из гуркхов (уроженцев Непала). Англичане считали их "лучшими солдатами своей туземной армии". Гуркхи отличались практически во всех английских экспедициях в районе северо-западной границы. Интересно, что и состав английских офицеров в "гуркхаских полках" был подобран более тщательно. "Офицеры интеллигентнее, у них больше проявляется интереса к своему делу и больше внимания к солдату" [11, 39]. Естественно, что, доверяя гуркхам более, чем представителям других народов Индии, английские власти лучше обучали их военному делу и командование поручали наиболее подготовленным офицерам. Л. Г. Корнилов увидел также проблемы во взаимоотношениях различных народов Индии, сознательно углублявшиеся политикой британских властей.

Полковник Корнилов обратил внимание на то, что англичане продолжали активную подготовку к новому вторжению в Афганистан. Об этом, по его мнению, свидетельствовало наличие большого количества вьючных животных (мулов, волов, верблюдов) в Лахорском транспортном депо, предназначенных для действий в горных районах [11, 43]. Он также отметил высказывание генерала Барроу о том, что англичане "сделали крупную и непростительную ошибку — не удержали Кандагар" [11, 65]. Английские войска в то время, по мнению Л. Г. Корнилова, ждали лишь удобного случая для новой войны против Афганистана.

Отчет Л. Г. Корнилова о поездке в Индию, безусловно, является ценным источником для изучения истории индо-британской армии и политики англичан в Индии и на ее границах в нач. XX в.

Несмотря на то что англичане не позволили Л. Г. Корнилову проехать из Кветты через Нушки в Сеистан, ему все же удалось подготовить и опубликовать в 1905 г. "Маршрутное описание Нушки-Сеистанской дороги" [10]. В своей работе Л. Г. Корнилов изложил историю создания дороги, отметив, что вначале планировалось строительство железнодорожной линии, но из-за определенных трудностей от этой идеи все-таки отказались. Особо был выделен вопрос о военно-стратегическом значении данного пути: "...устройство этой линии завершит оккупацию англичанами Сеистана и послужит дальнейшему упрочению их политического и торгового преобладания на всем юго-востоке Персии и берегах Персидского залива" [10, 30]. Основой для написания этой ценнейшей справки о районе практически неизвестном в России послужили подобранные Л. Г. Корниловым публикации на английском языке и расспросные сведения, собранные им во время поездок в Персию и Индию.

Завершив к концу 1904 г. работу над отчетами, Л. Г. Корнилов настоятельно просил отправить его на Дальний Восток, в действу-

ющую армию, и был назначен начальником штаба 1-й стрелковой бригады. Начался новый период его жизни, связанный с Дальним Востоком, и прежде всего с Китаем. Со своей бригадой Л. Г. Корнилов участвовал в боях под Сандепу и Мукденом.

Когда начался отход русских войск от Мукдена, Л. Г. Корнилов принял на себя командование бригадой, на которую была возложена важнейшая задача по прикрытию отступления 2-й армии. Поздно ночью, когда основная часть армии смогла выйти из-под удара японских войск, остатки бригады Корнилова оказались окружены противником. Корнилов предпринял решительный прорыв, и русским удалось вырваться из вражеского кольца. При этом были сохранены артиллерия, пулеметы, вынесены знамена и спасены раненые. За этот бой Л. Г. Корнилов был удостоен ордена Св. Георгия 4-й степени [30, 18—19].

После окончания русско-японской войны он получил назначение в Главное управление Генерального штаба и, очевидно, участвовал в выпуске "Сборников географических, топографических и статистических материалов по Азии". По заданию штаба Л. Г. Корнилов посещал Туркестан, Кавказ и Западную Европу.

В конце 1907 г. он получил назначение в Китай на должность военного агента (т. е. военного атташе, если пользоваться современной терминологией). В Китае Л. Г. Корнилов пробыл до февраля 1911 г. Его деятельность в Среднем государстве была очень многогранной. В Китае происходили перемены, предпринимались попытки реформ, в том числе в армии и на флоте. Все это очень интересовало российское правительство. Л. Г. Корнилову постоянно приходилось писать справки и отчеты, совершать поездки по стране. К тому же ему пришлось решать многие вопросы, оставшиеся в наследство после русско-японской войны, особенно те, что были связаны с поставками для русской армии. Л. Г. Корнилов ознакомился с бытом и повседневной жизнью китайцев, старался понять особенности уклада и характер великого, но недостаточно знакомого ему народа. Он осматривал войска, военные и гражданские школы, бывал в различных учреждениях.

Реформы, проводившиеся в Китае в первые годы XX в., охватывали различные стороны социальной, экономической и политической жизни. Но особенно интенсивно внедрялись реформы в армии и на военно-морском флоте. Однако в условиях сохранения династии Цин результаты этих реформ были малоэффективны.

В рапорте от 24 марта 1908 г. военный агент Л. Г. Корнилов сообщал, что хотя в Китае появилось большое количество новых кораблей, флот еще далек от современных требований: "Насчитывая таким образом 66 вымпелов, китайский флот, с первого взгляда, представляет довольно внушительную силу, но на деле это не так: типы судов, вхо-

дящих в состав флота, весьма разнообразны; многие суда, обладая весьма малым ходом, не представляют никакой ценности, как современные боевые корабли" [2, ф. 418, оп. 1, д. 3872, л. 12 об.].

Л. Г. Корнилов в своем рапорте привел очень любопытный факт, характеризующий политику китайского правительства, стремившегося получить финансовую помощь для реформирования флота от зарубежных китайцев. Летом 1907 г. два лучших крейсера были направлены в Гонконг, Сайгон, Бангкок, Сингапур, Манилу и на Яву, имея цель "показать там китайцам-эмигрантам «флаг Дракона» и собрать пожертвования на флот. Наиболее блестящий прием был оказан этой эскадре в Батавии, но собрать необходимую сумму все же не удалось" [2, ф. 418, оп. 1, д. 3872, л. 13 об.]. И все-таки, по мнению Л. Г. Корнилова, "наряду с реформами в деле администрации страны и создания новой сухопутной армии, китайское правительство обратило за последнее время серьезное внимание на морскую оборону страны" [2, ф. 418, оп. 1, д. 3872, л. 13 об.]. К числу наиболее горячих поборников реформ, и в частности развития флота, Л. Г. Корнилов относил одного из крупнейших китайских политических деятелей того времени Чжан Чжидуна. В рапорте военного агента его взглядам и деятельности была дана очень высокая оценка [2, ф. 418, оп. 1, д. 3872, л. 14 об.].

В другом рапорте Л. Г. Корнилов представил подробное описание мероприятий по усилению флота, подготовке его личного состава, информировал о приморских укреплениях и фортах, военных гаванях и портах, доках и верфях Китая [2, ф. 418, оп. 1, д. 3880, л. 4—21]. Западные державы и Япония рассчитывали использовать интерес цинского правительства к реформированию военно-морского флота для укрепления своего влияния на Китай. Л. Г. Корнилов предупреждал об этом правительство России. Он сообщил, что в 1908 г. в Китай прибыл капитан Гук — представитель английских судостроительных компаний и привез предложения о постройке кораблей в Англии. Однако правительство Китая сообщило об этом предложении в Германию, Японию и Австро-Венгрию. Ответ, присланный из морских мастерских г. Триеста, и их предложения о постройке в Триесте военных кораблей для Китая, попали в руки Л. Г. Корнилова. Он переправил их в Россию, показав, как западные державы (даже Австро-Венгрия) ведут борьбу за влияние на Китай [2, ф. 418, оп. 1, д. 3878, л. 1—9].

С 4 по 6 июня 1909 г. Л. Г. Корнилов посетил гарнизон г. Цицикара на северо-востоке Китая. Он осмотрел помещения, военную школу, присутствовал на строевых учениях и сделал вывод о серьезных успехах, достигнутых китайцами в области реформирования армии: "китайцы вполне способны воспринять все современные требования" [2, ф. 418, оп. 1, д. 3879, л. 3 об.]. "С целью оценить тактическую подготовку роты лу-цзюня, последней была предложена полковником

Корниловым особая задача (рота составляет боковой отряд, перед ней внезапно оказался противник, которого и приказано немедленно же атаковать). Выполнение же предложенной задачи исполнено ротным командиром обдуманно, со вниманием, с полным применением к местности" [2, ф. 418, оп. 1, д. 3879, л. 3]. Очень большой интерес у русского военного агента вызвали занятия гимнастикой, входившие в программу подготовки китайских солдат.

Донесения, доклады и аналитические записки Л. Г. Корнилова, направлявшиеся в российские военные и военно-морские ведомства, содержали очень ценные сведения о политической обстановке в Китае и состоянии его армии. Они сыграли важную роль в информировании российского правительства о реальном положении дел в Цинской империи накануне Синьхайской революции.

После нескольких лет службы на ответственном военно-дипломатическом посту Л. Г. Корнилов был назначен командиром 8-го пехотного Эстляндского полка, расквартированного вблизи Варшавы. Но, едва успев принять часть, он был снова переведен на Дальний Восток и назначен начальником 2-го отряда Заамурского округа пограничной стражи, состоявшего из двух пехотных и трех конных полков, а затем произведен в генерал-майоры. Здесь Л. Г. Корнилову пришлось столкнуться с серьезными проблемами отнюдь не военного характера и проявить свою принципиальность. Дело в том, что войска Заамурского округа в то время частично располагались на территории Китая. Именуемые пограничной стражей, они подчинялись не военному министерству, а министру финансов, носившему также титул "шефа пограничной стражи". К тому же в хозяйственном отношении войска оказались в полной зависимости от частного общества Китайско-Восточной железной дороги. Подобная неразбериха создавала благоприятные условия для всякого рода злоупотреблений и даже воровства [27, 5]. Тогдашний начальник округа генерал Е. И. Мартынов решил провести расследование поступающих к нему многочисленных жалоб. Всем была известна честность и неподкупность Л. Г. Корнилова, поэтому именно ему Е. И. Мартынов по приезде в Харбин поручил провести дознание о систематическом снабжении русских войск, расположенных в Маньчжурии, недоброкачественными продуктами. В итоге удалось вскрыть серьезные злоупотребления, и 27 июля 1912 г. дело было передано военному следователю, причем по постановлению прокурорского надзора к следствию были привлечены, в качестве обвиняемых, помощник начальника округа — генерал-лейтенант Сивичкий и другие деятели хозяйственного управления [27, 32].

Однако шеф пограничной стражи В. Н. Коковцев, чтобы покрыть эти злоупотребления, выхлопотал высочайшее повеление о прекращении следствия. Не желая в такой ситуации продолжать службу, гене-

рал Е. И. Мартынов вышел в отставку, а возмущенный Л. Г. Корнилов подал прошение о переводе его обратно в военное ведомство. В 1913 г. он был назначен командиром 1-й бригады 9-й Сибирской стрелковой дивизии, расположенной во Владивостоке [28, 13]. Летом 1914 г. грянула мировая война, и генерал Л. Г. Корнилов отправился на Австрийский фронт, покинув Азию уже навсегда.

В последний год своей жизни он был назначен главнокомандующим русской армии, возглавил вооруженное выступление против правительства Керенского, встал во главе Белого движения и совместно с генералом Алексеевым сформировал Добровольческую армию. Но об этих событиях написано довольно много, и они не являются предметом настоящей статьи. Лавр Георгиевич Корнилов погиб 13 апреля 1918 г. во время штурма Екатеринодара.

Судьба этого русского офицера оказалась теснейшим образом связана с Азией. Здесь он проявил себя как военный, здесь же раскрылся его исследовательский дар. Незаслуженно забытые исследования Л. Г. Корнилова безусловно должны занять свое место в ряду серьезных работ русских военных деятелей о Востоке.

Российско-китайские отношения в оценке А. И. Деникина

Антон Иванович Деникин — один из наиболее видных руководителей Белого движения, генерал-лейтенант царской армии, главнокомандующий вооруженными силами Юга России в период Гражданской войны.

Родился 4 (16) декабря 1872 г. В 1899 г. окончил Академию Генерального штаба. Активный участник русско-японской войны 1904—1905 гг., об участии в которой и пребывании на территории Китая он подробно писал в мемуарах [3]. Во время первой мировой войны командовал дивизией, корпусом, фронтами. В конце 1917 г. совместно с генералами М. В. Алексеевым и Л. Г. Корниловым организовал Добровольческую армию. После Гражданской войны жил в эмиграции, отказался сотрудничать с гитлеровцами. Умер 8 августа 1947 г. в США.

Судьба А. И. Деникина была не так тесно связана с Азией, как жизнь Л. Г. Корнилова, но двухлетнее пребывание в Китае пробудило у него интерес к этой стране. Он знакомился со всей доступной литературой по Китаю, внимательно следил за публикациями в "Сборнике материалов по Азии", издававшемся Главным управлением Генерального штаба [3, 101].

После русско-японской войны в печати активно стал обсуждаться вопрос о возможной угрозе для России со стороны Китая, о так называемой "желтой опасности". Такие военные деятели как, например, бывший министр А. Н. Куропаткин, предлагали "из соображений без-

опасности" отторгнуть часть китайской территории и "исправить границу" [26]. А. И. Деникин, будучи незаурядным военным аналитиком, считал подобные идеи абсурдными и крайне опасными, а политику российского правительства в отношении Китая очень недалеконвидной. С целью изложения своего взгляда на положение дел в Китае и перспективы развития русско-китайских отношений А. И. Деникин опубликовал в 1908 г. книгу "Русско-китайский вопрос" [4]. Данная работа является одной из наиболее интересных и глубоких публикаций того времени.

А. И. Деникин доказывал, что политика, осуществляемая российским правительством в дальневосточном регионе, не учитывает не только интересы Китая, но и противоречит собственным интересам России. Он отмечал, "насколько политика русского государства в отношении Китая в первом своем фазисе, то есть в течение 200 лет, являлась благоразумной, прямой и доброжелательной, настолько же с конца XIX столетия она приобретает специфический оттенок маккиавелизма, не соответствующий интересам России" [4, 13].

А. И. Деникин критически отнесся к строительству Китайско-Восточной дороги через территорию Китая, считая, что "экономическое значение дороги ныне ничтожно, стратегическое — 1500 верст по чужой территории — скорее отрицательное, в политическом плане создавалась острая причина будущих международных осложнений" [4, 10]. Он с известной долей сарказма отзывался о Витте и его суждениях относительно "мирного проникновения в Китай", называя этого творца идеи создания КВЖД "виновником нашего вторжения в Маньчжурию" [4, 9]. Все эти негативные факторы усугубились, по его мнению, бездарностью руководства КВЖД, непониманием местной специфики и произволом в отношении китайского населения. "Представительство России в оккупированной области" было вверено людям недобросовестным, "не стеснявшимся в способах и средствах для достижения своего благополучия" [4, 13]. С большим сожалением он писал, что "за несколько лет нашего пребывания в Маньчжурии поразительно мало русских выучилось китайскому языку; и за эту инертность приходится расплачиваться громадной долей того влияния, которое должно быть присуще твердой и справедливой власти" [4, 14—15].

Возмущение А. И. Деникина вызывало и то обстоятельство, что, вступая в войну с Японией, Россия совершенно не посчиталась с интересами Китая, на территории которого шли боевые действия: "Наконец, в 1904 г. на территории неповинного, нейтрального Китая разгорается война, подвергнувшая «дружественную» страну огню, мечу, реквизициям и всем ужасам иноплеменного нашествия" [4, 15], хотя воевали между собой другие державы.

А. И. Деникин в своей работе одним из первых обратил внимание на новый фактор — "пробуждение Китая", которое, как он считал, "проглядела наша бездарная дипломатия" [4, 5]. Речь, по его мнению, шла о пробуждении национального самосознания в Китае и других странах Востока, когда "заимствованные новые формы науки, техники и искусства прежде всего направляются для ограждения страны от иноземной эксплуатации" [4, 4]. Причину назревавшего взрыва народного недовольства в странах Азии он видел в жестокой завоевательной политике западных держав, не считавшихся с национальными интересами и традициями восточных народов: "Если проследить роль культурных государств Европы в отношении народов Востока, мы увидим систематическую эксплуатацию и неукротимое стремление к порабощению их всеми возможными средствами: политикой, миссионерской проповедью, захватом рынков и, наконец, войною. Какие-либо более этические, просветительные побуждения в этих взаимоотношениях отсутствовали совершенно" [4, 4]. Первым, пусть еще варварским, но уже достаточно мощным всплеском недовольства китайцев политикой иностранных держав он считал "боксерское" восстание. Этот взрыв возмущения он характеризовал как "национальное движение против несправедливости, алчности и жестокости европейцев, стремившихся к расчленению Китая" [4, 12].

А. И. Деникин смог увидеть, что уже через несколько лет вместо стихийного бунта началось мощное движение за реформирование существующего строя. Под давлением прогрессивных чиновников и мыслителей даже "реакционное правительство Императрицы" пошло по пути реформ [4, 23]. А. И. Деникин положительно отзывался об идеях "знаменитого прогрессиста Цзэнга" (Цзэн Ци-цзэ. — Н. С.), сочинение которого он читал в русском переводе в "Сборнике материалов по Азии" [36]. Встав на путь либеральных реформ, цинское правительство занялось приготовлениями в области обороны, начались серьезные реформы в армии. А. И. Деникин считал, что большая заслуга в этом деле принадлежала генералу Юань Шикаю — "высоко-талантливому государственному деятелю" [4, 23—24]. Правда, с такой оценкой этого крупного китайского политика и военного были несогласны многие известные русские китаеведы того времени, отдававшие предпочтение Чжан Чжидуну как наиболее последовательному стороннику либеральных реформ в правящих кругах Китая [см., например, 29, 111—113].

А. И. Деникин последовательно развивал мысль о недалекости и пагубности внешнеполитического курса царского правительства, постоянно нацеленного на различные военные авантюры при отсутствии прочного тыла и полном безразличии к судьбе русского Приморья. Особенно опасной он считал деятельность статского советника

Безобразова. Подобные действия не только не укрепляли военно-стратегические позиции России, но ослабляли ее в экономическом, военном и политическом отношениях, подрывали ее престиж в странах Азии, вели к ухудшению взаимоотношений с Китаем. В этой ситуации, по мнению А. И. Деникина, существовала опасность ухудшения отношения к русским со стороны простых китайцев. Он полагал, что российская дипломатия "должна стать на точку правильного понимания государственных интересов, поддерживая доброжелательные отношения с Китаем и Японией" [4, 55]. А. И. Деникин смог увидеть "пробуждение Китая" и считал, что в будущем от взаимоотношений русского и китайского народов будет зависеть спокойствие на Дальнем Востоке и безопасность России.

Впечатления П. Н. Краснова о поездке по странам Дальнего Востока

Петр Николаевич Краснов — один из самых известных руководителей Белого движения. Как и в случае с Л. Г. Корниловым и А. И. Деникиным, этим объясняется то, что дореволюционный период его биографии долгое время оставался фактически неосвещенным в отечественной историографии.

П. Н. Краснов родился в Санкт-Петербурге в 1869 г., где его отец, казак и генерал-лейтенант, служил в Главном управлении иррегулярных (казацких) войск. Окончив 1-е Павловское военное училище, в 1889 г. был зачислен в лейб-гвардии Атаманский полк.

В 1897 г. по высочайшему повелению он назначается начальником конвоя Российской императорской миссии в Абиссинию, которую возглавлял чрезвычайный посол, также донской казак, П. М. Власов. В феврале 1898 г. в Аддис-Абебе П. Н. Краснов демонстрировал учение и джигитовку донских казаков перед негусом Менеликом II, за что получил от негуса орден Звезды 3-й степени [21, 229]. Тогда же П. Н. Краснов был послан курьером в Россию с секретными документами и доставил их на тридцатый день, "употребив на пробег на муле тысячеверстного расстояния от Аддис-Абебы до Джибути 11 дней" [37, 4]. За эту командировку он получил орден Св. Станислава 2-й степени.

Свои впечатления о путешествии в загадочную древнюю страну П. Н. Краснов в увлекательной форме изложил в книге "Казаки в Африке", опубликованной в 1899 г. [12]¹⁰. Именно тогда П. Н. Краснов назвал Абиссинию "сказочной страной со сказочным добрым и гуманным царем" [12, 292].

---

¹⁰ Второе издание этой книги вышло в свет в 1909 г. под названием "Казаки в Абиссинии" [16].

В 1901 г. во время "боксерского" восстания он был командирован на Дальний Восток в качестве специального корреспондента "Русского инвалида" — официальной газеты военного министерства. Затем последовало его главное путешествие по странам Азии, которое подробно будет рассмотрено ниже.

Когда началась русско-японская война, П. Н. Краснов был направлен военным корреспондентом на театр военных действий. Он принимал участие в боях и получил множество наград. Итогом его пребывания на фронте явилось появление большого труда: "Год войны. 14 месяцев на войне", представляющего собой подробный очерк событий русско-японской войны и содержащего обширную информацию о жизни Китая того времени [15]. Отдельные эпизоды войны были также описаны им в брошюре "Русско-японская война. Восточный отряд на реке Ялу. Бой под Тюренченом", выпущенной в серии "Отечественная библиотека" [17].

П. Н. Краснов принимал активное участие в первой мировой войне, командуя бригадами и дивизией, за что был награжден Георгиевским оружием и многими орденами. Собранный в 1918 г. в Новочеркасске Круг Спасения Дона избрал П. Н. Краснова атаманом Всевеликого войска донского. На этом посту он находился до февраля 1919 г. Во время второй мировой войны сотрудничал с немцами. Казнен 17 января 1947 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР во дворе Лефортовской тюрьмы.

П. Н. Краснов известен также как плодовитый писатель, автор большого количества романов и повестей. Его произведения были переведены на 17 иностранных языков. Действие некоторых из них разворачивается на Востоке. Роман "Погром" посвящен событиям русско-японской войны [18]. В повести "Любовь абиссинки" основные события происходят в Африке [19].

Книга П. Н. Краснова "Борьба с Китаем", посвященная "боксерскому" восстанию и участию русских войск в его подавлении, также написана в жанре беллетристики. Она интересна тем, что содержит много личных впечатлений автора, хотя там и присутствует значительная доля вымысла. К тому же П. Н. Краснов явно старался приукрасить действия русских.

Признавая, что причиной взрыва народного недовольства в Китае явились действия европейцев, которые "везли опиум, спаивали им народ, тянули деньги за все, силой заставляли китайцев изменить вере отцов" [13, 8], он все же считал участие России в интервенции 8 держав справедливым и правильным. О подавлении восстания он писал следующее: "Нашим сам Бог помог. Наше дело было правое — защита обиженных, выручка унетаемых, — такая война святая. В такой войне Бог водит солдат и Ангелы Его святые защищают от вражеских

пуль... Китайцы получили от нас тяжелый урок, но во всех делах России они увидели, что урок уроком, а добрые соседские отношения остаются по-старому. Царь наказал богдыхана, царь и помиловал... И добрая слава пошла о русских по всему Китаю, по всей Азии" [13, 121].

В попытках убедить читателя в особом отношении китайцев к русским П. Н. Краснов порой прибегал к очень красочным, хотя и вызывающим сомнение описаниям. Он утверждал, что "среди европейских войск русские всегда шли впереди и это твердо врезалось в памяти китайцев и, как раньше, выделяли они русских, как людей справедливых, так теперь преклонялись и перед русской храбростью" [13, 71].

Следует отметить, что А. И. Деникин порой весьма скептически относился к суждениям, высказывавшимся П. Н. Красновым, считая, что жизненную правду он приносил в жертву "ведомственным" интересам. Однажды, когда два будущих лидера Белого движения ехали на фронт русско-японской войны, П. Н. Краснов признался, что во многих его публикациях присутствует "поэтический вымысел". По этому поводу уже в конце своей жизни А. И. Деникин написал: "Этот элемент «поэтического вымысла» в ущерб правде прошел затем красной нитью через всю жизнь Краснова — плодовитого писателя, написавшего десятки томов романов; прошел через сношения атамана с властью Юга России (1918—1919), через позднейшие повествования его о борьбе Дона и, что особенно трагично, через «вдохновенные» призывы его к казачеству — идти под знаменем Гитлера" [4, 108—109].

И все же, несмотря на указанные критические замечания, публицистические сочинения и очерки П. Н. Краснова содержат очень интересный материал, чаще всего основанный на личных наблюдениях. Наиболее любопытными с точки зрения востоковеда следует признать его пространные заметки о путешествии по странам Азии с сентября 1901 г. по март 1902 г. Сначала отдельные очерки печатались в "Русском инвалиде", а затем, в 1903 г., были опубликованы в виде большой книги с прекрасными иллюстрациями [14]. За шесть с половиной месяцев П. Н. Краснов побывал в Китае, Японии, Индии, на Цейлоне, посетил Гонконг, Сайгон, Сингапур.

Ценность книги П. Н. Краснова состоит в том, что она представляет собой живое повествование о жизни крупнейших стран Восточной и Южной Азии в самом начале XX в. Колоритные зарисовки жизни азиатских городов соседствуют с интереснейшими описаниями природы далеких стран, архитектурных и исторических памятников. Рельефно и сочно нарисованы человеческие типы, характеры представителей разных народов. В книге присутствуют и рассуждения аналитического характера, попытки оценить место и роль России и русских на Востоке, разобраться в отношениях между державами Запада и

странами Азии, стремление проникнуть в суть азиатского мировосприятия. Очень важными представляются наблюдения П. Н. Краснова о ситуации в Китае после восстания ихэтуаней, о настроениях китайцев в этот период, описание жизни и поведения солдат иностранных армий, находившихся в то время в Среднем государстве на основании Заключительного протокола 1901 г.

В книге содержится одно из первых в литературе описаний Харбина, появившегося на карте вместе со строившейся Китайско-Восточной железной дорогой, которому суждено было стать одним из крупнейших городов северо-восточного Китая. Наконец, П. Н. Краснов побывал в Японии незадолго до начала русско-японской войны, и его наблюдения могут быть интересны для изучения восприятия русскими усиливавшейся японской военной мощи и готовности японцев к войне.

7 сентября 1901 г. П. Н. Краснов выехал по Николаевской железной дороге из Санкт-Петербурга в Москву, а затем на поезде пронесся через всю Россию и 17 сентября добрался до Иркутска. Далее его путь лежал в Маньчжурию. На КВЖД в то время еще не было регулярного движения и приходилось ездить на поездах, предназначенных для рабочих и дорожных мастеров. Дорога еще только начинала входить в строй. В северной Маньчжурии он посетил Хайлар, Цицикар, Харбин, побродил по горам Хингана, охотясь на фазанов, общался с русскими солдатами и офицерами, расквартированными в этих районах, встречался с китайцами и маньчжурами, его принимали представители местной администрации, в частности — цицикарский фудутун [14, 117]. Большое впечатление на него произвели хайларские кумирни.

Описания маньчжурских деревень, имеющиеся в книге, дают яркое представление о жизни и быте жителей северо-восточного Китая начала XX в.: "Я пересек три деревни. Улицы деревень образовались глиняными заборами. За заборами стояли фанзы. Фанза — это мазанка о двух или трех комнатах с сенями и большими окнами с резным переплетом, заклеенными особенно прочной белой бумагой. От этих окон в фанзах всегда царит какой-то тусклый полусвет, и они кажутся бледными и невеселыми. Вокруг комнаты вьется труба, приспособленная для сидения и лежания и называемая каном. Кан сделан из глины четырехугольной формы, и входит в печь, расположенную снаружи фанзы и имеющую высокую пирамидальную трубу. От кана в фанзе тесно. Рядом с фанзой сарай для овощей, для скота, у иных маленькая домашняя кумирня. Все эти постройки заключены в невысокую глиняную загородку, образующую двор. На иных дворах помещается и огород. Усадьбы раскинуты во все стороны, образуя лабиринт улиц, страшно пыльных в то время, когда мы ехали" [14, 103].

Любопытно описание только недавно возникшего Харбина — русского города посреди безбрежного "китайского моря": "Два года тому назад здесь стояла жалкая манзовская деревушка, теперь здесь кипит русская городская жизнь. Харбин дерзает называть маньчжурским Петербургом... — ну, до Петербурга ему далеко, но волею людскою все-таки здесь творится нечто особенное. Харбин состоит из трех частей — «пристань», «Сунгари», или новый Харбин, и «старый Харбин». На «пристань» много длинных каменных пакгаузов, уютных домиков дачного типа, барачных и лавок. Здесь же стоит и громадная мельница. За пристанью — 4 версты езды по болоту, крутой и довольно-таки некультурный подъем и «Сунгари». «Сунгари» распланирован на много широких улиц, продольных и поперечных, в нем есть фонари, тротуары, есть каменная и довольно красивая церковь, несколько прекрасных кирпичных зданий, что-то вроде клуба и целая серия лачуг — и, наконец, в «старом Харбине», в 8 верстах от «Сунгари», чудные магазины Кунста, Чурина, правление китайской дороги, банк, дворец Юговича в саду из старых дубов и тальника, с цветниками и изящными дорожками, остатки жалкой китайской крепости, пограничная стража, рынок, электрическое и керосиновое освещение маленьких одноэтажных лачуг барачного типа" [14, 124—125].

После Харбина П. Н. Краснов на корабле "Успех" проплыл по Сунгари и Амуру. Он прибыл на российский Дальний Восток, посетил города Хабаровск, Владивосток, Никольск-Уссурийский, охотился в Уссурийской тайге, побывал на казачьем хуторе и в деревне гольдов.

Ознакомившись с жизнью русских на Дальнем Востоке, П. Н. Краснов вновь направился в Маньчжурию и прибыл в Гири — в то время второй по величине город северо-восточного Китая. Он осмотрел все наиболее значительные места Гирина и даже присутствовал на казни преступников. Особый интерес у него вызвала торговля, которую оживленно вели китайцы на улицах города. Он бродил по узеньким улочкам и присматривался к колоритным сценам. Описание лавок и торговли в Гирине в его книге представляется очень ярким и интересным для историков и этнографов: "Кругом лавки. Воюющие «чофаны» с кипятком и жирными противнями, уставленными толстыми каравайчиками теста, всяким варевом, пареной морской травой, рисом и чумизой, лавки мясные, лавки, возле которых висят длинные и блестящие гирлянды золотисто-красных и изумрудных фазанов, маленькие зайчики и словно колоды приставлены замерзшие туши диких коз, рядом зеленные с капустой, морской травой, рисом, зерном и редиской, целый ряд кож, шкур лисьих и енотовых, собачьих и кошачьих, целые шубы из серых кошек, шапки с оторочкой мехом кота, енота, лисицы или черной собаки; сапоги, продажа редкостей, изделий из нефрита, печаток, чернильниц, трубок и трубочек, лавка жестянщика

с целым рядом фонарей, чайников и ведерок, еще далее четырехугольный резной ящик с драконом означает помещение серебреника. Здесь кропотливо выделывают те цветы причудливой формы, кузнечиков с дрожащими усами и шевелящихся рыбок, которыми любят украшать свои жирные черные волосы китайянки, здесь же, ради русской моды, готовят бокальчики, спичечницы и порт-сигары с изображением китайского дракона и надписью китайскими знаками любой русской фамилии, причем, так как почти любой русский слог отвечает целому ряду китайских слов, то любезный и приветливый мастер непременно подберет хорошие слова: «божество», «друг», «орел», или что-либо в этом роде" [14, 233]. Читая эти описания, погружаешься в атмосферу китайского базара, слышишь его звуки, чувствуешь запахи.

Пообщавшись с гириными торговцами, П. Н. Краснов обратил внимание на то, что в Маньчжурии высоко котируется русский рубль, который "идет сильно в гору". "Доверие русскому рублю полное, а потому товары за русские деньги идут дешевле, нежели за китайские" [14, 235]. П. Н. Краснов встречался с китайцами, которые активно вели торговлю с Россией, ездили в Москву закупать стекло, железо, ножи, одежду и другие предметы русского производства, пользовавшиеся спросом в Китае. Ему было досадно, что русские предприниматели явно отставали от китайцев в вопросах активной торговли и медлили с выгодными для российской стороны поставками. С сожалением и известной долей иронии П. Н. Краснов писал: "Еще наши гириные кушцы Соловей и К° везут только смирновку и консервы да бакалею, а уж торговый ум китайца задумывает завести правильную и дельную торговлю с Россией. За ситец, скобяной товар и за железо, в котором так нуждаются китайцы, он отдает шелка, медь, серебро и кропотливую китайскую вышивку. Дзянь-дзюнь, который несмотря на свой высокий сан такой же купец, как и прочие гириные торгаша, хлопочет об электричестве в Гирине и об железной дороге на Куан-чендзы. Русская торговая предприимчивость пока спит" [14, 236]. Меткие замечания П. Н. Краснова свидетельствуют, что Россия в тот период не использовала благоприятную для нее возможность экономического проникновения в глубь Китая и занятия ключевых позиций на китайском рынке.

Посетив гириные кумирни и другие достопримечательности, П. Н. Краснов отправился в Порт-Артур. Он отмечает, что морозы в декабре 1901 г. в этих районах достигли $-20-30^{\circ}$. В Порт-Артуре он наблюдал жизнь китайцев и русских военнослужащих, получил приглашение посетить крейсер "Рюрик". Затем на пароходе "Инкоу" отправился в Чифу. Когда пароходик вышел из бухты на рейд, перед взором П. Н. Краснова предстала во всей красе российская эскадра: "Наварин", "Сысой Великий", "Нахимов", "Севастополь" и другие корабли.

Вряд ли русский военный корреспондент мог представить в тот момент, что многие из этих судов погибнут в морских сражениях всего лишь через 3 года.

Проехав через Тяньцзинь, П. Н. Краснов в конце декабря прибыл в Пекин, поразивший его величием и грандиозностью своих построек: "От Пекина у меня остались только впечатления яркие, пестрые, грандиозные. Уже подъезжая к Пекину чувствуешь, что тут бьется пульс какой-то большой жизни, что это центр..." [14, 321].

П. Н. Краснову удалось проникнуть внутрь императорского дворца и в летнюю резиденцию императрицы Цыси в парке Ихэюань, так как императорский двор еще не вернулся в Пекин после бегства от наступавших войск союзных держав. Он посетил храм Неба, побывал в буддийских монастырях и храме Конфуция, восторгаясь китайскими древностями, осмотрел торговую улицу Цяньмэнь. Очень подробно описал состояние, деятельность и условия пребывания в Пекине иностранных войск: немцев, японцев, англичан, американцев и др. [14, 351—367].

И хотя в свое время в книге "Борьба с Китаем" П. Н. Краснов прославлял европейские войска, наносившие поражения китайцам во время подавления восстания ихэтуаней, теперь он, не скрывая деталей, во всех подробностях описал результаты варварских акций иностранных солдат во время взятия ими Пекина. С помощью одного китайского офицера ему удалось попасть в парк Ихэюань. Перед глазами открылась ужасная картина разрушения: "На мраморном полу валялось битое стекло, клочки бумаги, мятые жестянки из-под консервов, солома и сено. Громадное в несколько квадратных сажень зеркало было разбито. Дворец был пуст и чья-то кошунственная рука ударом приклада разбила тонкую художественную раму черного дерева. Все поломано и исковеркано. Мой проводник китайский капитан берет меня осторожно за рукав и красивым жестом указывает на разбитую художественную резьбу. «Итали», — с пафосом говорит он, и сколько негодования и возмущения в тоне его голоса и, взмахнув пальцем перед лицом, он тоном ниже добавляет, — «пу-хау» (нехорошо). О! сколько осуждения в этих словах! Сколько горечи, обиды, сознания непоправимого, ни на чем не основанного вандализма" [14, 338]. Вполне естественной поэтому показалась ему ненависть к иностранным солдатам, испытываемая многими китайцами. Тот же офицер высказался в адрес англичан, итальянцев, немцев: "Итали, инглези, аллеманы — «ша» (убить) и замолчал" [14, 339].

Но не везде в Пекине были видны следы разрушения, отдельные памятники старины остались неповрежденными. Увидев, что храм Конфуция и буддийский монастырь выглядят целыми и невредимыми, П. Н. Краснов задался вопросом, что спасло их от вандализма, и выяснил следующее: "Ни в том, ни в другом монастыре не было ни следа

разрушения. Все было цело. Может быть союзники испугались грозного вида гиганта Будды, может быть их смутил полумрак и лампадки, или до них дошли слухи о мягком учении Будды и Конфуция и они пощадили их храмы? О, нет! Немцы выволокли в одном месте богов в огород, а сами разместились в их кумирне, лампадки и полумрак их не испугали, и Конфуций, и Будда мало известны в Европе. Просто, сначала их оберегал русский архимандрит, начальник православной духовной миссии, человек высокопросвещенный и гуманный¹¹, а потом охранять их стали японцы, ничего не бравшие, кроме оружия, денег и настоящей военной добычи" [14, 350].

В итоге Пекин оставил у П. Н. Краснова двойственное впечатление: с одной стороны — живая сказка, великолепные дворцы, храмы, сады, с другой — разрушения, причиненные представителями западной цивилизации, бесчисленные следы насилия.

После посещения китайской столицы П. Н. Краснов вернулся в Порт-Артур с тем, чтобы оттуда совершить поездку на Японские острова. Японцы вызывали у него большое уважение. Еще в начале пути он именoval их "людьми будущего, способными, энергичными, ловкими" [14, 1]. Четырнадцать дней, проведенные в Японии, укрепили его в этом убеждении. За короткий срок он успел побывать в Нагасаки, Симоносеки, Кобе, Токио, увидел озеро Бива и гору Фудзияма, смог на собственном опыте высоко оценить успехи японцев в развитии железных дорог, покатался верхом по японским горам, получил удовольствие от общения с гейшами. Особое внимание П. Н. Краснова привлекали армия и флот Японии. Он присутствовал на военных учениях, посетил кавалерийскую школу.

И все-таки следует признать, что, подобно многим русским военным того времени, П. Н. Краснов не смог в достаточной мере оценить возможности и потенциал вооруженных сил Японии. В России прочно укрепилось мнение о превосходстве русской армии над японской. До русско-японской войны оставалось чуть более двух лет, а П. Н. Краснов писал: "Японцы тратят страшно много денег, труда и времени, чтобы создать себе кавалерию и ничего не создали, а у нас она была, есть и будет своя, без всякого усилия, потому что мы имеем лошадь и всадника, а бедные японцы не имеют ни лошади, ни всадника, и потому все их усилия разбиваются как горох о каменную стену" [14, 462]. Не менее резким и однозначным было его суждение о возможностях японского военно-морского флота, того самого, коему было суждено нанести ряд серьезнейших поражений флоту российскому: "Говорят, японский флот страшен. Говорят, он сильнее русского! Да полно? Да

---

¹¹ П. Н. Краснов имеет в виду архимандрита Иннокентия (Фигуровского), возглавлявшего 18-ю Российскую Духовную миссию в Пекине. В 1902 г. он был возведен в сан епископа Переяславского, впоследствии — митрополит Пекинский и Китайский.

так-ли? Ведь силу флота, как и сухопутного войска, составляют не броненосцы и крейсера, а те люди, которые ими управляют и одухотворяют" [14, 462]. Однако в начале XX в. именно техника стала играть первостепенную роль, и японцы ("люди будущего" — по образному выражению самого П. Н. Краснова) усвоили это очень хорошо.

Особенностью путевых заметок П. Н. Краснова следует признать то, что он смог осмотреть очень многое и красочно описать все виденное, но иногда сильное увлечение чем-либо, какой-то одной идеей не давало ему возможности разглядеть нечто очень существенное. По этой причине он не сумел в должной мере оценить возможности Японии, способность ее вооруженных сил нанести поражение сильному противнику.

Далее маршрут П. Н. Краснова прошел по южным морям. Он посетил Шанхай, Гонконг, Сайгон, Сингапур, Коломбо и завершил свое путешествие поездкой по Индии, оставив красочные описания Пондичери, Мадраса, Калькутты, Бенареса, Агры, Бомбея. Индия — "страна чудес" — вызвала у него чувство нескрываемого восторга.

Три видных военных деятеля России, три человека, жизнь и деятельность которых оказались связаны с Востоком, — каждый из них смотрел на страны Азии глазами русского военного и увидел что-то свое, постарался обосновать свой собственный взгляд и подход. Л. Г. Корнилов — отлично подготовленный военный специалист, досконально изучивший сопредельные страны Азии, владевший восточными языками, его работы по праву завоевали высокую оценку современников-востоковедов. А. И. Деникин — блестящий военный аналитик, прекрасно разбиравшийся в международной военно-политической обстановке, сумевший увидеть в ситуации на Дальнем Востоке в начале XX в. многое из того, что было упущено в то время российскими дипломатами и военными. П. Н. Краснов — одаренный писатель и журналист, автор прекрасно запоминающихся красочных описаний жизни стран Азии начала XX в., хотя и уступавший двум указанным выше авторам в глубине анализа и видении исторической перспективы. Каждый из них внес свой вклад в то, чтобы русские люди знали больше о странах и народах Востока и лучше их понимали. Работы Л. Г. Корнилова, А. И. Деникина и П. Н. Краснова по праву должны занять соответствующее место в ряду лучших трудов русских военных деятелей о Востоке.

Литература

1. Архив востоковедов СПбФИБРАН. Фонд 116.
2. Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Фонд 418.
3. Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 1990.
4. Деникин А. И. Русско-китайский вопрос: Военно-политический очерк. Варшава, 1908.

5. *Корнилов Л. Г.* Очерк административного устройства Синь-Цзяна. // Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом. Вып. 26. Март 1901.
6. *Корнилов Л. Г.* Вооруженные силы Китая в Кашгарии // Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом. Вып. 32—33, 1902.
7. *Корнилов Л. Г.* Поездка в Дейдади // Добавление к "Сборнику материалов по Азии". № 6. 1902.
8. *Корнилов Л. Г.* Кашгария или Восточный Туркестан: Опыт военно-статистического описания. Ташкент, 1903.
9. *Корнилов Л. Г.* Историческая справка по вопросу о границах Хорасана с владениями России и Афганистана // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 78. 1905.
10. *Корнилов Л. Г.* Нушки-Сеястанская дорога. Маршрутное описание Нушки-Сеястанской дороги (участок Кала-и-рабат—Кветта) // Сборник: географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 78. 1905.
11. *Корнилов Л. Г.* Отчет о поездке в Индию // Добавление к "Сборнику материалов по Азии". № 8. 1905.
12. *Краснов П. Н.* Казаки в Африке. Дневник начальника конвоя Российской Императорской миссии в Абиссинию в 1897/98 году. СПб., 1899.
13. *Краснов П. Н.* Борьба с Китаем. Популярный очерк столкновения России с Китаем в 1901 году. СПб., 1901.
14. *Краснов П. Н.* По Азии. Путевые очерки Маньчжурии, Дальнего Востока, Китая, Японии и Индии. СПб., 1903.
15. *Краснов П. Н.* Год войны. 14 месяцев на войне. Очерки русско-японской войны с февраля 1904 года по апрель 1905 года. Т. 1—2. СПб., 1905.
16. *Краснов П. Н.* Казаки в Абиссинии. СПб., 1909.
17. *Краснов П. Н.* Русско-японская война. Восточный отряд на реке Ялу. Бой под Тюренченом. СПб., 1911.
18. *Краснов П. Н.* Погром: Роман из русско-японской войны. Пг., 1915.
19. *Краснов П. Н.* Любовь абиссинки. (Герунеш): Повести и рассказы. СПб., б. г.
20. *Бартольд В. В.* [Рец. на книги]: Д. Федоров. Опыт военно-статистического описания Илийского края. Ташкент, 1903; Корнилов. Кашгария или Восточный Туркестан. Ташкент, 1903 // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 15. Вып. 1. 1903.
21. Донцы XIX века: Биографии и материалы для биографий Донских деятелей на поприще службы военной, гражданской и общественной, а также в области наук, искусства, литературы и проч. Новочеркасск, 1907.
22. *Иоффе Г. З.* "Белое дело". Генерал Корнилов. М., 1989.
23. История Афганистана с древнейших времен до наших дней. М., 1982.
24. *Катков Г. М.* Дело Корнилова: (Исследования новейшей русской истории) / Под общ. ред. А. И. Солженицина. Париж, 1987.
25. *Куропаткин А. Н.* Кашгария: Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879.
26. *Куропаткин А. Н.* Русско-китайский вопрос. СПб., 1913.
27. *Мартынов Е. И.* За что я был предан суду и осужден. М., 1914.
28. *Мартынов Е. И.* Корнилов (Попытка военного переворота). М., 1927.
29. *Петров А. Н.* Китай за последнее десятилетие: (Социально-политический очерк). СПб., 1910.
30. [Плетнев В. Д.] Первый народный главнокомандующий генерал-лейтенант Лавр Георгиевич Корнилов. Пг., 1917 (?).
31. Россия и Индия. М., 1986.
32. *Серебренников И. К.* Индо-британская армия. Ташкент, 1903.
33. *Скачков П. Е.* Библиография Китая. М., 1960.
34. *Тузлицев Н.* [Добровольский Н. Т.]. Генерал Л. Г. Корнилов. Ростов-на-Дону, 1919.
35. *Федоров Д.* Опыт военно-статистического описания Илийского края. Ташкент, 1903.
36. [Цзин Цзи-цзз]. Сон и пробуждение Китая. Маркиза Тзента // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 20. 1887.
37. *Щепкин Г.* Донской Атаман Генерал от Кавалерия Петр Николаевич Краснов. Новочеркасск, 1919.

СОДЕРЖАНИЕ

П. М. Мовчанюк. Памяти Юрия Васильевича Маретина	5
А. Г. Сазыкин. Описание путешествий в литературном наследии монгольских народов	26
А. П. Терентьев-Катанский. Естественно-научные взгляды тангутов по данным тангутской лексики (Словарь "Море письмен")	36
В. П. Грицкевич. Вклад выходцев из Белоруссии и Литвы в научное изучение Азии в XVI—начале XX вв.	52
В. Г. Васильев, А. И. Жиров, Е. В. Максимов. Тюменские дневники Л. П. Шубаева	66
О. Г. Герасимов. По Южному Йемену	81
Т. А. Шумовский. Новый источник по истории арабского мореплавания	102
Н. Г. Пчелин, М. И. Озерова. Французские китаеведы Ж. Бувэ и А. Гобиль	123
Ю. Л. Кроль. О работе Б. И. Панкратова над "Юань-чао би-ши"	132
И. А. Осницкая. Д. А. Ольдерогге (Начало пути)	151
С. И. Авербух. Андрей Петрович Ковалевский — исследователь путешествия Ибн Фадлана на Волгу	161
М. А. Салахетдинова. Путешествие Ибн Фадлана и один мусульманский обряд у волжских булгар	173
Арт. Д. Миклухо-Маклай. Новые данные о Н. Н. Миклухо-Маклае и его родных	179
А. Я. Массов. Переписка Н. Н. Миклухо-Маклая с министром иностранных дел России Н. К. Гирсом о военных приготовлениях и политической ситуации в Австралии и Океании	204
Б. А. Вальская. Путешественник Е. П. Ковалевский и петербургские литераторы (1861—1868)	224
Т. М. Девель. Альбом фотографий миссии полковника Н. П. Игнатьева в Хиву и Бухару 1858 года	259
Архимандрит Августин (Никитин). Армянская христианская община в Петербурге	272
Н. А. Самойлов. Азия (конец XIX—начало XX века) глазами русских военных исследователей	292

CONTENTS

P. M. Movchanyk. On Memory of Yuri Maretin	5
A. G. Sazykin. The Journey Stories in Literature Tradition of Mongol Peoples	26
A. P. Terentyev-Katansky. Tangut Views on Nature (Based on Tangut Words)	36
V. P. Hrickevich. Belarusians and Lithuanians Contribution into the Asian Studies in XVI—beginning of the XX Centuries	52
V. G. Vasiliev, A. I. Zhirov, E. V. Maximov. Tūmen Diaries by L. P. Schubaev	66
O. G. Gerasimov. Over the Southern Jemen	81
Th. A. Shumovsky. A New Source on History of the Arabian Seafaring	102
N. G. Pchelin, M. I. Ozerova. French Sinologists J. Bouvé and A. Gobil	123
J. L. Kroll. B. I. Pankratov's Work on the "Yüan-ch'ao pi-shih"	132
I. A. Osnitskaya. D. A. Olderooge (Starting the Way)	151
S. I. Averbukh. Andrey Kovalevsky and his Research on the Volga Journey of Ibn Fadlan	161
M. A. Salahetdinova. Ibn Fadhlān's Voyage and one Muslim Custom among the Volga Bulgars	173
Art. D. Miklouho-Maclay. New Materials on N. N. Miklouho-Maclay and his Relatives	179
A. J. Massov. Correspondence between N. N. Mikluho-Maclai and Russian Foreign Minister N. K. Girs Concerning Military Preparations and Political Situation in Australia and Oceania	204
B. A. Val'skaya. Traveller Ye. Kovalevsky and Petersburg Authors (1861—1868)	224
T. M. Devel. Pictures by Colonel N. P. Ignatiev's Legation in Khiva and Bukhara in 1858 Year	259
Archbishop Augustin (Nikitin). Armenian Christian Community in St. Petersburg	272
N. A. Samoylov. Asia at the Turn of the XX Century as seen by Russian Military Explorers	292

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Вып. XXVIII

География. Этнография. История. Культура

*Утверждено к печати
Восточной комиссией
Географического общества
Российской Академии наук*

Макет подготовлен в
Центре "Петербургское Востоковедение"

Технический редактор — *О. В. Шакиров*
Набор — *Г. А. Кочугурова, Т. В. Чудинова*
Художник-ретушер — *М. В. Влякина*
Корректоры — *И. П. Сологуб, Н. В. Пивоваренок*
Выпускающий редактор — *Д. А. Ильин*

Издательство
Центр "Петербургское Востоковедение"
199161, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18
✉ Для корреспонденции:
195256, Россия, Санкт-Петербург, д/я 125

ЛР № 061800
Подписано в печать 10.02.94. Формат 60х90 1/16.
Гарнитура "Таймс". Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 20,5 п. л. Тираж 1 000 экз.
Заказ № 380

Отпечатано в ГППП-3. 191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 55

В серии

ORIENTALIA

в 1994 году

Центр "Петербургское Востоковедение"
выпустит в свет книги

В. Г. Эрман. Калидаса. Изд. 2-е, доп.

В качестве приложения к исследованию впервые публикуется перевод поэмы Калидасы "Род Рагу".

*М. Е. Кравцова. Поэзия древнего Китая: опыт
культурологического анализа.*

В монографии рассматриваются проблемы происхождения и начальной стадии китайской поэзии на материале двух основополагающих памятников: антологии "Ши цзин" и свода "Чуские строфы". В качестве приложения дана антология переводов древней и средневековой китайской поэзии.

*А. М. Куликова. Востоковедение в российских
законодательных актах.*

Монография представляет собой документированный обзор истории востоковедных исследований и учреждений в России с конца XVII до 1917 г.

А. Н. Ланьков. Политическая борьба в Корее XVI—XVIII вв.

Период с 60-х гг. XVI в. и до 30-х гг. XVIII в. — время борьбы "партий" — предмет увлекательного исследования молодого петербургского ученого.

и другие.

По вопросам приобретения и распространения книг
просьба обращаться по адресу:
195256, Россия, Санкт-Петербург, а/я 125

